

БОРИС КРИГЕР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 5

ТЫСЯЧА ЖИЗНЕЙ
(САМОРОМАН)
*ОДА КРИЗИСУ СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА*

© 2016 Boris Kriger

© 2016 Illustrations – Ira Golub

Редактор *Валентина Кизило*

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to altaspera@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫСЯЧА ЖИЗНЕЙ	3
ГРАЖДАНИН, ВАС ЗДЕСЬ НЕ СТОЯЛО...	8
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЧЕМУ Я ВСЕ ВРЕМЯ МЕЧТАЮ	12
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОЧЕМУ Я ВСЕ ВРЕМЯ ХВАСТАЮСЬ?	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КАК Я ВЛАДЕЛ МИРОМ	29
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. КАК Я ИЗОБРЕЛ ФОРМУЛУ БЕССМЕРТИЯ	38
ГЛАВА ПЯТАЯ. О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...	43
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПОЧЕМУ Я БЕЗУМНО ЛЮБЛЮ ЛЮДЕЙ	66
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОЧЕМУ Я УВЕРЕН, ЧТО ВСЕ ЛЮДИ СВОЛОЧИ	73
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. КАК Я ОТКРЫЛ, ЧТО Я «ВЕСЫ»	76
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПОЧЕМУ Я ДЕЛАЮ ЖЕЛАЕМОЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ	79
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПРОЧИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО МАТЕРИАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ	86
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	93
ВОЙНА СО ВРЕМЕНЕМ ЗАКОНЧИЛАСЬ НИЧЬЕЙ	94
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПОЧЕМУ Я ВОЗНЕНАВИДЕЛ ВРЕМЯ	94
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. КАК Я ДОВЕЛ ВРЕМЯ ДО БЕЛОГО КАЛЕНИЯ	99
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. КАК Я ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОБЕДИЛ ВРЕМЯ	104
МЕТАБОЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОЗРАСТНОГО УСКОРЕНИЯ ХРОНОПЕРЦЕПЦИИ В ПРОЦЕССЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГРЕССИИ	112
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. КАК ВРЕМЯ ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОБЕДИЛО МЕНЯ	125
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. КАК МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СО ВРЕМЕНЕМ ПЕРЕМИРИЕ	131
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. КАК Я СТАЛ ЭЙНШТЕЙНОМ, НО ПОТОМ ПЕРЕДУМАЛ	139
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. КАК Я ОБИДЕЛ МАТЕМАТИКУ	148
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. КАК МАТЕМАТИКА ОБИДЕЛА МЕНЯ	154
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СО ВРЕМЕНЕМ	159
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. КАК МЫ СОГЛАСИЛИСЬ СО ВРЕМЕНЕМ НА НИЧЬЮ	162

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	167
ПОД СЕНЬЮ ГЕОГРАФИИ ПРОСТРАНСТВ	167
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. КАК Я ВОЗНЕНАВИДЕЛ РОССИЮ	167
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. КАК Я ПОЛЮБИЛ РОССИЮ	174
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. МОЯ ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ	178
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАК Я ПОКОРЯЛ ВЕЛИКОБРИТАНИЮ	188
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. КАК Я ЛОБЗАЛ ГОЛЛАНДИЮ В ЕЕ ВЛАЖНЫЕ ПРОХЛАДНЫЕ ГУБЫ	196
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. МОИ ТРУДНЫЕ, НО СВЕТЛЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ПАРИЖЕМ	202
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. КАК Я ВТОРГСЯ В СКАНДИНАВИЮ	210
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. КАК Я ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ЖИЛ В НОРВЕГИИ	220
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. КАК Я ВЫПИЛ МОРЕ И ОБОСНОВАЛСЯ В КАНАДЕ	226
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. В СОСЕДСТВЕ С ТЕПЛЫМ ДЫХАНИЕМ АМЕРИКИ	237
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	250
В ХОРОВОДЕ БЛУЖДАЮЩИХ УМОВ	250
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ПРИЗРАК ЗАБЫТОГО ФИЛОСОФА	250
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. КАК Я ЖИЛ У СТАРИКА СОКРАТА	256
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. КАК Я ДРУЖИЛ С ДЕКАРТОМ	267
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОЧЕМУ СПИНОЗА НЕ МОГ БЕЗ МЕНЯ ЖИТЬ	278
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ	290
О ЧЕМ МЫ ВЕЧНО СПОРИЛИ С КАНТОМ	290
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ	303
ПОЧЕМУ МЫ ПОССОРИЛИСЬ С ШОПЕНГАУЭРОМ	303
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	316
ЧЕМ Я ПЫТАЛСЯ ПОДКУПИТЬ НИЦШЕ	316
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	333
ПОЧЕМУ МЫ С РУССО РЕШИЛИ НЕ ДЕЛАТЬ РЕВОЛЮЦИЙ	333
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	346
ЧЕМ Я НЕ УГОДИЛ САРТРУ	346
ГЛАВА СОРОКОВАЯ	358
КАК Я БЕГАЛ ПО ЛЕСНИЦЕ МАСЛОУ	358
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	365
МОЕ ПРОСТОЕ РЕМЕСЛО	365

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ	365
КАК Я СТАЛ ПОЛОМОЙЩИКОМ	365
ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ	371
КАК Я ВРАЧЕВАЛ СТРАЖДУЩИХ	371
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ	378
КАК Я СТАЛ АСТРОНОМОМ	378
ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ	391
КАК Я СТАЛ ПОЭТОМ	392
ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ	398
КАК Я СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ	398
ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ	406
КАК Я СТАЛ ФИЛОСОФОМ	406
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ	445
КАК Я СТАЛ МИЛЛИАРДЕРОМ	445
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ	451
КАК Я СТАЛ НИЩИМ	452
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ	459
ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ ДЕНЬГИ	459
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ	469
ПОЧЕМУ ДЕНЬГИ ЛЮБЯТ МЕНЯ	469
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	476
ВЫМЯ ВАВИЛОНСКОЙ КОРОВЫ	476
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ	476
КАК Я ПОСОРИЛСЯ НАВЕК С РУССКИМ ЯЗЫКОМ И ИЗОБРЕЛ СВОЮ ПИСЬМЕННОСТЬ	477
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ	489
КАК Я СТАЛ НАСТОЯЩИМ ЕВРЕЕМ И НАКАЗАЛ СЕБЯ ИВРИТОМ	489
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	497
ОТ СЧАСТЬЯ БЫТИЯ К СЧАСТЬЮ НЕБЫТИЯ	497
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ	498
МОИ СМЕРТНЫЕ ГРЕХИ	498
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ	501
БЕСТЫЖИЕ ГЛАЗА ЛЕНИ	501
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ	504
ИДОЛЫ ВОЖДЕЛЕНИЯ И ОБЖОРСТВА	504
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ	508
КУПЕЛЬ УНЫНИЯ И ТОСКИ.	508
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ	512
В ДУХОТЕ ЖАДНОСТИ И ЗАВИСТИ	512

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ	513
В ПЛЕНУ ГОРДЫНИ И ТЩЕСЛАВИЯ	513
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ	515
ПОСТУПЬ ГНЕВА И ЖЕСТОКОСТИ	515
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ	522
В ЗАМКАХ ВЛАСТОЛЮБИЯ И НАДМЕННОСТИ	522
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ	523
КАКАЯ ВСЕ-ТАКИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ШТУКА СМЕРТЬ	523
ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ	531
КАКАЯ ВСЕ-ТАКИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ШТУКА ЖИЗНЬ	531
КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ	533

ТЫСЯЧА ЖИЗНЕЙ
САМОРОМАН
ОДА КРИЗІСУ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Гражданин, вас здесь не стояло...

(Вместо предисловия)

Словно из черноты небытия прорвавшись в толпящейся массе отживших и еще не живших душ, моя душа смотрит в узенькую щелку, через которую виден безграничный мир с гулкими сводами созвездий. Я хочу лететь туда, к ним, я хочу пропускать через себя все магическое счастье бытия, подаренное моим чудом проклюнувшимся наконец сознанием. Но чужие души наступают мне на пятки, недовольно волнуясь и шипя мне: «Гражданин, вас здесь не стояло», и пытаются оттеснить меня туда, в тоскливый шепот небытия, в скучную обитель сумрачных духов.

Я тороплюсь. Я очень тороплюсь, пока есть эта маленькая щелка, связующая меня с миром. Я встаю на цыпочки и не дыша впитываю в себя все, что может успеть впитать ничтожная моя поспешность.

Увы, это правило любой жизни – проходить, не задерживаясь... Это правило, которым регулируется тонкошей мир, грациозно склоняющий свою голову на мои колени. Мы с ним равны, потому что я капля, отразившая в себе весь мир, и поэтому являюсь его полноправным, хоть и несмелым эквивалентом.

У меня просто нет другого выхода, как только прожить тысячу жизней. Сто – будет мало. Миллион – не успеть. А тысячу – в самый раз.

Нажиться – это вам не наесться. От жизни живот не болит и в сон не клонит...

Я, по всей видимости, честно выстоял в очереди к щелке с видом на настоящую вселенную, и теперь, пожалуйста, не толпитесь, товарищи. Дайте мне отстоять свое время, получить, так сказать, по отбитому чеку. Не наступайте мне на пятки. Я все равно вцепился мертвой хваткой и не разожму сведенных судорогой пальцев.

Ну вот, за спиной, кажется, успокоились, и у меня выдался редкий, возможно, единственный момент жить свою тысячу жизней. Только быстро. Очень быстро – пока не отобрали.

Сознание работает спокойно. Так бывает на высоте прыжка: еще не время вниз, но и выше уже не подняться. И тогда осматриваешься по сторонам так, как будто нет обрюзгшей гравитации.

Я осматриваюсь и вижу континенты и острова, морские пучины множатся в моих зрачках и делают их парадоксально голубыми.

Истерика закончилась. Пыл борьбы с толпой, что за моей спиной, рассыпался в прах. Теперь я парю над миром, одетый по-простому, в свою невзрачную удобную домашнюю одежду. И мне все равно. Я спокойно начинаю жить всю свою тысячу жизней, аккуратно доставая их из пакета в коричневой промасленной бумаге советских времен.

Я наивно полагаю, что все дело в географии, и перемещаюсь из жизни в жизнь, поспешно меняя меридианы. Потом я думаю, что дело в языках, и я впиваюсь в вымя вавилонской коровы, из которого жадно высасываю молоко индоевропейских корней и даже иероглифических знаков. Далее я думаю, что дело в философских и космологических теориях, и верю то одной из них, то другой, и наконец я понимаю, что дело еще и во мне самом, в бездонном колодце моего мироздания, отразившего в себе мир и ставшего оттого самим этим миром.

Впрочем, я прав, дело и в географии, и в языках, и в теориях, и во мне самом.

Природа спокойно сторонится и дает мне пройти. Пройти туда, где переплетаются самые ее глубокие корни.

У меня нет времени жить тысячу жизней по одной, неторопливо рассматривая их загнутые, как в читанной на ночь книжке, уголки.

Я живу жизни сразу пачками, выхваченными из всей тысячи жизней, одновременно, как пробовал курить пачку сигарет несчастный в своих страстях волк из мультика «Ну, погоди!». Я соблюдаю некоторую очередность, не отдавая предпочтения ни одной из жизней, но и не уступаю упрямому соблазну просто лечь спать и предаться мутным сновидениям.

Вот появляются на горизонте новые жизни – в них тайны движения, переходящего в танец, в них скупость романтики, поделенной на формулу обвораживающего спокойствия духа.

Я принимаю и их, мои жизни усаживаются рядами по обе стороны бытия и тихо внимают моим настойчивым увещаниям. Нам хорошо. Мы одна веселая компания – я и моя тысяча жизней...

Часть первая

Глава первая. Почему я все время мечтаю

Дело в том, что многие мечтают постоянно. Просто иногда они этого умудряются не замечать. Желаете пример? Извольте:

– Вот я пойду сейчас, открою холодильник и наверну ложку салатика, того, что остался от вчерашнего молниеносного посещения гостей. Как хорошо, что я некоторым образом им нахамил и они отчалили внезапно, а салатик остался... – думают одни.

– Вот я выйду на улицу сегодня в булочную за хлебом и встречу любовь всей моей последующей жизни, с такими свойствами и прочими подробностями – просто закачаешься, – мечтают другие.

– Вот я приду сегодня на работу, вызову начальника в туалет на деловой разговор и так ему заеду по зубам, что ему мало не покажется... а там хоть трава не расти... – безутешно мечтают третьи.

Я, конечно, мечтал и про салатик, и про любовь всей своей жизни, и про заехать в зубы. Но это все мечты мелкие и оттого, как это ни удивительно, неподатливые. Может быть, мечта насчет любви всей своей жизни и не мелкая по сути, но с булочной она сочетается не очень. Не топографически, конечно, а эмоционально. Ну, а остальные мечты из списка и вовсе незначительные и иллюзорные. То есть, если кто-

то до тебя в холодильнике похозяйничал — то и нет больше никакого в нем салатика. А если кто-то до тебя в булочную сбегал или накануне в подворотне твоему начальнику зубы выбил (не по производственным причинам, конечно, а по социально-бытовым, без всякого идейного контекста, а-ля: «Эй, дед, дай закурить! Ты чо, не поал?») — значит, кончилась твоя мечта, практически не начавшись. Непорядок.

Когда я указал в названии главы, что я все время мечтаю, я имел в виду не этот сорт грез, результатом которых является быстро проглоченный салат, невстреча любви всей своей жизни у булочной или так и не выбитые вами зубы начальника.

Есть и иная страна грез, более возвышенная, чем указанные выше материальности. В ней пребывают преимущественно в детстве и в прозрачной, едва проклюнувшейся юности, когда еще свежо все, и тянет туда, вверх, к безоблачным просторам над облаками. Эти мечты невыразимы и неописуемы и, видимо, имеют ту же природу, что и дыхание морей или почти неслышные отголоски отчалившей грозы... Такие возвышенности я называю Альпами Грез, ибо они так же блистательны, как вершины этих воистину незаменимых для Европы наших душ гор! Они весьма сродни чистым и спокойным снам, которые случаются с нами нечасто, а потому есть вещь неуловимая и столь сложно поддающаяся описанию.

Говоря о своих мечтах, я не имел в виду эти восхитительные полеты воображения. Увы,

случаются они нечасто и с возрастом вовсе остаются на задворках памяти высохшим осиновым листком детства, забытым голосом прошлого столетия, которое было явью буквально на днях, но теперь выветрилось, как запах заморских парфюмов – внезапно и безвозвратно.

Для меня отношение к мечтам описывается удачной фразой одного весьма знаменитого писателя бразильского происхождения – Пауло Козльо, который как-то сказал: «Лишь возможность осуществления мечты уже делает жизнь интересной».

Есть люди, которые добиваются поставленных перед собой целей и потом полностью теряют к ним интерес. Встречаются и такие, которые теряют интерес к возможным достижениям еще на уровне мечты. Помечтал и бросил... Как будто если в мечтах достиг чего-то, то и этого достаточно. Не откажешь в рациональности такой экономии сил...

Мои мечты имеют совершенно иной характер. Они размечены, как логарифмическая линейка. Я ставлю цель, которая сначала вырисовывается неясно, далее все четче и четче. Когда цель ясна, я начинаю заполнять промежуток, отделяющий меня от поставленной цели, подробностями, таким образом формируется вполне совершеннолетняя упитанная мечта.

В самом деле, большинство проблем человека связаны с его мнительностью, нерешительностью и взволнованностью. Я страдаю этим в той же мере, как и все. Просто так случилось, что в моем

случае я настолько мысленно как бы отделен от себя самого, что могу спокойно наблюдать свои мечты и пути их достижения, так, как если бы я читал книгу о совсем другом человеке. Это снимает лишнюю эмоциональность и таким образом позволяет лучше ставить задачи и более трезво рассчитывать пути их достижения.

Другое преимущество подобного стиля мечтания состоит в том, что можно, осмотревшись, легко выбрать более или менее стоящее направление. Дело в том, что мы все время мечемся по жизни, как пригоршня муравьев, которую бросили на незнакомый им садовый стол. Конечно, побывавшие в пригоршне муравьи, как правило, уже настолько помяты, что им не до метаний... Они начинают судорожно суетиться и бегать — по большей части бесцельно, хотя в каждый момент, глядя на такого муравьишку, можно подумать, что он точно знает, куда бежит. Бывало, придешь через два часа, а они все по тому же столу бегают. Глаза навывкате, слюнка от голода капает... Жаль смотреть.

Не лучше ли остановиться и попробовать представить себе этот гигантский садовый стол, на который нас всех выбросили пригоршней и который именуется жизнь? Во-первых, осознать, что это стол и ничто другое и что если приблизиться неосторожно к краю, можно свалиться и покалечиться; представить себе также, что это за стол, что может на нем быть, чем можно полакомиться перед спуском, где у него должны располагаться ножки и как можно

будет с него спуститься, чтобы наверняка попасть назад в муравейник, именуемый царством моей души, а не в чужой муравейник, куда, как водится, со своими псалмами не лезут...

То есть в примере с муравьем я бы посоветовал ему, прежде чем бежать, поразмыслить: чего он, в сущности, хочет? Просто поставить как данность ту цель, к которой он хотел бы приблизиться, вместо того, чтобы наматывать бессмысленные круги, тратя угасающие силы на хаотичный бег.

Да, мы не в силах противостоять великой руке, бережно швыряющей нас пригоршнями, как сеятель разбрасывает зерна. Но мы в силах осознать движение этой длани и попытаться понять и представить себе в целом ту местность, в которую нас занесло.

Позвольте проиллюстрировать сии размышления короткой притчей.

На одной небольшой, но очень респектабельной помойке копошилось четырнадцать медведей (такие случаи, сколь бы они ни казались фантастичны в наш обезживоченный век, имеют место в некоторых диких местностях Земли, куда пришли уже человеческие помойки, как первые и единственные признаки цивилизации).

Молодой Медведь был одним из этих медведей, и никаких шансов записаться в «приличные люди» у него не было. Время шло, и ничего в мусорнике не менялось. Главный самец, жирный медведь Измаил Потапович обладал мордой, не оставляющей никаких сомнений в

том, что он может неожиданно и без видимой на то причины, как это всегда бывает у медведей, весьма крепко цапнуть, возможно, даже со смертельным исходом, разумеется, в отношении цапнутого. Измаил Потапович брал себе самый жирный мусор, а другим оставлял ошметки от того, что сам поедал и разбазаривал, на вид совсем уж неаппетитные.

Ну какие у Молодого Медведя были шансы выбраться из эдакого статуса помоечного медведя и стать приличным обитателем дикой непоруганной природы? Сказать по совести – шансов не было никаких.

А вот этот Молодой Медведь поставил себе простую и ясную цель – забраться в те леса, где воздух еще не отравлен запахом помоек, где лосось, идущий на нерест, блестит серебром чешуи и кажется не просто добычей удачной

рыбалки, а сказочным воплощением самых сокровенных мечтаний, кроющихся в гусином пухе недр наших душ.

Молодой Медведь поставил себе эту простую и ясную задачу, ясность которой отнюдь не делала ее более достижимой. Но, по крайней мере, Молодой Медведь четко знал, чего он хочет и куда стремится.

Однажды выдался случай, и когда все другие медведи устало «пировали» остатками от остатков, Молодой Медведь забрался в кузов грузовика, едущего на север, и сошел с него лишь на той счастливой остановке, когда кругом уже высились свежие леса, влекущие влажностью хвои.

Так Молодой Медведь стал вольным жителем неосвоенных просторов чащ, где на одного медведя приходится пять гектаров нетронутых угодий и где веселая игра-охота и бесшабашное счастье идут под руку с малиновыми полянами и лакомствами серебристой лососевой реки его души.

Поверьте, существует весьма ощутимый парадокс: многие полагают, что в делах душевных, например, не должен присутствовать рационализм. Это слишком плоское видение вопроса.

Как высказался на днях современный философ Alain Finkielkaut на страницах журнала *Le Figaro** : «Notre société est toujours plus rationnelle, mais aussi de moins en moins raisonnable» – «Наше

* Le Figaro Magazine # 1307, 12 ноября 2005 года, стр. 62.

общество становится все более и более рациональным, но вместе с тем все менее и менее разумным».

Я считаю, что рационализм, когда он применяется с целью осуществления стремлений чувств, еще более рационален, чем холодная взвешенность и расчетливость, поставленная на службу самой себе. Когда человек следует такой расчетливости — он достигает ее холодных стальных целей и потом воет на черные стены своего одиночества.

Примером разумного применения расчетливости на службе чувств может служить такая ситуация. Допустим, я безумно люблю одного человека, но нет никаких шансов нам быть счастливыми вместе на этом свете. Можно рыдать и упиваться трагическими четверостишьями, написанными второпях на зашмыганных салфетках. А можно просто трезво подумать: чего я хочу? Нарисовать себе эту ясную и четкую картину. А потом по кубикам, как маленькое царство детского конструктора, выстроить шажки-ступеньки достижения своей мечты. Ну и что, что на первом же шаге встречи с реальностью все обстоятельства окажутся совсем не теми, какими ты их себе представлял? Вообще жизнь поражает многообразностью сюрпризов. Вот уж у кого не ограниченное никакими финансовыми средствами воображение... Ничего, что все окажется не так. Достаньте опять свою мечталку, покрутите ручку, как на шарманке, — и вот, пожалуйста вам, новая корректировка планов.

Не надо смотреть на окружающих. Они заняты, и если вы не очень будете им досаждать, они вам не станут мешать. У них просто нет на это времени. А когда они обернутся – ваша мечта станет уже свершившимся фактом, который гораздо легче принять, чем с ним бороться, тем более что бороться уже будет поздно.

Я бы сказал, что найти и обрисовать себе эти цели подчас гораздо сложнее, чем их достичь... У нас так много ложных идеалов, навязанных нам родителями и прародителями, тягучими школьными часами и дремучими отношениями со сверстниками. По сути дела, если отбросить все, что навтыкало в нас общество, от нас не останется ничего, кроме одинокого каркаса души, мало пригодного даже для того, чтобы зачерпнуть черную тягучую пустоту, оставленную, наверняка именно для этой цели, между звездами. А зачем еще нужна эта бархатная чернота, как не затем, чтобы черпать ее каркасами душ?

Как это ни парадоксально, самым сложным становится обрисовать эту самую мечту, в которую следует поверить и к которой стоит стремиться. Как это верно, что в мире мало вещей, для достижения которых действительно стоит тратить бесценные минуты нашей скоротечности! Не продешевите. Смотрите в глаза судьбе спокойно и не взволнованно. Ведь такая лишь малая малость связывает вас с этим малознакомым человеком, именуемым вами «я».

Нам воистину нечего терять... Так поставьте перед собой задачу не продешевить. Не

размениваться на мелкие ничтожные торшеры, которые стоит наконец купить и поставить в угол в гостиной, и жизнь тогда уж точно наладится, и все как-то образуется в наилучшем виде вокруг этого самого источника света. Увы! Единственное, что там образуется, – это кладбище несчастных насекомых, летевших на огонек, а получивших смертельный ожог сердца... Вы скажете, у насекомых нет сердца? Я не помню. Возьмите и посмотрите энциклопедию, если вам интересно... Если вы заметили, я говорил не об этом...

Ну, а если вы не заметили, то доедайте свои салатики в холодильниках, встречайте любви всех своих жизней у булочных и выбивайте в своих трепетных мечтах зубы несчастного начальника, тоже мечтающего под одеялом в квартире на другом конце города, увы, не погладить вас по головке... Позвольте же мне делать так, как я теперь уже привык: поставить цель, поняв, что мне действительно надо, и вперед – строить кубиками мосты, связующие мечту с реальностью, как бы ни было ветрено вокруг этой наспех расставленной детской игры, которую мы именуем «жизнь».

Глава вторая. Почему я все время хвастаюсь?

Вы знаете, когда-то очень давно Земля была совершенно дикой. По ней ходили огромные необузданные динозавры, и людям в те времена на Земле было делать еще нечего, потому что

динозавры кусались, а когда тебя кусают – это вредно для здоровья.

Не давайте себя кусать! Я вам ответственно заявляю, что давая себя кусать, вы поддерживаете эту неприличную привычку и, таким образом, множите количество кусающихся (я это серьезно).

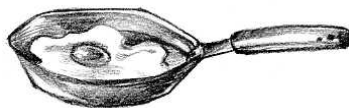
Так вот, одного из динозавров звали Хвастозавр, то ли потому что он был самым хвостатым, то ли потому что все время хвастался. Он бегал по Земле и ко всем приставал:

– Посмотрите какой у меня хвост! – или:

– Посмотрите как я умею бегать! – или и того хуже:

– Посмотрите, какой я заметил на небе астероид! Ой, он, кажется, падает! Ой! Ай! Бум! Бляц! – Кончилась эра динозавров.

Однако, к счастью, Хвастозавр успел отложить одно яйцо. И вот через шестьдесят миллионов лет я нашел его в гулкой
звучной пещере,
утыканной
сталактитами, – нашел и
сделал себе яичницу.

Так я стал хвастуном.

Возможно, вы не замечали, но хвастовство движет миром. Вы думали, деньги движут миром? А зачем нужны деньги, если не перед кем похвастаться: «Смотри, какой я богатый!»

Так вот, хвастовство, как ни неприятно это может быть некоторым, движет миром. Хвастовство – это энергия в чистом виде, которая заряжает хвастающегося!

Энергия, движение, созидание — вот они, орудия, которыми мы обороняемся от смерти, от скучной тоскливой смерти, ползающей по углам и только и ждущей, чтобы силы покинули нас... И тогда-то она и вступит в свои законные владения, доказывая в несчетный раз бренность плоти и напрасность любых устремлений. Хвастаясь, мы побеждаем смерть, потому что, что бы ты ни делал, это лучше, чем скромно сидеть сложа руки и ожидать засаленный локомотив, идущий в провинцию под названием Никуда.

Для меня хвастовство есть самореклама этого движения и созидания. Я черпаю в хвастовстве энергию для продолжения своих усилий.

Говорят, что хвастовство — признак неуверенности. Пожалуй, это правда. В хвастовстве я ищу поддержку своим начинаниям, которые обычно вначале кажутся настолько взбалмошными, вверхтормашечными и не от мира сего, что мой здравый смысл (находящийся у меня под постоянным домашним арестом) просто выходит из себя. А супер-здравый смысл (который у меня в чести), чтобы как-то оправдаться и успокоить своего собрата — хвастается, ища поддержки у других... Потому что без хвастовства поддержки и похвалы не дождешься.

«Порок не в нарядах, а в хвастовстве», — говорит другая народная мудрость. Конечно, народу не нравятся хвастуны. Ведь недаром кто-то сказал, что людям не нужно быть богатыми, им важно, чтобы никто не был богаче их. И это

касается не только материального богатства. Это относится и к жизни духовной, без которой душа сохнет и крошится мелким мусором, изнашиваясь быстрее, чем это предусмотрено небольшой этикеточкой, пришитой к каждой из душ: «Стирать при температуре не выше 40 градусов». Одна сорокаградусная промывка душ не придает достаточного смысла существованию. Конечно, можно быть самодостаточным. Можно вообще быть кем угодно и даже не пользоваться мылом из какого-нибудь идейного протеста, например. Но мне нужна эта энергия поддержки, и я ничего не могу с собой поделать. Я покупаю эту поддержку за деньги. Я нанимаю людей обсуждать мои планы. Тогда они вынуждены слушать меня. А что поделаешь? Заплатили – сиди теперь слушай...

Давайте углубимся в анатомию хвастовства. Трудно поспорить, что хвастовство иногда бывает милым, в стиле мурлыканья кота Матроскина из серии мультфильмов «Простоквашино»: «А я еще и на машинке умею...». Я стремлюсь к такому хвастовству, но чаще всего люди не видят во мне кота, а видят угрозу их идеалу, образу жизни и т.д. Когда я невинно сообщаю, что начал учить китайский, и ожидаю услышать что-то вроде: «Это очень верно. Как можно не обращать внимания на язык и культуру одной шестой (если уже не одной пятой) части человечества?», я получаю от бесплатного слушателя: «Боря, тебе что, совсем делать нечего?», а от платного – заискивающее поддакивание в стиле: «Борис очень умный». Ну,

что же, мне с собой только общаться теперь? Вот я и решил написать эту главу не только для того, чтобы лишний раз похвастаться тем, как я замечательно хвастаюсь, а чтобы показать всем, как же меня надо при этом слушать и что надо отвечать. А то многие в растерянности думают, что я над ними издеваюсь. Нет. Мне совсем все равно, что некоторые люди из всех языков, которыми владеют, могут похвастаться только изощренно матерным. Все, что нужно моему заточенному под домашним арестом здравому смыслу, – это услышать, что его хозяин (то есть я) еще окончательно не спендрил с ума. Вот другие полагают, что они люди положительные, поскольку не хвастаются. Однако кто-то сказал, что «охаивание других – замаскированное хвастовство», и это очень верно. А кто не грешен охаиванием других? Я сам грешу... Иной раз уважаешь философа или мыслителя, а как начнешь говорить, такой сарказм прет, что вроде как и не уважаю. Или политик, скажем, действует в сонаправленном моим зыбким убеждениям ключе, а тоже хочется покритиковать. Вот и получается, что сам я всех охаиваю, и в этом, в общем, не прав.

Еще Станислав Ежи Лец говорил: «В рог изобилия громко трубят. Наверное, он пуст». Возможно, и это верно.

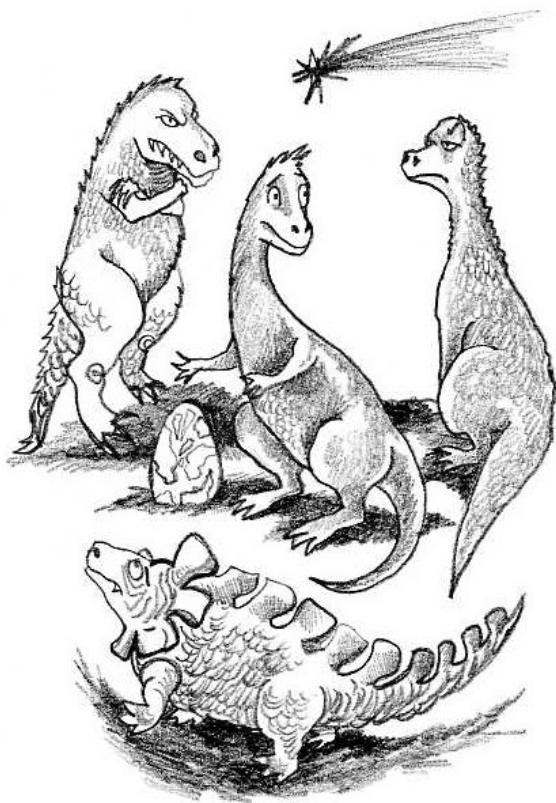
Поскольку иногда достаточно достигнуть определенного результата только в мечтах, чтобы получить полное удовлетворение и перейти к достижению совсем других целей в реальности, пожалуй, мой рог изобилия иногда бывает пуст... Но мы ведь не белки? Сколько можно хвастаться своими запасами орехов на зиму?

Я хочу сказать, что очень многие хвастаются, сами не подозревая, что замешаны в этом неблагородном, по их мнению, занятии. Как верно отмечалось, «если кто-то говорит о себе плохо – не верьте: он просто хвастается». Самореклама ведь людям очень нужна... Даже если она принимает негативные окраски.

Возможно, мое определение хвастовства слишком расплывчато. Вернувшись к пыльным классикам, читаем изречение Пифагора Самосского: «У хвастунов так же, как и в позлащенном оружии, внутреннее не соответствует наружному». Пожалуй, тут путаются два понятия: хвастовство и привирание. Для меня это абсолютные различия. Я думаю, со времен Пифагора Самосского хвастовством стали считать гораздо больше поступков и слов, чем в слегка наивные аттические столетия... Мое определение хвастовства не соответствует и Пьеру Буасту: «Хвалиться – значит без всякой учтивости говорить другим: я лучше вас»; я не ставлю прямой цели показать человеку, что я лучше него. Я приглашаю обсудить рациональность (или высшую, если хотите, рациональность) своих увлечений или поступков. Воспринимается

же это чаще всего неверно, ибо, как говорится: «Не демонстрируй людям свое счастье — не отравляй им жизнь!» А демонстрация моих идей и увлечений воспринимается другими как признак моего безоблачного счастья, а подчас, не дай Бог, праздности, без некоторой толики которой, по совести говоря, никакого настоящее счастье, пожалуй, и невозможно.

Я очень редко вру, почти не привираю и разве что иногда приукрашиваю, но и то не из-за своего стремления расправить павлиньи перышки, а для того, чтобы привлечь внимание

слушателя. Я не вру, потому что то, о чем я говорю, обычно настолько не от мира сего и фантастично, что если бы я еще и врал, то какая-либо ценность такого разговора для меня бы утратилась. Ведь объясняя свое

несогласие с Иммануилом Кантом уборщице,

приходящей раз в неделю не столько прибраться, сколько прокурить мой дом и попить чаю с ванильными сушками, я работаю, делюсь своими мыслями, и мне неважно, кто сидит передо мной – Платон или Платоныч из местного ЖЭКа.

Поскольку многим людям было бы неприятно сознавать, что я им плачу за то, чтобы они выслушивали мое хвастовство, я устроил в подвальном этаже своего дома самый настоящий бар, заманиваю туда иногда ничего не подозревающие души и пою их пивом, а порой и кое-чем покрепче. Выбор напитков у меня больше, чем в любом обычном баре, потому что я, к своему удивлению, сам теперь практически не пью, а гостей – жертв моего хвастовства у меня бывает немного. Угощенный гость обычно благосклонен. Я всегда пользуюсь моментом, чтобы поведать либо о своем взгляде на тотальное переустройство мира, либо о своих представлениях об эволюции старонорвежского языка.

Так вот, как-то захаживал ко мне мой дорогой друг – Марк Твен. После третьей кружки пива он загреб полную пригоршню соленых орешков и хрипло сказал мне: «Не шуми, шум еще ничего не доказывает. Курица, которая снесла яйцо, порой кудахчет так громко, словно снесла целую планету!»

Хорошо, хорошо. Я поднатужусь и снесу планету, при этом приглушенно кудахтнув так, как будто снес всего лишь яйцо... Я буду скромным.

Бедный Хвастозаврик... Он так хвастался, когда снес свое яйцо... А я сделал из этого доисторического яйца вполне прозаическую современную яичницу и теперь обречен бегать по Земле и спрашивать всех встречных и поперечных: «Вы видели, какой у меня замечательный хвостик?»

Глава третья. Как я владел миром

Хорошо владеть. Неважно чем. Например, пылесосом. Им можно сосать пыль. Что может быть более занимательно в воскресный вечер? Можно владеть телевизором и наблюдать, как клоуны дурачатся перед клоунами и все вместе весело смеются в перерывах между репортажами о ставших рутиной терактах. Можно владеть собой. Сидеть и пыжиться, как резиновый ежик на игрушечном горшке в детском саду. Я же предпочитаю владеть миром. Всем без остатка, и немножко чем-нибудь еще.

Многие владеют только малой частью мира. Вот паучок, например, – полноправный хозяин в своей паутинке. Он точно знает, где у него припрятаны его паучковые вещички. А вот капля, например, владеет всем миром сразу, ибо отражает его целиком.

Как-то один паучок шел, шел и встретил каплю. Капля ему говорит:

– И не скучно тебе сидеть в своей паутинке? Какая ж должна быть у паука зарплата, чтобы он

согласился променять восторг полета на скуку затхлого угла?

– При чем тут скука? – отвечает ей паук. – Надо терпеливо ждать, пока прилетит муха, потом заморочить ей голову паутиной и съесть. Такова жизнь, и нечего тут скучать.

– А мне было бы скучно сидеть в пыльном углу и охмурять мух... – улыбнулась капля.

– Да, но ты едва появилась из облачка, и все, что тебе дано, это

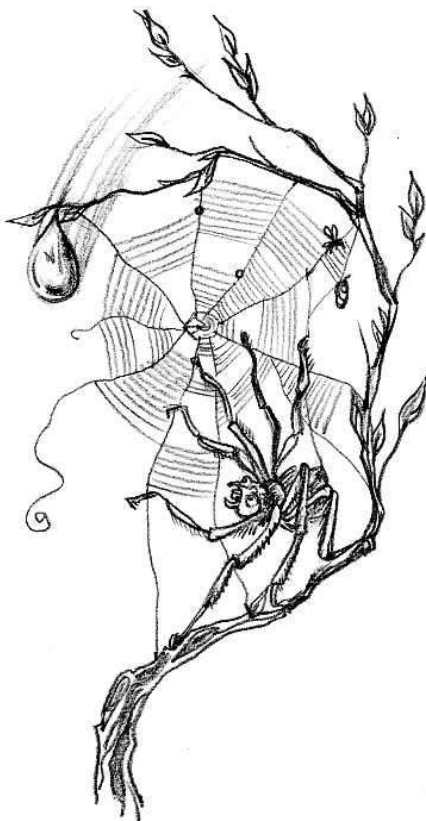
головокружительный полет... а дальше сольешься ты с прочими, извините за выражение, сточными водами... Ну, и в чем здесь смысл? –

попробовал досконально

разобраться паучок,

благо времени для подробного анализа у него было предостаточно, поскольку беспечных мух на горизонте не предвиделось.

– Смысл в том, что в миг своего полета я отражаю в себе весь мир и тем самым как бы им владею... – ответила капля.

– Глупости, – завозражал паучок, но капля его уже не слышала, она полетела, сдутая ветром, в свой головокружительный, пусть и последний полет. Капли – это не только то, что вы закапываете в нос, чтобы зачем-то усилить и без того интенсивное при насморке соплеотделение. Капли – это не то, что вы капаете в стакан, чтобы отвлечь внимание скучающего за плечами инфаркта. Капли – это не то, что так ценит алкаш, поэтически обвив ладонью исхудалую чекушку.

Капли – это единственное средство хоть на миг отразить в себе этот мир, даже со светом самой что ни на есть далекой таинственной галактики, и слиться с неразрывным потоком вод, несущимся к дышащим влагой безднам.

«Не бойся медлить, бойся остановиться», – молвит китайская пословица, и я не тороплюсь, но не останавливаюсь.

Еще в детских своих играх я себе воображал некую систему, которая могла ответить на любой вопрос, найти и предоставить любую книгу, любой фильм, любой факт. Это было предчувствие современности. Возможно, вам неинтересна поэтика интернета. Пожалуй, вы будете правы, заявив, что нет ничего прозаичнее, чем интернет. Но, поверьте мне, мы даже на йоту не используем то, что он может нам позволить. Нам просто это не приходит в голову. Мы пока не понимаем, какая польза нам знать вещи, которые раньше были доступны только Всевидящему.

На днях мне кто-то брякнул через ICQ – мол, давай поговорим. Ну, думаю, давай. Оказался китаец из Китая. Я сначала не поверил и выдал весь свой словарный запас на китайском, состоящий пока из одной фразы:

我想要吃餐

во щян яао чы фан

что значит: «Я хочу есть». (Я ему сразу свой словарный запас весь и выдал. Говорит: «Ты чего-то есть хочешь». Я пришел в легкий восторг – впервые в жизни поговорил на китайском. Думаю, это надо отметить.

Китаец мне говорит, что он, мол, студент. Я спрашиваю: «Где?» Он отвечает названием какого-то учебного заведения в дебрях Южного Китая. Я тут же нахожу в интернете все про город, в котором он живет, про заведение, в котором он учится. Рассматриваю фотографию их главного учебного корпуса. Через минуту отвечаю: «Ты, что ли, учишься в колледже, у которого крыша красная?» После минутного молчания получаю растерянный вопрос: «Ты что, бывал в нашем городе?» Далее я и вовсе довел его до опупения подробностями о местных достопримечательностях... Он быстро исчез, как только я заговорил об их Мао... Наверно, подумал, что я из их тайной полиции...

Разве это не владение миром – в считанные секунды переноситься в пространстве и знать то, что раньше мог ведать только Всевышний?

А как вам нравится наша способность пронизывать время?

Бабушка моя рассказывала о своих детских переживаниях... Чувство, что прошлое и теперь существует где-то совместно с настоящим, по-видимому, связано с тем, что оно действительно остается существовать в нас. До поры до времени, до поры до времени... Ни молодые наши родители, ни недоигранные детские игры – ничего не пропало. Оно живет и теплится в нас. Пока мы заняты будущим или азартно увлечены происходящим, эти воспоминания как будто бы забыты и отсутствуют... Но с возрастом они все больше места отвоевывают в наших мыслях и снах. Вот почему жизнь кажется столь многопластовой, вот почему нам все время кажется, что ничего не ушло, все осталось и дожидается в нашей памяти, чтобы быть досказанным, доигранным, доосознанным. И эта недосказанность всегда живет в самых что ни на есть хрупких мелочах. Моя бабушка как-то до картинной точности описывала красный диван в деревне, на котором она года в четыре, а может, в семь, проплакала пятно, чтобы родители ее там не оставляли у своих родственников. Ее не оставили, но как ярко через восемьдесят лет ей помнился этот диван и что лаяли собаки! И эти собаки, и этот диван продолжают существовать уже в моей жизни, путь несколько видоизмененные, но в сущности все те же, вот

уже больше ста лет после этих детских слез, проплакавших пятно... Мы даже в малой мере не осознаем, в какой огромной степени влияют на нас эти невзгоды прежних эпох... Например, пережитые моей бабушкой еврейские погромы руководили всей жизнью моей, ее внука, и я до сих пор бегу и прячусь, страшась грубого стука в дверь по ночам, и мой сынишка, наверное, тоже будет немного бояться, и так сквозь поколения идет эта страшная память о звериных уродах, громящих наши дома... Я думаю, что антисемитизм зиждится именно на звериной основе... Как и любой биологический вид, люди расщепляются на расы, которые угрожают при долгой изоляции отпасть от основного вида... Конечно, в современном глобальном царстве такого не случится, но живет в некоторых людях буквально физиологическая потребность уничтожать чужого... и в этом и есть неискоренимость и сила антисемитизма, как и любой другой разновидности расовой нетерпимости...

Вот как я заглянул на сотню лет назад через интернет. О гимназии бабушка рассказывала немного, разве что маленькие мелочи, — что завтрак стоил две копейки и что от уроков по Закону Божию ее освобождали, и она гуляла, пока другие учились. Однако, когда Государь Император проезжал Кишинев, бабушку тоже включили в хор гимназисток и она пела «Боже, царя храни...». Я помню ее, старенькую, стоящую в моей комнате и поющую для меня эту запретную в коммунистическую пору гордую

мелодию, которая значила для России так много...

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, царя храни!

Конечно, она не помнила всех слов, но как странно было это смешение чувств бабушки – еврейки, чуть не погибшей в погромах, сорок лет замужем за дедушкой – ярым коммунистом, который умер за пять лет до моего рождения, поющей «Боже, царя храни...» с

наворачива
ющимися
на
изничтожен
ные
катарактой
потускневш
ие глаза
слезами.

Она пела
свое

детство, и
снова перед ней проходил поезд с Государем
Императором, дул ветерок, и они, юные
гимназистки, пели величественные слова в честь
великого властителя всея Руси... Эти
сумасшедшие сочетания чувств знакомы и

нашему поколению вечных изгоев, для которых Россия навсегда осталась страной нашего детства и юности, которую мы любим, несмотря на все ее убожество и неизбывную ненависть к нам...

Я не знаю точно, когда бабушка гимназисткой участвовала во встрече Государя Императора, но вполне возможно, что это было в 1914 году... Наверное, это было 3-го июня, до начала Первой мировой войны оставалось чуть меньше двух месяцев, а вместе с ней и до конца всей довоенной России (эта война длилась 4 года 3 месяца и 10 дней (с 1 августа 1914-го по 11 ноября 1918-го)).

Я нашел в интернете описание этого дня в дневнике самого Николая Второго!

Вот что пишет об этом дне посещения Кишинева сам самодержец:

3-го июня. Вторник. 1914 год.

Простояли полночи на месте и прибыли в Кишинев в 9½ жарким утром. По городу ехали в экипажах. Порядок был образцовый. Из собора с крестным ходом вышли на площадь, где произошло торжественное освящение памятника Имп. Александру I в память столетия присоединения к России Бессарабии. Солнце пекло сильно. Принял тут же всех волостных старшин губернии. Затем поехали на прием к дворянству; с балкона смотрели на гимнастику мальчиков и девочек. Оттуда был красивый вид на окрестность города. На пути к

станции посетили земский музей. В час 20 мин. уехали из Кишинева.

Что-то нетривиальное происходит с проникновением в нашу жизнь интернета. Чем шире он расправляет свои легкие крылья, тем больше мы владеем миром в его пространственных и временных, вещественных и духовных плоскостях.

Возможность узнать, какой день был почти сто лет назад и как было жарко в тот день... Это нечто большее, чем просто огромная электронная энциклопедия. Это шанс реально владеть миром, таким, каков он есть, и каков он был, и каков он будет.

Всю жизнь мы устанавливаем себе мнимые пределы, лимиты, ограничения. Зовите эти мрачные столбики как угодно. На них развешаны таблички: «Этого мне не понять», «Это не для меня», «Этого мне не нужно», «Это мне неинтересно»... Я пытаюсь их ломать, наотмашь, нещадно ломать эти пределы.

Пусть я капля, недолговечная и нестойкая. Пусть паучки надежнее зацепились за свои паутинки. Но позвольте мне владеть миром, пусть только на тот самый стремительно срывающийся в бездну миг!

Глава четвертая. Как я изобрел формулу бессмертия

Все мы, конечно, являемся неповторимыми в своей уникальности индивидуумами, которых смерть стирает ластиком неизбежно и безвозвратно. Но что, если применить спокойный рационализм? Ведь если большая часть окружающего нас мира является иллюзией (вы не будете настаивать, что фильмы на экране материальны или что солнце на горизонте прямо-таки погружается в море, как нам утверждают наши усталые глаза), почему бы не создать иллюзию вечной жизни или, по крайней мере, присутствия близкого человека, с которым можно продолжать общаться вне зависимости от того, жив он или нет и, более того, хочет он того или нет.

Извольте получить бизнес-план, который я вам дарю, потому что не хочу со всем этим возиться (мне и так хватает моей обычной писательской деятельности, в процессе которой я создаю достаточное количество иллюзий). Осуществив этот бизнес-план, вы станете важнее, чем Билл Гейтс, и, возможно, вам поставят большой и толстый памятник еще при жизни.

Нынче ведь программистов развелось больше, чем всех других -истов. Их больше, чем коммунистов, гомосексуалистов, и скоро даже станет больше, чем пофигистов, число которых

настолько огромно, что трудно его сосчитать даже с малой долей правдоподобности.

Если вы сами не программист (что тоже еще случается, хоть и редко), то отдайте идею вашему другу, брату, свату, соседу, кому угодно, потому что мир сейчас полнится программистами, как некогда полнился атеистами, анархистами и пародистами.

Современный уровень коммуникаций позволяет нам общаться с близкими и друзьями через интернет, даже видя их живое изображение и обмениваясь с ними мыслями посредством звука.

Годами мы можем не видеться в общепринятом физическо-пространственном смысле с людьми, однако чувствовать их присутствие ничуть не в меньшей мере, как если бы они были с нами в одной комнате.

Вот и все, что нам нужно сделать, — разработать программу, которая, пока мы с ними общаемся, записывала бы все подробности их мимики и реакций на наши фразы. Через пару сотен разговоров создастся полная база данных всевозможных видео-звуковых реакций. Далее программа должна научиться реагировать на ваши фразы и пополнять свой словарный запас и свежие мнения из текущих новостей.

Вот и все. Вы получаете идеального собеседника. Он будет выслушивать все ваши новости, реагировать на все ваши шутки, рассказывать вам новые анекдоты, подцепленные в интернете. Он будет обсуждать с вами последние мировые новости, причем будет иметь

свое специфическое мнение, которое компьютер будет рассчитывать по предыдущим шаблонам мнений на прежние события. Программа будет помнить то, что вы ей рассказали, а также будет периодически прокручивать старые истории, которыми полнятся наши разговоры, подчас похожие на граммофонную пластинку.

Вы скажете – это не будет работать? Будет. Конечно, первые версии программы будут иногда зависать и быть не очень естественными (особенно если вы поручите это «Майкрософту», который торопится выбросить на рынок недоделанный продукт, зато в широком масштабе и обычно, прямо или косвенно, бесплатно). Далее программы станут настолько совершенными, что люди начнут предпочитать пользоваться ими еще при жизни оригинала.

Вы скажете – это цинично? Ну конечно, менее цинично – тосковать всю оставшуюся жизнь по любимому человеку, проливая реки слез, вместо того, чтобы подсесть к компьютеру и вдоволь посмеяться с ним, рассказывая друг другу свежие анекдоты или обсуждая, как выросли дети.

Вы скажете – это несправедливо по отношению к усопшему? Ну что же, он совсем садист? Что, ему не хочется, чтобы вы проводили часы с его видеообразом, который не делает ничего того, чего бы не делал его прототип?

Как назвать такую программу? «AntiDeath»*. Или, если хотите элегантно, назовите «VieEternal»** на французский манер.

Вы можете делать это и с живыми людьми. Например, брат, которому некогда слушать ваши стихи или которому надоела ваша проза...

Взял, запрограммировал, и читай ему сколько вздумается, тем более все, что вы от него ожидаете, – это сидеть на экране напротив вас с довольной полуулыбкой, периодически довольно крикать и изредка говорить: «Боря, ты написал это действительно хорошо. Молодец!» Программа не будет зевать, засыпать, а главное, сердиться, что ей надо куда-то идти, а вы ей уже второй час досаждаете со своими сочинениями... В это время ваш реальный брат будет жить своей разнообразной личной жизнью и, более того, я вас уверяю, еще сам подарит вам такую программу, чтобы вы от него отстали со своими литературо-излияниями. А вы подарите своему брату программу, изображающую вас внимательно и вдумчиво кричающим по поводу его длинных рассказов о его производстве, в стиле «пришел-ушел» или «я им... а они мне..», и всегда – «денег мало платят...»

* «AntiDeath» (англ.) – «Антисмерть».

** «VieEternal» (франц.) – «Вечная жизнь».

Вы скажете – программа будет бесчувственной болванкой? Ну что вы! Все зависит от того, как вы ееотрегулируете. Необязательно она будет ласковой и беззубой. Например, вам нравится скандалить и выяснять отношения с вашим прошлым мужем. Он от этого несколько утомился и отчалил к другим берегам, не обязательно покинув мир живых, но, по крайней мере, со словами: «Считай, дорогая, что для тебя я умер».

Вы берете и настраиваете программу и каждый день, сколько вам того пожелается, собачитесь со своим бывшим супругом, причем вы можете так ее настроить, чтобы в конце он вам уступал! (Что невероятно в реальной жизни, из-за этого вы, собственно, с ним и развелись...)

Я не хочу углубляться в фантазии о возможностях такой технологии. Вы уж дофантазируйте сами после, когда станете миллионером от первой серии программ. Вот вам напоследок в подарочек несколько крутых названий для ваших будущих виртуальных продуктов. Для разведенных – «Divorce-Super-Relief 2007»*, для тех, у кого скверные отношения с родителями, – «Meet-Your-Super-Pooper-Parents 2006»**.

Не нравятся вам мои предложения? Хорошо. Давайте придумаем что-нибудь другое, но так

* «Divorce-Super-Relief 2007» (англ.) – «Развод-Супер-Утешение 2007».

** «Meet-Your-Super-Pooper-Parents 2006» (англ.) – «Знакомьтесь: Ваши Супер-Пупер-Родители 2006».

это дело оставлять нельзя! Смерть – это просто безобразие, современное общество, нашедшее замену для всего естественного, как-то должно позаботиться, чтобы и окончание жизни не приносило столько неприятностей как усопшему, так и его оплакивающим.

Глава пятая. О, сколько нам открытий чудных...

Способность думать – это редкость чрезвычайная. Возможно, вы мне не поверите, но большую часть жизни мы проводим не думая. Мы шатаемся по миру, как сомнамбулы, изредка натываясь друг на друга и ощупывая друг другу носы.

То ли думание требует какой-то особой потраты энергии, на которую наш рачительный организм никак не соглашается, то ли мышление, как процесс, каким-то образом вредит здоровью. Так или иначе, заставить человека думать нелегко. Мне кажется это странным, потому что ведь результаты мыслительного процесса обычно чрезвычайно выгодны! Недаром народная мудрость гласит, что дурная голова ногам покоя не дает... Почему же нам трудно думать, если в процессе эволюции именно эта способность позволила нам успешно выжить и нагулять жирок без обычно необходимых для этого клыков, когтей и прочего оборудования, которым природа снабжала разных тварей до того, как

появился ее голый любимчик, которому кроме мозгов и гибких загибающихся пальчиков эта старая гримза, собственно, ничего не дала...

Я прямо так и представляю себе голого человека, выпрашивающего у Всевышнего ну хотя бы ядовитое жало, как у змейки, или рог, как у носорога... А наш любимый дедушка-Бог хитро улыбается и кажет человеку самый настоящий божественный шиш.

Итак, отчего же мы так не любим пораскинуть нашим единственным эволюционным преимуществом – мозгами, причем не теми, что «мозги жареные со смородиной а-ля Французская революция»*, а теми, что у нас в голове...

Голова вообще является полезным органом. И вся проблема, пожалуй, лишь в том, что мы

* Мозги жареные со смородиной а-ля Французская революция (cerveaux avec les corinthes à la révolution française) Возьмите: телячьи мозги – 750 г, муки – 50 г, 2 яйца, панировочных сухарей – 150 г, растительного масла – 100 мл, сливочного масла – 50 г, уксуса – 2 столовые ложки, соль и перец по вкусу, черную смородину – 1/5 стакана, красную смородину – 1/3 стакана, сахар – 1 ч. л., сухого белого вина – 1/2 стакана, крахмала – 1 ч. л.

Мозги положить на 2 часа в холодную воду, меняя воду как можно чаще, пока не будет прозрачной. Очистить мозги от пленок, отварить в течение 5 минут в кипящей подсоленной воде с уксусом.

Откинуть на сито, дать стечь, нарезать ломтиками (по 3 на порцию), посолить, поперчить, обвалять в муке, смочить в хорошо взбитых яйцах, запанировать в сухарях и поджарить в разогретом масле. В это время красную и черную смородину раздавить, смешать с сахаром и также добавить к мозгам. Прожаривать все вместе еще минут пять. Размешать белое вино, муку и крахмал, чтобы не было комочков, и влить в мозги. Первые пять минут непрерывно размешивать, после – закрыть крышкой и тушить минут 10. Подавать с гарниром из разных овощей со сливочным маслом: зеленый горошек, цветная капуста, картофельное пюре и т.д.

постоянно обделяем этот орган вниманием. Есть официальное время для ублажения желудка, мы холим и нежим другие важные органы, а вот голове достается только мытье ушей, чистка зубов и нашампунивание волос... В лучшем случае – 10-15 минут в день.

Действительно, не существует официально отведенного времени, чтобы подумать. Ну, ясно, почему общество не поддерживает в нас привычку думать. А то так подумаешь, подумаешь – глядишь, и пошлешь это общество ко всем чертям собачьим, а общество, как водится, обидчивое до предела...

Мне всегда было страшно забыть подумать. Я очень часто приступал к какому-нибудь делу, не подумав хорошенько... Сами понимаете, что из такого дела выходило! Как это неверно, что для думания человек не отвел себе специального времени! Для принятия душа – отвел, для поглощения пищи большими кусками – тоже не забыл отвести, даже назначил специальные названия – это, мол, завтрак, а это обед, а это, представьте себе, – ужин! Ну почему бы не отвести специального времени для думанья: это, мол, утреннее думание, а это вечернее. Как бы было хорошо! Ан нет. Предполагается, что человек должен думать, пока моется в душе или пока поглощает завтрак. Но от эдакого смешения занятий ничего хорошего не выходит, потому что во время завтрака организм занят, как вы понимаете, поглощением пищи и может подавиться, если при этом еще сильно задумается, а думание во время принятия душа

приводит к тому, что человек забывает, намылил ли он уже раз голову или еще нет, что приводит к значительному перерасходу шампуня и, по-видимому, является одной из причин бедности в Южной Америке, потому что у них начинает проявляться нехватка мыла, которая угрожает их основной индустрии, производящей для всего остального света мыльные оперы.

Итак, стоит отвести некоторое, даже незначительное время для думания, и сколько нам открытий чудных удастся совершить! Вы не поверите! Стоит задуматься над вопросом: а, собственно, чем я всю жизнь занят? – и открытие не заставит себя долго ждать! (Может быть, поэтому мы и поставили думание практически на нелегальное положение, чтобы не задавать себе подобных вопросов.) Но ведь люди однажды решили, что хотя бы раз в день нужно заниматься личной гигиеной, чтобы не смущать окружающих и себя самого разными неудобствами. Почему же не решить, что человек, не думавший несколько недель, не менее неприличен, чем человек, не мывшийся столько же времени?

Бен Гурион говорил, что думание есть искусство, требующее большого напряжения, им занимаются немногие, и то только в редких случаях.

Итак, какие же чудные открытия сулит нам простое думание? Извольте.

Открытие первое. Жизнь похожа на неприятную женщину вольного поведения

с романтическими наклонностями. За небольшую мзду она согласна быть такой, какой вы ее пожелаете! Нет однозначного предназначения – быть вам счастливым либо несчастным. Просто подарите жизни недорогое кольцо из бижутерийного отдела универмага, и делайте с ней все, что вам заблагорассудится. Если вам того хочется, можете ее даже искренне полюбить и предложить ей руку и сердце! Однако никогда не забывайте, что жизнь, как бы она ни была миловидна, имеет вольный характер, встречена вами на улице в не очень респектабельном районе и может в любой момент наставить вам рога – не из злого намерения, а просто по природе своей гулящей души. Помня, с кем вы имеете дело, вы можете окружить свою жизнь любовью и домашним теплом, и она бросит свои уличные привычки.

Открытие второе. В жизни важен не результат, а процесс. Нужно попытаться сделать его приятным и не слишком беспокоиться о результатах.

Многие результаты находятся за пределами нашего контроля, поэтому лучше концентрироваться на самом течении жизни. Что-то вроде: «Выбрали направление и идем», но только весело, попевая песенки, пританцовывая и периодически проверяя – «А туда ли мы идем?» и довольно самого себя похлопывая по плечу: «Верной дорогой идем, товарищи!»

Открытие третье. В жизни все является всего лишь иллюзией. То, что мы видим и слышим, ощущаем запах и ощупываем, – есть интерпретация нашим мозгом электрических импульсов, возникающих в ответ на внешние раздражители. Мухи видят иначе, лягушки видят по-другому. Так чье же видение является верным? Да в том-то и дело, что ничье! В жизни все просто не может не быть упрямой, неотступной иллюзией. Реальность – это всего лишь взаимоотношения между нашими иллюзиями и внутри наших иллюзий. Вот и все, что мы воспринимаем как реальность. Только не надо думать, что ничего не существует. Я не ставлю под сомнение существование. Я просто отмечаю, что наша интерпретация этого существования не может не быть иллюзией. Вот и все. (Ах, я так часто бываю неправильно понят, что мне все время нужно быть настороже, думая, как же меня еще могут неправильно понять... и вовремя предупредить, предупредить, так сказать... любой мало-мальский философ должен прилагать к каждой своей мысли нескончаемый список всего того, чего он не имел в виду... Я

думаю, это нужно закрепить законом. А то опять, того гляди, возьмут мою эту самую проеденную червями книжонку лет через сто и так наинтерпретируют, что мне придется ворочаться в гробу... Не думаю, что это будет эстетически привлекательным маневром!

Как не стоит относиться слишком серьезно к волшебному фонарю, бросающему визуальные образы на простыню экрана, так и к жизни не следует относиться слишком серьезно. Следите только, чтобы вас в действительности не переехал поезд, потому что это, во-первых, скорее всего очень больно, во-вторых, лишает возможности участвовать в нашем местном хороводе иллюзий, к которым мы привыкли, и заставляет перейти либо в полное небытие, что, в общем, скучно и обидно, когда происходит внезапно и преждевременно, и ощущается примерно так же, как в детстве — быть отправленным спать в самом начале вечера; либо заставляет отправиться в пугающий хоровод с иными иллюзиями, которые страшат нас, как и все неизвестное.

Как-то мы с моим приятелем Вилей ставили домашний спектакль для детей. Как, вы не знаете Вилю? Ах да, наверное, он вам больше знаком как Вильям Шекспир. (Нет, я не кичусь. Мы действительно дружили большую часть моего детства и юности. Мы и сейчас перебрасываемся изредка электронными сообщениями.)

Так вот, он, аккуратно вырезая из картона бутафорскую корону для себя (он собирался играть короля Лира), вдруг сказал мне: «Боря,

осторожно переходи улицу, если не хочешь преждевременно попасть в *the undiscovered country from whose bourn no traveler returns...*» (в неразведанную страну, из чьих пределов ни один путник не возвращался). А я ему игриво отвечал: «Да, Виля, *[we would] rather bear those ills we have, than fly to others that we know not of!*» (Уж лучше со знакомым злом мириться, чем к незнакомому стремиться...)*

Вильям отложил недовырезанную корону и ножницы, вытащил откуда-то перо, задумчиво макнул его в откуда ни возмись подвернувшуюся чернильницу и задумчиво записал на клочке бумажки эту фразу. Потом поерзал от неудобства и спросил: «*Listen, Boris, may I use this for my new tragedy?*» – (Слушай, Борь, можно я использую это в моей новой трагедии?)

«*Sure*» (конечно), по-дружески ответил я, мне ведь не жалко, все равно мы всё бросаем в одну и ту же копилку мыслей... Какая разница, кто что сказал или подумал? Копируйте придумали торгаши с базара, которых на нашу голову научили писать и читать.

Я Вильяму тогда сказал: «Поверь мне, друг мой Виля, что бег планет останется неизменным и тогда, когда наш бранный прах развеется без следа... Да и прах самих планет последует за нашим прахом в небытие... Но не нужно к этому относиться слишком серьезно. Все это всего

* Цитаты из монолога Гамлета.

лишь иллюзия, упрямая навязчивая иллюзия. Это просто не может не быть иллюзией. Не грусти!»

Вильям изготавился записать и это, но потом улыбнулся, отложил перо и посмотрел мне прямо в глаза. Вы знаете, у Шекспира бывает очень прямой и внимательный взгляд. «Борь, я не буду это записывать. Ты уж сам как-нибудь это примени».

Я тоже улыбнулся и похлопал его по колену: «Хорошо, я попробую», – пообещал я и, как видите, не обманул.

Открытие четвертое. Если всё кругом лишь иллюзии – постарайтесь выбирать из них приятные и полезные, а вредные и страшные забудьте и отодвиньте. Существует такой основной «Закон равенства иллюзий (З.Р.И.)» Кригера. В смысле не иллюзии Кригера, а закон Кригера. (С русским языком нужно что-то делать... Или со мной надо было что-то делать в третьем классе... теперь уже поздно. Надеюсь, моя трудолюбивая милейшая редакторша разберется с моими падежами и запятыми! Боже благослови ее терпеливость!)

Итак, вы о таком законе не слышали? Я тоже. Сейчас попробуем его открыть вместе. Все иллюзии равны. Вот, собственно, и весь закон.

Одна иллюзия не более и не менее абсурдна или разумна, чем другая. Именно поэтому нам и дана свобода воли, которая, по сути, есть свобода выбора иллюзий. Вы же не берете в гастрономе побитые яйца? Вы внимательно ощупываете каждое яичко, изящное творение природной архитектуры, и перекладываете надтреснутое в

другую упаковку. Если вам знакома эта простая операция – примените ее и по отношению к иллюзиям. Не берите надтреснутых, тухлых и битых иллюзий. Выбирайте иллюзии свежие и овальненькие, как хорошее яичко. Никто не обвинит вас в излишней разборчивости! Ведь здесь речь идет не об яичнице, которую, если она не удалась, взял да и выбросил в помойное ведро и забыл. Здесь речь идет о нашей жизни и счастье, которые нам ведь не хочется выбросить в мусорное ведро!

Открытие пятое. Никогда не жди от жизни счастливых шансов. Создавай их себе и другим сам. В одной книге, написанной мной для бешеного англоязычного ритма пульсации североамериканской жизни с вкраплениями судорог перфекционизма (который я окрестил «мартазайство» по следам персонажа Льюиса Кэрролла Мартовского Зайца, двинутого на всю голову), я рассуждал:

«We can frequently hear an opinion that most of the things in life depend on chance and opportunity. Many people argue that if or when the opportunity will come, they will not miss it. But the truth is that such people are not quite sure of what they say, because as a result of decades of patient waiting for the golden opportunity to come, they usually lose their hope, and just repeat comforting words and phrases in the ‘maybe someday...’ style. How can one be sure that you won’t miss the right opportunity, when you don’t have the experience to not miss the opportunity simply because you’ve

never had one like it before? How can you train yourself to catch the opportunity when it comes along if the opportunity is such a rare commodity? As a matter of fact, such people most surely lose the opportunities because they failed to recognize them or just were unable to catch them. I found the way to train myself to not miss the opportunity. This is by creating my own opportunities for myself and other people around me. That is why I know for sure that I won't miss one when it arises, because usually they come at the right time and the right place, as everything which is carefully planned in advance does.»

«Мы часто слышим мнение, что большинство вещей в жизни зависят от шанса и представляющихся возможностей. Многие люди утверждают, что когда одна из таких счастливых возможностей предоставится, они ее не упустят. Но правда в том, что они не вполне верят в то, что они говорят, потому что в результате десятилетий терпеливых ожиданий проявления этой самой золотой возможности они обычно теряют надежду и просто повторяют успокаивающую фразу в стиле: “Может быть, когда-нибудь...” Как вы можете быть уверены, что не упустите свою возможность, когда у вас никогда не было опыта не упускать возможности? Как вы можете натренировать себя не упустить верную возможность, если счастливые шансы являются столь редким товаром? По совести говоря, такие люди практически наверняка даже не смогут распознать эту самую уникальную возможность,

когда она постучится в их двери, или будут просто неспособны эту долгожданную возможность использовать. Я научился не упускать своих возможностей. Я просто сам создаю счастливые возможности для себя и для окружающих меня людей. Таким образом, я знаю наверняка, что я не упущу их, потому что они появляются в верном месте и в верное время, как и все, что хорошо спланировано наперед».

Конечно, создавать возможности для себя и других – это дорогое удовольствие, особенно когда я сам вслед за другими потом передумываю и начинаю воротить нос, брезгливо, манерно, по-парижски шикая: *c'est pas ça!* – это не то! Ах, это совсем не то!!! (великий город мечты, к моему разочарованию, просто полнится этими вскриками!).

Ну, к примеру, мечтаете вы стать великим кинорежиссером – по моему рецепту нужно просто открыть киностудию и снять фильм. Чего там мелочиться? А если ваше творение не понравится зрителям, так их задолбать рекламой этого фильма, что во всем мире обязательно найдется-таки кучка ценителей, которым ваш фильм все-таки понравится. Вот вы и великий режиссер. Причем элитарный, что еще круче! Правда, все просто, как дневной свет?

Чего вы качаете головой и ехидно улыбаетесь? Ах, деньги! Я забыл про деньги. Совсем вылетело из головы, что дедушка Ленин всем обещал коммунизм, а сам заснул нечаянно в Мавзолее. (Этот товарищ в кепке как раз

создавал себе возможности сам. А так бы ему и близко ничего не светило...)

Да деньги – это не проблема. Просто научитесь их зарабатывать в нужном количестве, привлекая и покупая помощь других, и так, чтобы вас по дороге не пристрелили и не посадили, и так, чтобы от ваших заработков не рыдало потом полстраны. Как? Очень просто: начните думать по утрам, в обед и по вечерам, и вам эти простые прозрения со временем явятся сами собой. И не очень застревайте на процессе думанья. А то так и останетесь доморощенным мыслителем. Думать тоже надо в меру. Иногда нужно и действовать. Но пока суть да дело, и вы погружены в процесс думанья, как бы вам изловчиться найти себе и своей семье достойное финансирование, создайте себе возможность – купите пачку писчей бумаги и для начала напишите сценарий, потому что, несмотря на привычки гениального Чарли Чаплина, наличие сценария обычно облегчает процесс съемки фильма. Создавая себе все большие и большие возможности и пользуясь поддержкой оплачиваемых вами, а потому чаще всего лояльных помощников, вы рано или поздно обязательно добьетесь своего. Единственный совет – прежде чем пускаться в эту долгую дорогу в дюнах, хорошенько подумайте: а нужны ли вам все эти цуресы*? Если нужны, то смело идите и покупайте писчую бумагу, ибо вы

* В простонаречьи на идише значит «неприятности». Видимо, происходит от ивритского слова «царот» с тем же значением.

свободны в выборе ваших иллюзий, и не ждите счастливого случая, просто сами создайте его себе!

Открытие шестое. Не задикуйте на чем-то одном. Не тратьте слишком много сил на одну и ту же идею. Если вы меня не слушаете, вы падаете жертвой гравитации вашей идеи, выйдете на орбиту вокруг нее и она вас больше не отпустит. Кончится все тем, что вы впадете в обсецию, которая сначала разрушит вашу семейную жизнь, потом повредит вашу психику и в конце концов заботливо выбьет вам местечко на койке в психбольнице или на полке в морге. Идеи опасны, как и все, чем увлекаешься чрезмерно.

Не стремитесь достигнуть совершенства. На это не хватит не только вашей жизни, но и истории всей вселенной. Природа не терпит совершенства и наказывает перфекционистов строго и не по-матерински. Увлекайтесь многими идеями и таким образом не давайте одной идее овладеть вами полностью. В отношениях с идеями моногамия просто противопоказана. Любая обсеция мучительна...

Открытие седьмое. Не давайте страсти захватить себя, используя вас, как раба! Наоборот, поработите вашу страсть, поставив ее себе на службу. Страсть есть универсальная энергия. Она может двигать космические корабли и захватывать континенты. Научитесь трезво владеть своей страстью, и из

необузданной термоядерной силы она превратится в горящий ровным пламенем факел, освещающий вам путь в потемках повседневных лабиринтов.

Открытие восьмое. Научитесь ставить страсть других на службу себе и своим идеям. Поручите другим все, что вам более не хочется и не интересно делать, но делать нужно. Не спрашивайте про деньги, которыми надо оплачивать этот чужой труд, о деньгах мы уже говорили. Все сделать самому невозможно. Если бы тот, кто решил построить пирамиду Хеопса, не позвал себе подмогу, он бы так до сих пор и маялся с первым камнем, нанеся даже больший урон туризму в Египет отсутствием этой пирамиды, чем террористы, периодически подстреливающие любопытных, приезжающих поглазеть на гигантский и ныне весьма ободранный каменный треугольник. И вы будете спорить, что все в этом мире есть иллюзия, едущая верхом на иллюзии и иллюзией погоняемая? Один тип решил, что ему надо построить из камней огромную гору пирамидальной формы. От этого он сольется в экстазе с каким-нибудь Сириусом и потом оплодотворит народ свой, как положено. Не будем вникать в суть, ясно, что это иллюзия. Другие через несколько тысяч лет тащатся в пыльную пустыню поглазеть на это чудо человеческой настырности. Иллюзия? Конечно! Ну и наконец, братки-террористы их отправляют на тот свет, поглощенные своими мрачными

иллюзиями. А я об этом пишу, лелея иллюзию, что я их умнее и все понимаю лучше мистера Хеопса, туриста и террориста. А вы читаете меня, ухмыляетесь и тоже предаетесь иллюзии, что вы умнее меня и знаете, что я наверняка в чем-то ошибся и все кругом не так, как я говорю, а так, как вы бы сказали, если бы у вас было время об этой ерунде думать, но вам надо чинить «запорожец» или идти в молочный магазин... Подождите с молочным... Дайте сказать самое главное: Научитесь ставить иллюзии других на службу своим иллюзиям! Иллюзии всех стран, объединяйтесь!!! Я все сказал. Теперь можете идти в молочный.

Открытие девятое. Для тех, кто уже купил молоко и поэтому готов меня слушать, — продолжаю. Постарайтесь окружить себя добром и любовью, потому что делать это и получать то же самое взамен удивительно приятно. Народная мудрость гласит... (а народ у нас мудрый, когда не слишком пьяный, но и не слишком трезвый). Итак, полутрезвая народная мудрость гласит: «Доброе слово и кошке приятно!» Если вы не очень доверяете народной мудрости и обладаете экспериментальным складом ума, я вас полностью поддерживаю, ибо сам такой. Можете провести опыты с применением доброго слова на любой подвернувшейся кошке. Только не транспортируйте ее к месту выдачи доброго слова за шкуру. Иначе вы можете нарушить чистоту эксперимента, сделав кошку менее восприимчивой к добрым словам.

Итак, если кошка замурчит в ответ на ваше доброе слово – считайте эксперимент удавшимся. Если не замурчит – можете швырнуть в кошку ботинком и продолжать сомневаться не только в народных мудростях, но и вообще во всем.

Мы как-то раз сидели на кухне с Рене Декартом. Было поздно. Ну, выпили мы по три-четыре рюмочки водочки и закусили селедкой. Селедка была соленой, а я не люблю слишком соленую селедку. Осмотическая регуляция жидкостей моего тела просто восстает от мысли о пересоленной или, точнее сказать, не вымоченной хорошенько селедке. Рене тоже не любил слишком соленую селедку, хоть и прожил двадцать пять лет в Голландии, где селедки всякой завались. Он мне честно сказал: «Не умеют у вас готовить селедку. Голландцы умеют. У них она и в томате, и во всяких других рассолах, ум отъесть можно... А нам, философам, ум отъедать нельзя... Мы за него отвечаем головой...»

«Что-то я сомневаюсь в надежности голландцев. Уж больно низко они пали по отношению к уровню моря... Как бы вскоре им самим не стать кормом для селедок», – обиделся я за нашу отечественную селедосоленную промышленность.

«Сомневаться – это хорошо, – сказал Декарт и вдруг продолжил, вытирая газеткой селедочные руки: – Mais que, pour toutes les opinions que j'avais reçues jusques alors en ma créance, je ne pouvais mieux faire que d'entreprendre une bonne

fois de les en ôter, afin d'y en remettre par après ou d'autres meilleures, ou bien les mêmes lorsque je les aurais ajustées au niveau de la raison. Et je crus fermement que par ce moyen je réussirais à conduire ma vie beaucoup mieux que si je ne bâtissais que sur de vieux fondements et que je ne m'appuyasse que sur les principes que je m'étais laissé persuader en ma jeunesse, sans avoir jamais examiné s'ils étaient vrais».*

Я даже поперхнулся селедочной косточкой от неожиданности. Сейчас попью водички, а то в горле першит и пересохло, и переведу для тех, кто учил в школе английский или у кого была тройка по французскому. Не нужно стесняться, всякое бывает. Я тоже был законченный троечник в школе. А французский выучил недавно, но с поразительной страстностью, которой от себя сам не ожидал.

Итак, попил водички. Хорошо!

Рене сказал: что касается мнений, воспринятых им до сих пор (видимо, до момента наших

* Discours de la methode pour bien conduire sa raison et chercher la verite dans les sciences. Seconde partie du discours de la methode [137].

памятных посиделок с неудачной селедкой), самое лучшее для него — раз и навсегда отрешиться от этих мнений, чтобы впоследствии водворить их на места лучшие, либо те же, но согласованные с разумом. И он твердо верит, что таким образом ему удастся построить жизнь гораздо лучше, чем если бы он строил ее только на старых основаниях, усвоенных им в юности без проверки их правильности.

Мы с Декартом закурили трубки, и молчание повисло в колечках смелого и явственного табачного дыма.

Декарт думал о своем — как ему опять придется писать о чем-то письмо придурочным глубоко-святейшим профессорам богословия Сорбонны, а я думал, как все-таки нам хорошо с Рене на этой кухне, хоть селедка и правда была слишком соленой, и спорить с этим так же трудно, как и с тем, что только что сказал Декарт.

Открытие десятое. Научитесь в любом вопросе быстро добираться до самой сути. Не застопоривайтесь и не откладывайте ничего в долгий ящик. В любом начинании умейте честно разобраться и ответить самому себе на вопрос, зачем вам это нужно. Не позволяйте другим навязывать себе их иллюзии, особенно те, что противны или скучны вашей душе. Старайтесь всегда разбираться в мотивации поступков других. Многие люди мыслят вслух, потому что привыкли, что никто никогда их не слушает. Скрытных поэтому становится все меньше и меньше. Если внимательно вслушаться в то, что

люди говорят, вы сможете более или менее разобраться в их мотивации, а следовательно, сможете в некоторой степени предвидеть их поступки. Способность же предвидеть и понимать чужую мотивацию позволит вам лучше достигать своих целей.

Открытие одиннадцатое. Не боритесь со своими недостатками и недостатками других людей. Постарайтесь эти недостатки превратить в достоинства, умело их обходя и включая в сеть ваших идей. Если человек ленив, то он вряд ли будет с вами активно конкурировать, если человек глуп – то он вряд ли сможет вас перехитрить. Все эти недостатки становятся чрезвычайно важными достоинствами, если научиться правильно их применять. Просто не поручайте дураку то, что требует ума, а ленивому то, что требует усилий и тяжелой работы. Ленивый дурак – сочетание редкое. Чаще всего дураки трудолюбивы, потому что они таким образом компенсируют свою дурость. А ленивые умны и хитры, потому что для того, чтобы быть преуспевающим лентяем, надо уметь раскинуть мозгами, и не теми, что со смородиной...

Если вы сами ленивы и глупы, обязательно выясните это как можно раньше и признайтесь себе в этом (признавшись, что вы дурак, вы отчасти перестанете быть таковым, чего нельзя сказать, увы, о лени, признание которой не делает вас более работающим...), однако все это поправимо – наймите работающего помощника и

умного советника и владейте миром, сколько вам заблагорассудится!!!

Я уже вижу, что кто-то до меня надавал некоторым подобных советов. Иначе как объяснить, что чаще всего миром правят ленивые и глупые люди, а умные и работающие давятся пересоленной селедкой и вытирают запачканные руки газеткой, прославляющей деяния глупых и ленивых правителей мира?!

Открытие двенадцатое. Из всякой неприятности постарайтесь извлечь что-нибудь такое, что, если не принесет явной пользы вам, то хотя бы смягчит горесть ударов судьбы, которые рано или поздно неизбежны в жизни всякого человека, как бы ни было безоблачно небо над вашей головой в тот момент, в который я пишу или вы читаете эти строки.

Помните об этом, но не позволяйте себя расстраивать. Если вы справлялись с проблемами в прошлом, скорее всего вам удастся сделать это и в будущем.

Вот, собственно, и все мои чудные открытия. Полюбите думать, и вы пополните этот скромный список своими собственными не менее чудными открытиями. Способность мыслить – самый дорогой подарок, данный людям добрым дедушкой-Богом. Если иногда вам кажется, что Он показывает вам шиш, помните, что это лишь упрямая навязчивая иллюзия!!!

Глава шестая. Почему я безумно люблю людей

Ну, а кого мне еще любить, как не людей? Я, конечно, очень люблю Бога, но Он все время занят, и я не хочу Ему докучать лишний раз. Я люблю своего кота, но он слишком молчалив для того, чтобы поддерживать с ним длительные вдумчивые беседы. Я люблю мудрые книги, гордую и ласковую музыку и очень люблю звезды, но они индифферентны ко мне, и поэтому нет никакого шанса на взаимность... Вчера, пролетая мимо бриллиантово посверкивающего Сириуса, туда, дальше в глубь созвездий, я понял, как я его люблю и как я люблю Полярную звезду и гордый красный гигант – звезду Бетельгейзе!

Конечно, мне не чужды и земные радости. Я люблю красную икру и многие другие яства. Я люблю земную любовь и радость рождения детей. Еще я люблю красивые благородные предметы, люблю горы, шумы океана и лесных чаш, а еще, более всего – лесистые холмы над тихим озером. Но опять же, они все слишком заняты либо своей скоротечностью, либо своей вечностью... что, в общем-то, по сути одно и то же.

Итак, все, что мне остается, – это люди. Ах, люди, люди... Сначала я их боялся, потом избегал, но теперь понемногу привык.

Вчера я был в очень людном месте, и там я мог безнаказанно глазеть на людей. Мне они

нравятся все, уродливые и красивые, умные и не очень, кушающие и болтающие. Вы знаете, в толпе можно совершенно безнаказанно глазеть на людей. Да-да, я знаю, что говорил Сенека о толпе... Мол, запачкает. Ну, так я встал немного поодаль и пытался представить, какие у этих людей мысли и судьбы, и мне казалось, что я всех их хорошо знаю и могу многое про них рассказать. Хотя, наверняка, я ошибался... Я всегда вкладываю в уста и головы людей не те мысли, которые они в действительности имеют, и поэтому до сих пор с трудом предсказываю их поступки. Но я мучительно и настойчиво учусь и скоро буду успешнее в своих предсказаниях. Я хотел бы поговорить с каждым из всех людей, и не по разу, но их так много! Людей теперь почти так же много, как звезд... Хотя что я говорю, звезд, конечно же, больше. Но если взять всех живших и тех, кто еще только будет жить, людей, может, наберется столько же, сколько звезд в нашей млечной галактике.

Однако вряд ли люди захотят со мной говорить. Сейчас человеку нужно заплатить, чтобы он согласился с тобой побеседовать. Люди в крупных городах и за деньги-то говорить не станут. Они подозрительные, запуганные сумасшедшими новостями в газетах и по телевизору. Да и что скрывать, что правда, то правда – насилюют, грабят, убивают помаленьку. Есть такое дело... Не без этого.

Я тогда просто стану на них бесплатно и безнаказанно глазеть. Вот, к примеру, миловидное лицо смеется, что-то рассказывая

подругам, смешно морща лобик, вот почти черный араб... с красновато-желтоватыми белками глаз. Мне кажется, я знаю наперед все, что он скажет... «Иншалла...»* и так далее... Вот самодостойная китаянка на склоне лет... Я хочу с ней поговорить, но она уходит, уходит по каким-то своим таинственным делам!

Чтобы быть хорошим писателем, надо не просто знать людей, нужно любить людей. Вольтер, говорят, любил человечество, но терпеть не мог людей... Был ли он хорошим писателем? Я как-то зачитался его философской сказкой «Задиг»... Это было еще на довольно ранних фазах моей внезапной страсти к французскому, и шарм того факта, что в моих глазах строчки великого Вольтера обретают свой первоначальный смысл в тех звучаниях, какими он слышал их сам, производил на меня слишком трепетное, а потому далекое от объективности впечатление... Однако, мне кажется, он все-таки любил не только человечество, но и некоторых отдельно взятых людей. По крайней мере одного человека. Например – самого себя. А что, Вольтер не человек? Ну, уж в этом-то вы ему не откажете. Конечно, язва еще та... Ну, что поделаешь! Лучше язвы, чем пустые полки библиотеки мировой литературы...

Сначала эта проснувшаяся к моим тридцати трем годам увлеченная любовь к людям меня насторожила... Не секрет, какой это критический возраст для ловцов человеческих душ и

* Дай-то Бог (*арабский*).

человеколюбцев... Но когда мне стало тридцать пять и меня все еще за эту любовь не распяли, я успокоился.

Мне кажется, распятие за любовь – это слишком жестокое наказание. И главное, за что? Только и всего: обаятельный паренек хотел всем разъяснить, как не быть совсем-то уж свиньями... Ах, не мечи, Иисусе, бисер... не мечи... Рана моей психики от этого дурацкого распятия, видимо, никогда не заживет.

Я помню, мы сидели с Иисусом в какой-то дешевой забегаловке на рынке Махане Йегуда в Иерусалиме и ели хумус. Вы знаете, в Израиле во все века ели хумус. Его не так трудно готовить.*

* Хумус – это бобовое, по-русски нут, он же турецкий горох. Хумусом называется паста из этого самого нута. Зерна перетираются со специями, с тхиной – пастой из кунжута – и еще не знаю чем – и получается намазка на бутерброд или в питу (это круглая лепешка, которая выпекается таким образом, что внутрь нее, как в кармашек, можно класть пищу). Очень вкусно еще добавить соленый огурчик.

Поедание хумуса – это особая статья. Его положено... «ленагэв хумус» – не вытирать, не подтирать, а *ленагэв*. Делается это так. Берется средних размеров тарелка и хумус по ней размазывается. Поливается оливковым маслом, посыпается свежей петрушкой, паприкой. Берется пита, от нее следует отщипывать по кусочку, подцеплять кусочком хумусную шапочку и отправлять в рот. Можно посыпать кедровыми орешками.

А еще из хумуса делают другое национально-любимое израильское блюдо – фалафель.

1,5-2 стакана нута замочить на ночь, затем измельчить в кухонном комбайне, добавить мелко порезанную маленькую луковичку, 2-3 давленных зубчика чеснока, пучок петрушки мелко порезать, посолить, добавить кумин, молотый кориандр, молотый красный острый перец, одно яйцо, можно немного пекарского порошка, но не обязательно. Вымесить тесто, дать ему немного постоять, вылепить шарики величиной с грецкий орех и жарить во фритюре. Эти шарики упикивают в питу, предварительно

Многие чужие для нашей обетованной земли не любят хумус, я сам сначала не любил, но стоило мне провести свой десяток лет в пустыне, соблазняемым различными дьяволами, как хумус стал одним из моих любимых лакомств.

Иисус выглядел грустным. Мы оба знали, что ему предстоит, и мне хотелось плакать от этого кошмара.

Он сказал мне на иврите, потому что знал, что я плох в арамейском:

– *Ата йодэа, ани аазов этхэм бэ-каров, аваль ани ахзор... Тоһав анашим, бэвакаша... Лефахот ад ше-ани ахзор...**

Я растерянно сказал: «*Бэседер...*»**, мы расплатились за хумус и вышли. Это был тот редкий момент, когда за Христом не следовали его апостолы. Мы дружили с ним неофициально.

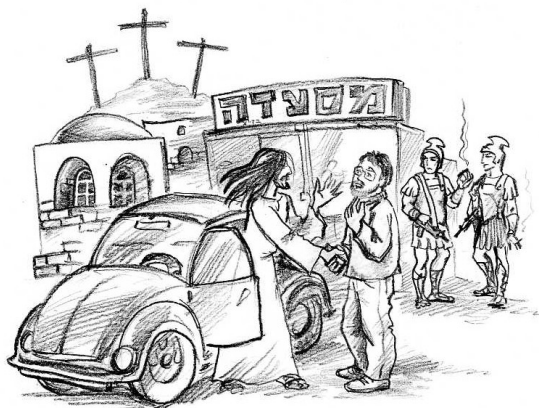
промазанную тем же хумусом, добавляют салатик и «хамуцим» (соленые огурцы и перцы).

* Ты знаешь, я скоро вас покину, но я вернусь... Люби людей, по крайней мере, пока я не вернусь. (*иврит*)

** Ладно (*иврит*).

Не

для

протокола. Я не крестился, он меня не спрашивал, почему... Какая разница?

Иудея вся пылала ненавистью и злобой, точно так же, как она пылает сейчас. Мы с опаской обошли двух римских стражников, стоявших на углу. Они курили «Мальборо» и сплевывали на нашу обетованную землю, не принявшую ни меня, ни его...

Иисус сел в свой старенький, повидавший виды «фольксваген-жук», я его поцеловал в щеку и почувствовал горьковатый вкус слезы.

– Боря, ты уж тут потерпи без меня... Я знаю, будет тяжело. Я знаю... – добавил мне он уже по-русски. Я хотел его остановить, но знал, что это не поможет...

– До свиданья, – сказал я и крепко пожал его тонкую, почему-то холодную, видимо, от волнения, руку. Его рукопожатие было слабым и ласковым. Мне хотелось рыдать.

– *Легитраот*,* – обыденно попрощался он и уехал, не оборачиваясь.

Это был пасхальный вечер. Я точно знал, что увижу его нескоро... Наутро я все узнал из газет...

Сколько таких историй происходит изо дня в день на нашей страшной обетованной земле? Скольких Христов разрывают в клочья взрывы? Скольких Христов убивают пули? Не успевает высохнуть кровь одного, как в израильской газете «Идиот ахронот»** появляется новое объявление:

לעם ישראל
דרוש משיח
עם נסיון.
המלצות מפונטיוס פילטוס –
חובה.

*Ле-ам исраэль
даруш машиах
им нисайон.
Амлацот ми
Понтиус Пилатус –
хова.*

«Народу Израиля требуется мессия с опытом. Рекомендации от Понтия Пилата обязательны». Что поделать! Людям нужен мессия.

Я не хочу быть Христом, потому что мне страшно. Но я согласен любить людей. Приглядитесь – они все такие милые!

* До свидания (*иврит*).

** Строго говоря, газета называется «Йедиот ахронот» – «Последние известия» (*иврит*), а вовсе не что-то про идиотов, как вы могли подумать...

Вы знаете, теперь мне кажется, что эта последняя встреча с Иисусом была не со мной, как это бывает с волнующими событиями, произошедшими на другом континенте, в другую эпоху, в ином измерении. Но так ли важно, почему я безумно люблю людей? Важно, что у них милые и смешные лица, многочисленные странные и несмелые мысли, обаятельные улыбки, узкие и широкие глаза, темная и светлая кожа...

Несмотря на то, что мне кажется, что я знаю наперед, что они мне бы сказали, мне все они интересны, и я учу их языки, путешествую по их странам и, в общем, в награду живу их чужими, но от этого не менее милыми мыслями и жизнями.

Спасибо вам, люди, за то, что вы есть и до сих пор меня не распяли! Я буду вас любить тихо и безвозмездно... Только, пожалуйста, не бейте меня и не убивайте моих любимых. В остальном я практически не имею к вам претензий. Солнышки вы мои...

Глава седьмая. Почему я уверен, что все люди сволочи

Ну, а как им не быть сволочами? Все бегают, суется, жратвы на всех может не хватить. Вон, в Африке до сих пор голодают. Не посуетишься, не посволочишься — будет плохо. Вот, собственно, и все объяснение. Если отбросить

все формальности, от человека останется противное голое существо, лживое, жадное, завистливое – короче, сволочь. Да что я вам говорю, вы и сами знаете.

Вы скажете, мол, как же так, в прошлой главе ты тут на людей чуть ли не молился, а тут как сковородкой по морде – мол, сволочи вы все, и всё тут. Мол, неувязочка!

Никакой неувязочки. Любовь к идеальному человеку, эдакому ангелочку в коротеньких штанишках – это товар фальшивый. Если вам его предлагают – не берите. Только деньги выбросите.

Принимайте только настоящую любовь к вам, которая не за что-то, а скорее вопреки чему-то. Вот это по-нашему! Это круто. Я, конечно, извини, дорогой Лев Николаевич, вторую щеку под пощечину не подставляю, а скорее сам залеплю по роже. Хотя в молодости меня обычно били, а теперь не знаю. Уже лет двадцать не пробовал. Наверное, тоже побьют. Опыт быть битым – как езда на велосипеде или игра на скрипке – по-настоящему никогда не забывается, потому что это, как говорят в народе, память не мозговая, а мышечная. Ну, так вот, Лев Николаевич, вы меня и не уговаривайте. Но у меня есть другая идея и, может быть, вам, мой милый дедушка-бородач со строгой картошкой носа, понравится.

Признав, что люди исторически-эволюционно сложились, как отъявленные сволочи, ты как бы больше ничего от них не ждешь, ничему не удивляешься и как бы почти не страдаешь, ибо

чего сердиться на явление природы? Не будь идиотом, не попадайся под ураган, цунами, землетрясение, если можешь. Ну, а не удалось – терпи.

Однако я достигаю эмоционального равновесия, спокойно относясь к очередному проявлению сволочизма: низости, предательства, воровства, лжи и ненависти, – потому что ничего другого от людей не жду, а когда получаешь что-то ожидаемое, хотя бы остается удовлетворение, что, мол, «я же говорил».

Больше, чем от вышеперечисленных проявлений сволочизма, я страдал от непредсказуемой дурной нерациональности людей. Они лезут с глупыми дразгами, когда вся очевидная логика требует промолчать, или, наоборот, остаются в бездействии, когда нужно сделать элементарный шаг и проблема решится.

Но и с этим я справился, заранее предсказывая глупость и нерациональность.

Зато какое счастье, когда я обманываюсь в своих ожиданиях и кто-нибудь неожиданно делает что-нибудь хорошее вопреки своей сволочной природе! Не из страха, не из-под палки, а просто так! О, это счастливые моменты для моей души!

Такое тоже случается. Чаще всего я не верю и ищу материальные сволочные причины лояльного поведения или проявления широты души. К сожалению, я их чаще всего нахожу, даже если они в действительности отсутствуют. Но так или иначе, я счастлив, когда люди

проявляют великодушные, нежные чувства, любовь, заботу и милосердие.

От редкости таких моментов мне все время хочется плакать, но я мужского пола и мне нельзя, поэтому я сдерживаюсь, и потом у меня болит где-то между глаз...

Не ждите, как я, ничего хорошего от людей, и каждый раз, когда вы не ошибетесь, вы будете довольны своей проницательностью и готовностью к шантажу, воровству, обману и насилию, ибо готовый к шантажу найдет, чем себя защитить и чем ответить, готовый к воровству повесит замок и оплатит страховку, а готовый к насилию наймет охрану или уедет к чертям на кулички, где его доставать будет себе дороже.

Но если вы ошибетесь и достанется вам от человека нечто божественное, типа проявления приязни или милосердия, – считайте, вы прожили не зря, ибо были свидетелем настоящего чуда, ради которого стоило жить!

Глава восьмая. Как я открыл, что я «Весы»

По знакам Зодиака я «Весы»... Ну, так оно и есть. Я всегда балансирую между двумя крайностями. В общем-то, это не так уж и плохо. В мире все находится в некотором дуалистическом балансе.

Возьмите хотя бы пиратов. Казалось бы, убийцы и грабители, страшные люди, а какая к

ним добавлена романтика в наши извращенные навыворот времена! Я, помню, был капитаном небольшого судна, возившего табак из Бразилии. Так мы еле унесли ноги, когда пираты подожгли наш корабль. Так что лично я не вижу никакой романтики в этой непристойной профессии. Представьте себе, посреди океана горит и дымится корабль, полный табака... Такой «трубки мира» я ни до, ни после не видал...

Всегда, прежде чем приму окончательное решение, меня качает в противоположную сторону. Окружающих, не привыкших к такой моей практике, повергает в кошмар неуверенность, и я в последнее время стараюсь помалкивать об этих качаниях, хотя мне это редко удается, поскольку я страшный экстраверт, как вы сумели уже заметить. У меня очень мало что принадлежит мне самому и чем бы я не делился со всем окружающим миром.

Мне всегда необходим собеседник, чтобы обкатывать на нем свои решения и планы. Вот теперь, отчасти, я использую вас в таком качестве. Вы особенно для меня ценны тем, что являетесь идеальным внимательным слушателем, который не навешивает в свою очередь на меня свои проблемы.

Сенеку часто обвиняли в том, что он сам не следовал нравственным советам, изложенным в его книгах. Мне совершенно ясно, что книги эти он прежде всего писал для себя... Так и вы, мой преданный читатель, становитесь невольным свидетелем моих раздумий... Надеюсь, я вам не слишком ими докучаю.

Качаясь на весах своего какого-никакого разума, я как бы встаю на противоположную сторону, становясь себе самому самым строгим оппонентом, и лишь полностью себя победив, возвращаясь обычно к первоначальной позиции, поняв, что противные доводы, как бы они ни были убедительны, все-таки недостаточны, чтобы загубить очередную идею.

За много лет жизни с самим собой я заметил, что я практически никогда не оставляю даже самых сумасшедших своих идей. Они так или иначе находят себе путь и завладевают моей повседневной реальностью.

Иногда я иду на какой-то компромисс, но чаще всего делаю то, что однажды промелькнуло в моем сознании как тонкое ощущение, оставившее после себя сладкий след удовольствия.

Сначала, когда я был менее уверен в себе, я пытался откладывать свои идеи, мол, может быть, само пройдет. Но потом я заметил, что это не помогает. Все равно то, что один раз я себе

вдолбил в голову, так или иначе выйдет наружу, и поэтому сопротивляться этому бесполезно.

Я уже знакомил вас с двумя персонажами, живущими в моей голове. Один из них – обычный здравый смысл, такой же, какой продается в любом промтоварном магазине... Что, там еще такого товара нет? Ну ничего, скоро и его к нам завезут импортом из Китая.

Итак, второй персонаж – мой супер-здоровый смысл, который с точки зрения большинства людей характеризуется, как «Маничка величия» или «Ну, у тебя, Боря, совсем мозги поехали» и т.д.

Сначала просто здравый смысл побеждал с переменным успехом, он сворачивал мой взбалмошный и непоседливый супер-здоровый смысл в кренделя, и жил я несчастливо, хотя и как все. Постепенно баланс сил поменялся, и теперь я живу вполне счастливо под руководством этого самого супер-здорового смысла, с которым вы, вообще-то, уже неплохо знакомы, потому что это именно он, развалившись на зеленом диване у меня в кабинете, диктует мне главы этого саморомана.

Просто здравый смысл отправлен в бухгалтерию, в которой супер-здоровый смысл ничего не понимает, потому что он по природе своей растратчик и денег не считает, а быть бухгалтером под началом такого типажа – просто туши свет!

Вот и качаются мои смыслы на весах, а я обвешиваю сам себя, как на рынке, если мне не нравятся показания их стрелки...

Глава девятая. Почему я делаю желаемое действительным

Детки стонут от зависти, читая про скатерть-самобранку или про ковер-самолет. Они издают милейшие звуки детского восторга, смотря мультик про Аладдина с лампой и замечательным сине-добрым джинном по фамилии Джини.

Люди, вырастая, приучают себя забыть эти дурные фантазии. Они втемяшивают сами себе в голову, что надо усердно работать, и тогда, когда-то там в конце, на краю кашляющей старости, у них все будет, ну если уж не все, так многое из того, чего они себе не могут позволить в свои долговязые молодые годы, потому что надо работать на старость...

Какой идиотизм. В России государство, конечно, позаботилось развеять этот вредный миф и несколько раз подряд обесценивало стариковские сбережения. Теперь же оно беспокоится о стариках и все время повышает им пенсии, которых хватает на то, чтобы купить веревку и мыло, дабы повеситься.

В западных странах это не так. Эгоистичные старички со старушками разъезжают на ослепляющих своей ценой автомобилях с открытым верхом (а-ля: «Дед, прикрой лысину – а то остаток мозгов выдует»). Еще они тратятся на рестораны, окончательно губя протухшую печень жареным стейком, потому что он у них в

этой печени застревает и не желает усваиваться по-настоящему. (Извините за вольности с патофизиологией усвоения стейков – это пока слабо изученная область). Ну, а если случается такое невезение и рано или поздно западному бодрому старичку все-таки случается очокуриться, то все оставшиеся сбережения уходят на строительство памятника или жертвуются местному клубу утколовов.

Наследство молодым нынче оставлять не принято, и общество этого не поддерживает. А то что же это получается? Мы пахали, ночей не спали, виски не допивали, пиво не дохлебывали, пострадали всю жизнь за эти копейки, центы, пенсы и т.д. Шиш вам. Идите помучайтесь с наше.

Итак, вслушайтесь: цель детства – повзрослеть, чтобы выбросить все эти глупости из головы. Цель юных лет – хорошо учиться, чтобы суметь правильно провести зрелые годы в производственных дрязгах для того, чтобы обеспечить себе счастливую старость, которая, как известно, – «не радость». Бабушка моя в свои восемьдесят два частенько вздыхала: «Старость не радость», и поэтому я это выражение так хорошо усвоил.

Вам не кажется, что от этой концепции так и тянет каким-то заскорузлым идиотизмом?

Общество, конечно, сидит и ухмыляется, потому что ему такая концепция нравится. Обществу не нужны люди. Ему нужны функциональные единицы. Этот пекарь, этот токарь. А этот чавой-то затих. Не помер ли?

Помер. Ну, ничего страшного. Уберите-ка его, чтобы не было конфуза, и следующего на его место. «Товарищи смертные! Пожалуйста, не задерживайте очередь! Проходите, не толпитесь!» – строго, но по-отечески заботливо подпинавает граждан под зад разжиревшее общество и обеспечивает свое нормальное функционирование.

Даже отбросы общества ведут себя организованно и отбрасываются по заведенному распорядку.

Ну не заглядение ли? Просто слезы на глаза наворачиваются от созерцания повсеместного мира и благополучия...

Конечно, в старые времена общество страдало. На него поплеывали некоторые типы, получившие наследство. Сначала общество решило отбирать половину наследства как налог. Но и это не сработало, поскольку, вы знаете, людишки такие наглые и юркие. Все время норовят свое припрятать и другим не отдавать! А как же бедному обществу содержать свои отбросы? Вы знаете, сколько у нас сидит по тюрьмам! Их ведь охранять надо! А это затраты. Не хотят добрые люди платить за содержание злых людей под стражей.

Ну, общество нашло лучший способ. Теперь, благодаря его воспитанию, люди в разных поколениях ненавидят друг друга практически на генетическом уровне. А в момент перехода из возраста в возраст страдают психологическими кризисами невероятной силы. Потому что, можете себе представить, – одна твоя часть

на кухнях, отчего ее вроде бы как по новостям не показывают и разрухи в государстве не наблюдается, по крайней мере, явной, а вот разруха на кухнях и в душах проявляется в полной своей красе, беззубая разруха с красными завистливыми глазешками семейных ссор.

В такой атмосфере общество настолько отвлекает своих членов от обдумывания, чего же им действительно хочется, что члены эти бегают, как угорелые, между скандалами на работе и скандалами дома, ложась в гроб с видимым удовольствием на припудренном лице – мол, фух, отбежался, слава Богу.

Итак, для того, чтобы научиться делать желаемое действительным, нужно сначала, в качестве, так сказать, подготовки, взять все ценности и увещевания общества и пересмотреть. Строго так, бескомпромиссно. Общество говорит – посылайте детишек в школу. А ты так посмотришь обществу в глаза строго, а глазки-то у общества как забегают. Значит, что-то нечисто! Начинаешь разбираться – а там кошмар. В школах-то они дерутся, курят, пьют. Ругаются неприличными словами и искривляют свои извилины такими параболлами и гиперболами, что по окончании среднего учебного заведения человек становится законченным идиотом, которому вполне можно кол на голове тесать в его упрямстве оставаться на всю жизнь идиотом.

Общество говорит – работай усердно, много не думай, а главное, лишнего не болтай. А как приглядишься – все сплошной идиотизм, на

идиотизме замешанный и идиотизмом приправленный.

Короче, если следовать рекомендациям общества – кончишь либо в тюрьме, либо на кладбище. Хорошо, хорошо, если не следовать наставлениям общества, закончишь все равно там же. Но все-таки с лучшим ощущением.

Самый страшный секрет богов и царей – то, что люди свободны, шепчет мне на ухо Сартр.

В этой жизни практически все возможно, за исключением совсем уж прямого нарушения законов физики (хотя и они весьма спорны).

Я понимаю общество, у него среднестатистические заботы. Оно предохраняет нас, родненьких, от хаоса, от пещерной жизни и так далее. Честь и хвала ему за это (если оно, конечно, не филонит и действительно предохраняет нас, потому что в некоторых странах общество совсем на голову нехорошее).

Однако мы все-таки какие-никакие, но люди, человеки, конечно, мы никуда не годимся без общества, но почему бы не попробовать, не очень это общество смущая, жить тихой своей, но человеческой жизнью, а не ее суррогатным подобием, которое нам предлагает общество на развес и в удобных упаковках под названием: «Школа», «Здравоохранение», «Армия»?

Итак, для того, чтобы научиться делать желаемое действительным, прежде всего нужно разобраться, чего следует и стоит желать. Я, например, желаю счастливой, насыщенной, защищенной жизни в кругу своей семьи, так, чтобы поколения и супруги не вели военных

действий на кухне, так, чтобы весело смеяться по вечерам за ужином и никогда не расставаться, потому что на свете ничто не стоит расставания. Мир души и сладость тихой домашней радости для меня есть вершина желаемого, и если для этого необходимо построить другую планету Земля – я к этому готов.

Глава десятая. Прочие рекомендации по материализации идей

Однажды утром директор малюсенькой фабрики по производству игрушечных моделей самолетов является перед своими сотрудниками и заявляет:

– Мы начинаем новый проект.

– Что, будем расписывать крылья моделей ромашками, чтобы самолетики покупали не только мальчики, но и девочки? – гадают сотрудники.

– Не угадали. Мы будем строить космический корабль. Да-да! Первый в мире космический корабль, который будет построен и запущен частным образом.

Скажете, такие проекты невозможны?

Извольте заглянуть в новости:

«Частный космический корабль SpaceShipOne 21 июня 2004 года успешно совершил первый испытательный полет за пределы земной

атмосферы. Кораблем управлял шестидесятидвухлетний летчик-испытатель Майкл Мелвилл. SpaceShipOne стал первым негосударственным пилотируемым аппаратом, достигшим космоса. В 17:32 по московскому времени самолет-носитель White Knight с пристыкованным космическим кораблем выехал из ангара и направился к взлетно-посадочной полосе. Через десять минут аппарат проехал на буксире мимо тысяч зрителей и был доставлен к полосе. Еще через пять минут самолет-носитель с космическим кораблем поднялись в воздух. White Knight, двигаясь кругами, поднял космический корабль на высоту 15 км. В 18:51 по московскому времени на высоте 15 км аппарат отстыковался от самолета-носителя White Knight. Через несколько мгновений пилотирующий космический корабль летчик-испытатель Майкл Мелвилл включил ракетный двигатель, после чего SpaceShipOne устремился в космическое пространство.

Двигатель проработал всего 80 секунд, но после этого аппарат продолжил движение по инерции. В 19:02 по московскому времени аппарат снова вошел в атмосферу Земли и продолжил снижение в планирующем режиме.

В 19:20 по московскому времени летчик-испытатель, а теперь и полноправный астронавт, Майкл Мелвилл посадил космический корабль на аэродроме в пустыне Мохаве, что неподалеку от Лос-Анжелеса.

Майкл Мелвилл – летчик-испытатель со стажем и одновременно вице-президент

*компании Scaled Composites. Вообще-то, в 1982 году, когда была основана Scaled Composites, речь о полетах в космос не шла. Элберт Рутан, основавший компанию, сделал это с целью реализации необычных идей в авионике, в частности, активного использования композитных материалов. Когда в декабре 2003 года SpaceShipOne совершил свой первый сверхзвуковой полет (став первым частным воздушным судном, преодолевшим звуковой барьер), было раскрыто имя инвестора – Пол Аллен. Да, единственным спонсором проекта выступает тот самый человек, который стоял у истоков революции персональных компьютеров».**

Понимаете, какая штука... Раньше люди мечтали стать космонавтами – а им по бороде... Мол, не лезь со своими мечтами поперед гагариных... А вот теперь нет большой разницы между государствами и простыми людьми. Нынче простые люди, всякие Усамычи, могут объявлять войны целым континентам, а не менее простые люди типа Билла Гейтса умудряются организовывать частные фонды помощи африканцам, конкурирующие в объемах финансирования со Всемирной Организацией Здравоохранения.** Раньше простым людям тоже

* По материалам новостей с сайта <http://www.computerra.ru>.

** Билл Гейтс и его супруга Мелинда основали благотворительный фонд и внесли в него более \$17 миллиардов для поддержки филантропических инициатив в области здравоохранения и образования. К настоящему моменту Фонд Билла и Мелинды Гейтс

удавалось играть международные роли, но для этого им необходимо было подняться на вершины государственной власти: Наполеон,

Бис
мар
к,
Лен
ин,
Гит
лер

...
Два
дц
атый
век
так
воо
бщ
е
был
пол
он

подобными примерами. Но что интересно по поводу внезапно накатившего на нас двадцать первого века — людям больше не нужно

забираться на вершины государственной власти,
(Bill and Melinda Gates Foundation) передал более \$300 миллионов
чтобы влиять на судьбы мира,
организациям, работающим в области здравоохранения; более \$300

миллионов — на совершенствование образовательного процесса, в том числе на развитие инициатив в области библиотечного дела (Gates Library Initiative), которые позволят населению США и Канады с малым доходом работать с персональными компьютерами и интернетом в публичных библиотеках; более \$54 миллионов — на общественные проекты в странах северо-западного побережья Тихого океана; и более \$29 миллионов — на другие специальные проекты и в рамках ежегодных благотворительных кампаний.

В одном из последних выпусков журнала «Фигаро» французы восхищались посетившим их Биллом Гейтсом – мол, ни от кого не зависит,

может говорить и делать все, что ему заблагорассудится, не должен оглядываться на избирателей... Многие главы государств с замиранием сердца прислушиваются к тому, что он скажет...

Французы, как всегда, зрят в корень. Оставшись неисправимыми монархистами, хоть и с революционными наклонностями, французы приучены Шарлем де Голлем к новому вкусу монархии в виде президентства и знают толк в абсолютной власти!

Вы, конечно, мне укажете на несчастные судьбы некоторых олигархов, которых тят по Ляпкину, ляп по Тяпкину... Это правда. Государства махаются и лупят этих несчастных ляпкиных-тяпкиных мирового бизнеса, но и у государств нынче становятся руки короткие (не у всех, конечно, но у большинства). Слава Богу, государства мира умудрились до сих пор не договориться между собой, и поэтому некоторым олигархам удастся избежать тюремных нар.

Однако трудно отрицать явный процесс расширения возможностей, связанный с небывалой технической революцией персональных компьютеров и интернета, делающих простых людей сильнее в тысячи раз.

Вернемся к нашим баранам. (Кстати, вы знаете, что это французское выражение? «Revenons à nos moutons». Кто бы мог подумать! Вообще исконно русский язык просто тает у меня на глазах по мере освоения французского.)

Итак, о чем это я? Ах. О баранах. Позвольте мне представить на ваш суд некоторые рекомендации по материализации идей.

Во-первых, само понятие материализации – устарело. Вы, скажем, постройте виртуальную империю, таким образом материализовав свою мечту. Но является ли виртуальное материальным? В том-то и дело, что если бы Хеопс жил в наше время, возможно, он возжелал бы построить себе пирамиду в интернете. (Я не имею в виду денежную пирамиду, разумеется, хотя как знать... Пути великих мира сего неисповедимы...) Всякий раз, когда вам кажется, что для осуществления вашей идеи потребуются невероятные материальные затраты, подумайте: может быть, ее возможно осуществить виртуально, что может обойтись гораздо дешевле, а иногда и бесплатно.

Во-вторых, мыслите глобально и как можно более по-современному. Просто поразительно, как много вещей делается по-старому и левой пяткой через правое ухо, в то время как технические возможности уже давно позволяют производить эти действия с гораздо большей эффективностью. Увы, я сам сталкиваюсь с колоссальной инертностью мышления.

В-третьих, поверьте, нет ничего невозможного. Просто есть вещи, на которые, возможно, не стоит тратить времени и сил!

Часть вторая

Война со временем закончилась ничьей

Глава одиннадцатая. Почему я возненавидел Время

Тик-так, тик-так! Сколько можно? Вот оттиктакало мое детство, а вот оттиктакала свежесть юных рассветов с золотым солнышком в углу восхитительной акварели мира. Смерть мчится в колеснице, запряженной вороными скакунами минут. Как же мне не ненавидеть Время? Сначала оно испещрило морщинами и убило мою бабушку, теперь состарило и заразило несносными недугами маму, а на днях взяло и облило мне белой краской виски. Я пытался их отмыть, но никакой шампунь не берет упрямую краску седины.

Время — это то, что всегда гложет мой беспокойный дух отголоском предчувствия холода снежного бора, в котором деревья аж трещат от холода, и моления ни к чему, потому что все уже протикало и больше нечего просить у хитроликой природы. «Все, Боря, отбегал!» — скажет она и пойдет подкручивать колесики своих трескучих гибельных часов, размахивающих ножом гильотины-маятника.

К вам когда-нибудь поворачивалась природа задом? Поверьте, это не самое экстатическое переживание.

Время для меня есть – тоска, смерть, старение, неволя, кислота обиды за то, что не дожил, не достиг того, чего мог и должен был достичь... Для меня, как и для всех, время пахнет смертью, и запах этот сводит нас с ума, потому что как бы мы ни елозили своими юркими попками – нет у нас ответа на окончательный вопрос: «На кой черт все это надо?» А существовать в качестве хрупкого микроскопического колесика в механизме термодинамически лояльных процессов – мне не по нутру, вам не по нутру, нам всем – не по нутру.

Если времени нет, как утверждают некоторые физики, и если действительно есть та, иная загробно-восхитительная безвременная реальность, какого черта нужно мучить мириады поколений, окочуривающих от одного только страха небытия, скрывая от них этот простой, как лампа дневного света, факт – все не напрасно, успокойтесь, все будет хорошо!

Ой, не знаю, не знаю... Время – очень жгучая субстанция, когда пытаешься пощупать его голыми руками и душами...

Я отчетливо помню то утро. Мне было очень мало лет, и бабушка, уж не знаю к чему, мне сообщила, что все мы умрем. «Ты умрешь?» – наивно переспросил я. «Да», – ответила она с поразившими меня упрямством и однозначностью. Не «наверное» или «посмотрим на твое поведение», как она обычно отвечала на

другие мои вопросы, а окончательно и бесповоротно: «Да», и все тут. Меня удивила эта настойчивость, и я спросил: «А я умру?» «Да!» – гремит тихий голос моей бабушки сквозь десятилетия. Зачем мы об этом заговорили? Зачем я задал ей эти вопросы? Не знаю. Мне показалось все это какой-то грандиозной ошибкой. Просто глупостью. Я начал спорить, но бабушка почему-то была непреклонна в этих своих отвратительных утверждениях, и довольно скоро я пришел к выводу, что за костлявой спиной Смерти стоит невинно тикающее Время. Оно себя ведет так, как будто бы совсем ни при чем. Я, мол, тут тикаю, а вы, мол, делайте чего хотите – все равно без моего тиканья вы ни чайник не вскипятите, ни воздухом не подышите. Поразительно – то самое время, которое кипятит нам чай, нас же и сводит в могилу. Какая экономность и рачительность! Браво, природа! Я тебе аплодирую, хотя знаю, что тебе на это наплевать.

Но по-настоящему без Времени, по крайней мере в той его брутально-убийственной форме, в которой оно мне представилось с детства, никакая смерть не актуальна. Убивают не костлявые скелеты с косами, а эти самые невинные тиканья по углам, которые мы буднично именуем секундами, минутами, часами...

Короче говоря, с чрезвычайно раннего детства Боря Кригер задался этим серно-кислым вопросом: «Что же нам всем делать с уходящим и тем самым убивающим нас Временем?»

Попытки его остановить или замедлить в приказном порядке провалились еще в возрасте пяти лет.

Я, одетый то ли в желтенькое, то ли в клетчатое (сейчас не помню) одеяло, наброшенное на плечи и завязанное у меня на груди, служившее мне львиной шкурой, подсмотренной в книжке с картинками про Геракла, стукнул пару раз хоккейной клюшкой по полу и твердо заявил, что я требую отменить смерть, по крайней мере на лично-семейном уровне. Некоторое время я немного надеялся, что подобная мера будет действенной, но Время само мне показало, насколько сей ритуальный акт был неэффективен, первым делом убив моего хомяка. Ну хомяк-то что ему сделал?

После этого моя неприязнь ко Времени усилилась. Если бы не Время, я бы мог посетить все страны Земли, прочесть все книги, поговорить со всеми мудрецами, построить космические корабли и посетить самые отдаленные уголки Вселенной, а из-за все время тикающего над ухом будильника я должен, как замороженный каким-то древним посулом, вставать по утрам и снова чистить больные зубы, и снова копошиться, как хомяк в своей норке, обустроенной в уголке клетки, то

сминая, а то расправляя брошенные туда клочки бумаги. Кстати, хомяк Хомка, подаренный мне на день рождения и ставший первой на моей памяти невинной жертвой Времени, умер, так и не приходя всю жизнь в сознание (я не имею в виду, что хомяк был в коме, а просто намекаю, что тварью он был неразумной, хоть и горячо мною любимой). Хомяк умер от старости, достигнув почтенного возраста почти трех лет. Мы звонили ветеринару, подносили зеркальце к его хомячьему носику – не дышит ли, но нет, ничего не помогло. Хомка не впал в спячку, а просто банально сдох, и Время впервые показало мне свой толстый, надтреснутый от сухости язык – так, мол, тебе... накость, как говорится, выкуси!

А потом в той же маминой и папиной комнате, где я впервые встретился со своим хомяком, первое время жившим в баночке на папином старом радиоприемнике, я наткнулся на зеленую хозяйственную сумку с прахом моей бабушки, который мой брат отвозил на юг, чтобы захоронить в могиле дедушки.

Тут я понял, что Время вовсе не собирается шутить, и я его возненавидел не на шутку. А как бы вы отнеслись к убийце, сначала убившему невинного хомяка, а потом угробившего вашу бабушку? И, очевидно, не собирающемуся остановиться на этих скромных достижениях. Этот убийца собирается убить всех ваших домашних, включая кошек и собак, всех продавцов универмагов, дикторов телевидения, вообще всех, кого вы знали, видели и вообще о ком могли бы только подумать. Но, самое

страшное, этот убийца собирается убить вас. Хотите я назову вам его фамилию? Записывайте. Его фамилия – ВРЕМЯ.

Глава двенадцатая. Как я довел Время до белого каления

Возможно, это покажется странным, но я, будучи мечтателем, являюсь человеком действия. То, что какой-то кровожадный будильник убил моего хомяка, вовсе не означает, что я испугался и тихой овечкой собирался молчать и дожидаться, когда придет мой черед.

Во-первых, я немедленно начал идеологическую войну со Временем. Я стал повсеместно разъяснять, что вовсе не мы убиваем Время (ну знаете, так говорят: давай перебросимся в картишки, просто чтобы время убить), а Время убивает нас. Конечно, это оказалось общеизвестной истиной, но многие общеизвестные истины живут своей какой-то параллельной жизнью и никак не влияют на наши мысли и поведение. Например, мы выбрасываем засохший хлеб, а в Африкедохнут с голоду. Все ведь отлично знают, что в Африкедохнут с голоду, но все равно выбрасывают засохший хлеб. Только на отбросах одного среднестатистического семейства можно было бы прокормить пару жителей какой-нибудь суданской деревушки. Они ведь тоже люди! Да, грязные и голодные, но люди... Конечно, глупо

слать им наши обеды, потому что только за доставку вы заплатите столько, что этого бы хватило, чтобы купить новую свежую еду в суданском супермаркете. Что, там нет супермаркетов? А почему? Ах, это не тема нашего сегодняшнего разговора... Хотя почему не тема? Суданские и руандские голодающие решили вопрос с убивающим их Временем. Их убивает голод! А Время только изредка ему помогает.

Ах, сволочи мы все. Сколько себя помню – все талдычим: в Африке голодают. В Африке голодают... И ничего так до сих пор с этим не сделали... Вы скажете, что не только в Африке и не только голодают... Вы скажете, что на все на свете у вас не хватит времени! Ах, вот оно что, опять оно, это подлое Время! Значит, оно не только убивает нас, но и не дает нам заняться чем-нибудь таким, что могло бы предотвратить убийство других с помощью банального голода, малярии, СПИДа и ручной гранаты – этих четырех китов всех проблем отсталых народов.

Итак моя идеологическая борьба со Временем достигла своего апогея, когда я в 1993 году написал маленькую сказку всего на сорок печатных страниц: «Ложечка, лампадка и вечерние дожди».

«Ах, какая жуть осознать нужду вырвать с мясом слабое лицо из кратера подушки и сбросить несчетный скафандр одеял! И вместо раздольной дымки очутиться в комнатной клетушке, в мареве испарений и лени, приторной, как забота о хлебе. Так случилось с Зайкой и Мишкой в то же мгновение после адской метаморфозы. И сразу оба напуганных

*странника
осюрпризилис
ь
отвратитель
ным
свойством
земной
обители –
разбушевавши
имся
временем,
существом
[на мишкиной
и зайкиной
планете]
редким и
мертвым,
давно*

упрятанным в толщах скалистых пород и вовсе аморфным, а не агрессивным, как у нас на Земле.

Время, последнее время, пронзило всю нашу материю, и мечутся в хаосе мгновения и питаются исключительно плотью.

У Зайки сразу заломило уши от непривычки так скоро стареть, снедаемым оборзевшими

минутами в качестве излюбленного яства. А Мишка только крепко зажмурился, пока немного не привык. И сквозь лютую бобу в очугуневших висках заворчал:

– Ой, чего это мы тут объявились? И проездом это, или насовсем?

А Зайка тихонько заплакал, подставляя колыбельку под слезинки, чтоб не пачкать чужих простыней. Но колыбелька таяла на глазах, ибо сделана была она из материала, никогда не материального на Земле.

– Это место немилое такое, – жалел Мишка Зайку, – и время здесь наглое и даже по всем углам расползается. То ли дело дома!

– Да, очень вредное оно, это время, вот и колыбельку съедает, не поперхивается. Фу, хищник людоедистый, – зажаловался Зайка, катая на ладошке крошечный сияющий комочек, безропотно спешащий в небытие.

– Смотри, Мишка, его ж тут, это время, без очков видно, – испугался Зайка.

И правда, время ухмылялось по углам и стремглавыми тенями с отсветами справляло свой извечный и бесстыжий кругобег по сервантам и книжным шкафам. Это нам, глупцам, кажется по ночам, что стены наших жилищ мечут блики пучефарых автомобилей. Но Мишка-то, во все привыкший вникать не на шутку, сразу эти выкрутасы времени раскусил. Древняя ящерица – Время, заточенная с незапамятных времен в подземельях мишкиной планеты, на Земле бродила ненаказанной и щипала беспрестанно виски».

Я еще много там унижал и разоблачал Время, оно бесилось и скалило зубы... Я думал, что моя сказка отчасти смогла его победить:

«Потом Мишкозайки готовили плюшки и долго чаевничали в бликах дешевой лампадки, но им было очень светло, даже, может, прелестней, чем в бархате чудной опушки. Они были вместе и даже совсем по-людски завели разговоры о пользе и смысле ну самых различных вещей. А время незлобной собакой гнездилось у выхода в кухню. Оно прижилось и вредило не так ядовито, хотя приручить его было совсем невозможно. Оно лишь скулило, что даже отстройте вы кухню в жилистой толще гранита, не огорожат вас эти махинные стены ни от обиды всемогущей, ни от похлебы вседневного».

Но Время сыграло с этой сказкой свою обычную злую шутку. Подождав три года с пачкой машинописных листов, я наконец напечатал за свои деньги пятьсот маленьких зелененьких книжечек со сказкой и милыми картинками. Я так и не смог донести ее до читателя. Большая часть этих книжек все еще лежит в огромной коробке где-то в каменных катакомбах Тель-Авива. Никому они не нужны... С тех пор, как я написал эту сказку, прошло двенадцать лет. А я думал, что моя зелененькая книжечка – лучшее, что я в своей жизни написал, и что она произведет, по крайней мере, такой же целебный эффект на народонаселение, как «Маленький принц» Сент-Экзюпери. Как знать,

видимо, я должен был вовремя стать военным летчиком и разбиться...

Недавно я с удивлением нашел эту сказку в интернете – один добрый человек ее подобрал и поставил в сеть, но, увы, хоть я и довел Время до белого каления своими дерзкими словами, эти слова, по-видимому, так и умрут большей частью в пропахшей плесенью коробке...

Смейся, Время, смейся...

Глава тринадцатая. Как я окончательно победил Время

Поняв, что Время сказками не проймешь, – оно на своем веку повидало еще не те литературные произведения, – и пощипав его парой дюжин стихов, я принял решение подойти к вопросу по-научному.

Дело в том, что оказалось: Время не только все время съедает нашу плоть, но с возрастом этот процесс ускоряется!

Я был в шоке. Мало того, что Время убивает каждую секунду мою несчастную жизнь, оно еще и проходит все быстрее и быстрее. Недели сначала тянулись, потом потекли, а теперь и вовсе замелькали! Было ощущение, что меня не только надули, но еще и обокрали.

Так я открыл явление, которое мной было названо по-научному «возрастная акселерация хроноперцепции», что на простом языке означает, что с возрастом нам кажется, что время бежит быстрее, и поэтому мы имеем стойкое чувство обкраденности и разочарования по отношению к настоящему и грядущему. Но вопрос состоял в том, является ли это моим личным переживанием, или это явление встречается и у других людей.

Пользуясь тем, что к тому времени я уже руководил собственным исследовательским и образовательным центром, я организовал и провел научно-психологический эксперимент*:

Хроноперцепцию мы определили как процесс восприятия времени центральной нервной системой человека. Изучение этого свойства центральной нервной системы необходимо как для выявления причин возрастных психологических кризисов, так и для определения ранних симптомов нейродегенеративных заболеваний. Как и любая функция мозга, хроноперцепция претерпевает определенные изменения, связанные с возрастной регрессией организма. Целью этого исследования было установить характер возрастного изменения хроноперцепции и построить

* Борис Кригер, «Метаболическая модель возрастного ускорения хроноперцепции в процессе биологической регрессии» (B. Kriger, «Metabolic model of acceleration of chronoperception due to process of biological regression»). Результаты были опубликованы в 1999 году в журнале KMR. С полным текстом статьи можно ознакомиться в конце этой главы.

биофизиологическую базу для объяснения этого феномена.

Основным методом изучения изменения хроноперцепции являлись опросы различных возрастных групп, направленные на оценку изменения параметров субъективного восприятия времени. Выбор участников опросов производился рандомально. В экспериментальных опросах участвовал 21 человек.

Феномен ускорения хроноперцепции с возрастом обнаружен у 95,2% (20) опрошенных. Феномен акселерации хроноперцепции за короткий промежуток времени в 10 лет наблюдался в разной степени у 33,3% (7) опрошенных. Картина изменилась при опросе, направленном на сравнение двух десятилетних периодов в юношестве и в зрелом возрасте. Феномен акселерации хроноперцепции наблюдался почти в половине случаев 47,5% (10). Таким образом, эффект акселерации хроноперцепции нарастал с увеличением оцениваемых промежутков времени.

Чувство «обкраденности» по отношению к прожитому времени отмечалось у 71,4% (15) опрошенных. В то же время 52% (11) считают, что если бы была установлена общая закономерность изменения восприятия времени с возрастом, им стало бы легче планировать свою жизнь, и это предотвратило бы возрастные психологические кризисы.

Биофизиологическая база феномена возрастной акселерации хроноперцепции

основывается на предложенной нами модели обратной связи между интенсивностью метаболизма нейронов гиппокампа и скоростью процесса хроноперцепции. По мере увеличения возраста происходит замедление митохондриального метаболизма, в результате чего снижается выработка АТФ и тем самым увеличивается выработка гамма аминomásляной кислоты GABA, которая ответственна за нарушение деятельности нейронов гиппокампа. Снижается активность темпоро-септальной оси, отвечающей за процесс восприятия времени. Меньшее количество эпизодов кодируется и декодируется этим отделом мозга. Таким образом, за одинаковые промежутки времени в молодом мозге процесс кодирования и декодирования эпизодической памяти протекает быстрее, чем в мозге более старшего индивидуума.

Поскольку восприятие времени базируется на количестве эпизодов, проходящих кодирование и декодирование в темпоро-септальной оси гиппокампа, молодой индивидуум насыщает эпизодической памятью каждый отдельный промежуток времени в большей степени, чем на это способен более пожилой индивидуум. Таким образом, одинаковые промежутки времени воспринимаются по-разному индивидуумами в различные периоды жизни, и с нарастанием возраста происходит ускорение восприятия времени, простым языком – «течение времени ускоряется».

На основе данных, полученных в результате обнаружения феномена возрастного ускорения хроноперцепции, необходимо начать разработку новых методик ранней диагностики нейродегенеративных заболеваний, разработку методов терапии при психологических возрастных кризисах, связанных с изменением хроноперцепции, разработку системы соотношений между биологическим возрастом и возрастом, основанным на хроноперцепции индивидуума, подготовку научно- популярного материала и проведение профилактической разъяснительной работы в группах риска, направленной на снижение факторов риска развития возрастных психологических кризисов и связанных с ними депрессивных состояний.

Итак, факт ускорения течения времени с возрастом был разъяснен, по крайней мере для меня самого. Попутно я пришел к осознанию того факта, что время есть субъективное восприятие, а следовательно, иллюзия. И в этом со мной согласился даже Эйнштейн. За месяц до смерти Альберт Эйнштейн писал в письме, где он выражал соболезнования родным своего усопшего друга Бессо, что «различие между прошлым, настоящим и будущим есть всего лишь иллюзия, хотя и очень трудно преодолимая, и смерть не более реальна, чем та жизнь, которую она завершает».

«Ну что ж», – сказал себе я и решил добить Время с помощью физических наук и особенно космологии.

Я как-то отправился в Лондон и натолкнулся там на книгу Стивена Хокинга*, который подтверждал мои размышления:

«Imaginary time is indistinguishable from directions in space. If one can go north, one can turn around and head south; equally, if one can go forward in imaginary time, one ought to be able to turn around and go backward. This means that there can be no important difference between the forward and backward directions of imaginary time. On the other hand, when one looks at “real” time, there’s a very big difference between the forward and backward directions, as we all know. Where does this difference between the past and the future come from? Why do we remember the past but not the future?»

«Воображаемое время неотличимо от пространства. Если кто-то может пойти на север, а потом развернуться и направиться на юг, то и в воображаемом времени должно быть возможно развернуться и направиться назад. Это означает, что не может быть значительного различия между направлением вперед и назад в воображаемом времени. Однако, когда мы смотрим на “реальное” время, существует очень большое различие между направлениями вперед и назад, как мы все знаем. Откуда берется это различие между прошлым и будущим? Почему мы помним прошлое, а не будущее?»

* Stephen W. Hawking, «A Brief History of Time». Bantam Books, New York, NY, U.S.A., 1988.

И это не слова никакого-нибудь умалишенного. Это слова человека, занимающего кафедру в Кембридже, которую занимал ранее сам Исаак Ньютон.

Далее наш новый Ньютон добавляет:

«Disorder increases with time because we measure time in the direction in which disorder increases».

«Беспорядок [имеется в виду в термодинамическом смысле. (Б.К.)] возрастает со временем [только (Б.К.)] потому, что мы измеряем время в направлении, в котором возрастает беспорядок».

Я не мог успокоиться. Всю ночь я шагал по номеру гостиницы, запинаясь в полутьме о разные предметы. Мне показалось, что вместе с лондонским рассветом забрезжила надежда на мою победу над временем. Я решил написать огромный труд, который досконально бы решал эту проблему. Это лондонское утро пахло бессмертием...

Но и на этом мои победы не закончились. Последним ударом, как я полагал, стала прочитанная мной книга Джона Уильяма Данна «Эксперименты со временем»*.

* Джон Уильям Данн (1875-1949), «Эксперименты со временем». Издательство «Аграф», 2000. Перевод с английского Ивлевой Т.В.

Дж. У. Данн не был профессиональным философом, он имел техническое образование и был авиатором. Но тем не менее он вошел в историю философии двадцатого века как создатель многомерной модели времени. Проанализировав феномен сбывающихся («пророческих») сновидений, Данн пришел к выводу, что на самом деле человек во сне перемещается в свое будущее по четвертому пространственно-подобному временному измерению. В дальнейшем, проведя эксперименты со временем на себе и других людях, Данн убедился в своей правоте и написал книгу, которая подействовала на публику того времени весьма впечатляюще – на протяжении 20-х годов она была переиздана шесть раз. Среди ее читателей был и Хорхе Луис Борхес, на творчество которого Данн оказал чрезвычайно глубокое влияние и который написал о нем эссе «Время и Дж. У. Данн».

Истоки философии Данна – это, во-первых, довольно приблизительно понятая общая теория относительности и, во-вторых, также довольно поверхностно воспринятый психоанализ. Из первой он почерпнул идею о том, что время можно рассматривать как пространственно-подобное

измерение. Из второго – интерес к сновидениям. В результате получился интеллектуальный бестселлер, заставивший меня подпрыгнуть от восторга!

Теперь у меня в руках было все, чтобы восторжествовать над Временем! Это была самая настоящая победа!

Метаболическая модель возрастного ускорения хроноперцепции в процессе биологической регрессии

Хроноперцепция – процесс восприятия времени центральной нервной системой человека. Изучение этого свойства центральной нервной системы необходимо как для выявления причин возрастных психологических кризисов, (1;14;15) так и для определения ранних симптомов нейродегенеративных заболеваний. Как и любая функция мозга, хроноперцепция претерпевает определенные изменения, связанные с возрастной регрессией организма. Цель этого исследования установить характер возрастного изменения хроно- перцепции и построить биофизиологическую базу для объяснения этого феномена.

Методы

Основой методов изучения изменения хроноперцепции являются опросы различных возрастных групп, направленные на оценку изменения параметров субъективного восприятия времени. Выбор участников опросов производился рандомально. В экспериментальных опросах участвовал 21 человек.

Результаты

Феномен ускорения хроноперцепции с возрастом обнаружен у 95,2 % (20) опрошенных. . Феномен акселерации хроноперцепции за короткий промежуток времени в 10 лет наблюдался в разной степени у 33,3 % (7) опрошенных. Картина изменилась при опросе направленном на сравнение двух десятилетних периодов в юности и в зрелом возрасте. Феномен акселерации хроноперцепции наблюдался в почти половине случаев 47,5% (10). Таким образом, эффект акселерации хроноперцепции нарастал с увеличением оцениваемых промежутков времени.

Чувство «обкраденности» по отношению к прожитому времени отмечалось у 71,4%(15) опрошенных. В то же время 52% (11) считают, что если бы была установлена общая закономерность изменения восприятия времени с возрастом, им стало бы легче планировать свою жизнь и это предотвратило бы возрастные психологические кризисы.

Биофизиологическая база и метаболическая модель

Биофизиологическая база феномена возрастной акселерации хроноперцепции основывается на предложенной нами модели обратной связи между интенсивностью метаболизма нейронов гиппокампуса и скоростью процесса хроноперцепции.

По мере увеличения возраста происходит замедление митохондриального метаболизма (3;4;5) , в результате чего снижается выработка

АТФ и тем самым увеличивается выработка гамма-аминомасляной кислоты GABA (3), которая ответственна за нарушение деятельности нейронов гиппокампуса. Снижается активность темпоро-септальной оси, отвечающей за процесс восприятия времени (2). Меньшее количество эпизодов кодируется и декодируется этим отделом мозга. Таким образом за одинаковые промежутки времени в молодом мозге процесс кодирования и декодирования эпизодической памяти протекает быстрее, чем в мозге более старшего индивидуума.

Выводы

Поскольку восприятие времени базируется на количестве эпизодов, проходящих кодирование и декодирование в темпоро-септальной оси гиппокампуса, молодой индивидуум насыщает эпизодической памятью каждый отдельный промежуток времени в большей степени, чем на это способен более пожилой индивидуум. Таким образом, одинаковые промежутки времени воспринимаются по-разному индивидуумами в различные периоды жизни и с нарастанием возраста происходит ускорение восприятия времени, простым языком «течение времени ускоряется».

Хроноперцепция – процесс восприятия времени человеческим мозгом. Этот процесс играет немаловажную роль в формировании психологического состояния личности. Возникновение возрастных кризисов нередко связано с чувствами разочарования и

«обкраденности» по поводу ушедшего и оставшегося времени. (1;14;15) Поскольку хроноперцепция связана с кодированием эпизодической памяти и энграммой (вместилищем этого вида памяти) является темпоро-септальная ось гиппокампуса – чувства, связанные с увеличением скорости течения времени ложатся на биофизиологическую основу, которая позволяет изучать феномен изменения восприятия времени как симптом развития нейродегенеративных процессов. Изучение хроноперцепции стоит на стыке различных наук, таких как психология, геронтология, биохимия, физиология, нейрофармакология. Поэтому при изучении хроно- перцепции необходим комплексный подход (8). Проект изучения хроноперцепции , проводимый нашим исследовательским центром ставит следующие задачи: 1. Установление феномена изменения хроноперцепции с возрастом и проведение экспериментов, призванных установить количественные соотношения в изменениях восприятия времени среди здорового населения в процессе увеличения возраста и среди лиц, страдающих от различных нейродегенеративных заболеваний. 2. Разработка эффективных методов ранней диагностики нейродегенеративных заболеваний на основе изменения хроноперцепции. 3. Разработка методик эффективной терапии при психологических возрастных кризисах, связанных с изменением хроноперцепции. 4. Разработка системы соотношений между

биологическим возрастом и возрастом, основанным на хроноперцепции индивидуума. 5. Подготовка научно-популярного материала и проведение профилактической разъяснительной работы в группах риска, направленной на снижение факторов риска развития возрастных психологических кризисов и связанных с ними состояний депрессии.

В исследовании, представленном в данной статье, устанавливается феномен ускорения восприятия времени с увеличением возраста, проводится количественная оценка результатов, выявляется степень влияния изменения восприятия времени на образование кризисогенной обстановки.

Настоящее исследование включило в себя разработку биофизиологической базы, объясняющей найденный феномен возрастного ускорения хроноперцепции с помощью метаболической модели.

Методы.

Лабораторией хроноперцепции проведено исследование субъективного восприятия течения времени. В опросах участвовал 21 человек. Участники эксперимента подобраны рандомально.

Цели опроса:

1. Установление факта изменения восприятия времени с изменением биологического возраста.
2. Установление пропорции изменения восприятия времени.

3. Установление факта воздействия изменения восприятия времени на развитие психологического возрастного кризиса .

Основные вопросы опросов: «Есть ли у Вас ощущение, что с возрастом время течет быстрее?»; «Вспомните, пожалуйста, какое либо событие равное по длине и повторяющееся периодически в Вашей жизни и сравните Ваше ощущение длительности этого события 10 лет назад и в последний год. Назовите соотношение этих периодов в вашем восприятии.»; «Вспомните, длительность Вашего обучения в школе и сравните с длительностью обучения ваших детей» «Возникало ли у Вас когда-нибудь ощущение «обкраденности», когда вы, оглядываясь назад, ощущали, что время прошло гораздо быстрее, чем вы ожидали, и вы успели сделать гораздо меньше, чем намеревались.» «Думаете ли Вы, что если бы была установлена общая закономерность изменения восприятия времени с возрастом, людям стало бы легче планировать свою жизнь и это бы предотвратило возрастные психологические кризисы?»

Результаты

Феномен ускорения хроноперцепции с возрастом обнаружен в 95,2 % (20) опрошенных. При проверке изменения восприятия равных промежутков времени в настоящее время и 10 лет назад в 57 % (12) феномена ускорения хроноперцепции не наблюдалось. В 19% (4) были получены результаты ускорения хроноперцепции в полтора раза. В 14,3% (3) наблюдалась акселерация хроноперцепции в 2 раза. 9,5% (2)

затруднились ответить. Т.е. феномен акселерации хроноперцепции на короткий промежуток времени в 10 лет наблюдался в разной степени у 33,3 % (7) опрошенных. Картина изменилась при опросе, направленном на сравнение двух десятилетних периодов в детстве и юношестве (период обучения в школе) и в зрелом возрасте (период обучения в школе детей опрашиваемых). Только 38 % (8) утверждали, что ощущения названных промежутков времени идентично. Тогда как 38% (8) утверждали, что время для них прошло в полтора раза быстрее, и 9,5% (2) отмечали, что время прошло в два раза быстрее. 14,3% (3) затруднились ответить. Феномен акселерации хроноперцепции наблюдался в почти половине случаев 47,5% (10). Таким образом, эффект акселерации хроноперцепции нарастал с увеличением оцениваемых промежутков времени.

Чувство «обкраденности» по отношению к прожитому времени отмечалось у 71,4%(15) опрошенных. 52% (11) считают, что если бы была установлена общая закономерность изменения восприятия времени с возрастом, им стало бы легче планировать свою жизнь и это предотвратило бы возрастные психологические кризисы.

Механизм процесса хроноперцепции.

Прежде всего следует установить какой из отделов головного мозга отвечает за восприятие времени. Согласно новому исследованию Lytton

W, Lipton P из университета Висконси (2), опубликованному в этом году, восприятие времени базируется на эпизодической памяти (episodic memory) т.е. воспоминаниях индивидуума, относящихся к определенным моментам времени. Эти эпизоды кодируются и декодируются в определенных участках гиппокампуса. Темпоро-септальная ось гиппокампуса (temporo-septal axis) играет важную роль в восприятии времени. Модель (Temporo-Septal Engram Shift Model of Hippocampal Memory), предложенная в этом исследовании, показывает, что эпизоды проходят кодирование в темпоральном отделе гиппокампуса, и постепенно перемещаются в септальные отделы (septal sites) где они могут декодироваться и быть востребованы (recalled). Это подтверждает, что чувство времени заложено в темпоро-септальной оси гиппокампуса.

Биохимическая база изменения хроноперцепции.

Мы предлагаем обосновать феномен изменения хроноперцепции в процессе биологической регрессии мозга новыми данными полученными по поводу GABA-эргической деафферентации.

Marczynski TJ (3) из департамента фармакологии Иллинойского университета утверждает, что существует связь между возрастной дегенерацией нейронов в различных районах мозга, в том числе и в районе гиппокампуса и активностью декарбоксилазы

глутаминовой кислоты (glutamic acid decarboxylase GAD), энзима, синтезирующего гамма-аминомасляную кислоту (GABA).

Существует обратная связь между концентрацией богатых энергией фосфатов (в основном АТФ) и активацией декарбоксилазы глутаминовой кислоты (glutamic acid decarboxylase GAD).

В данной работе постулируется, что во всех фенотипах нейронов возрастное снижение АТФ-негативного контроля приводит к постепенному увеличению высвобождения гамма-аминомасляной кислоты (GABA). Высвобождение Ca^{2+} independent carrier-mediated GABA препятствует экзоцитотическому высвобождению всех трансмиссивных модуляторов, поскольку интерстициальная GABA действует на аксональные претерминальные и терминальные участки (3;10). Происходит деполяризация GABA(A)-benzodiazepine рецепторов. Это возлагает ответственность на GABA за нейродегенеративные процессы связанные с возрастом.

С увеличением возраста снижается выработка АТФ, что приводит к блокаде выделения трансмиссивных, приводит к дистрофии и хронической деполяризации терминалов аксонов и блокаде ретроградного транспорта трофинов, приводящей к постепенной гибели нейронов (3;4;5).

Другое исследование Swaab DF. показало, что имеет место снижение метаболической активности в районе гиппокампуса как при

болезни Альцгеймера так и в процессе старения (4;5).

Модель обратной связи между метаболизмом нейронов гиппокампуса и процессом хроноперцепции.

Мы предлагаем следующую модель, которая призвана обосновать найденный нами эффект акселерации хроноперцепции в процессе биологической регрессии.

По мере увеличения возраста происходит замедление митохондриального метаболизма (4;5), в результате чего снижается выработка АТФ и тем самым увеличивается выброс гамма-аминомасляной кислоты GABA, которая ответственна за нарушение проведения импульсов в нейронах гиппокампа. Снижается активность темпоро-септальной оси, отвечающей за процесс восприятия времени (2). Меньшее количество эпизодов кодируется и декодируется этим отделом мозга. Таким образом за одинаковые астрономические промежутки времени в молодом мозге процесс кодирования и декодирования эпизодической памяти протекает быстрее, чем в мозге более старшего индивидуума.

Поскольку восприятие времени базируется на количестве эпизодов, проходящих кодирование и декодирование в темпоро-септальной оси гиппокампуса (2) молодой индивидуум насыщает эпизодической памятью каждый отдельный промежуток времени в большей степени, чем на это способен более пожилой индивидуум.

Таким образом одинаковые промежутки времени воспринимаются по разному индивидуумами в различные периоды жизни и с нарастанием возраста происходит ускорение восприятия времени, простым языком «течение времени ускоряется».

Выводы

В результате проведенных нами исследований установлен феномен ускорения хроноперцепции в процессе увеличения возраста (биологической регрессии). Также установлено, что ускорение хроноперцепции нарастает с увеличением разрыва между сравниваемыми промежутками времени и их протяженностью. Обосновано влияние феномена ускорения хроноперцепции на развитие возрастного психологического кризиса. В процессе поиска биофизиологического обоснования феномена ускорения хроноперцепции построена модель обратной связи между интенсивностью метаболизма в гиппокампусе и скоростью хроноперцепции.

Этот материал позволит установить в будущем более точные количественные соотношения в изменениях восприятия времени среди здорового населения в процессе увеличения возраста и среди лиц страдающих различными нейродегенеративными заболеваниями.

На основе данных, полученных в результате обнаружения феномена возрастного ускорения хроноперцепции, необходимо начать разработку новых методик ранней диагностики нейродегенеративных заболеваний, разработку методов терапии при психологических

возрастных кризисах, связанных с изменением хроноперцепции, разработку системы соотношений между биологическим возрастом и возрастом, основанным на хроноперцепции индивидуума, подготовку научно- популярного материала и проведение профилактической разъяснительной работы в группах риска, направленной на снижение факторов риска развития возрастных психологических кризисов и связанных с ними депрессивных состояний.

Библиография.

1. Millet L Charge de Cours a l'Universite, Toulouse. Encephale 1992 Sep;18 Spec No 4:507-10 [Depression in middle age patient]. [Article in French]
 2. Lytton WW, et al . Can the hippocampus tell time? The temporo-septal engram shift model. Neuroreport. 1999 Aug 2;10 (11):2301-6. PMID: 10439453; UI: 99368308)
 3. Marczyński TJ GABAergic deafferentation hypothesis of brain aging and Alzheimer's disease revisited. Brain Res Bull. 1998;45(4):341-79. Review. PMID: 9527011; UI: 98186207.)
 4. Swaab DF. The human hypothalamo-neurohypophyseal system in health and disease. Prog Brain Res. 1998;119:577-618.
 5. Swaab DF, et al Reduced neuronal activity and reactivation in Alzheimer's disease. Prog Brain Res. 1998;117:343-77.
 6. Heidegger, M. (1962). Being and time. New York: Harper
- Estimating parametric survival model parameters in gerontological aging studies: methodological

problems and insights.

J Gerontol A Biol Sci Med Sci. 1995 May;50(3):B166-76.

7. Kapahi P, et al Positive correlation between mammalian life span and cellular resistance to stress. Free Radic Biol Med. 1999 Mar;26(5-6):495-500.

8. Bonneux L, et al The expiry date of man: a synthesis of evolutionary biology and public health. J Epidemiol Community Health. 1998 Oct;52(10):619-23.

9. Price JL, et al Tangles and plaques in nondemented aging and "preclinical" Alzheimer's disease. Ann Neurol. 1999 Mar;45(3): 358-68.

10. Schuchmann S, et al. Altered Ca²⁺ signaling and mitochondrial deficiencies in hippocampal neurons . Neurosci. 1998 Sep 15;18(18):7216-31.

11. Stringer JL Regulation of extracellular potassium in the developing hippocampus. Brain Res Dev Brain Res. 1998 Sep 10;110(1):97-103.

12. Hansson SR, et al. Serotonin transporter messenger RNA in the developing rat brain: early expression in serotonergic neurons and transient expression in non-serotonergic neurons. Neuroscience. 1998 Apr;83(4):1185-201.

13. Rhee JS, et al. Developmental changes of GABA(A) receptor-chloride channels in rat Meynert neurons.

Brain Res. 1998 Jan 1;779(1-2):9-16.

PMID: 10439453; UI: 99368308

14. Samuels SC Midlife crisis: helping patients cope with stress, anxiety, and depression. Geriatrics. 1997 Jul;52(7):55-6, 59-63; 64.

15. Barolin GS [When marriage ages-love, crisis,

new beginning].

Wien Med Wochenschr. 1995;145(10):238-40.
German.

16. Moraglia G C. G. Jung and the psychology of adult development. J Anal Psychol. 1994 Jan;39(1):55-75.

Глава четырнадцатая. Как Время окончательно победило меня

В 1999 году я неожиданно для себя и окружающих купил дом в лесах Норвегии и отправился туда пожить с семьей. Я специально искал себе убежище, чтобы спокойно заняться, как мне казалось, основной работой моей жизни – книгой «Отмена общепринятого понятия времени». Она должна была стать окончательным памятником моей победе над Временем... Увы, так никогда и не увидев свет, эта книга стала памятником окончательной победе Времени надо мной.... Несколько глав – жалкие остатки этого эпохального труда – я все-таки напечатал потом в своей «Кухонной философии», хотя это стало скорее реквиемом по моему труду, чем его достойным прославлением...

Время оказалось хитрее. Оно сказала мне в тиши норвежской ночи: «Ну и что? Пусть ты разобрался, что я иллюзия, что я продукт работы твоего мозга, пусть ты теперь понимаешь или

думаешь, что понимаешь, почему с возрастом твои года протекают, как раньше протекали месяцы, твои месяцы мелькают, как раньше мелькали недели, а твои недели проносятся, как раньше проносились дни... Чем тебе это поможет?»

Я задумался... Я не мог найти ответа. Я мог сказать только, что теперь я знаю, что это общераспространенное явление – ощущать ускорение движения времени. И я поделился этим знанием с другими людьми!

«Ты так думаешь?» – ухмыльнулось Время и показало мне будущее – наш теперешний год. Никто о моей теории слыхом не слыхивал, и в интернете на поиск слова «хроноперцепция» выпадает только мой же сайт, где чудом сохранилась эта несчастная статья.

Тогда я бросился на время со своими мыслями по физике и космологии.

«Есть определенная несуразность в модели “Большого Взрыва”, когда всё мироздание являет собою крайне нестабильную сущность, разлетающуюся в разные стороны как следствие гигантского взрыва, когда всё сущее в мире было изначально сосредоточено в одной точке. Интуитивно ощущаемая несуразность эта ничуть не меньше, чем у модели мира, в которой весь мир вращался вокруг нас. Однако интуиция никогда не служила верным проводником в мире науки, особенно современной... Так или иначе, не будем ставить своей целью разрушение этой модели, а примем точку зрения Стивена Хокинга, который

представляет Вселенную как сферу времени, по которой, в силу устройства нашего разума, мы путешествуем сонаправленно с термодинамической «стрелой». Какой эффект на метафизическом уровне восприятия времени может произвести эта модель? Время существует как данность, от начала до конца, как бы одновременно, как одновременно существуют начальная и конечная станция на участке железной дороги. Разум, вся система которого построена на последовательном восприятии, не может существовать, а следовательно, и осознавать себя в каком-либо другом направлении, кроме как сонаправленно с термодинамической стрелой.

Для того, чтобы проиллюстрировать это ограничение возможности восприятия времени, мы можем искусственно создать разумное существо, которое будет еще более ограничено, а именно – создав условия, в которых это существо будет испытывать те же ограничения по отношению к пространству, которые мы испытываем по отношению ко времени.

Что бы ощущал субъект, от рождения до смерти помещенный в движущийся поезд и не имеющий возможности ни общаться с сошедшими с поезда, ни наблюдать встречные поезда? Безусловно, у такого субъекта развилось бы отношение к пространству за окном поезда, похожее на наше психологическое восприятие времени. Во-первых, всё промелькнувшее за окном исчезало бы для него безвозвратно и

*переставало бы существовать. Всякий сходящий с поезда воспринимался бы нашим пассажиром как утрачиваемый навсегда и так же перестающий существовать. Во-вторых, по аналогии, свой сход с поезда индивидуум воспринимал бы не иначе как смерть, со всеми вытекающими из этого психологическими переживаниями. Даже имея обычный разум, но находясь в столь ограниченных условиях по отношению к пространству, субъект, находящийся в поезде, и представить бы себе не мог, что проезжаемые им места продолжают благоденствовать и схождение его попутчиков с поезда не является для них столь роковым событием. Представим себе, что так же и мы, обманутые в который раз своими чувствами, продвигаемся во времени только в одном направлении, каждый ушедший момент воспринимая как безвозвратно потерянный и каждый будущий — как никогда не существовавший. В то время как действительная картина может представляться иначе. Участок нашей жизни может представлять собой ничтожный срез хокинговской сферы времени, срез толщиной в нашу жизнь, в котором всё существует одновременно».**

— Ну и что? — засмеялось Время. — Боря, к тебе все это не имеет никакого отношения. Ты что, галактика?

* Борис Кригер, «Кухонная философия», эссе «Пространство и время в рамках новой модели мироздания».

– Ну, в какой-то мере да! – ответил я. – Я – галактика моих мыслей.

– Ну, ты нескромен, Боря, – обиделось Время. – Думаю, что мыслей у тебя не наберется и на щепотку... Боря, ты не галактика. Ты не можешь воспринимать время иначе, чем ты его воспринимаешь. А то, что ты сам себе навоображал про космологию, завтра окажется так же верно, как и теория про Землю на трех китах и черепахе.

Тогда из последних сил я показал Времени книгу Данна про то, что наше сознание или, точнее, подсознание может свободно путешествовать по всей нашей жизни в настоящее и в будущее...

– Ну и что? Мало ли что кому снится! Я, например, сплю и вижу упечь тебя в могилу! Уж больно ты у меня юркий попался! – процедило сквозь зубы Время и разбило меня в мои тридцать лет подагрой! Я заплакал от боли и обиды...

Так Время окончательно победило меня.

Глава пятнадцатая. Как мы заключили со Временем перемирие

Полностью сраженный Временем, я лег на кровать и взял очищенный апельсин. Я стал его рассматривать, медленно вращая в руках. Я смотрел на прожилки и углубления между дольками, я трогал пальцами его слегка припухшую мягкую суть. Чем подробнее и внимательнее я предавался этому занятию – тем медленнее текло время, иногда мне казалось, что оно совсем останавливается, а иногда – что даже течет вспять.

Время тихо подошло ко мне и сказало:

– Ладно, Боря, давай объявим перемирие, я оставлю тебя в покое на некоторое время, а ты оставь в покое меня.

Я посмотрел Времени в глаза и увидел, что глаза у Времени – вовсе не налитые кровью глазища монстра, а старенькие, подернутые катарактой глаза моей бабушки.

Мне стало жалко Время, и я согласился. Апельсин был съеден, и перемирие началось.

Время опять потекло, и только раз я остановил его, схватив за руку, и спросил:

– А все-таки правда, что нам снится будущее?

– Вам снятся варианты развития будущего вперемешку с вариантами развития прошлого, иногда они совпадают с тем, что происходило в действительности или, возможно, произойдет... –

шепнуло мне Время на ухо и побежало дальше, а я остался в некоторой задумчивости.

Я достал с полки Сенеку и поделился с ним этой мыслью. Он почему-то прослезился, вытирая глаза подолом тоги. «Настанет время, когда наши потомки будут удивляться, что мы не знали таких очевидных вещей!» – сказал он и кряхтя полез обратно на книжную полку.

Пять лет Время меня не беспокоило, а я не беспокоил Время. Поменялись декорации, ушел в небытие мой норвежский маленький уютный мир, пришли новые времена, но мы честно соблюдали перемирие, ибо как я могу бороться с тем, кто имеет такие несчастные старенькие бабушкины глаза?

Я занялся другими мыслями и идеями. Время тоже многое успело за эти годы. Конечно, ни я, ни оно не оставили свои амбициозные намерения друг друга доконать, но они как-то отошли на второй план. У Времени было дел по горло. На дворе стояла смена веков и тысячелетий. Нужно было поменять огромное количество дат и вывесок... А главное, было необходимо начать рисовать новые декорации к спектаклю «Двадцать первый век». Первые пять-десять лет в начале века еще можно пользоваться старыми декорациями, но году у пятнадцатому-двадцатому уже нужно предоставить на суд вечности новый оригинальный дизайн. А там уж его развивать и дорисовывать до самых 2090-х годов, когда придется начать подумывать о следующей смене декораций.

Раньше Время меняло декорации значительно реже. Кажется, иногда тысячелетиями оно пользовалось одними и теми же концепциями, но в последнее время, изрядно постарев и обзаведясь глазами моей бабушки, Время решило стать авангардистом и рисует для нас такое, что мы не знаем – то ли блевать, то ли кричать от восторга: «Браво! Браво, Время! Бис!»

Жизнь отнимает у людей слишком много времени, как-то сказал мне Станислав Ежи Лец. Я звал его в шутку Стасик Нежилец, и мы оба весело смеялись. И правда, бывало, в годы этого перемирия со Временем я вдруг останавливался и спрашивал: «И чем это я занят?» «Живу», – отвечал я сам себе, и, действительно, жизнь у меня занимала так много времени, что ни на что другое времени уже больше не оставалось. Я, конечно, не убивал Время, потому что какое же это перемирие, если вы продолжаете убивать своего противника? Время тоже не трогало меня.

Я, конечно, не оставлял свои размышления и периодически натывался на их подтверждение в самых неожиданных местах. Я чувствовал, что Время никуда не уходит, и усталый, раздражительный Талмуд, с пейсами и идишем под кипой, садясь со мной есть фаршированную рыбу гефилте фиш*, говорил: «Время не идет. Это вы проходите!»

* Не знаю, правда ли, что каждая еврейская женщина должна уметь готовить гефилте фиш, но точно знаю, что каждый еврейский мужчина должен есть то, что приготовит ему еврейская женщина. Поэтому извольте ознакомиться с тем, как нужно готовить фаршированную рыбу. У очищенной рыбы – карпа и щуки (лучше

Вы знаете, как это ни удивительно, но я всегда имел хорошие отношения с Талмудом, несмотря на то, что меня чрезвычайно раздражали те, кто теперь узурпировал право им распоряжаться и решать за всех, кто еврей, а кто не еврей, а также в какую очередную задницу следует засунуть еврейский вопрос.

Могу сказать вам по совести: мне кажется, Талмуд не имеет к этому никакого отношения. Что же, если инквизиторы размахивали Библией перед кострами еретиков, нам следует приравнять Евангелие к «Майн кампф»?

Ах, я опять забыл, что пишу не о евреях и фаршированной рыбе, а о Времени, хотя это, в общем, одно и то же, потому что евреи имеют глаза, похожие на глаза моей бабушки, сами

брать два сорта рыбы – жирный и нежирный) – отрезать голову, не распарывая брюшка. Вынуть внутренности, рыбу промыть и разрезать на порционные кусочки толщиной примерно 3 см. В каждом кусочке вырезать филейчики между костью хребта и кожей. Вырезанные филейчики пропустить через тонкую решетку мясорубки вместе с луком, добавить замоченную черствую булку, соль, перец, яйца и хорошо вымешать. Полученным фаршем начинить кусочки рыбы. В широкую кастрюлю уложить на дно кусочки (кружочки) свеклы, промытую луковую шелуху, нарезанный лук, морковь. Добавить чуть уксуса – чтобы не изменился цвет свеклы. Добавить соль, сахар, перец и уложить кусочки рыбы, которую мы приготовили. Аккуратно залить водой и поставить варить на слабый огонь, не закрывая крышкой, примерно на 2 часа.

Остудить в кастрюле, аккуратно выложить куски готовой рыбы на тарелки или на блюдо. Украсить кружочками моркови и залить процеженным бульоном от варки, дать застыть.

Оставшийся процеженный бульон вскипятить и сварить в нем нарезанный кубиками картофель. Его можно подать вместе с хреном к готовой рыбе. Вот, собственно, и всё.

Состав: 1 кг фарша, 4 яйца, 400 г лука, 200 г булки, соль, сахар по вкусу.

стары, как Время, а Время производит с нами процесс, похожий на приготовление фаршированной рыбы, – сначала потрошит нас, потом пропускает через мясорубку, потом варит на медленном огне, потом охлаждает и под конец приправляет все это хреном...

Несмотря на перемирие со Временем, я грешил против жестких условий пакта о взаимном ненападении и обсуждал Время с разными уважаемыми людьми.

Я как-то обжирался в компании Гаргантюа и его доброго товарища Франсуа Рабле. Мы долго ждали в одном кабачке, когда нам приготовят 156325647258963545 жареных гусей, и Рабле весело сказал: «Все приходит вовремя, если люди умеют ждать!» – и, к моему удивлению, гуси подоспели в самый раз!

Когда я спросил Рабле, сможем ли мы... (вы думаете, съесть такое количество гусей? Нет, съесть их не составляло проблемы, ведь с нами был Гаргантюа) оплатить счет за такое количество гусей?

Франсуа хитро улыбнулся, набожно перекрестился пивной кружкой и ответил:

– С Божьей помощью! А Dieu, rien n'est impossible, et, s'il le voulait, les femmes auraient dorénavant... leurs enfants par l'oreille!*

* «Для Господа нет ничего невозможного. Если бы Он захотел, женщины бы рожали детей... через уши!» (*франц.*) Gargantua (1542). Вольный перевод мой [Б.К.].

– Ну и острый же у тебя язык... А что, я бы

поддержал такую реформу деторождения! – засмеялся я и, кстати, спросил его: – И как тебе удалось избежать костра за все, что ты написал? Таким остроловам редко удастся умереть своей смертью...

(Я беспокоился за свой новый роман «Маськин» выходящий одновременно по-русски, по-французски и по-английски и, конечно, не

такой злобозубый и пошлый, как творения Рабле, но вполне заслуживающий сожжения автора. Я доставал власти многих стран, специфически приспособлявая варианты своих острот на каждом языке к реалиям той страны, в которой книга должна была выйти, предварительно, задолго до ее выхода, сбежав жить в Канаду, где книгу не печатал, чтобы не досаждать правительству единственной страны, приютившей меня, безродного космополита.)

— По едкому замечанию одного из моих современников, — засмеялся Рабле, — мои книжки печатали больше, чем Библию. На меня все время

сыпались доносы: меня обвиняли в вольнодумстве, ереси и неуважении к королю.

Друзья в очередной раз посоветовали мне скрыться, и я тайно уехал в Лион, распутив

слух, что я якобы арестован и посажен в тюрьму.

— Да, иногда лучше дать врагу знать, что ты поражен, он успокоится, а потом ты сможешь нанести неожиданный удар! — сказал я.

– Я именно так и поступил! Из Лиона я вернулся со своей пятой книгой! Ах, жаль только, что сердчишко стало пошаливать...*

– Франсуа, – спросил я, – а чего твои книжки такие пошлые? Я читал в детстве адаптированный вариант и был влюблен в твоих героев, а когда вырос – почитал настоящий текст, и мне стало как-то неприятно... Я пробовал тебя читать по-французски, и там особенности грамматики твоего времени, конечно, создают ауру шутки, но все равно, чего уж так-то пошлить? Ты ведь все-таки монах!

Рабле громко рассмеялся:

– Ну, во-первых, слово «ПУКАТЬ» и ты употребляешь довольно часто; во-вторых, посмотри на твою современность, Боря, и тогда ты поймешь, что моя остроумная средневековая пошлость – детский лепет по сравнению с тупоумным бесстыдством твоей современной эпохи! Время пришло, и нам подали 156325647258963545 жареных гусей. Я поблагодарил Время, и оно мне ласково улыбнулось. Тогда мне показалось, что рано или поздно мы если не подружимся, то, по крайней мере, согласимся на ничью.

* Пятая книга вышла из печати уже после того, как Рабле умер в Париже от болезни сердца.

Глава шестнадцатая. Как я стал Эйнштейном, но потом передумал

Говорят, Эйнштейн плохо учился в школе. Я тоже отличался этим поистине эйнштейновским свойством. В школе я учился плохо. И не жалею. Школа — это наипоганейшее учреждение, призванное оболванивать молодое поколение. Надо сказать, что поголовное образование — это дешевый трюк жирнобрюхого общества. Ничему школа не учит. Просто ставит галочку: мол, буквочки писать-читать научился — значит, образованный! Лично меня писать и читать научила бабушка.

Ничегошеньки на свете не поменялось. Подавляющая масса людей как была неграмотной чернью и быдлом, так ими и осталась, несмотря на то, что формально знает азбуку. А мы поражаемся: «Почему это телевидение такое отвратительное?» А вы рассудите, что это просто грязный балаган для черни на ярмарке подняли на уровень теле вещания — вот вам и объяснение. Теперь вопросов нет, почему от телевидения тошнит? Потому что вас от балагана бы тошнило, но раньше, в былые времена, вы бы в такой балаган ни ногой, а теперь выбора нет. Хочешь узнать сводку погоды — изволь получить свою дозу балаганно-телевизионных помоев.

Короче, нас всех надули. Не только с грамотностью и телевидением, но и вообще. С Эйнштейном нас тоже надули.

Эйнштейн – это уже давно не живой человек, не конкретный ученый, не особое видение мира.

Эйнштейн – это дешевый символ, созданный для массового потребления.

Ученый-гений, показывающий всем язык.

Сумасшедший с германским

выговором,

который оказался прав по одному-

двум вопросам, и то временно, пока

не оказалось, что

он не прав, и тут-то и решили признать его правым и по всем другим вопросам, потому что чернь знает, что если кто-то гений, то он гений во всем. А то, что Эйнштейн оказался еще к тому же и евреем, вообще сыграло всем на руку. Мол, если окажется неправ – евреи виноваты, а если окажется прав, то: «Кто атомную бомбу изобрел?» – опять же евреи виноваты. Черни важно, чтобы всегда и во всем были виноваты евреи. Это традиция. А обществу важно, чтобы чернь была все время чем-то занята... А то этому самому обществу не поздоровится, ибо чернь вечно стремится назад в пампасы и на ветки. А какое общество на ветках? Мрак.

Короче, побыв начинающим Эйнштейном несколько классов, я передумал и бросил это жалкое занятие...

Альберт, в очередной раз гостивший у меня, подошел и подсмотрел из-за плеча, что я пишу... Он даже расплескал пиво из кружки, оказавшейся в его руке!

– Zwei Dinge sind unendlich, das Universum und die menschliche Dummheit, aber bei dem Universum bin ich mir noch nicht ganz sicher!* – зашпрехал он, смеясь.

– А я думал, ты обидишься, – сказал я и почесал от неудобства затылок.

– Ну, чего уж там обижаться, – рассудил Эйнштейн, – ведь, по сути, ты прав, хотя по форме, конечно, мог бы выразиться и помягче. Теория относительности моя ведь насквозь пронизана еврейской хитростью.

– Да, конечно, раз скорость света постоянна, то давай менять скорость течения времени... Очень по-еврейски. Ну, и что тебе на это сказала Время? – поинтересовался я совсем серьезно.

– Что, что... Вот обвешало часами, хожу, как дурак. Буквально елка новогодняя, только вместо елочных игрушек – часы...

– Я серьезно, Альберт, сколько мы ни бьемся над разгадкой устройства мироздания – один конфуз получается. Мне кажется, все это от нескромности и глупости. Я предлагаю вот что... – начал уже абсолютно серьезно я.

* Две вещи бесконечны – вселенная и человеческая глупость, хотя по поводу вселенной я не совсем уверен. (Перевод с нем. мой. [Б.К./])

– Так, так, – еще бесшабашнее засмеялся герр Эйнштейн.

– Ну вот, так всегда, – рассердился я, – ты, между прочим, сейчас так себя ведешь не от того, что у тебя прекрасное настроение, а просто потому, что догадываешься, что я хочу сказать, и не хочешь это услышать...

– Ну ладно, ладно, *Phantasie ist wichtiger als Wissen, denn Wissen ist begrenzt*,^{*} давай фантазируй, это полезно... – успокоился Альберт и сел верхом на стул, приготовившись меня слушать.

– Ну, во-первых, я считаю, что у фантазии тоже есть определенные границы. Мы не можем фантазировать о том, о чем не только не имеем понятия, но и не подозреваем о существовании возможности фантазировать...

– *Wenn die Menschen nur über das sprächen, was sie begreifen, dann würde es sehr still auf der Welt sein.*^{**}

– Ну так вот, я хочу сказать, что пока все будет перемешано – наука с религией, наука с политикой, наука с престижем, наука с самомнением... никакой настоящей науки не получится... никакого настоящего познания мироздания... – стал горячиться я и, разумеется, заговорил не совсем о том, о чем хотел.

^{*} Фантазия более важна, чем знания, потому что знания имеют границы... (Перевод с нем. мой. [Б.К./])

^{**} Если бы люди говорили только о том, что они знают, в мире бы было очень тихо. (Перевод с нем. мой [Б.К./])

– Ты просто мне завидуешь, Боря, что-то в стиле басни Лафонтена «Лиса и виноград»... Ишь ты, не хочешь быть Эйнштейном, совсем нюх утратил... – опять засмеялся Эйнштейн.

– Хорошо, Альберт, я вижу, что с тобой мне не удастся поговорить серьезно. Оставим это, – вздохнул я, и мы это оставили до ужина.

Но во время ужина, когда мы поглощали отличные венские шницеля, причем Эйнштейн смешно и самозабвенно называл шницель на немецкий манер «шницэл», разговор возобновился. Я воспользовался случаем и, пока Эйнштейн жевал, скороговоркой заговорил:

– Я не против познаний, я не агностик*. Я против того, чтобы знаниями спекулировали, превращая их в конфетные обертки. Популяризация науки в той форме, в которой она происходит, превращает науку в балаган. Один шутник называет черной дырой супермассивный астрономический объект с гравитационным полем, удерживающим даже свет на орбите вокруг себя. Народ подхватывает – дыра, черная!!! Значит, можно туда свалиться! В дыру! Посещение черной дыры – бред. Ведь никто не обсуждает посещение Солнца! А черная дыра – либо звезда большей массы, чем солнце, которая коллапсировала в результате завершения своей

* Агностицизм (от *греч.* agnostos – неизвестный) – учение о непознаваемости истинного бытия, т.е. о трансцендентности божественного, в более широком смысле – о непознаваемости истины и объективного мира, его сущности и закономерностей. Философский энциклопедический словарь. Ред.-сост. Е.Ф.Губский и др. – М.: Инфра-М, 2003.

эволюции, либо вообще объект невероятных размеров и массы; такова супермассивная черная дыра в центре галактики. Но нет, кто-то назвал это дырой – значит, туда можно свалиться...

– А может быть, и можно, – зачавкал Эйнштейн с набитым ртом.

– Да не в этом дело. А дело в том, что необходимость доводить научные изыскания до уровня буфетчицы приводит к обратному воздействию буфетчицы на направление научных исследований.

– Я не понял твою мысль, Боря, – спросил Альберт, – при чем тут буфетчица?

– Да ну, как же ты не понял, еще Эйнштейн называешься... – расстроился я.

– А что, я тоже человек, я что, Пушкин – всё знать? – обиженно спросил Эйнштейн.

Я его внимательно осмотрел и засвидетельствовал, что он не Пушкин. Когда тебя ежедневно посещают великие люди, нужно быть очень внимательным.

– Ну, хорошо, изволь, я поясню. Дело в том, что в демократическом обществе буфетчица руководит государством, как и завещал великий и неумолимый Ленин.

– Там, по-моему, речь шла о кухарке...

– Неважно, какая из работниц общепита... механизм всё одно тот же самый. Буфетчице ученые растолковывают, чего они там изучают, а она голосует за политика и говорит ему напутственно, чего изучать, а чего не изучать... Политик слушает буфетчицу и выделяет деньги ученым, исходя из этих соображений... Сам-то

политик обычно не более образован, чем буфетчица, и слушает ее внимательно, потому что буфетчица – это народ, а следовательно, электорат, – пояснил я.

– Не знаю, Боря, что ты имеешь против буфетчиц. Я знал одну очень замечательную буфетчицу... – смачно отметил Эйнштейн, вытирая рот салфеткой.

– Альберт, я понимаю, что с тобой невозможно говорить серьезно, – вздохнул я.

– Ну, отчего же, – вдруг насупился корифей и задумчиво закурил. – Я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь, и в общем согласен с тобой, но мир остается миром... Ты не можешь подняться над человеческим, потому что ты, Боря, – человек. Руки-ноги видел? Вот именно. Человек. И все тут.

– А я не хочу подняться над тем, что я Человек. Более того, я хочу это признать и достойно взвесить, что человек может, а чего не может. Человек, например, должен раз и навсегда себе сказать, что на свете трудно представить себе что-либо более наивное и глупое, чем придумывание космологических теорий. То слоны, то киты, то хрен знает что – Большой Взрыв. Можно быть самодостаточным биологическим видом, признающим, что мы на данной ступени эволюции не способны построить всеобъемлющую космологическую теорию из-за двух причин.

– Каких? – вздохнул устало Эйнштейн и подбоченился, понимая, что скоро он от меня не отделается.

– Первая причина: нам не хватает, просто элементарно не хватает информации, чтобы делать обобщенные космологические выводы. Помнишь индийскую притчу про трех слепых мудрецов, которым дали ощупать слона, а потом спросили, что такое слон? Один ощупал хвост и сказал, что слон мягкий, гибкий и похож на змею. Другой ощупал ухо слона и сделал вывод, что слон – огромный лист лопуха, а третий ощупал ногу слона и заявил, что слон – это колонна. Нам не хватает информации, чтобы сделать окончательные выводы по космологическим вопросам – как возникла вселенная, что было до того, возникла ли она вообще и есть ли другие вселенные. Поэтому, делая такие выводы, мы смешны, наивны и не вызываем уважения даже у самих себя? Более того, пытаясь защитить очередную теорию, мы затормаживаем развитие науки на столетия, потому что вся наука разделяется на два лагеря: один, пытающийся защитить основную космологическую теорию, и другой, пытающийся ее опровергнуть, и все кругом только и спорят, на скольких китах стоит мир. Исследования ведутся именно в такой плоскости, голову общественности морочат в той же плоскости, политики с религиозными деятелями только и знают, что спекулировать...

– Ну хорошо, первая причина – что не хватает, а может, и всегда не будет хватать знаний, – зевнул Эйнштейн, – а вторая?

– Вторая причина, почему не следует создавать всеобъемлющие теории, просто запретить это как

глупость, как нонсенс, чтобы не тратить ресурсы и научные карьеры, как, можно сказать, поставили вне рациональности поиски вечного двигателя... Вторая причина состоит в том, что человек не воспринимает объективную картину мира. Эволюция создала нас такими. Человек не может быть окончательной, верхней ступенью... этой самой эволюции. Мы либо промежуточная ступень – к искусственному разуму, либо тупиковая ветвь. Мы не можем постигать мироздание, потому что мы не созданы для этого. Нам необходимо в этом спокойно признаться и продолжить наши исследования в самых разных направлениях, но не ставя перед собой цели понять, *как устроено мироздание*. Какие хитроумные приборы мы бы ни изобрели – все равно их данные мы сможем воспринимать только через свои органы чувств, а обрабатывать только через свои дурные головы. Все наши изыскания основаны на времени. Время – иллюзия, всё иллюзия... Сколько можно таскаться с этими иллюзиями и выдавать себя за великих? Хватит выставлять себя еще большими дураками, чем мы есть! Давайте будем заниматься всем, что может приносить прикладную пользу, а также вообще всем, что может позволить нам собрать и проанализировать различнейшие данные, которые могут пригодиться теперь или потом. Но не надо делать наивных выводов! Довольно китов, черепах, струн, больших взрывов и т.д... Математика, та самая математика, которая кажется нам единственной объективной наукой,

построена на аксиомах, никем никогда не доказанных...

– Да, про математику, ты, Боря, верно сказал, – закачал растрепанной головой Эйнштейн. – Seit die Mathematiker über die Relativitätstheorie hergefallen sind, verstehe ich sie selbst nicht mehr.*

– Математика – такая же иллюзия, как и время!
– аж вскрикнул от возбуждения я.

Как только эти слова прозвучали, все часы на Эйнштейне отчаянно зазвенели и в комнату ворвалась взбешенная Математика!

Глава семнадцатая. Как я обидел Математику

Математика была грозной дамой, похожей на кривой знак суммы, в поношенном переднике и со скалкой в руках. На скалке красовалось квадратное уравнение. Эйнштейн не на шутку испугался и забился под стол. Я тоже, честно говоря, труханул. Одно дело – теоретически разглагольствовать об абстрактных материях, а другое дело – конкретная скалка. Скалку всякий себя считающий философ должен уважать

* С тех пор, как математик относительности, я перест [Б.К.]

с детства, ибо скалка является мощнейшим орудием женской аргументации, а посему – неоспоримым средством доказательства абсолютной правоты.

– Это я – иллюзия? – закричала истошным голосом Математика и шлепнула меня скалкой с квадратным уравнением по голове. Вся комната поплыла у меня перед глазами, и я рухнул на пол.

Когда я очнулся, надо мной склонялся испуганный Эйнштейн и опрыскивал мне лицо водой. Математика все еще присутствовала в комнате, но скалка у нее была отобрана, и вела она себя более спокойно.

Эйнштейн обрадовался, что я пришел в сознание, и показал мне скалку.

– Сколько скалок ты видишь, Боря? – озабоченно спросил Эйнштейн.

– Две, – соврал я, хотя четко видел только одну.

– Да он считать не умеет, тоже мне ученый сраный, – злобно рыкнула Математика, не вставая с кресла, в которое она, видимо, силой была усажена Эйнштейном.

– Знаете что, дамочка, – сказал я, с трудом поднимаясь с пола, – да вы просто преступница какая-то, вы же меня так убить вашим квадратным уравнением могли!

– И убью, – злобно сказала Математика, – не беспокойся...

– Да, она убьет, они вообще со Временем сестры, их три сестры-ведьмочки: Время, Смерть и вот она, Математика... – взволнованно наябедничал Эйнштейн.

– А я считал вас интеллигентной дамой, – неуверенно заговорил я, потирая ушибленное скалкой место.

– Что вы такое говорите, Боренька, – занервничал Альбертик, – не следует козырять своими предубеждениями... Я знаю эту стервочку уже не один год. Они с моей первой женой были подружками. Увы, считать Математику приличной дамой – есть несносное предубеждение. *Welch triste Epoche, in der es leichter ist, ein Atom zu zertrümmern als ein Vorurteil!**

– Я давно вас, подлецов, наблюдаю, – злобно процедила Математика. – Я вообще таких, как вы, терпеть не могу, ни тебя, волосатый, ни тебя, ушибленный.

Математика поднялась из кресла и попыталась дотянуться до своей скалки с квадратным уравнением, но Эйнштейн вовремя спрятал скалку за спину и встал со мной плечом к плечу.

– Да что я вам такого сделал? – недоуменно спросил я.

– А помнишь, Боря, как ты убил Леонида Ильича Брежнева квадратным уравнением? – ехидно и как бы вкрадчиво спросила Математика.

Я сразу вспомнил, что Математика имела в виду. Мне было лет двенадцать, я сидел за своим столом и решал какие-то препоганейшие уравнения. Когда все было подсчитано, ответ не

* Что за печальная эпоха, в которой легче расщепить атом, чем уничтожить предубеждение. (Перевод с нем. мой. [Б.К./])

сходилась с ответом в учебнике. Я был вне себя. Я был настолько вне себя, что впервые вдруг стал ругаться матом вслух. До этого я себе такого не позволял. До этого я только слышал, как другие мальчики матерились, а сам стеснялся. Но тут меня прорвало... «Ё...ая математика!» орал я... И тут пришел домой брат и сообщил, что Брежнев умер. Я сразу понял – это из-за меня...

– Ну при чем тут Брежнев? – заотнекивался я. – Мне действительно надоел этот дебилизм: считаешь, считаешь – потом шиш тебе, ну вот с языка и сорвалось. С кем не бывает? – я с надеждой посмотрел на Альберта, но тот отвел глаза в сторону (было видно, что с ним тоже такое случалось, но признаваться он почему-то не хотел).

Почувствовав, что мой именитый друг связываться с Математикой не желает, я решил высказать все, что у меня накипело, в одиночку.

– Послушайте, Ваше Плюс-минусное Величество, – начал я торжественно, – я прекрасно понимаю, отчего вы так нервничаете, деретесь и приплетаете несуразные обвинения в убийстве генерального секретаря.

– Ну-ну, давай, вещай, мыслитель... – призрительно хмыкнула Математика, посмотрела на часы, громко тикающие на Эйнштейне, и сплюнула двойным интегралом мне на ковер.

– А вы присядьте, – урезонивающе предложил я, и сам сел на свое место у стола.

Математика потопталась, потопталась, да и уселась. Эйнштейн осторожно присел на краешек стула подальше от Математики и крепко зажал

скалку у себя между колен, как бы намекая – мало ли что. Далее Эйнштейн расставил руки в стороны и стал изображать из себя самолет, хотя к чему относилась зажатая между колен скалка, мы с Математикой так и не поняли. Альбертик всем видом показывал, что, что бы я ни сказал, он за это не отвечает, хоть, в общем-то, и не возражает... Ох уж мне эти гении хитрож.... ой, опечатка, я хотел сказать, хитроумные.

– Истинный смысл математики – это моделирование реальности. Не так ли? – обстоятельно начал я, хотя говорить было трудно, потому что болела ушибленная голова. – А моделировать реальность нужно, чтобы лучше ее понимать. Математика очень подходит всем наукам, где необходимы измерения и описания феноменов. Однако простейшие математические объекты, такие, как цифры, абсолютно абстрактны. Функции, которые мы назначаем цифрам, отражают действительность, но на самом деле не существуют.

Высшая математика иногда оперирует числами, не существующими в реальности, по крайней мере в той, что знакома нам. Математические знания абстрактны, но за долгую историю их реальность стала общепринятым фактом. Абстрактные математические принципы играют важную роль в физике, биологии и даже в социальных науках. Но действительно ли математические идеи, как мы их осознаем, лежат в основе реальности? Ведь проблема математики не в ее прикладном аспекте, а в том, что она полностью

основывается на аксиомах, из которых, в свою очередь, выстраиваются стройные системы, основанные на логике. Но природа аксиом как раз в том, что они не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Это поднимает целый ряд философских и метафизических вопросов. Странно то, что в математике многие теории доказываются методом от противного (method of contradiction), когда доказательство гипотезы предполагает, что если отказаться от гипотезы, то это войдет в несоответствие с другими известными истинами. Этот факт поднимает вопрос: означают ли математические теории то, что они означают, только потому, что они не могут означать что-то другое, ибо это входит в конфликт с известными истинами? Это вызывает еще больший вопрос: как теория может быть доказана только тем, что она не может быть неверной? Однако математики и логики считают, что если теорию признать неверной, это войдет в конфликт с известной истиной, следовательно, теория не требует прямого доказательства. Они называют это *valid proof method* и считают этот метод научно строгим. Итак, существует ли математика в действительности, или она есть плод человеческого сознания?

Математика выслушала меня спокойно, но неожиданно сказала:

– А ты скажи своему Альбертику, чтобы он отдал мне скалку, и я тебе представлю прямое доказательство того, что я существую в реальности.

– Очень многие забывают, что даже такие, казалось бы, простейшие концепции, как «нуль», не имеют четкого определения, – невозмутимо продолжил я. – Все дело в том, что люди об этом забывают и, руководствуясь радостным фактом, что при сложении «2 плюс 2» у них довольно часто получается 4, считают математику царицей всех наук, в то время как тот факт, что что-то сходится логически внутри шизофренического бреда, еще не значит, что мы имеем дело не с бредом. Стоит сравнить бред с реальностью, и все внутренние логические связи потеряют смысл. Я считаю, что Математика является такой же коварной ипостасью брэнности, что и Время...

– Конечно, мы же сестры, – сказала Математика и наинахальнейшим образом закурила папиросу «Беломор», чиркнув спичкой об мой лоб, – а ты, Боря, прекрасно знаешь, кто наша третья сестра...

Глава восемнадцатая. Как Математика обидела меня

Из клубов математической папиросы стали появляться разные математические знаки. У меня закружилась голова. Математика с помощью своего дурмана заставила меня поверить, что все сходится, и нет никакой иной альтернативы, как просто расслабиться и положиться на ее стройную логику...

Далее в дыме появились геометрические фигуры, они искривлялись в пространстве, доставляя видимое удовольствие Эйнштейну, но даже искривляясь, они имели стройный смысл, и формулы, их описывающие, были выверенными и непререкаемыми...

Далее у меня перед глазами поплыли круги. Это были орбиты, по которым катятся планеты, спирали, в которые сворачиваются галактики. Конечно, чем дальше Математика меня уносила от длины окружности кастрюли, тем меньше была похожа на правду. Судя по наукам, основанным на математике, я должен был верить, что весь мир состоит из мистического Темного Вещества и наполняется не менее мистической Темной Энергией. (Вы думаете, я брежу? Нет, это просто современная космология. Я не против названий, я против попытки все объяснить разом, да еще терминологией в стиле фэнтези.

– Ну, в таинственности я не вижу никакого вреда, – заметил Эйнштейн, видимо, находясь во власти подобных моим видений и мыслей и прерывая своим высказыванием мой поток галлюцинаций. – *Das Schönste, was wir erleben können, ist das Geheimnisvolle.**

– Бред! Бред! Бред! – запротестовал я.

– Так, всё, мне пора играть на скрипке, – заторопился Эйнштейн и вызвал такси. Было ясно, что, конечно, может быть, все и

* Самое прекрасное, что мы можем испытывать, – это таинственное.
(Перевод с нем. мой. [Б.К.])

относительно, но такая уж явная конфронтация с царицей всех наук не входила в его планы.

Вскоре мы остались с Математикой тет-а-тет*. Она сразу подобрела. Было видно, что Математика выделялась перед Эйнштейном.

– Послушай, Боря, я математика, я умею считать. Знаешь, сколько у меня было таких умников, как ты?

– Представляю себе, – ответил я, а потом добавил: – Но послушай, ведь как бы ни были точны твои цифры, мы, люди, играем ими, как хотим. Полмиллиона ведь больше, чем пятьсот тысяч. Есть психология цифр, есть гравитация цифр, которую мы зовем округлением.

– Ну и что? За что ты ратуешь-то?

– Я ратую за то, чтобы видеть всё в надлежащей перспективе. Когда ученые увлекаются тобой, Математика, над миром нависает мрак. Ты инструмент, а не царица. Ты лишь удобное допущение нашего разума... Цифры нередко душат и удавливают души. Деньги, годы, расходы... Сколько можно?

– Боренька, – ласково сказала она, – ну что тебе неймется? Ну что ты, в сумасшедший дом захотел? Я ведь очевидна, как белый свет.

– Вот в том-то и дело, что он не белый.

– Это как не белый? – озабоченно спросила Математика.

– А так не белый. Наше солнце больше всего излучает в диапазоне электромагнитных волн,

* «Тет-а-тет» происходит от французского выражения, означающего «голова к голове».

чья длина соответствует зеленому цвету. Просто так устроен наш глаз, что, смешивая все цвета спектра, он получает белый свет, а по-настоящему солнце мы должны были бы видеть зеленым. Всё иллюзия, и это хорошо известно, но мы все время об этом забываем. Кто-нибудь из нас крикнет: «Бред! Иллюзия!» – все встрепаются и зашикают, а потом опять забывают. Почему человечеству просто необходимо выглядеть глупо даже перед самим собой? Я не против иллюзий, но необходимо осознавать, что оперируешь иллюзиями, и ставить их себе на службу, а не служить иллюзиям, как богиням!

– Ну хорошо, время – иллюзия, смерть – иллюзия, я, математика, – тоже иллюзия. Ну, а что же не иллюзия? Как же жить-то? – возмутилась Математика.

– Нормально жить, отдавая себе в этом отчет, только и всего, – твердо ответил я. – Не забывать об этом и не впадать в объятия Манички Величия, что, мол, математика – точная наука, что, мол, вселенная на трех китах, что, мол, мы по образу и подобию, и нам и море по колено. Знать свое место, не унижать себя до червеобразного состояния, ну и не возвеличиваться незаслуженно. Вот и все!

– Тебя, Боря, никто не услышит, вот увидишь, никому твоя правда не нужна, если не сказать хуже, твоя правда вредна, – ответила Математика. – Правда, сеструхи?

На зов Математики из стенных часов появилось Время, а из-под пола выглянула Смерть.

Я понял, что надо как-то договариваться, а то — конец...

Глава девятнадцатая. Выяснение отношений со Временем

— Товарищи дорогие, вы меня не так поняли, — попятился я, — дело в том, что не всякую вещь, которую я говорю, нужно воспринимать так серьезно. Иногда я просто дурачусь!

— Ты не дурачился, — серьезно сказала Смерть и блеснула своей классической косой.

— Ой, какой у вас замечательный инструмент! Как покос? Травы хороши ли? — постарался я перевести тему разговора, принимающего неудачный для меня оборот.

—
Оставь
те его
в
покое!
—
неожи
данно
заступ
илось
за
меня
Время,
и — к
моему
счасть
ю,
Матем

атика со Смертью отступили и растворились в воздухе до поры до времени.

– Ну что, голубчик, довыпендривался? – затиало Время, когда мы остались одни. – Как-то нам с тобой нужно привести наши отношения в равновесие. Дай-ка я расскажу тебе притчу, а ты послушай. Может быть, у тебя в голове и прояснится.

Я успокоился и уселся слушать Время. Оно неторопливо заговорило:

– В одном далеком мире, где не было времени, никто не рождался и не умирал, как они жили – не спрашивай. Вам человеческими мозгами этого не понять. Любая ситуация могла там

повторяться сколько угодно раз. Ничего не случалось окончательно и бесповоротно. Если кого-то случайно убивали, то тут же он

оказывался целым и невредимым, как новый. В этом мире не было сожаления о прошедшем времени, там не было и необходимости преодолевать расстояния, по мановению руки любой мог оказаться где угодно. Если что-нибудь шло не так, как хотелось, можно было все вернуть на шаг назад и попробовать еще раз. Тебе интересно?

– Конечно, конечно, продолжай! – увлеченно затараторил я.

– Ну так вот, жил там один парнишка по имени Яроб, неплохо жил, – продолжило Время, – резвился на зеленых полянках, радовался солнышку, играл с зайками. Но потом вдруг заподозрил, что все вокруг него нереально, ну как тебе сказать, как бы иллюзия, что ли... Он всем вокруг это разъяснил, и полянкам, и зайкам... и ему все поверили! Ну, и...– Время замялось.

– Ну, и что случилось? – заволновался я.

– Вдруг трах-бум, программа зависла, и компьютер пришлось отнести в починку, – ответило Время.

– Какой компьютер? – вскричал я.

– А разве ты не понял, что речь шла о виртуальной реальности, создаваемой компьютером? – засмеялось Время. – Дело в том, что когда какие-то вещи устроены определенным образом не тобой, и ты не понимаешь, да и не можешь понять, как они устроены, не следует пытаться их изменить...

– А что же случилось с мальчиком Яробом и с его миром? – захлюпал носом я.

– На починенный компьютер эту программу устанавливать не стали... Да и вообще сняли ее с производства. Нет больше ни Яроба, ни его мира с зелеными полянками. Мне даже кажется, что его никогда и не было... если я не ошибаюсь. А ошибаюсь я редко, – твердо подвело итог Время.

Я заплакал.

– Что же, мы все живем в компьютерной игре, что ли? И если я буду много кочевряжиться, нас всех сотрут? – пробулькал я, хныча.

– Ну, ты «Матрицы» посмотрелся, – захихикало Время. – Вовсе не обязательно в компьютерной игре дело. Дело в том, что не старайся прыгнуть выше собственного носа! Тебе жить-то всего... – Время сверилось со своими стрелками, – жить-то тебе всего ничего, миг какой-то в бесконечности... Ну и перекантуйся уж как-нибудь...

Но я не хотел кантоваться... Если время не так уж желает квантоваться, то с чего это я должен кантоваться?..

Глава двадцатая. Как мы согласились со Временем на ничью

Я Времени сказал по совести, что не хочу перекантовываться. Что дело в том, что, может, для него этот миг и ничтожный, а мне с собой как-то надо жить. Что жизнь мне кажется огромной, как Великая китайская стена, которую видно даже с Луны, если по-китайски

прищуриться. Конечно, эта стена уменьшается, уходя вдаль, подчиняясь правилу перспективы, но все равно мне как-то ее надо жить.

Я, конечно, могу попрыгать с зайками на полянке, но наш мир, к сожалению, вовсе не мир Яроба... Не мне тебе, Времени, рассказывать... Он полнится соблазнами и опасностями, ненавистью и темными страстями, жуткими катакомбами и светлыми залами, затаившими шепоты далеких симфоний. Я не успеваю... Я ничего не успеваю. Жизнь мчится, как груженная гирями колесница.

Я просил, я звал: «Остановись, мгновенье!» Но в ответ ко мне пришёл Гёте, сухой и, кажется, равнодушный. Он всегда появляется на этот пароль. Можете попробовать.

Я ему:

– Герр Гёте, я не вижу выхода, как мне остановить мгновенье... Я не вижу...

– *Man sieht nur das, was man weiß*,* – ответил он. – Постарайся больше узнать, и ты больше будешь видеть.

– Я грыз камень науки, но у меня больные зубы, – пожаловался я. – Наука не дает мне ответа, она только все больше и больше меня запутывает. Мне вообще кажется, что занятие наукой стало своего рода опиумом для забвения собственной неполноценности и вздорности устройства нашего мира, полного несчастий...

– Герр Кригер, – официально обратился ко мне Гёте. – *Glücklicherweise kann der Mensch nur einen*

* Ты видишь только то, что знаешь. (Перевод с нем. мой. [Б.К./])

gewissen Grad des Unglücks fassen; was darüber hinausgeht, vernichtet ihn oder läßt ihn gleichgültig.**

Успокойтесь, жизнь не представит вам большего испытания, чем вы можете выдержать. Либо она вас вовремя убьет, либо оставит равнодушным.

Время нетерпеливо выслушало меня.

– Да слышало я все это миллион раз, – зашипело оно. – Хватит! Мол, если не вечно – то я вообще жить отказываюсь, чтобы не раскатывать губу...

– Да не в этом дело, – парировал я, – мне не нравится, что ты нас всех держишь за идиотов. Мы, слезшие с деревьев обезьяны, только что отказались, скрепя сердце, от интенсивного каннибализма, и вдруг – венцы творения, единственные высшие разумные существа, которые нам известны... Какая путаница в голове... С одной стороны, я чувствую себя, как во сне, всю свою жизнь еле ногами-руками передвигаю, а с другой стороны, сознание работает четко и ясно. Но память ни к черту, не могу думать две мысли одновременно, не могу выучить все языки, пожить во многих странах, подняться к звездам, выпить море... А так хочется...

– Все это суета сует. Вот я все могу, а к звездам уже не поднималось несколько тысячелетий. Я редко их двигаю. Они у меня вообще что-то вроде фона. И что вы нашли в

** К счастью, люди могут осознать лишь определенную меру несчастий, более этой меры – несчастья либо уничтожают их, либо оставляют равнодушными. (Перевод с нем. мой. [Б.К./])

этих звездах? Вы, как безмозглые мотыльки, стремитесь к раскаленным лампам себе на погибель. Ничего там нет, кроме огня, жесткого излучения и смерти... И что вы нашли в этих звездах?

– Время, как ты можешь быть таким неромантичным? – разочарованно спросил я. – А мне бы так хотелось...

– Эх, пошлый ты, Боря, человек, – вздохнуло Время. – Я думало, что ты хоть чем-то

отличаешься от других. Нет. Оказалось, что ты такой же, как все, – просто пошлый человек. Плевать тебе на устройство мира. Все, что тебя интересует, – это твое собственное благополучие, любопытство и гордыня. Надо поговорить с моей

тетушкой Природой, чтобы она у вас в ДНК чего-нибудь подправила, а то совершенно невозможно стало с людьми работать... Пошлый ты человек.

– Да уж какой есть, – рассердился я и на себя самого, и на Время, что нас почему-то сблизило.

– Ладно, предлагаю тебе ничью, – сказала Время. – Ты поставишь точку на этих вопросах: время – не время, иллюзия – не иллюзия. А взамен я подарю тебе тысячу жизней. Сто – тебе будет маловато, а миллион – не унесешь.

– Может быть, тысячу двести? – заговорил во мне потомственный еврей.

– Тысячу, – жестко отрезало Время. – Проживи тысячу, а там приходи, поговорим, если тебе это не покажется достаточно.

– По рукам, – сказал я и весело зажил своей тысячей жизней, уж более не переживая ни о времени, ни о математике, ни о смерти.

Часть третья

Под сенью географии пространств

Глава двадцать первая. Как я возненавидел Россию

Боюсь, я не окажусь оригинальным, если сразу заявлю, что Россия всегда была дикой восточной страной. Легкий петербургский лоск никого не может ввести в заблуждение. Гунны, татаро-монголы, окраины Византии, распри с турками, поножовщины, освоение Сибири, грязь, хамство, пьянство, бунт, чернь, революция, лагеря... Вот такой славный путь вел мою родину в течение тысячи лет ко встрече со мной, и во второй половине двадцатого века мы с ней, представьте себе, встретились. Я, как вы понимаете, изволил родиться, она, как вы понимаете, и ухом не повела – ну, родился, не сдох при родах, и ладно. Живи, субчик, пока дают.

Короче, отношения у меня с Россией как то сразу не задались. Безрадостное детство с клеенчатыми матрасиками, весы у детского врача, слезы, затопившие мои глаза, когда мама впервые привела меня в детский сад, все это помнится вполне отчетливо. Какие-то кубики, злые мальчики, затопление туалета, выговоры воспитательниц, ой, мало ли что еще.

Школа вообще была кошмаром по нарастающей. Соученички меня били и очень издевались. В детском саду я всех подбивал построить подводную лодку и уплыть. Даже притащил с улицы кусок жести – сказал, что это будет люк.

Я не удивляюсь, почему меня били и обижали. Я всегда был выскочкой, хвастуном, всегда пытался организовывать других людей на какие-нибудь подвиги. Так что если дать людям волю, они бы побили меня и сейчас.

Итак, мой характер никак не подходил к российской атмосфере. Я был фантазер и остер на язык, а Россия была сонной и раздавила бы меня, но я был еще мал, и ей было лень. К тому же она сильно пила и спьяну была очень занята.

Я тоже начал пить, пытался, так сказать, влиться-слиться... Но алкоголь меня пьянил плохо, а голова болела сильно.

Родители мои были настроены против окружающей действительности. Приспособились они к советским временам неважно. Ничего не воровали, а, следовательно, и нужных знакомств не имели. Но и не сидели, что тоже, конечно, плюс.

Кроме «сраный социализм» никакого другого определения российской действительности я от них не слышал.

Рано оказалось, что я еврей, из-за чего отношения с Россией и вовсе не задались. Я пробовал уговорить родителей, что я лучше буду турком, если уж нельзя быть русским, но они строго сказали, что я еврей, и все тут. С этим и приходилось жить.

У меня создался стойкий комплекс: все, что за границей, — блестящее и классное, а все, что в матушке России, — дерьмо. Но, в общем, тогда так оно и было.

Чего уж там удивляться, что будущего своего в России я не видел и ни о чем, кроме как об отъезде, и не помышлял.

Огромную роль в моем детстве сыграла бабушка, и это не удивительно, ведь именно с тех пор, как бабушки стали доживать до того возраста, когда смогли пересказывать преданья рода своим внукам, произошел резкий скачок в развитии людей как сообщества разумных существ. Века, тысячелетия серой дикости да дикой серости... Каждое молодое поколение безмозгло наступало на одни и те же грабли, пока не появилась бабушка и не проверила, не

мокрые ли у человечества носки, не простудилось ли оно, не напоила человечество горячим чаем с доисторическим вареньем и наконец не усадила его, набегавшееся по лужам, обсыхать у огня и слушать сказку или какую-нибудь историю – как жили-были дедушка и бабушка во времена, когда внучков еще и в помине не было, и как они за мамонтами бегали, и какую замечательную рукоятку для копья научилась делать бабушка, и как хитро дедушка заманивал мамонта дикой морковкой, и как вообще-то оказалось, что морковку эту можно сажать на грядке, и необязательно тогда носиться за мамонтами, если есть моркови вдоволь... да и целее будешь...

Так, по капелькам этих вечеров у огня, стали передаваться простые истины, до которых прежде каждому поколению диких людей приходилось доходить заново своим умом. Люди сразу поняли важность этой передачи опыта, и все последующие века внимательно слушали у огня, что поведает им бабушка или дедушка, пока родители носились сначала в погоне за мамонтами, а потом за мамонами...

В последнее время человек стал терять свои корни, по большей части зная своих предков лишь до второго колена... Беседы у огня заменились громкими покemoнами в телевизорах, и человечество, как это ни удивительно в наш суперквантовый век, стало дичать и мельчать, как мельчает морковка, которую перестали культивировать, постепенно возвращаясь к дикому своему состоянию, в коем пребывала в

незапамятные века. Современное общество охотно рвет семейные корни и узы, ему больше не нужно крепких кланов, родов, дворянских, купеческих и фермерских семей, которые могли бы эффективно противостоять невзгодам, главным из которых для человека всегда было и осталось свое собственное государство. Но государство человека перехитрило, заманило деток его мишурой да побрякушкой, растащило их родителей по разным важным рабочим местам, а бабушкам и дедушкам осталось прозябать в свои удлинившиеся годы то ли приставкой к телевизору, то ли ненужным бременем пенсионных программ... Увели злые компьютеры наших детушек... Не слушают они больше ни наших сказок, ни наших воспоминаний... А между тем рвется связь поколений, и вот уже снова начинают молодые – дикие и необузданные, тупые и наивные – наступать на те же грабли, что и их родители, и не видят ничего дальше собственного носа.

Что же мне передала моя бабушка? СТРАХ! Неизбывный страх! «И у стен есть уши!» – говорила она. «Придет милиционер и тебя заберет!» – добавляла она. В ней говорили пережитые ею погромы, фашистская Германия, сорок лет страха, что посадят за связь с заграницей...

Милая бабушка, ты была совершенно права. У стен-таки есть уши, и твои опасения насчет милиционера до сих пор весьма актуальны не только в России.

Я не люблю государство вообще, даже самое мирное и добропорядочное. Наверное, я анархист по наклонностям. Хотя вряд ли, потому что мне кажется, что анархия – это утопия. Но российское государство, особенно в его новом облики, вызывает у меня страх даже больший, чем во всех его прежних формах. Это вовсе не значит, что российским спецслужбам надо срочно с этим что-то делать. Я неврастеник и имею проблемы со многими государствами. Меня мутит от Израиля, где я угробил десять лет своей жизни, меня воротит от Индии, где у меня разворовали бизнес, меня тошнит от Соединенных Штатов Америки... которые пока мне лично ничего не сделали плохого, кроме того, что косвенно навели в мире такой балаган, что мы все бегаем по нему, высунув язык. Я не говорю об арабских странах, некоторые из которых просто и откровенно пытались меня убить, посылая ракеты и террористов. Так что живите, милые мои кагебешники, спокойно. Я ничего не имею против вас. Я даже испытываю к вам некоторую симпатию. Четкие, организованные, спокойные, самоуверенные, спортивные мужчины в штатском. Если бы я был женщиной – я бы от вас млел. Делайте и дальше свое хмурое дело. Выполняйте свои серые функции. Я понимаю, что мои представления о том, каким государство должно быть, – несносная утопия, и посему можете занести меня в графу «идиот» и не обращать внимания.

Чем же именно Россия мне досадила, раз я плохо переношу любое государство? У меня это

национально-генетическое. Космополитно-еврейское. Хорошо. Попробую сформулировать свою претензию к России. Россию я возненавидел за то, что она относится к людям, как к сору. Для нее человек – это говорящий кусок малосъедобного, а потому бросового мяса. Россия вся пронизана зоной, лагерем, матом. Она груба и нахальна, жестока и неприкаяна, пьяна и обкурена, я ее боюсь и не верю ни единому ее слову.

Если на Западе люди видят достаток какого-нибудь человека, ему, конечно, завидуют и поставят подножку при удобном случае, но все-таки завидуют больше белой, чем черной завистью, пытаюсь достичь того же благосостояния. В России же народ желает спалить дом и знаки достатка, а человека убить издевательски, варварски и жестоко.

У России нет никакого сострадания и уважения к человеку. Прячась под европейским костюмом, она дика, коварна и зла.

Ну, и за что мне ее любить? Я ее боюсь и всю свою жизнь пытался уехать как можно дальше. Теперь я уже гражданин страны, находящейся на противоположной стороне земного шара, и остановил я свое бегство, пожалуй, только потому, что если продолжить дальше на запад, то начнешь уже приближаться к России, потому что Земля, как вы понимаете, оказалась довольно круглой, как это ни удивительно. Я всегда втайне верил, что она немного квадратная. А иначе обо что мы ушибаемся, когда падаем? Наверняка об углы... Но так или иначе, я в Россию ни ногой.

Она в советские-то времена была страшной. А теперь, после пятнадцати лет реформ – вообще мороз по коже... Наемные убийства, похищения, боже ж ты мой... Конечно, большей частью это во мне говорит мой невроз, и убийц там, может, не больше, чем в Нью-Йорке, но об очередной расправе над олигархом я люблю читать во французской газете. Так как-то надежнее. Вы уж меня простите...

Вы скажете: а что, другие государства не относятся к своим гражданам, как к сору и среднестатистическому мясу? Относятся. Но все-таки они пытаются это скрывать и делают не так явно, как Россия.

Прости меня, Россия-матушка. Я сказал правду. Послушай лучше теперь, как и за что я тебя полюбил.

Глава двадцать вторая. Как я полюбил Россию

Мне все время снится советская квартира, в которой я вырос. Советские фильмы погружают меня в уютную атмосферу, где мне хорошо и я чувствую себя в безопасности. Новосельцев ухаживает за «Мымрой» – и я счастлив... «Служебный роман» существует в другой реальности, оставшейся за пределами современных проблем.

Совершенно сюрреально я встретил артистов Лаврова, Фрейндлих и Басилашвили в одном

ресторане в Торонто... Я знаю, что после моих рассказов о встречах с Декартом вы не поверите моим рассказам, но, как это ни удивительно, я говорю правду. То есть про Декарта тоже правда, но не в конкретно-юридическом смысле, а в духовно-виртуальном. А вот про советских артистов – правда фактическая, прикладная.

Я вообще не выезжаю из своего дома в лесах Канады. В Торонто не бываю годами, но тут сподобился, поехал 16 декабря 2005 года на корпоративную вечеринку и перед вечеринкой, разумеется, зашел с семьей пообедать в ресторан «Киев»... И тут на тебе. Приехали артисты... Сидят за соседним столом, ужинают... Невероятно.

Мы были в ресторане семьей и подослали сынишку с дочуркой взять автографы. Дело в том, что кроме них и нас в зале никого не было, и не последовать этой заведенной традиции почитания артистов было бы неприлично.

Жизнь как бы показала мне самым очевидным образом, что реальность перемешана с нереальностью, что иллюзии реальны, а правда жизни иллюзорна. Что бегство в леса Канады не является бегством, что теория вероятности мало приложима к нашей жизни и что я... очень люблю Россию.

Я люблю Россию за самовар, который мы топим щепками (хотя и купили его в Туле по интернету!), за наши стаканы в подстаканниках (хотя на них и изображены шестиконечные звезды Маген-Давиды), за мою жену (Маськина), которая поет детям колыбельную: «Баю-баю-бай!».

Я люблю Россию за ее прохладные ветерки, знаки ее языка, губы ее снежинок. Я обожаю ее книги, мысли и остроумные старые анекдоты и афоризмы. Да и новые хороши... Конфуций отдыхает:

«Нелегко обрести друга, еще труднее потерять врага!», «Там, где заканчивается полоса неудач, начинается территория кладбища», «Если руки золотые, то неважно, откуда они растут», «Если женщина злится, значит, она не только не права, но и понимает это», «Если вы, посмотрев в зеркало, никого там не увидите, значит, вы неотразимы!», «Только сядешь поработать, обязательно кто-нибудь разбудит», «Ничего страшного, если над тобой смеются... гораздо хуже, когда над тобой плачут...», «Одиночество – это когда всегда знаешь, где лежат твои вещи», «Утро – это такое время суток, когда всегда завидуешь безработным...», «Положительные эмоции – это эмоции, которые возникают, если на все положить!», и наконец: «Комплекс Экзюпери: мы в ответе за тех, кого вовремя не послали!» – ах, как это верно!

Я люблю Россию за трамваи, мороженое пломбир, передачу «Очевидное – невероятное» и «Клуб кинопутешественников».

Я люблю Россию за те светлые тихие моменты жизни, которые она дает. За пробуждение на чердаке дома в деревне, за яркий полдень в поле, за прохладную тень деревенских кладбищ, за запах сенокоса, за скрип снега под валенками, за полет пыли в солнечном луче и за солнечные квадраты на крашенных полах, за шуршание

листьев осенью на городских аллеях, за ощущение, что ты, идя по улице, точно знаешь, что делается за каждым светящимся и не светящимся окном, за понятность лиц прохожих, за ожидаемое ответное понимание, и еще, знаете, когда в школу в сентябре идешь, лужи застывают ледком, и ты на них наступаешь, я еще много за что люблю, за занавески на окнах, за старый комод с бабушкиным платьем, всё, я заплакал... за ощущение дома, которое практически невосполнимо, я чувствовал себя дома в Норвегии, но только внутри дома, а в России дома я чувствовал себя и снаружи... Я понимаю, что это не тоска по месту, а просто тоска по времени, тому самому уходящему и невозвратимому времени, но все равно – ведь это время звалось Россия.

Мне уютно с моей Россией, и она меня никогда не предаст.

Глава двадцать третья. Моя Земля обетованная

Невозможно обсуждать Землю обетованную без того, чтобы обсудить, что же я понимаю под еврейством. Для меня еврейство – это образ мысли. Я могу наблюдать этот образ мысли в себе, и посему для того, чтобы не быть обвиненным в антисемитизме и сионизме одновременно, я буду говорить о себе, но вы, мой дорогой читатель, помните, что я имею в виду еврейский образ мысли вообще.

Я, как уже было сказано ранее, обладаю двумя видами здравого смысла – обычный здравый смысл и супер-здравый смысл.

Обычный здравый смысл оперирует обычным практическим мышлением. Например, если денег стало мало, надо меньше тратить или больше зарабатывать.

Супер-здравый смысл оперирует парадоксальным мышлением. Например, если денег стало мало, надо тратить еще больше и не беспокоиться о зарботке. Опасность полного разорения мобилизует умственные способности настолько, что придет такая идея, которая позволит разбогатеть в гораздо большей мере, чем простое сокращение расходов и попытки заработать деньги увеличением объема обычной работы. Подобная идея может заложить основу успешного бизнеса, научной идеи и прочих предпосылок всеобщего прогресса.

Еще пример, уже более глобального свойства. Обычный здравый смысл, оперирующий практическим мышлением, говорит, что если вас ударили по одной щеке, то вам не надо подставлять другую щеку, а нужно так жахнуть обидчику, чтобы он стал постоянным клиентом дантиста и нейрохирурга.

Однако супер-здравый смысл, оперирующий парадоксальным мышлением, говорит, что если вас ударили по одной щеке, следует подставить другую, ибо если все так будут поступать – в мире не будет больше жестокости и агрессии.

Итак, по моему мнению, парадоксальное мышление присуще «еврейскому» образу

мышления. Это не националистическое заключение, ибо есть евреи, не обладающие парадоксальным образом мышления, и есть неевреи, весьма искушенные в этом подходе к жизни.

Проблема практического мышления в том, что оно не может посмотреть за пределы простых очевидных понятий. Оперирующие практическим мышлением могут быть успешны в конкретных простых ситуациях, но будут ограничивать себя лишь этим нехитрым успехом. То есть в первом примере простое сокращение расходов и попытка больше работать на первых порах будут более действенны, чем при парадоксальном подходе, но в конце концов человек придет в полное изнеможение от работы, а сокращенные расходы сделают его жизнь неприемлемой. Во втором примере, опять же, выбивание зубов обидчику будет иметь немедленный положительный эффект, но в дальнейшем может привести к нагнетанию все большей и большей агрессии и кончится смертоубийством с той или другой стороны.

Проблема парадоксального мышления состоит в том, что если хоть один элемент нарисованной парадоксальным мыслителем идеальной картины будущего мира не сработает, вся его теория полетит в тартарары. Так, если попытка заработать деньги альтернативным путем натолкнется на непреодолимое сопротивление — обладатель парадоксального подхода еще быстрее окажется в худшем положении, чем разумный практический мыслитель, выбравший

в качестве решения проблемы сокращение расходов и более напряженный труд.

Во втором примере парадоксальный мыслитель также может оказаться в затруднительном положении, поскольку если в нарисованном им иллюзорном мире, где никто не отвечает на агрессию агрессией, а следовательно, в мире, лишенном агрессии, все-таки хотя бы один обитатель нарушит сие правило и ударит кого-нибудь по лицу, – вся система рухнет, что обычно и происходит в натуральном мире.

Парадоксальный образ мышления чрезвычайно раздражает приверженцев практического образа мысли. Справедливо и обратное.

Во многом антисемитизм основывался именно на этом конфликте образов мышления. В то же время и еврейская убежденность в богоизбранности, и презрительное отношение к гоям имеют ту же природу различий типов мышления.

Несмотря на то, что я сам являюсь носителем скорее парадоксального, чем практического типа мышления, сразу по приезде в Землю обетованную я столкнулся с тем, что с трудом переношу образ мысли моих новообретенных соотечественников.

Сидя, как придурок, под обстрелом иракских СКАДов во время первой войны в Заливе, я материл Израиль на чем свет стоит за то, что ситуация была доведена до обстрела израильских городов, за то, что Израиль не выпустил ни

единого снаряда в сторону Ирака, чтобы, видите ли, не разрушать коалицию.

Я почему-то терпеть не могу, когда по мне стреляют. В этом вопросе, пожалуй, я схожусь со многими представителями как раз-таки практического мышления.

Однако это не мешает мне все время совершать нерациональные поступки, которые приобретают смысл лишь со временем. Я не знаю, почему они успешны. Возможно, это из-за того, что я сам оцениваю себя и, таким образом, всегда нахожу способ оценить свой поступок как удачный, хотя любой сторонний наблюдатель все равно, даже по прошествии многих лет, раскритиковал бы его в пух и прах.

Я не люблю вспоминать все перипетии моих постоянных конфликтов с израильским образом мысли и жизни. Поскольку, как мы уже выяснили, я сам еще тот подарочек, это нецелесообразно, – все равно что выслушивать жалобы одного умалишенного на поступки другого, не менее умалишенного.

Чтобы понять Израиль, его действия и мотивы, необходимо все время держать в уме этот парадоксальный образ мышления. Проблема Израиля и евреев также состоит и в том, что сколько евреев – столько существует и разных парадоксальных образов мышления, которые неохотно объединяются в группы и с трудом поддаются какой-либо классификации.

В этом и состоит, пожалуй, причина того хаоса, что царит в Израиле. В этом же причина

его проблем на мировом просторе. Там слишком много евреев.

Мой друг детства, еврей, который впоследствии стал монахом в бенедиктинском монастыре, что, в общем, тоже хороший пример парадоксального мышления, говорил: «Евреи в обществе – как сахар в кофе. Когда его не хватает – кофе горький, когда его слишком много – приторно сладкий...» В обоих случаях его неприятно пить... В Израиле кофе практически нет – один сахар, поэтому неудивительно, что Израиль страдает диабетической гангреной и у него постоянно ампутируют куски территории; Израиль также страдает диабетической слепотой...

Вот, пожалуй, вам и объяснение неумения евреев содержать собственное государство в приемлемом виде.

То есть, для того, чтобы обладатель парадоксального мышления имел шанс на успех, он должен, как это ни парадоксально, быть окружен лицами с практическим, а следовательно, легко предсказуемым типом мышления.

Израилю следовало давно отказаться от непускания в страну нееврейских иммигрантов, тогда бы население имело шанс прийти в какое-то равновесие, но, опять же, совершенно отживший идеалистический подход к неразжижению еврейской крови, который спасал нацию в изгнании и вредит ей теперь в собственной стране, ее же в конце концов и доводит до полного иступления.

Хотя сами коренные израильтяне, как микробы, привыкшие жить в вулканических источниках, где, в общем, жить невозможно, привыкли к такому положению дел и прекрасно себя чувствуют в Израиле, бывая там проездом, между отпуском в Нью-Йорке, плавно перетекающим в выходные в Турции и завершающимся вечеринкой в Таиланде.

Я полагал, что основная проблема Израиля состоит в том, что он – марионеточная страна, что «кукловоды» дергают за веревочки, а арабы дерутся с израильтянами. Это слишком упрощенное видение проблемы. Дело в том, что если кукла не захочет, – ее никакой кукловод не подергает... Вы скажете: кукла безвольна – на то она и кукла... Возможно. Но, так или иначе, людьми с парадоксальным мышлением легче манипулировать, если подстроиться под их собственный бред.

Дело в том, что государство не призвано вести людей в утопические дали, а должно являться управдомом, на которого возложена обязанность следить, чтобы в коммунальной квартире не перегорали лампочки в коридоре, чтобы баба Маня не гасила папироски в супе тети Люды и чтобы никто не нарушал порядок очереди в туалет по утрам. Была когда-то песня «Коммунальная квартира – коммунальная страна...». Помните? Так вот, государство является хозяйственным образованием, созданным гражданами для поддержания интересов самих этих граждан. К сожалению, во многих странах этот простой принцип игнорируется.

Я бы отметил два вида правительств: правительство, которое служит народу,

воспринимает свой народ как клиента (например, в Канаде это очень выражено), и правительство, которое руководит народом, – ну, например, Россия. Проблема состоит в том, что израильское правительство не делает ни того, ни другого. Израильское государство ведет свой народ к утопической цели – невозможной смеси сионизма и мира на Ближнем Востоке или, например, к консервации древнееврейских обычаев в рамках современных реалий... Какую бы цель любого израильского правительства вы ни проанализируете, – окажется, что она в корне утопична и является продуктом парадоксального мышления. То есть в теории, если бы все элементы парадоксального плана сработали, – в Израиле зажили бы лучше, чем в Швейцарии (они так и говорят – «ближневосточная Швейцария»), но дело в том, что, конечно, эти элементы на практике все не срабатывают и вместо ближневосточной Швейцарии – получается сточная канава.

Израиль не одинок в своем парадоксальном мышлении на государственном уровне. Например, я сам, едва начинаю мыслить о государственных вопросах, нахожу не менее парадоксальные решения... Но, что хорошо, – я не лезу с ними в политику... Более того, даже не пишу в книжках, понимая, что изложение парадоксальных политических идей практически всегда заканчивается плачевно. Возьмите Маркса – и руины социалистического лагеря, возьмите Ницше-Бисмарка-Гитлера – и руины Европы...

Вот что делают парадоксальные идеи, когда их пытаются осуществить на планетарном уровне.

Я давеча читал один томик по конфуцианству, и один из видных последователей Конфуция там говорит: «Есть ли разница между убийством палкой или ножом? А есть ли разница между убийством ножом или дурным правлением?» Увы, государственное правление, основанное на парадоксальном мышлении, – всегда дурное, и население таких стран рыдает... Если, конечно, не обладает не менее парадоксальным мышлением (как большинство коренных израильтян), которое всегда поможет найти объяснения, во имя чего нужны все эти страдания, и более того – что это никакие не страдания, а просто построение «ближневосточной Швейцарии» или «швейцарского Ближнего Востока».

Глава двадцать четвертая. Как я покорял Великобританию

Стоял жаркий июльский день. На Британских островах бывают такие дни... Даже трудно поверить, что это страна туманов. Я весь день присутствовал на строительстве Стоунхенджа, но так и не разобрался, кто и зачем его постороил. Иногда кажется, что вот дали бы нам подглядеть одним глазком какое-нибудь историческое событие, – и нам все станет ясно. Увы, это не так. Дудки.

Я даже в каменоломни сбегал, ничего не понял. Ни кто это строительство затеял, ни зачем оно ведется. Расспросы рабочих тоже не дали результатов.

Зря таскался в прошлое, только запылится.

Вообще иллюзорность нашей веры в нашу способность познавать нередко отмечалась и до меня. Мало взять в руку флейту, говаривал мне Гамлет, ты научись из нее выдувать что-нибудь посущественнее, чем слюни... Что, он не так говорил? Это Виля все переврал и приукрасил. Такие уж они все – сочинители. Вы скажете: «А ты не сочинитель?», а я отвечу: «Нет, я не люблю художественную литературу. Пустая трата времени: “Он вышел из кафе и закурил сигарету... Она опять не пришла на свидание...” Ну и что? То ли дело мои книжки. И с картинками, и с шутками... А какие содержательные! Ладно, ладно, не нравится – не читайте, вам же хуже. Сам все прочту. Все до

одной. Весь тираж. Ну и что, что в тираже все книжки одинаковые? Я свои книжки люблю настолько, что чужие книжки меня даже ревнуют и больно мне режут пальцы краями своих листов».

У нас ведь как нынче? Нечего читать – приходится самому писать. Не нравится современная музыка – приходится самому сочинять песенки, мелодии и даже полномасштабные оперные произведения. Не нравится общепит – приходится самому себе готовить... Короче, свобода, тудыть её растудыть... мол, не нравится – не ешь! Страна не нравится? Меняй страну! А что? Я уже поменял три страны, теперь живу в четвертой.

Кто из нас не мечтал жить в старой доброй Англии? Неповторимый уют обстановки в стиле дома Шерлока Холмса на Бейкер-стрит владел мечтаниями многих – и отправляющихся искать счастья на чужбине, и остающихся на родине. Всю свою жизнь я руководствуюсь этими вкусами.

Прибыв впервые в Великобританию, я был поражен настоящестью этой страны. Все там как-то солидно и основательно. Не то что бумажно-пластиковый Ближний Восток или покушанная молю Россия ранних девяностых.

А вот вам другая история. Я помню свежий соленый вкус ветра в проливе. Позади оставалась Нормандия, впереди – наши претензии на английский трон. Мы с Вильгельмом плыли покорять Англию и, как видите, – покорили. Всадив Гарольду стрелу в глаз, наши горячие

хлопцы захватили страну, и мы воцарились на все оставшиеся века.

«Ah! la victoire est douce, et la vengeance aussi!»* – прошептал Вильгельм, и я его в шутку обозвал «Завоеватель»; так за ним эта кличка и осталась...

Итак, мы с Вильгельмом Завоевателем вторглись в Англию. Хотя до сих пор не решено окончательно, было ли завоевание, в конечном счете, положительным поворотом истории, замечательно смешавшим англосаксов и норманнов, или отрицательным, добавившим так много французских слов в английский язык...

* Ах, победа сладостна, и месть тоже! (*фр.*) (Перевод мой. [Б.К.])

Вам, наверное, трудно поверить, но Вильгельм Завоеватель был весьма миролюбив. Он всего лишь хотел позвонить королю английскому Гарольду и поздравить его с победой над норвежцами. Ну кто же знал, что Вильгельм терпеть не может автоответчики? Он хотел оставить сообщение, но у автоответчика короля Гарольда было настолько сложное меню, что бедный Вильгельм чуть не рехнулся. Он пересек Ла-Манш и приготовился к битве при Гастингсе. Король Гарольд как раз вернулся с севера после победы над норвежцами, понял, что у него проблема, и набрал номер на своем мобильном телефоне, чтобы сообщить о вторжении, – но тоже застрял на автоответчике:

«Это служба чрезвычайных ситуаций. Если вы столкнулись с чрезвычайной ситуацией, нажмите 1. Если вы не столкнулись с чрезвычайной ситуацией, пожалуйста, повесьте трубку».

Король Гарольд нажал 1 и получил следующее меню:

«Если вас намереваются убить – нажмите 1.

Если вас собираются изнасиловать – нажмите 2.

Если вас собираются задушить – нажмите 3.

Если вы не уверены, что именно с вами собираются сделать, пожалуйста, уточните у нападающего его намерения. Если вы не получили ответа, пожалуйста, оставайтесь на линии. Первый же свободный сотрудник нашей службы будет рад помочь вам...»

Король Гарольд не успел услышать, что еще ему предлагают, потому что ему в глаз попала

стрела. Он умер, и все его приближенные тоже. Бедняга Вильгельм, ему пришлось управлять Англией в одиночестве. А это нелегко даже в наше время. Францией тоже нелегко управлять. Лично я предпочел бы управлять Папуа Новой Гвинеей. По крайней мере, там не так много автоответчиков...

Так или иначе, старая добрая Англия наполнилась французским языком, и потом мы с Чосером долго пытались вернуть английской культуре английский язык. «И с радостью мы изучали мир, а изучив его, других учили».*

Однако французское влияние на среднеанглийский язык было огромным, и преодолеть его оказалось невозможно. В течение 150 лет после моего вместе с норманнами завоевания Англии это влияние исходило в основном со стороны нормандского и пикардского диалектов французского языка, однако с раздвижением границ Анжуйской империи (1154–1189) Генриха II Плантагенета до Пиренеев активное влияние на английский язык стали оказывать и другие диалекты, особенно центральнофранцузский, или парижский диалект. И в сегодняшнем английском слова исконно нормандского происхождения (catch /поймать/, warden /сторож/, warrant /залог, гарантия/, wage /заработок, возмездие/, reward /вознаграждение/)

* Парафраза цитаты из Geoffrey Chaucer (c. 1340–1400), *Canterbury Tales*, Prologue, line 310: «And gladly wolde he lerne, and gladly teche» («И с радостью он изучал сей мир, и с радостью учил других»). Перевод со среднеанглийского мой [Б.К.]. Цитируется по изданию Bantam Classics; Bantam classic edition, 1982.

сосуществуют бок о бок со словами из центральнофранцузского диалекта (chase /преследовать/, guardian /сторож/, guarantee/гарантия/, gage /залог/, regard /забота, уважение/). В 1204 году король Иоанн Безземельный потерял Нормандию. Я, помнится, над ним по этому поводу сильно потешался. Даже песенку придумал:

Ты хоть, Ванька Безземельный,
Не проси сортир отдельный!

С ростом власти парижской династии Капетингов центральнофранцузский диалект стал в Англии преобладающим. В то же время языком обучения и переписки оставалась латынь. В течение трех веков литература Англии была фактически трехязычной, существуя на французском, латинском и английском языках. Период с 1154 по 1254 годы справедливо называется «опасным веком», потому что это было время, когда Англии грозило полное исчезновение. Знаменательная победа пришла на 1362 год, когда был впервые официально открыт парламент с заседаниями на английском языке.

Когда я познакомился с Чосером, ему не было еще и тридцати лет. Помнится, мы стояли с ним в очереди за пивом. Он стоял передо мной, и руки у него были заняты пустыми бидонами.

– Слушай, мужик, – грубовато попросил Чосер, – почеси спинку.

Я почесал Чосеру между лопатками. Так мы и познакомились.

Хоть он прекрасно владел французским, но решил писать свои поэмы по-английски; правда, добрая половина использованных им слов была романского происхождения. Так что в этом отношении Чосер тоже предвосхитил будущее. Нынешний английский лексикон примерно наполовину германского (английского и скандинавского), а наполовину романского (французского и латинского) происхождения. Названия дворянских титулов (*prince* /князь/, *peer* /пэр/, *duke* /герцог/, *marquis* /маркиз/, *viscount* /виконт/ и *baron* /барон/) имеют французское происхождение, а названия верховных правителей (*king* /король/ и *queen* /королева/) – английского, равно как и слова *lord* (лорд), *lady* (леди) и *earl* (граф) (хотя жена графа называется на французский лад – *countess* /графиня/). Слова *shire* (графство), *town* (небольшой город), *hamlet* (деревушка), *hall* (холл), *house* (дом) и *home* (домашний очаг) – английского происхождения, тогда как *county* (графство), *city* (крупный город), *village* (деревня), *palace* (дворец), *mansion* (имение), *residence* (резиденция) и *domicile* (постоянное местожительство) – французского. Слово *law* (закон, право) – скандинавского происхождения, *right* (право) – английского, а *justice* (правосудие, справедливость) – французского. Там, где в языке рядом с английским словом сосуществует его французский синоним, первый имеет, как правило, более конкретное, вещественное и

приземленное значение: достаточно сравнить такие синонимы, как *friendship* (дружба) и *amity* (дружественные отношения), *happiness* (счастье) и *felicity* (блаженство).

Поэтому, когда говоришь на английском языке «нас поприветствовали от всего сердца» (*we have been given a hearty welcome*), чувствуешь себя более комфортно и непринужденно, чем когда говоришь «нам оказали сердечный прием» (*we have been granted a cordial reception*).

Вся моя жизнь так или иначе прошла в покорении Великобритании. Сначала я покорял ее современный язык, потом его глубинные старинные отголоски, далее я приступил к непосредственному вторжению, раз за разом ступая на ее увлажняемую туманами травянистую землю.

Я забирался в самые захолустные уголки, маленькие, оставленные Богом и Временем деревушки в среднеанглийской округе *Cotswold**. Я даже каламбурил, называя этот район *Ghost World* (Призрачный мир)...

Пользуясь данной мне в распоряжение тысячей жизней, я стоял на бастионах крепостей в Уэльсе, посещал могилу короля Артура в руинах собора в Гластонбери, купался в древнеримских купальнях курортного городка Бат*.

* *Cotswold* (см.-англ. *cot* /в данном случае загон для овец/ и *wold* /нагорье/) расположен в центре Англии между Оксфордом, Стратфордом и Батом. Этот район до сих пор сохранил пейзажи и атмосферу «доброй старой Англии».

* Следуйте по стопам древнеримских завоевателей, и вы тоже

Кстати, было занимательно наблюдать, как британцы нашпиговывали свой Вестминстерский собор мертвецами! У британцев явно сдвиг по фазе насчет мертвецов...

Милая Англия, увы! я не могу пить твое горькое пиво, как бы оно ни было привлекательно в своей глубинной темноте.

Англия так и осталась для меня неисчерпаемой и, покоряя ее, я неожиданно заметил, что она покорила меня.

Глава двадцать пятая. Как я лобзал Голландию в ее влажные прохладные губы

Году в 1997-м, а может, и в каком-нибудь другом, кто теперь упомнит? Короче, лежал я на своей кровати, подверженный очередному приступу механхолии, связанной со страхом за бизнес и с предчувствием неминуемого разорения; кроме того, я боялся: ограбления, похищения детей, смерти моей и кого-либо из близких, тюремного заключения, аварии, предательства друзей и так далее. До того, как мне лишь в 2005 году прописали серотонин-реаптейк ингибиторы, такие приступы частенько со мной приключались. А потом мой невроз и вовсе собрался приковать меня к постели. Что такое серотонин-реаптейк ингибиторы? Да это

попадете в красивейший город Бат. Непременно посетите римские бани (Roman baths), которые и дали этому городку его название.

таблетки «Прозак» или с другими названиями, но подобным действием. Продолжаешь жить, как во сне, но живется значительно легче. Рекомендую.

Итак, в те далекие времена мой невроз еще не был для меня столь очевидным медицинским явлением, и лечиться приходилось громкими увлеченными скандалами с окружающими и дорогостоящими поездками на край земли в неожиданное для всех время.

Моя милая многотерпеливая жена Анюта, она же Маськин, явилась ко мне с зимней шапкой, несмотря на то, что проживали мы в те времена в Израиле и там необходимость в этом теплом и уютном предмете случалась нечасто.

В шапке оказались бумажки с названиями всех основных столиц Европы, вплоть до Рейкьявика...

– Тяни, – строго сказала она, и я вытянул «Амстердам».

На следующий день мы очутились на амстердамском вокзале, прибыв на поезде из аэропорта. Я был так восхищен забытым духом северного города, что захотел идти в отель пешком, но был вовремя образумлен, и мы взяли такси. Поселились мы на улице Русланд, 17, в роскошном отеле «Радиссон». В лобби отеля стоял огромный макет парусника, который навел меня на мысль коллекционировать модели парусников, большая часть из которых поломалась при многочисленных переездах...

Итак, Голландия. Я смотрел в окно отеля на млекообразное небо над крышами Амстердама. Меня пронизывало спокойствие и чувство

защищенности. Израиль с его взрывающимися каждую неделю автобусами казался диким, нелепым, кошмарным сном.

Вдруг близлежащая колокольня заиграла чарующую музыкальную фразу, которая до сих пор звенит у меня в ушах... У меня проблемы со слухом. Слух у меня далеко не абсолютный, но вот извольте ознакомиться...

Я, конечно, переврал мелодию. Ее автор, кажется, Бах, меня бы огрел смычком, если бы мог... Но вы уж простите наивное стремление моей слабо разбирающей ноты души к прекрасной последовательности колебаний воздуха, называемой «музыкой».

— Что-то очень неправильно в нашей жизни, — заговорил я, не отводя взгляда от черных крыш и белеющего влажного неба. — Зачем мы живем в дикой стране, где каждый шорох пронизан ожиданием нелепой смерти? Зачем мы страдаем от жары и тупого в своей голубизне раскаленного неба? Зачем мы едим невкусную кошерную колбасу? Стоимость жизни в этой стране не намного больше, чем в Израиле, только в Израиле за те же деньги нам впихивают вместо жизни — фальшивку... Мы стоим на пороге электронно-интернетной эры, когда станет все равно, где человек находится. Я добьюсь возможности руководить своим бизнесом на

растоянии и уеду жить туда, где наслаждаешься каждым вздохом, каждым глотком холодного морского воздуха, каждым звуком, каждым мгновением жизни.

Подобные речи были слишком революционны для Анютки, впоследствии известной под кличкой Маськин, и таким образом я был понят не сразу и не окончательно... Дело в том, что мое парадоксальное мышление, страдающее нелогичностью на обыденном уровне, обычно повергает всех окружающих в растерянность, переходящую в раздражение.

Итак, в этот приезд в Европу осуществить свой смелый план мне не удалось. Я попробовал поехать на поезде в Париж (ибо до того, как там впервые побывал, все время туда стремился), но поскольку гостиница была оплачена, Анюта убедила меня вернуться назад в Амстердам, снявшись с поезда в Антверпене и повернув назад.

Итак, мы остались на неделю в Голландии, и завораживающие каналы с баржами, используемыми как дома, огромные окна без занавесок полностью покорили наши сердца. Красные фонари и молодежь, свободно употребляющая марихуану, существуют в этом городе как бы отдельно и практически не сливаются с истинным духом старого благородного Амстердама.

Легкие, как ветер, велосипедисты, сумасшедшие таксисты, пилот самолета — голландец, оторвавшийся от земли, как сумасшедший, и так же варварски

приземлившийся, отражали эту волнующую страну. «Тоже мне, летучие голландцы», – ворчали мы, но не сердились.

В Амстердаме стоит на причале в морском музее настоящий парусник, точная копия корабля, использовавшегося знаменитой Ост-Индской компанией, основанной в 1600 году. Я поднялся на парусник, подержался за штурвал, прошел в кают-компанию...

«Если бы я жил здесь в те времена, я бы обязательно стал капитаном такого корабля...» – задумчиво сказал я и представил себе, как все это когда-то было единственной взрослой реальностью и как серьезно все это должно было казаться в те годы... Приключения, паруса, пираты, товары...

Потом я подумал и сказал: «Нет, все-таки я, наверное, стал бы владельцем судна и посылал бы капитанов в далекие страны, а сам бы сидел на бережку...»

Потом мы опять сели на поезд и отправились куда глаза глядят – на север, к морю. Всюду, где бы я ни появился, я стремлюсь найти выход к морю, таким образом, видимо, успокаивая свое географическое безумие.

Мы приехали в городок на севере Голландии. Городок называется Ден-Хелдер. Он, как и многие поселения в этой стране, находится ниже уровня моря. Вдоль берега высится огромный земляной вал... «Да, – подумал я, – и в этой стране не найти мне покоя...», хотя опасность затопления водами грозного Северного моря

казалась гораздо менее реальной, чем теракт на улицах Иерусалима.

Дал
ее я
долго
бегал
по
берег
у
холод
ного
моря
и
изобр
ажал
чайку.
Пото
м мы
пообе
дали,

предварительно закусив маленькими розовыми креветками, и я выпил стакан виски, для сугреву... Перед самым закрытием мы навестили музей военной славы их флота, где мне посчастливилось посетить предмет своих детских мечтаний – настоящую подводную лодку!!!

Потом, бродя по улицам Ден-Хелдера, мы набрали на какой-то почти заброшенный домик, и я сказал, что хотел бы его купить и здесь поселиться... Я всегда примеряю для себя жизнь в разных уголках. В этом и заключается секрет моей тысячи жизней. Вот смотрю я на этот домик, и одним умственным файлом загружается

в мое сознание целое представление моей жизни здесь, в этом домике, в этом городке. Самое смешное, что несколько раз в жизни я впоследствии осуществлял свои фантастические грезы и поселялся в ткнутом на карте земного шара месте. Сначала в Норвегии, потом в Канаде. Однако во время того визита в Голландию мы еще были морально не готовы к таким безумиям, которые впоследствии стали простой правдой нашей жизни.

Таким образом, Голландия навсегда вошла в список стран, где я хотел бы жить. Однажды у меня созрел план: не ехать в Канаду, а вместо этого сохранить мой дом в Норвегии (о котором я расскажу вам позже), купить домик в Англии, купить домик на юге Франции и баржу на одном из каналов Амстердама, и так и переезжать из одного дома в другой в течение года, оставаясь в каждой из стран не более трех месяцев, тем самым нигде не нарушая паспортный режим... Однако такой дикий план показался Анюте слишком фривольным, даже при всей ее терпимости к моим фантазиям, и мы уехали в Канаду, оставив мои фантастические жизни доживать в маленьком домике в двухстах километрах к северу от Лондона (я уже практически присмотрел его по интернету), на барже в амстердамском канале, в старом, требующем ремонта белом оштукатуренном доме на юге Франции и в милом нашем норвежском доме, который единственный материализовался, но с которым после пяти лет владения тоже пришлось расстаться.

Милая моя Голландия. Ты помнишь, как я лобзал тебя в твои холодные обветренные губы? Я оставляю тебе по крайней мере дюжину из подаренной мне Временем тысячи жизней!

Глава двадцать шестая. Мои трудные, но светлые отношения с Парижем

Моя французская часть жизни полна детскими восторгami и незрелыми падениями, шквальными ветрами эмоций и проливными мыслями... Моя французская жизнь явилась ко мне, как давно ожидаемая незнакомка, развязно разложив свои изящные предметы обихода по столам и подоконникам и внятно прошептав мне на ухо: *Je t'aime beaucoup! Je t'aime! Je t'aime!** То была моя старенькая бабушка, пытавшаяся привить мне любовь к этому языку, а следовательно, и образу мысли. Ведь образ мысли неразрывно следует за языком. Говоря по-немецки, неизбежно начинаешь критически подходить к соринкам на скатерти, говоря по-французски — впадаешь в легкое головокружение, причиняемое беспокойным вольнодумством и стремлением к необузданной свободе нравов.

Трудно избежать пошлости, крошащейся под пальцами критики, говоря о французской части моей жизни. Но я плевал на критику, и не по

* Я тебя очень люблю! Я тебя люблю! Я тебя люблю! (*фр.*)

идейным соображениям, а от общего снисходительного отношения к человечеству, ибо большая часть его представителей вызывает у меня жгучее чувство стыда, небольшая часть — страх, и лишь малая микроскопическая толика — уважение.

К какой части человечества я отношу себя самого? Увы, это сложный вопрос, ибо я испытываю к себе все эти три чувства без исключения: мне стыдно за себя, я себя боюсь, но, как ни странно, в последнее время я себя и уважаю... Потому что как можно не уважать человека, который, понимая вполне всю ничтожность человеческого существования, пытается найти в нем иллюзию успокоения и величия, сладкое марево расхолаживающего презрения к смерти... «Честь безумцу, который навевает человечеству сон золотой»...

Свою долю вольнодумия я, безусловно, почерпнул у французов, конечно, не у тех, которые зажимают сдачу в аэропорту. А у негодяя Вольтера и насупленного Руссо... Они меня и научили черт знает чему, но если б не они, да и, конечно, еще мой милый друг Декарт, я был бы вовсе растоптан немецкими философами, которые прут, ничего не видя, и чьи начищенные до блеска башмаки с тяжелыми подошвами практической логики, неопровержимой, а потому в корне неверной, растоптали уже не одно поколение молодых доверчивых душ...

Париж для меня, как и для практически всякого человека с российскими корнями, всегда

служил путеводной, что ли, звездой. Где бы я ни оказывался в Европе, невидимая сила гравитации этого города тянула меня туда, и я садился на поезд, завистливо читая на вокзалах таблички с ценами на билеты, короче, воспалённо стремился попасть в город мечты всякого, кто готов его увидеть и умереть.

Я долго не ублажал свои вожделения. Я вообще человек, с трудом отличающий мечту от реальности, и поэтому для меня достаточно, а иногда и слаще помечтать, чем вкусить своим укропным пучком чувств реалии физических объектов. Однако рано или поздно я должен был явиться в этот город.

Произошло это, как всегда, весьма неожиданно. Около 11 часов утра я решал какой-то затяжной деловой вопрос, а Анютка (впоследствии Маськин) написала мне записку: «Поехали в Париж». Я попрощался с собеседником и тут же набрал телефон справочной, чтобы узнать номер авиакомпании Air France. К шести вечера мы были в воздухе, а к полуночи сидели в кафе на Елисейских Полях. Я обожал делать такие непредсказуемые действия, импульсивно перемещаясь в пространстве. Конечно, мне далеко до эксцентричности Сальвадора Дали, но мое стремление к импульсивности нередко приводило окружающих в ужас. Видимо, так я пытался перехитрить смерть или судьбу, ибо каждый раз, выходя из дома, ожидал какого-нибудь насилия или несчастного случая. Поэтому домашний очаг я покидал, только гонимый

страхом быть приконченным в собственном доме... Я неврастеник? А не надо бить детей в школе, и население будет гораздо здоровее... Хотя, кто его знает, отчего я такой, но мне приходится принимать это как данность, ибо другого меня мне, по всей видимости, не дано... Просто не положено по распределительной ведомости предвечной бюрократии.

Париж состоял из двух частей: одной, неожиданно грязной и отталкивающей, и второй, чарующе привлекательной, наполненной восхитительными пирожными и вафлями. До меня в этот город на выставку 1937 года приезжали моя бабушка и дедушка. Воспоминания бабушки о Париже пронизали все мое детство. Ах, какой был персик на Монмартре! – вспоминала бабушка. Ах, каким был собор Нотр-Дам! Я всю жизнь стремился в Париж, и наконец в мае 2000 года мне выпало там побывать. Я стоял на той же площади перед собором Нотр-Дам... через 63 года после того, как на этой площади стояла моя бабушка.

Что мне осталось? Разве красть химеру
С туманного собора Нотр-Дам?

Вспоминались строки Высоцкого. Химеру я

красть
не
стал,
но на
глаза
наверн
улись
слезы..

Пот
ом
был
мало
впечат
ливши
й
Монма
ртр,
где я
купил
персик
, но он
не был

сочным.

Так я завершил круг, приехав в волшебный Париж через шесть десятков лет. Париж показался нам сложным городом, и мы уехали путешествовать по Европе, добравшись даже до Венеции. Вообще. Я не советую путешествовать в раздраженном или невеселом настроении. Зря потратите деньги... Куда вы ни явитесь своей измученной персоной — все вам покажется

дурным и раздражающим. К сожалению, большую часть моих путешествий я предпринимал именно в таком тягостном состоянии духа.

Любовь к французскому у меня не выветрилась до сих пор. Вот уже здесь, в Канаде, я нанял учительницу и выучил французский. Читаю журналы и книги, говорю с трудом, но упорно. Учительница говорит, что мой акцент – «L'accent n'est pas terrible» – не так ужасен, хотя я более чем уверен, что она мне льстит. Акцент у меня, конечно, ужасен, но главное – я осуществил мечту и на ночь читаю Жюль Верна и Дюма по-французски, что доставляет мне малообъяснимое, но значительное удовольствие. Не иначе, это результат влияния моей бабушки, отлично знавшей французский и воспитавшей меня в любви и трепетном отношении к этому языку, возможно, даже более трепетном, чем он того заслуживает.

В те времена я все еще верил, что перемещение в пространстве может стать решением для больной души. Увы, как говаривал Сенека, от себя не уйдешь, хотя, впрочем, так говаривал не только он...

У меня и сейчас появляются смутные желания куда-нибудь поехать, но для такого серьезного поступка теперь мне требуется гораздо больше причин, чем просто записка Маськина: «Поехали в Париж».

В последнее время, окунаясь во французский язык и франкоязычную культуру, я начал понимать, что простое путешествие не дает

представления ни о стране, ни об образе мыслей ее жителей. Теперь, пропуская через себя буквочки с *аксантизмом* и *аксантизмом*, я общаюсь с лучшими умами Франции... Теперь мне друг и Пьер, и Жан. (Я, конечно, имею в виду Пьера Бомарше и Жан-Жака Руссо). А путешествия – что путешествия? Так, дорожная пыль, холодные багеты, дурные официанты, дробно топающие стоптанными башмачками по грязному полу, подающие мидии вместо устриц и с ужимками Луи де Фюнеса кричащие на кухне: «Франсуа! Дю шоколад!»

Это разве Париж? Это разве Франция, какой мы ее любим и знаем?

В аэропорту имени Шарля де Голля, этого Бонапарта середины двадцатого века, я видел одну русскую женщину, отправляющуюся рейсом на Москву. Она прочувствованно говорила подруге : «Давай побудем тут еще минутку. Здесь еще Париж, а там уже нет...»

Я, честно говоря, был раздражен и хотел поскорее уехать. Париж – огромный город, переполненный иммигрантами, – на меня давил. Я искал его в кафе и в соборах, тот самый настоящий Париж моей мечты. И вы знаете – я его нашел, но не в материальном облике, а в моих пыльных французских книгах и в парижских журналах, которые я позволил себе выписать.

Приехав в Париж, вы сталкиваетесь с иммигрантами, которые имеют мало общего с духом этого города. Редкий француз позволит себе говорить с вами без ужимок и воздержится

от излюбленной своей игры (если вы обращаетесь к ним по-английски, они делают вид, что не понимают, а если вы пытаетесь поговорить с ними на французском, они отвечают вам по-английски). К тому же они не беседуют с вами на темы, выходящие за пределы цен на проезд в такси и съема автомобиля напрокат.

В глубинке вы, конечно, можете найти тех, кто уважит вас своим французским, ибо никакого другого языка не знает, однако содержательность подобного разговора вызывает большие и вполне обоснованные сомнения, ибо глубинка во всех странах – одинакова... Кроме простой народной мудрости, от нее трудно чего-нибудь ожидать, а простую народную мудрость мы и сами знаем, не маленькие.

Я совершил одно замечательное открытие в Париже, жаль только, слишком поздно... В Париже нужно все время пить вино. Ничего, что кислое. Вы же не жалуетесь на горькие лекарства, когда вам необходимо излечиться от какого-нибудь недуга... Там все пьют. Практически с утра. Весь Париж сидит на террасах перед бистро и ресторанчиками, и все пьют вино. Когда в одном местечке я заказал французское пиво – на меня посмотрели, как на идиота, и были правы, потому что оно оказалось сладким!

Пейте вина Бургундии: «Кот-д'Ор», «Кот-де-Бон», «Кот-де-Нюи», «Божоле», «Шабли», или вина Бордо: «Шато Бриссон» из Антр-де-Мер, «Шато Малар», какая разница! Вино пьют не для

вкуса, а для легкости в голове и головокружительного падения в объятия матушки Франции, любящей только пьяных и легких душой.

Короче говоря, так или иначе, посещение города всеобщей мечты на трезвую голову не позволило мне приобщиться даже на йоту к тому, к чему я стремился всю жизнь, – к свободному французскому духу, легкому настроению и глубокой светлой мысли...

Однако в последующие годы мне удалось этого добиться, но только виртуально, так сказать, или астрально, если вам нравится такое слово, остренькое, как лепестки астры. Таким образом, я решил стать немножко французом, и если у вас хватит терпения листать мою книгу и дальше, я расскажу вам как.

Глава двадцать седьмая. Как я вторгся в Скандинавию

Многие из людей живут бессознательно, не отдавая себе полного и вразумительного отчета о мотивах своих поступков и природе своих побуждений. Я, в общем, сам провел большую часть жизни в таком неопределенно подвешенном состоянии. Только в последнее время я начал требовать от себя объяснений и ответов на вопросы: «Почему я этого хочу?» или «Почему я этого не желаю?». И хотя тот факт, что, задавая эти вопросы, я подспудно осознаю

направление ответа и тем самым облегчаю свою участь самовопрошателя, все-таки изрядной ясности с самим собой, увы, мне не удалось достигнуть и поныне.

Раньше же я руководствовался короткоживущими объяснениями своих поступков и действовал скорее по наитию, чем пользуясь определенным выводом разума. Конечно, совершив какой-либо поступок или приняв какое-либо решение, я находил много убедительных объяснений его сокровенного смысла и целей. Однако, честно говоря, ясности в голове у меня не было, и относился я к себе с некоторым отстраненным интересом исследователя: «И чего он учудит в следующий момент?»

Судьба меня как-то миловала, и когда я совершал парадоксальные поступки, рано или поздно все утрясалось, и парадоксальность моих действий притуплялась в свете последующих многомысленных рассуждений и самоуговоров.

Итак, я изложил в предыдущих главах, что в России жизнь свою не представлял и уехал оттуда, еще будучи *девятнадцатилетним ребенком* (как меня охарактеризовал напоследок один московский таксист, муж какой-то маминой родственницы, у которой мы остановились перед отъездом в Будапешт, откуда самолет нас доставил в Израиль).

Так началось скитание Вечного Жида по имени Боря Кригер. В Израиль я не хотел ехать, интуитивно понимая, что ничего хорошего там не будет. Как раз тогда над Ближним Востоком

висел ультиматум папаши Буша, и вот-вот должна была начаться война, которая себя не заставила долго ждать.

Но выхода не было, жернова отъезда, виз, ОВиРа и прочих сухостей завертелись неумолимо, и нужно было ехать... Ходили какие-то наивные слухи, что прямо в аэропорту в Израиле людям предлагают ехать в Новую Зеландию, и я верил, хотя теперь думаю, что эти слухи намеренно распространялись Сохнутом, чтобы заманить несчастных советских евреев, которым ехать в Израиль хотелось примерно так же, как сесть голой попой на ежика, но оставаться в стране каждодневно дорожающего мыла тоже хотелось не очень.

(Если я не прав и кто-то уехал таким образом в Новую Зеландию, заранее прошу прощения у Сохнута, что переоценил его умственные способности.)

Кстати, я должен раз и навсегда перестать верить, что в дальних странах, про которые мы практически ничего не знаем, жизнь лучше и светлее. Не далее чем вчера приятель сообщил мне, что отсидел год в тюрьме в Новой Зеландии. Повязали его сразу по прибытии, за связь с какими-то темными личностями. Суд присяжных признал виновным в «попытке того и попытке сего»... Во как... Он еврей, свинину не ест, а в тюрьме только свинина. Стал весить 50 килограммов, видок, как из Освенцима, насилиу выжил среди аборигенов. Так что все страны и государства – ГОВНО в равной мере, и в гробу я всех их видал в белой обуви 32 размера. Почему

32? А чтобы жало... Представляете, лежите вы всю оставшуюся вечность в гробу, а вам тапочки жмут. Ну не жуть ли?

Кстати, Шопенгауэр как-то по пьяни мне прохрипел, мол, не бойся смерти, умирая, ты возвращаешься в то же состояние, в коем ты прибывал до рождения... А я ему – до рождения у меня не было трупа! А он как прыснет на меня всем, что было у него во рту...

– Scheiße!* – разобрал я его всхлип, только и всего. Так я и не понял, что он имел в виду... То ли что я – Scheiße, то ли что мой труп – Scheiße, не знаю; он упал лицом в баварский картофельный салат и, поскольку салат подавали теплым, сразу в нем уснул, и я не стал его будить...

Итак, Израиль встретил меня суровой правдой-маткой... Сначала послал убирать апельсины на ливанской границе, где кибуцники мне привили стойкую аллергию к запаху промозглых рабочих зарниц и к общему стилю проживания с сованием носа в чужую жизнь на уровне экономии туалетной бумаги. Потом Израиль не давал мне жениться на любви всей моей жизни (впоследствии Маськине), выдворял ее из страны, судил нас раввинатским судом и упорно хотел при этом забрать меня в израильскую армию и убить. Мне даже стало смешно, как активно взялись израильские придурки за мою особу... Вообще, видимо, мелкие страны, как мелкие шавки – злые, громко лают и кусаются, а

* Дерьмо! (нем.)

крупные – просто волкодавы. Видимо, из-за того, что в Израиле людей немного, у государства там более индивидуальный подход к личности. Если в России личность хотят ограбить и убить *вообще*, то в Израиле почему-то хотят ограбить и убить именно тебя, на индивидуально конкретном уровне, что, безусловно, не может не льстить усредненному еврейскому самолюбию.

Я стойко победил большую часть перечисленных напастей, но затаил на мой милый Израиль БОЛЬШУЮ злобу – и за ночи в противогазах, и за попытку выдворения моей жены в 24 часа, и за многое-многое другое, от чего приличное государство могло бы как-нибудь постараться воздержаться, напрячься, наступить на горло своей разбойничьей песне и не сваливать на голову девятнадцатилетнего иммигранта, приехавшего с открытыми глазами и душой отдать свои силы маленькой, но гордой стране... Израиль удивительно изощренно научился бороться со стариками, женщинами и детьми, терроризируя их налогами, угрозами, надаванием и отбиранием гражданства... Если бы Израиль так боролся со своими истинными врагами – арафато-хамасной сволочью, – цены бы этой стране не было, на руках бы ее носили, и на ночь бы на заборе ее флаги вывешивали от гордости за такого борца-гиганта. Но, увы, только с детьми да со стариками силен воевать Израиль. Причем не с арабскими камнеметателями, а с родными русскоязычными иммигрантами, которым, в общем, некуда больше податься и которые выучили его

двухтысячелетней давности закорючки и заглаголили языками пророков и христов... Но Израилю этого мало, ему нужны пророки да христы по-настоящему, для заклания и распятия, не своими силами, так силами своих врагов, не борясь с которыми, Израиль становится самым главным врагом своего собственного народа.

Ладно, не об Израиле речь, слишком много чести. Когда Биби Нетаниягу сместили и пришел идиот Барак, я твердо решил уехать и подал на бизнес-иммиграцию в Канаду. Мы уговорились встретиться с иммиграционным канадским адвокатом в холле знаменитой израильской гостиницы «Царь Давид». Пока я его там ждал, вдруг заметил белую, совершенно седую голову и медвежью походку. Шарон – осенило меня... Мне он тогда нравился. Кто же знал, что наделает эта бедовая голова впоследствии... Кто же знал, что по его приказу выселят силой 8000 поселенцев из Газы, а потом из руин этих самых поселений на Ашкелон, город, в котором живут мои родители, полетят ракеты «Касам», что Шарон свалится в кому, а в Газе проголосуют за ХАМАС, с которым мирный процесс делать – все равно что просить теленка самого зарезаться. Теоретически просить, конечно, можно, но бифштекса все равно не дождешься...

Итак, куда мне было податься, как не в Канаду? Но, на свою беду, я имел в Канаде бизнес, и у меня сложилось неприятное представление об этой стране, которое впоследствии, в общем-то, не раз подтвердилось.

Однако шел 1999 год, жизнь в Израиле для меня становилась все менее приемлемой. Крепчал мой невроз. Мне мешали глупое голубое небо, душные пылевые бури, непрекращающиеся теракты... А тут ещё нашли мертвым в лесу одного издателя, с которым я работал, неясно, что с ним случилось, но почему-то все твердо постановили – убийство. «Так, – подумал я, – началось...». Российская действительность с расправами над бизнесменами, похищениями и заказными убийствами просто не могла рано или поздно не навалиться на Израиль, ибо эти две страны связаны, как сообщающиеся сосуды...

В июле 1999-го я должен был лететь в Канаду для содействия моим сотрудникам, которых я делегировал туда открывать бизнес, но вместо этого в конце августа мы с Маськиным вылетели в Копенгаген. Мой тайный план был найти нормальное место, чтобы перекантоваться. Чтобы было нежарко, зима обязательно со снегом, желательно глухой лесной край, вкусная еда и не очень подозрительное население.

Прибыв в Копенгаген, я сразу вкусил датскую сосиску, увитую жареным беконом, и заявил, что никуда отсюда не уеду. Я обошел все четыре угла вокзальной площади, поскольку на каждом из них продавались эти сосиски, ибо мне было неудобно съесть четыре сосиски в одном месте... Теперь я эти комплексы в себе изжил.

Дания оказалась безлесной, и мы переправились на пароме через узкий пролив в Швецию... О, Скандинавия! Я сразу понял – это мой край... Леса, леса, леса... Огромные

полноводные озера, мшистая почва, изобилие грибов. Мне казалось, что когда-то в детстве я видел этот край в одном замечательном сне. Я стоял на высоком холме и видел с него зеркальное озеро, обрамленное лесами, и я почувствовал, что в этих лесах мне будет хорошо. Я сразу увидел тенистую опушку, лес был добрым и безопасным, и он манил меня... С тех пор я всю свою жизнь ищу этот уютный лес.

Мы проехали до Стокгольма, но в первое посещение город нам не понравился – больно шумным показался. Хотя впоследствии мы его искренне полюбили. Как можно не любить родину великого Карлсона? В Швеции фамилия Карлсон настолько распространена, что буквально на каждой второй вывеске красуется это сладкое для наших ушей имя.

Мой подгоняемый неврозом бродяжий дух погнал меня прочь из города, который я обозвал тогда скандинавской Америкой, и мы, заночевав где-то по дороге, пересекли границу с Норвегией.

Ну что ж, я практически сразу понял, что имею дело со страной своей мечты. Остановившись в гостинице в Конгсвингере, я стал рыться в телефонной книге, пытаясь найти посредников по недвижимости, чтобы снять какой-нибудь домик. Но норвежский язык оказался довольно оригинальным на первый взгляд, и мне пришлось спуститься к администратору, чтобы узнать как будет по норвежски риэлтор. Оказалось – Eiendomsmegler.

Созвонившись с одним из эйндомсмиглеров мы отправились в город Хамар и, поняв, что

найти что-либо приличное на съём маловероятно, я решился купить дом, который нам приглянулся, в лесу, неподалеку от городка Эльверума, в местечке Rølsåsen (Рёльсосен). Я подал свое предложение на покупку дома (490,000 норвежских крон – примерно 65,000 американских долларов).

Чтобы не мучиться ожиданием, мы отправились на север, в Трондхейм, к побережью Норвежского моря, а на обратном пути нам сообщили по мобильному телефону, что наше предложение принято.

Таким образом, отдав практически все свои сбережения на тот момент, я стал обладателем милого домика в норвежском лесу, в 80 километрах от шведской границы и приблизительно в 130 километрах к северу от Осло.

Мы вернулись в Израиль, взяли детей, заперли квартиру, оставив под присмотром соседки, и отправились жить в Норвегию. Собственно, всё. Так, по-наглomu, без долгих рассуждений я вторгся в Скандинавию, осуществив давнюю свою мечту – селиться там, где хочется, в любой точке, ткнутой пальцем на глобусе.

Более того, я умудрился приобрести в Норвегии дом, так и не отметившись на границе, поскольку въехали мы и выехали через норвежско-шведскую границу, где пограничников обычно нет. Мы прожили в этом чудном доме около двух лет с периодическими горькими наездами в Израиль... И каждое возвращение в Землю обетованную было для меня мучительным.

Перелётные птицы уже собрались –
Уложили платки да сорочки.
И неспешным конклавом в упругую высь
Потянули пернатые строчки.

Значит, скоро и нам собираться на юг –
Тихо тают недели-пропажи...
От январских белёсых, простуженных выюг
Улетим налегке, без поклажи.
Встретит нас испещрённый морщинами
край,
Весь в морях, словно в горькой подливке;
Залистает, закружит опять календарь
Наших жизней сухие отрывки...

Но мы все время возвращались в наш домик
среди сосен...

Ой, только не надо, пожалуйста, про визы,
паспортный режим, дороговизну жизни в
Скандинавии и прочую чушь. Хорошо? Душа
вольна селиться там, где ей заблагорассудится, а
границы, расставленные государствами, есть
силки для наших душ. Лично я ненавижу
границы. А вы?

Глава двадцать восьмая. Как я замечательно жил в Норвегии

Обосновался я в Норвегии на века. Купил себе
огромный письменный стол, деревянную кровать
и много всего другого, что необходимо для
жизни на века. Присмотрел во дворе местечко,
где меня похоронить, – когда я стану стареньким
и умру. Короче, несмотря на то, что никакого
основания жить в этой стране я не имел,

обосновался я так, как никогда раньше — обстоятельно, вдумчиво...

Я построил новую кухню, купил добротный автомобиль, и вообще все покупал добротное, крепкое. Начал сам рубить дрова, чистить снег и наслаждался каждым вдохом, каждым выдохом, каждым мгновением.

Я пришел и поселился там, где захотел. Раз и навсегда я выполнил свою заветную мечту, и мне больше ничего ненадо было. Именно в Норвегии я впервые всерьез занялся писательством и снова стал писать стихи.

Телевизор я не покупал, да и смысла не было. Норвежский я принципиально не учил, так, для интереса обзавелся двумя десятками слов, и то уже тогда, когда жил в Канаде и к нам приезжали наши норвежские односельчане погостить (кстати, по пьяни забыли свой аккордеон, так и стоит в углу неприкаянный).

Почему не учил норвежский? Тогда я думал, что устал и больше не хочу понимать язык, на котором опять не с кем будет говорить, как это случилось с ивритом... *эйм им ми ледабэр...**

Скорее всего, я не хотел понимать, о чем говорят окружающие. Я хотел жить своим изолированным семейным счастьем. Мы сами учили детей, и уча их, я узнал, возможно, больше, чем за годы моей собственной учебы в школе.

В Норвегии у меня собралась большая библиотека, потому что в те годы российские

* Не с кем говорить (*иврит*).

книги еще были дешевы, более того, я издавал много медицинских учебников, которые магазины охотно выменивали на книги, таким образом, книжные богатства доставались мне почти бесплатно. Я заказывал книги коробками и читал, читал, читал... Тогда я купил Британскую Энциклопедию в 33 томах... И свое волшебное ощущение жизни выразил этим полушуточным стихом:

Как в созвездьи искомом
Мир нам кажется домом,
Я «Британники» томом
Отворяю строку.

Там я маленьким гномом
Поселился в знакомом
Окружении буквы
Под названием Q.

Я поставил кроватку
На изгибе покатом,
Буквы лесенку-хвостик
На ночь я подогнул.

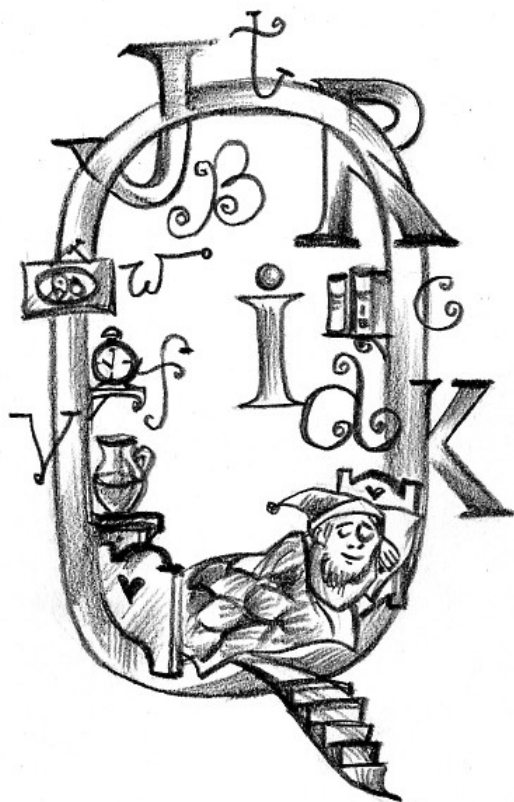
Не узнал я отгадку
Кто был Понтий-Пилатом.
Я не звал его в гости,
Потому что уснул.

Я вообще нелюдимый,
Потому что сплю зимы.
Мне на уровне буквы

Дела нет до людей.

Пусть они много скачут,
Бьются, плачут, судачат –
Мне мой морсик из клюквы
Лучше всех новостей.

В Норвегии я перестал бояться смерти, разорения, мне казалось, что мир устоялся и я вполне здоров и весел. Конечно я побаивался, что нас выловят и выставят, но у себя дома я чувствовал себя в полной безопасности,

особенно когда Норвегию покрывали снега. К

тому же, при отсутствии границы, я бы просто взял и въехал опять. Во всяком случае, никогда никаких проблем с норвежскими властями я не имел. Вообще норвежцы показали себя совершенно мирными домашними людьми, очень доверчивыми и легко доверяющими незнакомым и даже иностранцам. Сначала это пугало, но потом начало подкупать... Далее мы просто привыкли, что слово есть слово и что на людей там можно положиться. Это, конечно, тоже было отчасти иллюзией, как потом показало время. Но как хорошо нам жилось в этой иллюзии!

Конечно, не все в этой Норвегии было безоблачно. Маськину пришлось сделать операцию, дочурка свалилась с лошади, я страдал подагрой, но это была настоящая восхитительная свобода.

Я покупал себе свободу
По пять копеек килограмм.
Садился я на хлеб и воду
И всё бросал к её ногам.

Теперь свободен я. Жирею.
Хандрю и плачу обо всём.
Продаю родную Иудею;
Купил в Норвегии я дом.

И вот теперь, чего же боле,
Свободен я, но глух и нем,
Хромаю, корчаясь от боли,
Соплю, коплю и тупо ем.

Мы ездили по стране, бывали в Стокгольме, Мальмо, Гётеборге... Я чувствовал себя как дома. Но, увы, никаким образом оформить свои отношения с этой страной не удалось бы, я даже и не пытался.

В мае 2001 года пришли канадские иммиграционные визы, и мы отбыли на американский континент. Я клялся вернуться и вернулся через год на пару месяцев, но все уже было не то... На прощание мы закатали пир на всю деревню, напоили всех водкой (хотя местные любят собственный самогон), накормили борщом... А на торте попросили кондитера написать на местном наречии: «Окен ар ду?» – «А ты кто такой?» – фразу, которую я с удовольствием заучил и всем всегда говорил к месту и не к месту, и все весело смеялись. Сынишка уже думал, что он норвежец. Я показал ему его израильский паспорт, и только тогда он поверил, что не норвежец, и очень расстроился.

В 2004 году я продал наш норвежский дом, продал по телефону и факсу, не приезжая, попросив соседей отправить оставшиеся вещи...

Так закончился мой рай на земле... И я оставил край людей, придыхающих, как чайки, когда они хотят сказать «да». Они вскрикивают так, как вскрикиваем мы, когда чего-то пугаемся... Хотя им нечего бояться, потому что им посчастливилось родиться в замечательной стране в безоблачные времена...

Глава двадцать девятая. Как я выпил море и обосновался в Канаде

Вы помните старика Эзопа? Да, да, того самого, о котором когда-то бормотали по курилкам частушку, мол, КГБ пришло к Эзопу и взяло его за... Смысл нам, конечно, ясен: может, хватит этих басен? Так вот, Эзопу как-то

предлагали ответить на вопрос, как выпить море, и он справился. Я всю свою жизнь пытаюсь либо выпить море, либо и того хуже – выпить океан.

Был 1999 год, передо мной на столе лежали карты Нью-Йорка и Торонто, и я не имел никакого отношения ни к США, ни к Канаде... Я вел весьма успешный бизнес в Израиле – школу, готовившую врачей, медсестер и фармацевтов к экзаменам минздрава. У меня все было. И чего мне еще было надо? Но нет, в ушах гудело: «Боря, выпей море!», и как-то подозрительно пересыхало в горле. Я понимал, что Израиль – это тупик. Попытка развить курсы, чтобы обслуживать государственные медицинские и медсестринские школы, натолкнулась на такую враждебность минздрава Израиля, что они даже потратились на объявление в местной ивритоязычной прессе, что мы плохие и к нам ходить не надо. Естественно, это подняло нашу популярность до небывалых высот, но почему-то по ночам снились тюремные переходы... Никогда не злите государство, в котором вы имеете честь или несчастье проживать. Это хуже, чем пилить сук, на котором сидишь, потому что гравитация – сила темная и необузданная, а любое государство – сила еще более демоническая и еще менее обузданная.

В Израиле проблемы ширились. Правда, были они какие-то пока неявные. Как я уже упоминал, вдруг убили знакомого издателя – ни с того ни с сего... За что? Неизвестно. Милая российская действительность явно пыталась вползти и в страну с названием, которое так долго казалось

неприличным. Вслушайтесь в это слово: «Израиль». В свое время нам вдолбили, что это что-то такое же неприличное и несправедливое, как «аборт»... Гордая маленькая страна, какой она представлялась мне, когда я с миллионом себе подобных ринулся туда в начале девяностых, оставалась где-то на задворках воображения. Реальность же звенела в ушах жаркой правдой Ближнего Востока. Израиль показывал себя в своей полной красе. Черeda идиотских политических ляпсусов сделала сообщения о взрывах автобусов постоянным атрибутом выпусков новостей – как прогноз погоды. Да и с погодой дело было плохо – жарко, голубое до дури небо без облачка, пылевые бури и марсианские ландшафты, так что хотелось куда-нибудь уехать посеевернее и поскорее.

Я уже слышу шипение моих соотечественников! Конечно, говорить плохо про Израиль есть вечное табу. Когда он перестанет относиться к своим гражданам, как к сору, возможно, я пересмотрю свое мнение... Увы, долго, видимо, придется ждать...

Итак, предчувствуя надвигающиеся проблемы, я стал смотреть на Запад. Я попытался просто взять и расширить свою деятельность. Я рассуждал, что если в Израиле так много иммигрантов, то в Канаде и США их еще больше. Мы умеем готовить к медицинским лицензионным экзаменам, и наши учебники и курсы хорошо себя показали в Израиле, значит, нужно просто подготовить курсы на английском

для русских иммигрантов на Западе, и все пойдет как по маслу.

Правда, все логично? Да в том-то и дело, что когда все звучит логично – жди беды. Вопреки всей логике и потраченным ста тысячам долларов на создание оригинальных материалов на английском и русском с привлечением целой группы американских врачей – курсы эти в Северной Америке оказались никому не нужны. Как так? Все же сходилось, ведь в Израиле народ на курсы валил, в чем же дело? А дело в том, что люди, иммигрировавшие в Израиль, кардинально отличаются от тех, кто приехал в США и Канаду. Вы думаете, я скажу сейчас, что одни лучше, а другие хуже? Вовсе нет. И те, и другие вполне приятные люди (когда спят зубами к стенке).

Итак, первые попытки организовать курсы в США и Канаде, можно сказать, не преуспели, несмотря на то, что я зарегистрировал компании в Нью-Йорке и Торонто, направил туда работников, открыл офис, дал рекламу... Дело в том, что иммигранты в Северной Америке очень гордые и амбициозные. Они считают ниже своего достоинства идти на какие-то курсы. Сдать экзамены сами они, конечно, не могут, но учиться не хотят. Ни на каком языке. По-русски не хотят, потому что не для того они уехали из России, чтобы говорить по-русски, а по-английски не хотят, потому что английского попросту не знают.

Особенно если известно, что курсы организывает такой же иммигрант, как они, –

они скорее застрелятся, чем позволят, чтобы им помогли подготовиться к экзамену.

Скажу по совести, я никогда не вращался в иммигрантской среде сам. Все время жил обособленно. Наверное, и я такой – амбициозный, наглый и невоздержанный... Не мне судить. Но русские иммигранты в Северной Америке народ суровый, и если кто-то хочет устраивать свой бизнес там, я заклинаю вас не ориентироваться исключительно на них. Они вам задушат бизнес только из чувства собственного превосходства. Как же так – они приехали на два месяца раньше! Куда ты лезешь поперек паровоза?!

А я сделал еще хуже. Я не только приехал позже всех, я, подав на бизнес-иммиграцию в Канаду, взял и совершил самый что ни на есть естественный поступок в такой ситуации. Я, как уже рассказывал, купил дом в Норвегии и отправился туда жить.

Ну, сейчас начнется. Посыплются раздраженные вопросы: Как так? А кто остался руководить бизнесом в Израиле?

Попробую пояснить. В бизнесе главное – быть непредсказуемым для конкурентов, работников, и самое главное – для самого себя. (Когда я пытался высказать эту мысль на интервью в Лондоне с представителем канадского посольства, он так глубоко задумался, что я решил было, что, пожалуй, не видать мне канадского кленового листика, как своих ушей. И от этого стало привольно и весело, как бывает на пляже nudистов.)

Итак, то, что логично и предсказуемо, – не работает. Значит, то, что непредсказуемо и с первого взгляда нелогично, – должно работать. Ну должно же что-то работать, наконец? Не в пещерах же мы живем? Не диких мамонтов же сырых едим? Что-то же работает в этом долбаном на всю голову мире бизнеса?

Поясняю свои поступки. Ожидать иммиграции в Канаду надо было года два, не меньше. В Израиле жить мне стало душно во всех отношениях. Я стал переводить свой бизнес на самоуправление и потихоньку приучать его к своему отсутствию. Конечно, была важна кадровая политика. Нужно подбирать людей так, чтобы они не могли договориться между собой против вас, чтобы их внутренние разногласия, трения и конфликты всегда были сильнее, чем неприязнь к вам как к начальнику и хозяину бизнеса, которая, как работника ни корми, все равно возникает на классовом уровне.

Я своих работников чем только ни баловал, когда был Карасем-идеалистом и думал, что если вести себя хорошо, – то тебя будут любить. Потом же я понял, что, как говорил Остап Бендер Корейке, ссылаясь на своего друга детства: «Любви у нас, видимо, уже не будет...», я научился балансировать между разными силами в коллективе и в конце концов смог продержать бизнес так, что его окончательно не разворовали даже в тяжелейшие годы экономического кризиса. Бизнес в Израиле функционирует до сих пор.

Первое, что было важно для меня, – это вывести себя и свою семью из-под опасности наездов со стороны государства и местной подымающей голову «братвы». Тащиться в Канаду до того, как будут получены иммиграционные визы, было плохо, потому что канадцы не любят, когда у них живут до того, как получают статус иммигранта. Так я ткнул пальцем в географическую карту. Я хотел чего-нибудь, где попрохладнее и есть леса, – соскучился по зелени. А то в Израиле на балкон с видом на Иудейскую пустыню выйдешь и приглядываешься: это чего там за точка на горизонте – танк или верблюд? Чаще всего оказывался танк...Я живу в своем трехэтажном доме с бассейном в глухих лесах Канады, но в своей обыденной жизни с помощью преимуществ интернета являюсь директором и владельцем международной группы компаний – Центра контрактных клинических исследований Kriger Research Group International, обслуживающего фармацевтическую индустрию в США, Канаде, Австралии, Западной и Восточной Европе, Израиле и Индии. Сам же я имею достаточно времени, чтобы писать и издавать книги в России по-русски, в США и Канаде по-английски и во Франции по-французски.

Мало кто понимает, чем же мы занимаемся. Это хорошо, потому что когда ваш бизнес для всех очевиден – то конкурентов тьма. Постараюсь объяснить в трех словах. В цивилизованном мире для того, чтобы новое

лекарство попало на полки аптек, оно должно пройти клинические исследования. Некоторые фармацевтические фирмы рекомендуют проведение этих исследований контрактным исследовательским центрам, типа нашей группы компаний. Кроме того, фармацевтическим компаниям требуются специалисты, подготовленные для проведения клинических исследований в соответствии с мировыми стандартами. Мы готовим более 1000 высоквалифицированных специалистов в год. Подробнее об этом вы можете почитать на нашем сайте www.kriger.com.

Объем клинических исследований, проводимых в России, постоянно растет. Качество собираемой в процессе исследований информации, соблюдение этических норм, а

также соответствие международным нормам, по крайней мере, находятся на том же уровне, как где бы то ни было. Мы заинтересованы в сотрудничестве с российскими центрами клинических исследований и готовы

предоставлять программы профессионального обучения для выпускников российских университетов, желающих стать специалистами в клинических исследованиях.

В нашем центре существуют программы для выпускников биологических, компьютерных, химических специальностей, а также для дипломированных менеджеров. После переподготовки представители указанных профессий могут приступить к работе как ассистенты клинических исследований, специалисты по базам клинических данных, специалисты по контролю качества в проведении клинических исследований, специалисты маркетинга и менеджмента в биофармацевтической промышленности. Центр также занимается обучением клинических исследователей – врачей, непосредственно проводящих клинические исследования в поликлиниках и стационарах. Мы вообще имеем успешный десятилетний опыт в подготовке тысяч врачей, медсестер, фармацевтов, стоматологов к лицензионным экзаменам в США, Канаде и Израиле.

Восточная Европа и Российская Федерация являются хорошо организованными областями для проведения клинических исследований. Эти районы также чрезвычайно перспективны в плане успешного привлечения пациентов для проведения клинических исследований в соответствии с мировыми стандартами. Пациенты получают бесплатный доступ к новейшим препаратам, а фармацевтические

фирмы – возможность разрабатывать новые препараты в более сжатые сроки и с меньшими затратами. Надо сказать, что все исследования проводятся при строжайшем соблюдении прав пациентов и их безопасности в соответствии с постановлениями международной Хельсинкской конференции ICH GCP и, разумеется, постановлениями Министерства здравоохранения Российской Федерации. Даже знаменитый журнал Fortune недавно опубликовал статью о клинических исследованиях, проводимых в России.

При всех этих занятиях я могу уделять достаточно времени своему любимому занятию – писательству. Я думаю, что как раз в этом нет ничего оригинального. Жюль Верн, прежде чем стал широко известным романистом, пятнадцать лет проработал брокером на парижской бирже. Вольтер был довольно успешен в своих финансовых операциях. Я всегда стремился быть независимым, и успех в делах в определенной мере обеспечивает мне свободу, которая позволяет приступить к осуществлению детских грёз. Я всегда мечтал быть писателем. Начал писать, наверное лет с пяти. Постоянно сочинял стихи. Для меня писательство является основным занятием жизни, однако долгое время оно имело статус хобби. Другие тратят деньги на яхты и экзотические развлечения, я же страстно люблю писать и издавать книги. За свою жизнь я издал несколько десятков книг, но это были в основном учебники и специальная литература. Теперь, пожалуй, просто пришло время настоящих книг.

Некоторые, возможно, раздраженно заметят, что, мол, какие из бизнесменов могут выйти поэты, или наоборот. Дело в том, что меня недавно осенило: любимое дело жизни и источник дохода не обязательно совмещать. Источник финансирования – это одно дело, а поэзия с литературой, композиторство с астрономией – это совсем другое дело. Эти занятия не приспособлены для зарабатывания денег, ибо требуют полной свободы от предрассудков, которую дарит нам свобода творчества. Если же результат вашего таланта вам необходимо выгодно или хоть как-нибудь продать, – о какой свободе идет речь? Вам придется рисовать, писать и видеть звезды так, как того желает покупатель... Конечно, трудно так преуспеть, чтобы и себя обеспечить, и творчеству уделить достойное время и внимание. Пытаясь преуспеть в мировом бизнесе и литературе одновременно на русском, английском и французском, я опять оказываюсь перед задачей выпить море... Пытаясь прожить тысячу жизней вместо одной, – я пытаюсь выпить океан. Вчера сидел и читал французскую книжку про войну за независимость Алжира, и все время косился на пачку карточек с китайскими иероглифами... Как бы было здорово одновременно читать и учить иероглифы! Попробовал. Не получается... Увы, я не Цезарь. Но, как оказалось, и не Эзоп. Я бесхитростно встаю на четвереньки и пью без устали море, а не хитрю и не занимаюсь дешевой, хоть и не лишенной мудрости эзоповской демагогией.

Я вас не раздражаю своим желанием выпивать моря? Обычно это раздражает.

Однако, если вы тоже увлекаетесь этой самой захватывающей разновидностью питейного искусства – айда за мной. Морей на Земле хватит на всех!

Глава тридцатая. В соседстве с теплым дыханием Америки

Я пока не разу не был в Америке. Как-то не довелось. Думаю, скоро неизбежно побываю. Правда, американскую землю я видел наискосок от Ниагарского водопада. Так, ничего особенного, земля – как земля.

Быть канадцем и не бывать в Америке кажется абсурдным, но я из-за своего невроза, усилившегося в последние годы, вообще с трудом выезжал из дома, да и таскаться в Америку с моим израильским паспортом (до того, как мне сподобились после пяти лет жизни тут выдать канадское гражданство) было совсем несподручно.

У дочки моей вообще не было никакого паспорта, ибо так Израиль отметил мое настойчивое желание жениться на той, кого люблю, невзирая на национальные принадлежности. Ну, скажите, как такое может быть, чтобы народ, который больше всех пострадал от национализма, смог стать таким ярым националистом, чтобы не сказать

расистом? Эх, евреи, евреи... Если бы вы не доставали друг друга, цены бы вам не было. Это я вам говорю как потомственный еврей.

Итак, чего же я, собственно, взялся писать про Америку? Да потому, что она играет в моей жизни не последнюю роль. Каждый второй доллар, который я зарабатываю, приходит оттуда. Ну, а воздействием американской психологии на мир вообще невозможно пренебрегать.

В мире люди делятся на две группы: те кто считают влияние американцев плохим явлением, и те, кто считают, наоборот, хорошим и во всём американцам пытаются подражать... Обратите внимание, что в мире нет такой дихотомии мнений насчет жителей Соломоновых островов. Странно, не правда ли?

Влияние Америки, насчет которого так резко разделились мнения в мире, можно разделить на три группы:

1. Повсеместное насаждение американского образа жизни, основанного на индивидуализме, жесткой соревновательности и неограниченном консюмеризме (под консюмеризмом я имею в виду обсессивное потребление под лозунгом «Покупай! Покупай! Покупай!»).
2. Политика Америки в стиле мирового жандарма, основанная на модели униполярного мира с Америкой во главе.
3. Противоречие между американской демократической идеологией и тоталитарной

практикой: стремление поставить все сферы жизни индивидуума под бюрократический контроль; противоречие между американской демагогией о равенстве возможностей и безрадостным существованием оболваненных миллионов американцев.

У меня самого промыты мозги консюмеризмом, и вместо того, чтобы довольствоваться необходимым, я все покупаю, покупаю, покупаю... Уже залез в долги, но остановиться не могу, ибо все кругом призывает: «Покупай! Покупай! Покупай!»

Вот зачем нам две машины? При моей склонности к сидению дома нам бы и одного самоката хватило. Я серьезно. Хорошо, если вас это не впечатлило, то скажите: зачем нам гараж на три машины, когда у нас их только две?

А зачем нам три кота? А зачем на четырех человек нам нужен трехэтажный дом? А зачем нам нужен кусок земли с лесом площадью в полгектара? (Я в этом лесу бываю раз в год, когда на свой день рождения в октябре хвастаюсь

* Вы, скажете: ну, коты – это все-таки проявление не консюмеризма, а вполне безобидной любви к животным! Вовсе нет. Чтобы завести кота в Канаде, нужно прилично потратиться. Уличных животных – практически нет. У нас их съедают дикие звери или вылавливает служба по уходу за животными. В этой службе котов и выдают, рассматривая вашу просьбу об «усыновлении» (укотении) животных. При этом проверяется ваша репутация котовладельца и финансовая состоятельность. Взимается плата, которая, со всеми прививками и аксессуарами, а также с обязательной кастрацией и опциональным удалением когтей на передних лапах, стоит 300-400 долларов! Так что котов здесь потребляют, как продукт, можно сказать, дорогостоящий товар...

гостям, какой я землевладелец. Все равно я отгородился от этого своего леса двухметровым забором с колючей проволокой, потому что к нам лезли еноты, волки и даже медведи.)

А зачем нам все по два, по три, по четыре?

Все ей спасибо, дорогой Америке. Промыла мозги, родимая.

Америка говорит: покупай, и ты поправишь дела экономике, а крепкая экономика даст тебе надежную работу с хорошей зарплатой. На которую ты сможешь покупать еще больше, и так дальше в стиле:

У попа была собака,
Он ее любил.
Она съела кусок мяса –
Он ее убил,
В землю закопал.
Надпись написал:
«У попа была собака,
Он ее любил...»
(и так далее... до бесконечности)

Все это очень хорошо, но неограниченный консюмеризм порождает конкуренцию за рабочие места, жесткую конкуренцию в бизнесе, а индивидуализм делает человека одиноким и, в общем, беззащитным как перед государством, так и перед прочими напастями.

Индивидуализм в сочетании с активной пропагандой промискуитета разрушает семьи. Каждый третий брак заканчивается разводом. Разводы, конкуренция, одиночество,

индивидуализм – все это приводит человека к такому стрессу, что рано или поздно у него развивается тот или иной тип невроза.

Для американских интеллектуалов типично, что 80-90% из них принимают сильные антидепрессанты. Невероятно! Вся нация в какой-то степени превратилась в зомби. Это ведь не какие-нибудь легкие таблетки.

Какое это отношение имеет ко мне? Ха-ха-ха. Я тоже на антидепрессантах. Конечно, мне хорошо, живу, как во сне, все пофигу. Но все-

таки, если бы природа действительно считала, что нам необходимы антидепрессанты, мы бы выделяли их сами какой-нибудь антидепрессантной железой. В Норвегии я ведь не нуждался в таблетках «Прозака»!

Большинство из принимающих таблетки пытались ради эксперимента пару недель обойтись без

них. Так вот, они совершенно менялись: кричали, вели себя совершенно по-другому. То есть изменение поведения человека уже стало результатом приема лекарств. Не знаю, как это произойдет, но я утверждаю, что это кардинально изменит нашу индивидуальность,

наши представления о достоинстве и свободе. Целая нация, сидящая на антидепрессантах... Хорошенькая страна. Но мало того, что подавляющее большинство политиков и

руководителей
крупных
компаний сидят
на

антидепрессант
ах, самое

страшное, что
на них сижу я!
Во как достали,
а вы говорите:
какое

отношение я
имею к Америке?

Можно, конечно, считать, что в этом нет ничего страшного. Что жизнь с таблетками легче, что можно больше работать, а следовательно, и больше покупать... Я придерживаюсь как раз этой иллюзии и поэтому не отстаю от коллектива. Жена у меня на таблетках. Даже семнадцатилетняя дочь. Но в семье мир и покой. Разве что иногда кто-нибудь забудет или откажется принять таблеточку, – и тогда туши свет! Какие крики! Какие страсти!

Родители наши с обеих сторон на таблеточках. Больше не ссоримся. Ну, не красота ли? А раньше-то какие молнии сверкали! Какие заявления делались! Король Лир – отдыхает.

Вторая причина разногласий по поводу Америки – это, конечно же, ее роль мирового

жандарма, на пост которого она сама себя назначила. Несмотря на то, что я, в общем, вполне согласен со всеми основными американскими взглядами на мировую политику, мне претят топорные методы и неглубина анализа. Лучшее, что американская политическая интеллигенция смогла предложить по этому вопросу, я прочитал буквально на днях в книге Ричарда Перла, которую он написал в соавторстве с Дэвидом Фрумом, придворным журналистом Буша: «Конец зла: как победить в войне с терроризмом»*.

Книга отнюдь не триумфального тона. Победы в Афганистане и Ираке, по мнению авторов, — лишь первые шаги на долгом пути. Перл, в общем, зрит в корень. В нынешней политической риторике, в том числе и в речах президента, война, которую исламские фундаменталисты объявили Америке, объясняется их ненавистью к тому, на чем стоит западный мир: демократии и плюрализму, материализму и толерантности. Перл напоминает читателям, насколько поверхностно такое объяснение. Что они там думают о нас и за что нас ненавидят, — это все вторично. Первично то, что имеет место в их собственной среде. Вот как он это описывает:

«Возьмите обширные пространства земной поверхности, населенные народами, которые помнят о своем великом прошлом. Обеспечьте их на уровне, достаточном, чтобы иметь спутниковое телевидение и доступ к интернету,

* David Frum and Richard Perle, «An End to Evil», Random House, 2004.

чтобы они могли видеть, как живут люди на противоположном берегу Средиземного моря или Атлантического океана.

Затем обреките их на жизнь в удушливых, нищих, грязных городах под управлением ленивых и коррумпированных чиновников. Опутайте их правилами и постановлениями до такой степени, чтобы никто не мог прожить, не платя мзду бесчестным чиновникам. Подчините их местным элитам, сказочно разбогатевшим на сомнительных махинациях с нефтяными ресурсами, которые теоретически принадлежат всем гражданам...

Откажите им в возможности иметь хоть какой-нибудь форум - парламент или хотя бы городской совет, где бы они могли свободно обсуждать свои беды. Убейте, бросьте в тюрьму, подкупите или выдавите за границу любого политика, деятеля искусств, интеллектуала, способного сформулировать современную альтернативу бюрократической тирании...

Обеспечьте условия, в которых сознание молодого поколения доверено формировать клерикалам, чье собственное сознание не содержит ничего, кроме средневековой схоластики, одобренной националистическим комплексом неполноценности.

Соедините все это - и чего же еще ждать, кроме ярости масс?»

Не слабо, а? Итак, фундаментальным принципом предложенной Перлом стратегии является не война с терроризмом, а война с

условиями, порождающими терроризм. Практически это означает замену всех закрытых, авторитарных режимов открытыми и демократическими.

Комментируя книгу Фрума и Перла, Томас Пауэрс, обозреватель «Нью-Йорк ревью», с печальным скепсисом цитирует слова Джейка Барнса из «Фиесты» Хемингуэя: «Так думать очень красиво, не правда ли?» На самом деле даже огромные успехи в Афганистане и Ираке – это лишь самое начало борьбы. Хватит ли у свободного мира сил и решимости довести ее до конца? Кто знает. Одно ясно: если не хватит, то красивое будущее никого на планете не ждет.

Все это было бы замечательно, если бы демократия, предлагаемая США как спасение от всех бед, в самих Соединенных Штатах не страдала всеми возможными болезнями – от детских до венерических. Хиппи, несмотря на свой инфантилизм, являлись движением молодежного протеста, возникшим на рубеже 1960-х гг. в США и других странах, и были как раз-таки реакцией на основные болезни демократии по-американски:

- на современный бюрократизм и тоталитаризм;
- на стремление поставить все сферы жизни индивидуума под бюрократический контроль;
- на противоречие между демократической идеологией и тоталитарной практикой;
- на все растущее обезличивание бюрократической структуры, которая теперь вообще стремится превратиться в безликий гос-интернет. Я тут давеча пытался зарегистрировать

в США наш Trade Mark. Думаете, удалось? Ха-ха-ха... 300 долларов взяли, заморочили голову и так ничего и не зарегистрировали.

Вокруг Америки образуются новые миры. Западная Европа изолирует себя от Америки. Появятся новые гетто, новые секты, новые касты – закрытые сообщества. Вот была эта всеобщая мечта об едином мире: падение Берлинской стены и прочее. Сейчас, я думаю, мир весьма далек от единства. И не только между странами, но и внутри стран. Возьмем Соединенные Штаты: здесь существуют различные замкнутые круги, где люди должны жениться внутри своего круга. И не только богатые. Например, есть богатые, а есть профессора, так называемые работники умственного труда. Они просто не смешиваются с обычными людьми. Я не знаю ни одного профессора, кто дружит с обычным человеком с улицы. Все больше и больше их тянет жить отдельно. Гетто для обеспеченных. Улицы, куда не войдешь из-за полицейского кордона. В этом смысле общество все больше и больше разделяется.

Свержение Саддама Хусейна вслед за разгромом талибов в Афганистане – этапы осуществления жесткого и четкого плана беспощадной борьбы с врагами американской свободы и демократии. По мнению Томаса Пауэрса, никогда еще в истории Соединенных Штатов, а может быть, и вообще в истории внешняя политика не преследовала свои задачи с такой последовательностью и решимостью.

Но проблема Америки и ее политики в том, что американцы не владеют искусством политики вообще. Дело в том, что политика – это точно такая же наука или ремесло, как поварское дело... Политик – это профессия, как плотник или мясник. Если повар начнет нарушать элементарные правила своей профессии и будет добавлять всем в порцию бефстроганова по щепотке цианистого калия, то это будет очевидным проявлением его злонамеренного непрофессионализма. Если плотник начнет приделывать ножки к шкафу сверху, а не снизу, – его могут госпитализировать с интересным диагнозом.

Правила политики существуют тысячелетия, и эти правила не изменились! Все сказанное Конфуцием, Платоном, Аристотелем, Маккиавелли, наконец, верно и сейчас.

Да, политика имеет свои жестокие подробности, но и дело мясника тоже имеет свои... От этого политика не перестает быть просто профессией, однако ей никто не занимается профессионально.

Политики всю свою жизнь борются, чтобы добраться до вершины власти в результате демократических выборов, и когда они до этой власти добиваются, у них нет ни опыта, ни квалификации, чтобы руководить и действовать в соответствии с известными элементарными правилами. На все это накручивается нескончаемая демагогия, и таким образом мы имеем то, что мы имеем. Современную мировую политику.

В прежние времена было не лучше... Тогда власть получали по наследству, и если случайно выпадало народу получить разумного и профессионального правителя, то обычно история плохо их помнит, потому что ни войн, ни крупных свершений при проведении правильной профессиональной политики, в общем, происходить не должно. Народ должен хорошо и спокойно жить. А об этом учебники истории писать не любят, ведь это скучно.

Что, если взять и проверить основных правителей мира на каком-нибудь компьютерном симуляторе в духе игры «Цивилизация», только поумнее, и посмотреть, как скоро они приведут к краху своих стран? Думаю, результаты будут ужасающими. А знаете, почему подобные трагедии и крахи случаются не каждый день? Да потому что на непрофессионализм Буша наталкивается дилетанство «Аль-Кайды», кагэбизм Путина, остолопие Евросоюза, дурь Великобритании, коммунизм китайцев и придурочность бандитствующего Ирана.

Вот они этим друг друга и компенсируют.

Попадаются изредка политики типа Рузвельта, Тэтчер, Рейгана — в странах начинает что-то налаживаться, но оппозиция и последователи делают все, чтобы развалить достижения предшественника, случайно оказавшегося более или менее профессиональным политиком.

Итак, необходимо тестировать любого руководителя страны, или лучше — любого кандидата на руководителя страны на компьютерном симуляторе; советники не при

чем, ибо глупый президент выбирает дурных советчиков.

Кто не проходит тест – снимать с предвыборной компании. Почему, если будущий летчик разобьет самолет на виртуальном тесте, – ему никогда не дадут управлять настоящим пассажирским лайнером, хотя ему доверяют жизнь всего лишь трехсот человек и летательный аппарат стоимостью в несколько десятков миллионов долларов*, в то время как руководителю государства, такого, как США, доверяют жизни не только людей, населяющих эту страну, но и всего человечества (помните про ядерный чемоданчик с красной кнопкой?) и экономику на несколько триллионов долларов?

Теперь вы понимаете, почему мне беспокойно и жарко в соседстве с теплым дыханием Америки?

* Новый, например, «Аэробус» стоит около 40-45 млн. долларов, «Боинг-737» чуть-чуть подешевле.

Часть четвертая

В хороводе блуждающих умов

Глава тридцать первая. Призрак забытого философа

Поразительно упорство человеческое – очень уж не хочется прослыть совсем уж идиотами, вот и блуждают наши умы со времен доисторических обстоятельных обедов до сегодняшних коротких завтраков на лету. Блуждают и ищут, не обронило ли Мироздание какую-нибудь новую крошку, которую можно было бы пощупать и сделать очередной нелепый вывод, как все устроено и к чему все катится.

Нет чтоб откровенно признаться, так, мол, и так, папа – обезьян, мама – обезьян... Идите все нафиг со своими тайнами вселенной. Увы, не устраивает такой подход наших блуждающих философов, и я маюсь вместе с ними, хотя мог бы подольше поспать или, на худой конец, скушать апельсин, знаете, восторженно так, по-обезьяньему, по-дикому, вгрызаясь сквозь оранжевую шкурку в его сочную, наивную, а потому легонько щиплющую мякоть.

Забытые философы обречены страдать изжогой, проявляющейся не только жжением в

груди, в районе несчастного пищевода, обреченного пропускать через себя все то, что загребущие крючки пальцев запихивают нам в рот, но и жжением в душе, которое не так легко погасить простым раствором соды.

Я лично знал одного забытого философа. Имя, правда, сообщить не могу, потому что забыл. Если б помнил, то какой бы он был после этого забытый? Соображаете?

Так вот, это был даже не философ, а его призрак. Сам мудрец окочурился в незапамятные времена, прожив насыщенную жизнь, полную гонений и попоек, в рамках какой-то древней цивилизации, останки которой до сих пор еще не откопали. Что? Нет. Не Атлантида. Почему, чуть что, так Атлантида? Если бы я имел в виду Атлантиду, я бы так честно и сказал. Вообще я был бы вам очень признателен, если бы вы сделали усилие над собой и не прерывали мой стройный, но немного перевозбужденный поток мыслей, а то я собьюсь и придется начинать сначала.

Подробностей его биографии я не знаю. Его призрак обычно появлялся в предутренний час, а в такое время как-то не хочется подробно разбираться с паспортными данными и биографическими подробностями.

Так вот, вы себе не представляете, этот мыслитель все уже наперед знал... И мыслями Декарта со мной делился, и даже мысли будущих философов ему были хорошо известны. Конечно, звучали они не так четко и прочувствованно, как

обычно громяют мысли, обреченные на бессмертие посредством публикации в интернете. Но мыслишки были вполне дельные и, я бы сказал, достаточно ярко выраженные для того, чтобы признать за призраком приоритет в их высказывании.

Даже смешно: человеческий мозг все время кружится вокруг одних и тех же мыслей, хоть ты его бей, хоть с аукциона продавай – ничего не поделаешь... Думаем мы все одинаково, и кому

только это все нужно? Great minds think alike – великие умы мыслят одинаково. Идиоты тоже мыслят одинаково. Ну, и на кой черт нужно это производство стандартных мыслей из поколения в поколение?

Однажды утром, проснувшись и снова увидев зыбкую тень, я подергал призрак забытого философа за бороду и, зевая, спросил:

– Слушай, дед, – на кой черт все это надо?

Дед стряхнул мне на ночной колпак пепел иллюзорной папироски а-ля «Казбек» (помните, в доисторические времена были такие папиросы с рисунком горца на пачке, его еще дедушка Маськина звал «Нищий в горах»).

Тут я заметил, что тень забытого философа происходит из дыма папиросы, которую он сам же и курит. Как же такое может быть? Да в том-то и дело, что большая часть наших наблюдений в конце концов наталкивается на подобную картину. Пытаясь разъяснить истоки явления, мы вдруг осознаем, что оно происходит само из себя. Что было раньше: курица или яйцо... Проклятый парадокс.

Подобные загадки можно объяснить лишь тем, что мы наблюдаем только часть объекта или явления, в то время как другие части скрыты от нашего взгляда, возможно, в других измерениях. Посмотрите на меня нарисованного. Для меня на картинке призрак, происходящий из дыма своей собственной папиросы, так же реален, как и мой ночной горшок, стоящий под кроватью, а что может быть прозаичнее и реальнее, чем ночной горшок? Призрак так же реален, как и я сам.

Выходит, за всем, что мы наблюдаем, стоит невидимый художник, который создает и нас, и объекты, нами наблюдаемые, совершенно по другим законам бытия, рисуя сначала мой ночной горшок, или дым от папироски, или что-нибудь еще, ибо порядок не важен, поскольку художник не должен подчиняться логическим связям между причиной и следствием, когда он водит карандашом по бумаге. Ведь для него время в нашем нарисованном измерении не существует. Для него мы с горшком и призраком – статичная картинка, не имеющая ни эволюции, ни будущего, хотя и то, и другое в ней подразумевается. Однако для меня нарисованного не существует никакой иной реальности, кроме той, что присутствует со мной на рисунке, и объяснить эту нарисованную реальность я не могу, если не признаю наличие художника, находящегося за пределами моего мира.

Раньше считалось что законы квантовой механики работают на чрезвычайно малых расстояниях, но недавно провели эксперимент: создали фотон, пропустили его через двойной кристалл, создав тем самым два фотона, и отправили их в противоположные стороны на расстояние то ли пять, то ли десять километров.... Что за фотоны мы получили, можно узнать только в точке измерения; они непредсказуемы, но вышла такая штука, что эти два фотона имеют противоположные характеристики, и когда мы узнаём, что за фотон на одной стороне, мы сразу же узнаём, что за фотон на другой стороне,

между ними существует какая-то магическая связь, а по эйнштейновской теории информация не может быть передана со скоростью, превышающей скорость света... в то время как в нашем эксперименте эта связь существует мгновенно или как бы предсуществует.

Для простоты иллюстрации этого эксперимента — поставим два ящика с перчатками; открываем первый — видим, скажем, левую перчатку, а так как перчатки — парный предмет, то, не открывая второй ящик, можем сказать, что там правая.

Этот эксперимент, да и другие представляются нам не более логичными, чем появление призрака из дыма собственной папироски, которая не может существовать без того, чтобы ее курил призрак, который не может существовать без того, чтобы не появиться из дыма папироски, который не может... и так далее, до бесконечности. Короче, нарисованное на картинке не может существовать, однако существует, потому что нарисовано. А наша беда в том, что мы сами являемся героями этой самой невозможной картинки и никаких других альтернатив, кроме как слепо верить в то, что мы видим, не имеем.

— Слушай, дед, — на кой черт все это надо? — повторил я. — Зачем из поколения в поколение расшибать лбы о нерешаемые вопросы? Кому все эти догадки нужны, если слова доисторического философа перекликаются с прозрениями мыслителей будущего и навечно недоказуемы и неопровержимы в одинаковой мере?

– Это же вполне ясно, для чего... – начал темнить призрак, – для самого процесса. Ты же не спрашиваешь, зачем ты каждый день набиваешь свой живот... Поскольку время существует лишь в нашем недоразвитом сознании и к истинной вселенной не имеет большого отношения, нам и кажется, что должен быть какой-то прогресс. Если вы разогреваете лопатку мамонта, приготовленную с сыром «пармезан», не на костре в пещере, а в микроволновой печке, то не считайте, что вселенная прогрессирует, просто она позволяет вам насладиться тягучестью процесса жизни. Только и всего. Поговорили, поели, попили, померли. Поговорили, поели, попили, померли. Поговорили, поели, попили, померли. (Не думайте, что издательство мне платит построчно или за слова, он просто повторил эту фразу три раза.)

– Значит, все, на что мы способны, это только проводить эту жизнь в занимательных процессах, – ещё громче и залихватистее зевнул я.

– Ну, что-то вроде того, – тоже зевнул за компанию призрак забытого философа, ибо великие умы не только мыслят, но и зевают одинаково.

Глава тридцать вторая. Как я жил у старика Сократа

Думаю, я не открою вам секрет, если скажу, что Сократ был невыносимым типом. Познакомился я с ним где-то году в 400 до нашей эры; ему уже было под семьдесят, и терпеть его было совершенно невозможно. Знаете, так бывает: казалось бы, дерьмо человек, никак нельзя общаться, не раздражаясь, однако же надобно, ибо ничего лучшего не имеется в наличии.

Скалы перетираются в пески, пески оседают в раковинах, разбросанных в морях, и засоряют наши желудки, алчные до экзотических устриц, но нет и не будет на свете человека, который с такой постоянностью доказывал бы собеседнику, что он идиот.

Сократ по сути своей был скептиком, причем говоря «скептиком», я не имею в виду принадлежность к античной школе скептиков, а именно скептиком в простонародном смысле слова. Быть скептиком, в общем, конечно, не очень плохо и во всяком случае лучше, чем быть розовым воплощением наивности, однако во всем нужна мера, а Сократ этой меры не знал.

Как-то я открыл у него холодильник и, кроме рваного носка, там ничего не нашел. Безобразие.

Казалось, что Сократ не вынуждал других принимать свою точку зрения, а просто особым способом вопрошания заставлял каждого человека выразить свою собственную философию. Но это не так. Искушенный в дебрях языка, он выворачивал наизнанку смысл слов, в общем, никогда не доходя до их сути и даже не приближаясь к ней, и подводя к неизменному

результату – полной прострации собеседника и его, Сократа, вящему и дешевому торжеству. Я не удивился, когда через год после нашего знакомства узнал, что Сократ умер не своей смертью, будучи приговоренным к казни через принятие яда, по обвинению в безбожии, нарушении законов отечества и развращении молодежи. Молодежь, и правда, понаблюдав сократовские выходки, полностью распоясалась и творит Бог весть что до сих пор.

Но несмотря на все это, конечно, именно ему принадлежит выдающееся место в истории моральной философии, этики, логики, диалектики, политических и правовых учений... ведь влияние, оказанное им на прогресс нашего тугодумного познания, ощущается до наших дней.

Писать старик не желал. Видимо, не давал себе труда водить стилем, а компьютеры тогда были в дефиците. Ну, слава Богу, подвернулся широколобый ученик, Платон, и все за ним, как приставленный, записывал.

Вы должны меня понять: я не мог не отправиться пожить к старику Сократу, ибо в центре сократовской мысли всегда были: смысл существования человека, жизнь и смерть, добро и зло, добродетели и пороки, право и долг, свобода и ответственность, семья и общество. Увы, игнорировать такой ум невозможно, и если не нравится собеседник, то все равно идешь и разговариваешь, поскольку в некоторых беседах предмет настолько важен, что собеседник не играет роли.

Я решил подкатиться к Сократу классически, поскольку с классиками нужно быть осторожным, а то того гляди угодишь в историю, как невежда и дуралей, с такой же характеристикой на суде этой самой истории не отпускают нектар, а отсылают на общественные работы по разбору каракулей великих мира сего. У меня есть один приятель, который уже все свои очи высмотрел, с лупой, так сказать, сросся, все разбирает древние каракули и пытается тем самым обособить себя от мрака очевидности... Я бы не хотел оказаться в подобной роли.

Итак, следуя классической древнегреческой традиции, я взял бутылку водки, банку соленых огурцов и отправился на хату к Сократу. Дверь открыл Сам. Не поздоровался. Просто пропустил внутрь жилища и принял авоську с выпивкой и закуской.

– Мака’rios e’soio!* – торжественно произнес я заученное к такому случаю приветствие. Сократ не ответил. Он достал грязноватые стопки, выключил бормочущее на древнегреческом радио и растелил газетку на грязном полу, соорудив таким образом неприхотливый пиришественный стол.

– I’thi, ei’a!** – пробормотал Сократ, рукой показывая мое место на полу.

* Будь благословен! (др.-греч.) Для всеобщего удобства я привожу все фразы, произнесенные на древнегреческом, в их латинской транскрипции (Roman transliteration).

** Иди! (др.-греч.)

– Sungignô'ske moi,^{***} – в нерешительности потоптался я, но потом уселся прямо на пол. – Я вижу, вы, Сократ Иванович^{****}, полагаете подходящим для учения любое место, поскольку весь мир является школой.

– Какой я тебе «Иванович»? – произнес с неподдельным раздражением Сократ. – Отца моего Софронискусом звали.

– Извините, Сократ Софронискусович, – поправился я и открыл бутылку.

– Наливай, нечего тут разглагольствовать, – пробурчал Сократ Софронискусович, и я разлил по первой.

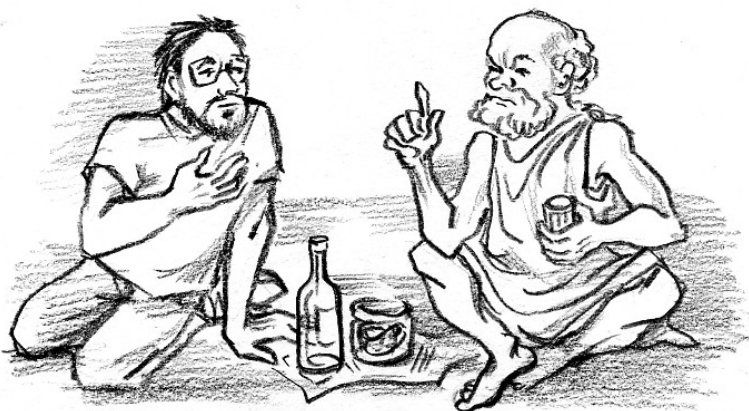
– Filotêsi'an propi'nô!^{*} – подобострастно произнес я. Сократ выпил молча.

– Вот вы, Сократ Софронискусович, – заговорил я, – основной задачей философии считаете обоснование нравственного мировоззрения, познание же природы, натурфилософию считаете делом ненужным и безбожным. Я слышал, вы учите, что душа существует до тела и перед погружением в тело наделяется всеми знаниями. Когда душа входит в материальную форму, она притупляется, но последующими рассуждениями о чувственных объектах она пробуждается и восстанавливает свое исходное знание. Что-то в этом, безусловно, есть, хотя, мне кажется, вы слишком

^{***} Извините меня (*др.-греч.*).

^{****} Иванович – первое отчество, пришедшее мне тогда на ум, ибо я не мог называть Сократа не по имени-отчеству.

^{*} За здоровье! (*др.-греч.*)

погружаетесь в смысл человеческих слов. Однако человек – лишь частный случай, так сказать, маленькая толика сего мироздания...

– Единственный предмет моей философии есть человек. Ведь человек – есть, в какой-то мере, мерило всех вещей... А тремя началами всех вещей являются Бог, материя и идеи, – неохотно и заученно сообщил Сократ.

– Для меня Бог включает в себя и материю, и все идеи, и себя самого, и свою противоположность, – сказал я, вспоминая незнакомого Сократу Спинозу.

– О Боге я скажу, что я не знаю, чем он является, но знаю, чем он не является, – резко возразил мне Сократ.

– Здесь дело все в том, какое определение Бога вы признаете верным... – рассудил я.

– Не стоит толочь воду в ступе, давать определение Богу – все равно, что пытаться пролить вино из пустой чаши, – промолвил Сократ и, зачавкав соленым огурцом, задумчиво опрокинул пустую стопку. Из стопки ничего не капало. Грязные пальцы Сократа крепко сжимали

несчастное граненое стекло, он мрачно продолжал: – Материю я определяю как субстанцию, возникающую и уничтожающуюся; идеи же – субстанция неразложимая, они как бы являются мыслями Бога.

– Красиво сказано, но это только лишь слова, – беспокойно отметил я и боязливо посмотрел на мускулистые руки Сократа. Несмотря на преклонный возраст, он вполне был способен навалить неприглянувшемуся собеседнику. Сократ был в числе тех двух тысяч гоплитов, которых Афины когда-то направили с флотом против Потидеи. Было видно, что Сократ был и остался воином.

– Я знаю то, что ничего не знаю, и оставь меня в покое, – сказал Сократ, развернувшись ко мне спиной.

– А я бы пошел дальше и сказал, что я ничего не знаю и знать ничего не хочу! – пошутил я.

– Es Nai'dou bas'ke!* – коротко процедил Сократ, не оборачиваясь.

– Можно я у вас поживу, дядя Сократ? – тоскливо попросился я. – До следующего автобуса из Древней Греции еще трое суток.

– Живи, – безразлично ответил он.

– Eukha'ristos eimi',** – поблагодарил я.

Древнегреческое солнце заходило за колья колоннад. В городе стали готовиться ко сну. Мы поели чечевичной похлебки, и я лег на циновку.

* Иди ты к черту! (др.-греч.)

** Спасибо (др.-греч.).

Сократ сразу заснул, и из его угла стал доноситься мерный громкий храп.

Я долго ворочался и уже хотел было встать и выйти на воздух. Я, в общем, во многом соглашался с учением Сократа и шел по указанному им пути к самопознанию – «познай самого себя». Вот и этот роман, который лежит перед вами, разве не является живой иллюстрацией моего сократовского подхода к самому себе? Одно название чего стоит: «Самороман». Ишь, замахнулся... В общем, созвучно с «самообманом»...

Я согласен с Сократом, что только таким путем и можно прийти к своему пониманию справедливости, права, закона, благочестия, добра и зла. Материалисты – наивны в своей простоте. Изучая природу, они приходят к отрицанию божественного разума в мире, притом что они не находят в этом мире ничего, устроенного напрасно или неразумно. Я вообще против того, чтобы мерить вечные предметы плоскодонной ложкой человеческого бытия. Человек – не мера всех вещей, а просто единственный доступный нам инструмент познания. Человеческая голова – ничего иного нам пока не дано. Компьютеры лишь служат нам, не изменяя качественно наше восприятие. Согласно Сократу, я обращаюсь к познанию самого себя, общечеловеческого духа и в нем ищу основу своего отношения к жизни. Таким образом, основной философский вопрос я тоже решаю, как и Сократ, мы оба-два неисправимых идеалиста: первичным для нас является дух,

сознание, природа же – это нечто вторичное и даже несущественное, не стоящее внимания философа.

В комнате стало совсем темно, и за стенами утихли пьяные возгласы афинской молодежи. Сократ теперь спал спокойнее, тише, раскинув руки в стороны. Я приподнялся на локте. Во мраке с трудом различались уродливые черты сморщенного, вечно чем-то недовольного лица. Через год этот человек поскандалит со всеми и вся и примет яд, который его, убив, тем самым обессмертит. Через год я буду далеко отсюда, в других пространственно-временных областях, и буду вспоминать эту каморку, как выветрившийся сон.

Этим утром, ища адрес Сократа, я подслушал разговор на базарной площади: люди болтали, что он спендрил с ума. Рассказывали, что он вроде бы говорил, что нужно «прислушиваться к природе», ссылаясь на особый внутренний голос, якобы наставлявший его в важнейших вопросах, – народ его нарек «демоном» Сократа. Я-то знаю, что мир, увы, не объясним с интуитивной точки зрения...

Сократ внезапно проснулся, поднялся с тяжелыми вздохами и отправился в туалет. Вернувшись, он поглядел на меня.

– Не спишь? – безразлично спросил он.

– Что-то не спится, – признался я, – все думаю о детерминизме ваших древнегреческих материалистов.

– Нечего о них думать, негодяи, да и только, – Сократ присел на корточки рядом со мной. – Я

тут намечаю свои основы телеологического миропонимания, причем здесь исходным пунктом для меня является субъект, ибо я считаю, что все в мире имеет своей целью пользу человека.

– Странно, Сократ, что ты можешь быть столь наивным, – откровенно сказал я.

– Я не наивен, – неожиданно рассмеялся старик. – Пусть моя телеология выступает в крайне примитивной форме, зато она удобна для жизни. А что лучше: быть правым и несчастным или заблуждаться и быть счастливым?

– Ну, поскольку не заблуждаться мы не можем, то вопрос излишен, лучше уж заблуждаться и быть счастливым, чем заблуждаться и чувствовать себя несчастным. В общем, я придерживаюсь того же мнения.

– Ну вот, – зашептал Сократ, – органы чувств человека, согласно моему учению, своей целью имеют выполнение определенных задач: цель глаз – видеть, ушей – слушать, носа – обонять и т.п. Равным образом, боги посылают свет, необходимый людям для зрения, ночь предназначена богами для отдыха людей, свет луны и звезд имеет своей целью помогать определению времени. Боги заботятся о том, чтобы земля производила пищу для человека, для чего введен соответствующий распорядок времен года; более того, движение солнца происходит на таком расстоянии от земли, чтобы люди не страдали от излишнего тепла или чрезмерного холода, и так далее...

– В этом что-то есть, я тоже верю, что человек, за отсутствием чего-либо более сознательного, есть продукт направленной эволюции вселенной, имеющей своей целью самопостижение... Но, я боюсь, тебя поймут слишком буквально и будут потешаться.

– А что лучше: быть понятым буквально, чтобы над тобой потешались, или не быть понятым вообще? Ведь быть непонятым – равносильно тому, чтобы быть забытым.

– Пожалуй, тогда лучше уж быть понятым буквально, – согласился неосторожно я.

– Особое значение я придаю познанию сущности добродетели, – продолжил Сократ. – Нравственный человек должен знать, что такое добродетель. Мораль и знание с этой точки зрения совпадают; для того, чтобы быть добродетельным, необходимо знать добродетель как таковую, как «всеобщее», служащее основой всех частных добродетелей. Задаче нахождения «всеобщего» должен способствовать мой философский метод.

– Я не люблю ваш метод, Сократ Софронискусович, вы уж не обижайтесь. Я очень уважаю попытки обнаружения «истины» путем беседы, спора, полемики, эдакий первоисточник идеалистической «диалектики», под которой в вашей древности понимают искусство добиться истины путем раскрытия противоречий в суждении противника и преодоления этих противоречий. Некоторые ваши философы считают, что раскрытие противоречий в мышлении и столкновение противоположных

мнений является лучшим средством обнаружения истины, но позвольте вам сказать, что, мне кажется, вы скорее высвечиваете несовершенство человеческого языка, чем всерьез касаетесь сути предметов.

– Рах!.* Ну ладно, спи, – похлопал меня по плечу Сократ. – Вам, молодым, ничем не угодишь.

Утром мы продолжили наши споры, так мы рассуждали до вечера и большую часть ночи... К обеду зашли Платон и Ксенофонт. Пища была груба, но беседа текла деликатесно.

Я прожил у Сократа еще несколько дней, а потом пришел автобус, и Сократ сказал мне на прощанье:

– Яд убивает, но иногда делает человека бессмертным. Мы еще увидимся.

– Я знаю, – улыбнулся я.

Глава тридцать третья. Как я дружил с Декартом

Так бывает, что сквозь толщу календарных листков протягивают навстречу друг другу свои слабые лучики родственные души. Декарт, пожалуй, мой самый близкий единомышленник. Его жизнь в Голландии – уединенная, размеренная, сосредоточенная на научных занятиях, – стала для меня примером, к которому

* Хватит! (*др.-греч.*)

я постоянно стремился. Моя жизнь в Норвегии была блеклой тенью его «голландского уединения».

Мир никак не может успокоиться и перестать жарить на кострах своих несчастных Джордано Бруно, принуждать отречься от очевидного Галилеев, сажать в тюрьму Кампанелл. В этом есть определенная преемственность поколений, однако нельзя не отдать должное миру – он прогрессирует. Если раньше споры шли, по существу, об устройстве вселенной, о месте человека в мироздании, то теперь Джордано Бруно приговорили бы к смертной казни за попытку организации теракта в масштабе Солнечной системы, Галилея осудили бы за задолженность по налогам, а Кампанеллу – просто за компанию.

Помнится, в 1633 году, когда осудили Галилея, Декарт уже в основном обдумал и наметил план своего будущего трактата «Мир», в котором попытался осмыслить Вселенную и ее движение в соответствии с идеями Галилея. Но, узнав об осуждении Галилея за поддержку идей Коперника, которые разделял и Декарт и мнение о которых выразил в «Трактате», он позвонил мне по телефону и судорожно пробормотал:

– Я уже почти принял решение сжечь все свои бумаги или, по крайней мере, никому их не показывать. Состояние сильной подавленности нарушило спокойствие моего духа, столь необходимое для научных занятий. Я не могу работать.

Я пытался успокоить Рене, но он не хотел меня слушать. Я сказал ему:

– Тело является заложником, которого сильные мира сего используют как нашу основную болевую точку. Они стремятся заключить наше тело в тюрьму, изувечить его, убить, в конце концов. Первым делом для свободы духа нам необходимо обезопасить свое тело, ибо как мы можем быть откровенны в своих мыслях, если за каждое слово нам намереваются отрезать по пальцу? Причем, Рене, обрати внимание, сильные мира сего являются, не иначе, приспешниками Дьявола, рядясь в сутаны священников. Они пытаются нас шантажировать нашим телом, более того, именно они сначала сжигают Джордано, а потом сами создают его культ... Мол, слаб Галилей оказался, отрекся. А надо, как Джордано, – на костер! Это все не более чем бесовская провокация.

Рене согласился, чтобы меня не расстраивать, и положил трубку. Но труд о Мире так заканчивать и не стал. Мир потер от удовольствия руки. Еще пятьсот лет – без разоблачения. Недурной подарочек.

Нынче Мир стал гораздо умнее. Пособники Сатаны наконец усвоили, что никогда, ни при каких обстоятельствах не следует вести споры по существу. Взяв утверждение Декарта: «Мыслю – значит существую», владельцы мира сего видоизменили эту сентенцию, заявив самим себе: «То, что ты игнорируешь, – перестает для тебя существовать». Теперь они игнорируют всех и вся, уничтожая таким образом на кострах

забвения сразу толпы подобных Джордано Бруно и затыкая рты многим подобным Декарту.

Вот возьмите, к примеру, меня: что бы я здесь ни изрек, скорее всего, практически ни до кого не дойдет. И мучать меня не обязательно, игнорировать – гораздо эффективнее.

В следующий раз мы виделись с Декартом, когда он преодолел свой духовный кризис, замешанный на простейшем человеческом страхе за свою свободу и жизнь. Сделайте нас бестелесными – и мир станет свободным! Нам нечего будет бояться! Декарт обратился к проблеме объективности разума и автономии науки по отношению к Всемогущему Богу. К этой мысли его подтолкнул и тот факт, что папа Урбан III осудил идеи Галилея как противоречащие Священному Писанию. Увы, при всем моем уважении к Священному Писанию, – оно представляется мне лишь блеклым отголоском божественного наставления, и понимание его буквально есть ничто иное, как дьявольская выходка – возглавить и тем самым уничтожить. Соблюдение надуманных заповедей и псевдозаконов божьих характерно не только для христиан. Евреи, особенно ортодоксы, легко подменяют глубинный смысл Торы простыми пояснениями, используемыми как руководство к жизни, как кулинарная книга. Тора говорит: *«аль тэвашель гди бэ-халав имо»* – «не вари козленка в молоке матери его», что не может не значить: «не будь чрезмерно жестоким», ортодоксальные евреи же просто начинают разделять *«бсари»* и *«халави»* – мясное и молочное – и преспокойно

продолжают быть чрезвычайно жестоки даже к своим братьям. Что же они, идиоты? Не думаю. Это не ошибка, а закономерность. Пророк пытается выразить мысль, но народ его не понимает, тогда пророку приходится прибегать к иносказанию, притче... Народ понимает его иносказание буквально, и все становится еще хуже. Народ считает себя богобоязненным, поскольку соблюдает заповеди, якобы божественные, и это лишь укрепляет его в истинном грехе, когда он совершает действия, прямо противоположные первоначальному смыслу этих заповедей. Я бы сказал, что подобная ситуация возникает с любой религией, охватившей массы. Всегда находятся умники, стремящиеся понимать святыя тексты буквально. Но хуже всего, что и сами тексты являются лишь блеклым подобием того, что было сказано, и таким образом вместо светлой и человеческой религии мы получаем костры инквизиции и раввинатские суды. Дайте им волю – они побьют меня камнями по старой библейской традиции. Они и швыряются камнями в собственный народ, стоит в субботу проехать на машине по некоторым улицам Иерусалима...

Я помню, в 1637 году Декарт прислал мне свой знаменитый труд «Рассуждение о методе». Я читал его по-французски, и каждое слово отзывалось во мне согласием и пониманием. Как я мог не согласиться со следующим: «Считать истинными такие положения, которые не вызывают сомнения (исходя из врожденных истин, идей). Каждое затруднение в процессе

познания надо делить на части. Мыслить по порядку, начиная от простого, переходить от известности к неизвестности, от доказанного к недоказанному. Не допускать в логическом исследовании лишнего, составлять такой перечень, в котором уверен, что ты ничего не забыл»? Как это естественно и просто...

Я давно стал организовывать себя, ибо порядок – есть основа любого осмысленного существования. Декарт редко вставал с постели раньше одиннадцати утра. Проснувшись он думал, каждое утро – просто думал. Кстати, когда шведская королева заставила его приходить к себе на уроки ранним утром – он вскоре умер...^{*} Я не люблю залеживаться в постели, но, например, иногда я тоже устраиваю себе день думанья. В такой день я не встаю с кровати вообще. Я лежу и думаю, а под конец дня записываю свои выводы в специально отведенной для этого тетрадке. Обычно в результате такого думания моя жизнь становится более осмысленной, организованной, и тем

^{*} Учением Декарта заинтересовалась молодая шведская королева Христина. Она пригласила знаменитого философа в Стокгольм, чтобы из его уст услышать разъяснения наиболее трудных положений картезианства. Устав от споров с профессорами Лейденского университета, запретившими изучение его трудов, не желая более возвращаться во Францию из-за хаоса, царившего там, Декарт в 1649 г. принимает ее приглашение и окончательно покидает утратившую гостеприимство Голландию. Но его пребывание при шведском дворе было непродолжительным. Королева Христина имела привычку начинать беседы в 5 часов утра, для чего заставляла Декарта вставать в ранний час, несмотря на суровый климат и его не очень крепкое здоровье. 2 февраля 1650 г. философ после очередной утренней беседы заболел воспалением легких и спустя неделю скончался.

самым приносит мне большее удовлетворение. Я постоянно убеждаюсь, что малейшие изменения в распорядке дня, в последовательности различных действий, в подходах к повседневности могут без излишнего насилия над самим собой принести удивительные плоды...

Декарт всегда смеялся над этими моими «днями думанья».

– Думать, Боря, нужно не иногда, а каждый день... – частенько говаривал мне он. – Ты ведь знаешь мое мнение: если ты не мыслишь, значит – не существуешь! Что же, ты существуешь лишь в редкие дни?

– Знаешь что, Рене, – рассердился я, – давай раз и навсегда рассудим, что значит по-твоему «мыслить» и «существовать», а то вслед за тобой гигантские толпы бездумных последователей повторяют эту туманную фразу и считают, что тем самым вполне приобщились к великому миру философии...

– Ну-ну, – засмеялся Декарт, – и какие же у тебя возражения?

– Дело не в возражениях, а дело в том, что, ты, Рене, разделяешь реальное и нереальное так, как будто и правда существует четкая граница. А ведь, между тем, то, что мы сейчас с тобой разговариваем, хотя ты жил черт знает когда, а я живу сейчас, есть наиважнейшее доказательство, что такой уж четкой границы между реальностью и нереальностью не существует. Все дело в том, какое определение ты даешь реальности... Видишь, какое дело... Ты ведь не думаешь, что

Бог нарочно оставил нас в неведении по этим вопросам... — закончил я, стараясь не горячиться.

Декарт быстро заговорил по-французски:

— Je supposerai donc qu'il y a, non point un vrai Dieu, qui est la souveraine source de vérité, mais un certain mauvais génie, non moins rusé et trompeur que puissant qui a employé toute son industrie à me tromper. Je penserai que le ciel, l'air, la terre, les couleurs, les figures, les sons et toutes les choses extérieures que nous voyons, ne sont que des illusions et tromperies, dont il se sert pour surprendre ma crédulité. Je me considérerai moi-même comme n'ayant point de mains, point d'yeux, point de chair, point de sang, comme n'ayant aucuns sens, mais croyant faussement avoir toutes ces choses. Je demeurerai obstinément attaché à cette pensée; et si, par ce moyen, il n'est pas en mon pouvoir de parvenir à la connaissance d'aucune vérité, à tout le moins il est en ma puissance de suspendre mon jugement.*

— Да, конечно, ты прав, нет у тебя ни рук, ни ног. Все состоит из элементарных частиц и

* Я предположу, что вовсе не истинный Бог является суверенным источником истины, а некий злой гений, не менее хитрый, вводящий в заблуждение великой силы, основанной на его целой индустрии, вводящей всех в заблуждение. Я буду думать, что небо, воздух, земля, цвета, формы, звуки и все внешние предметы, которые мы видим, — всего только иллюзия и мошенничество, призванные лишь удивлять мою доверчивость. Я буду относиться к себе так, словно я не имею ни рук, ни глаз, ни плоти, ни крови, никакого определенного направления, но лишь ошибочно полагаю, что я обладаю всем этим. Я буду придерживаться этой мысли. И если таким образом не в моих силах познать какую-либо истину, то, по крайней мере, в моих силах будет трезво оценить истинность моего восприятия... (*фр.*) (Перевод мой [Б.К.] из Méditations Métaphysiques.)

пустоты... Материя основывается на законах квантовой физики, и речь идет не о внесении малых поправок в классическую физику, а о выявлении не поддающихся классическому объяснению фундаментальных свойств материи, притом не только тех, какие требуют для своего обнаружения тонких опытов, но и таких, какие проявляются «весомо, грубо, зримо»! – произнес я отчетливо, следя за выражением лица Рене. Казалось, что он слушает с интересом, и, убедившись в успехе своего тезиса, я продолжал: – Рене, скажи-ка мне все-таки, что же ты понимаешь под реальностью? Ты скажешь, Бог сотворил мир таким образом, что мы осознаем свою жизнь как подлинную реальность, а Божественность – как нечто новое, благоприобретенное. Но, если мы не способны исчерпывающе ответить на вопрос «Что такое реальность?», поскольку это понятие охватывает гораздо больше, чем могут наблюдать или измерить ограниченные инструменты, можем ли мы рассуждать, существует реальность или нет? Можем ли мы существовать самостоятельно, без некой посторонней силы? Чувствуешь ли ты, Рене, в себе такую самостоятельную силу?

– Si une telle puissance résidait en moi, certes je devrais à tout le moins le penser et en avoir connaissance; mais je n'en ressens aucune dans moi, et par là je connais évidemment que je dépends de quelque être différent de moi,* – задумчиво ответил

* Если бы такая сила существовала во мне, я должен был бы по крайней мере быть осведомлен о ней, однако же я не чувствую ее во

Декарт, а потом добавил: – А как вы в третьем тысячелетии определяете понятие «реальности»?

– Да примерно как и вы – all of your experiences that determine how things appear to you,** – засмеялся я.

– Недалеко вы ушли в этом вопросе... – расстроился было Декарт.

– В том-то и дело, что я бы пошел дальше в твоих рассуждениях: реальность не только не существует, но и не может существовать. Существование (existence) в наши дни определяется, как «the state of being real»***. Очень хорошо, не правда ли? Реальность – это существование, а существование – это реальность... Ты прав, Рене, мы недалеко ушли за последние четыреста лет, – вздохнул я.

– ...how things appear to you... – повторил Декарт со смешным французским акцентом. – Реальность – это то, как вещи тебе представляются, а вовсе не то, что есть на самом деле. Но в том-то и дело, что, на самом деле, никакой реальности тоже нет...

– Увы, Рене, увы... – согласился я.

мне, и таким образом я полагаю, что я завишу от чего-то внешнего – отличного от меня самого. (*фр.*) (Перевод мой. [Б.К.])

** Все твои ощущения, которые определяют, как вещи представляются тебе. (*англ.*) (Перевод мой. [Б.К.]) Источник: WordNet® online lexical reference system. Cognitive Science Laboratory, Princeton University, <http://wordnet.princeton.edu/perl/webwn?s=reality>.

*** Существование – состояние, соответствующее реальности.

– В таком случае, что же ты предлагаешь? – с
над
еж
дой
пос
мот
рел
на
мен
я
Дек
арт
.
–
Я
пре
дла
гаю
зая
вит

ь, что мыслю я или не мыслю – это не имеет значения, потому что ни реальности, ни существования просто нет. Это глупые размытые определения, которыми человеческое сознание пытается оперировать на уровне – «поддел котлету на вилку и съел», а для философии сии понятия неприменимы, – уверенно заявил я.

– Ну что ж, будь по-твоему, – снова вздохнул Декарт, – записывай: «Même si je pense, ceci ne signifie pas tout à fait que j'existe».*

* Даже если я мыслю, это вовсе не обязательно значит, что я существую. (*фр.*) (Перевод мой. [Б.К.]) Кстати, Декарт этого

Я ласково обнял Рене и пожал ему на прощание его несуществующую руку.

Глава тридцать четвертая. Почему Спиноза не мог без меня жить

Моя страсть к книгам начинает принимать болезненные формы. Я пытаюсь приладить книжные полки к любой свободной стене дома. Можете себе представить, какое чувство зависти и неудовлетворенной страстности охватывает меня, когда я посещаю крупные библиотеки? В круглый зал книгохранилища Британского музея я вообще решил не заходить, дабы не подвергать себя излишней травме... Только заглянул в двери – а там... Единственное, что я подметил с удовлетворением, что книжные полки в этом зале перемежаются с декорациями, стилизованными под книжные полки... Ну, чтобы казалось, что все стены полны книг. Дешевый трюк. А еще британцы называются. Нехорошо. Может быть, они это сделали, чтобы заполнять эти места книгами в будущем? Ведь книги множатся ничуть не с меньшей скоростью, чем народонаселение Земли.

Так вот, я, помнится, как-то забрел в библиотеку Еврейского университета, того корпуса, что на горе Скопус. Она располагается в

официально не говорил. Я сформулировал эту мысль за него. Ничего, что я куру?

нескольких этажах и содержит невообразимое множество книг. Я бродил по ней много часов, открывал разные тома и читал наугад. Одна из книг меня чрезвычайно заинтересовала, и я взял ее почитать с собой. То был... Барух Спиноза на иврите. Возможно, это покажется странным, но философия читается лучше на чужом языке, поскольку читая на иностранном – необходимо концентрировать внимание в полной мере, а читая на своем языке, мы нередко начинаем блуждать мыслью по отдаленным углам нашего сознания и теряем линию повествования черных буквочек на белой тонкости страниц.

Я фанатически люблю книги, я глажу их ласковые тонкие листы, я обожаю их запах и нежное прикосновение переплетов. Нынче книги пахнут отвратительно, не то что в былые времена... Старые книги обладают пьянящим ароматом клея... Конечно, если книга слишком стара, то от нее несет плесенью, что не может быть столь же приятно. В таких случаях я воздерживаюсь и стараюсь их не нюхать.

Вообще, надо сказать, что запах книг – есть одна из земных радостей, которую отобрал у нас холодноокий интернет. Ведь монитор нюхать не станешь! Да и если придет такая фантазия, пахнет он одинаково, вне зависимости от того, что на себе изображает, – чей-то дурной облик или бессмертные слова какого-нибудь мыслителя. Почему люди не изобрели ароматических книг для слепых? А то как пошло: водите, мол, пальчиком по страницам, внимайте информации... А ароматы были бы лучшим

проводником в картонном царстве фолиантов, особенно для слепых, которым отказано в счастье восприятия электромагнитных волн этого многоцветного мира.

Итак, с книгой под мышкой я отправился в парк Еврейского университета через мостик, его отделяющий от основного пространства храма гуманитарных знаний...

В парке было тенисто и хорошо. Он, конечно, слишком вытянут, и стоит ошибиться аллеей, как вы уткнетесь в проволочные заграждения, отделяющие вас от неприветливой панорамы арабских деревушек и невосхитительных ландшафтов пустынь.

Едва я углубился в чтение, как в воздухе зазвенели отдаленные крики и аура приближающейся драки. Шум усиливался, и на странице десятой я увидел бегущего по аллее человека. Немедленно признав в нем Спинозу, я попытался схватить его за руку, потому что испытывал к нему большую привязанность еще по русским вариантам его книг.

Барух остановился. Тонкие черты его лица выражали отчаяние и испуг.

– Тезка, спрячь меня куда-нибудь, – нервно зашептал он, и я предложил ему место в кустах за скамейкой.

Едва Спиноза спрятался, по аллее пробежала небольшая кучка студентов и профессоров в кипах. Было видно, что намерения их отнюдь не дружественные, я бы сказал, совсем неприятные. Один из студентов в вязаной кипе даже держал руку на кобуре. В Израиле многие носят

пистолеты на поясе, там, где в других странах висят банальные мобильные телефоны.

Израильтяне имеют и то, и другое, и каждый раз, когда кто-нибудь из них путает пистолет с телефоном, по израильским новостям есть о чем поговорить, кроме очередного теракта, ибо теракты в большом количестве притупляют душу и делают человека зомбиподобным, а рассказы о перепутывании пистолета с телефоном или наоборот веселят израильтян почти так же, как известие о каком-нибудь изнасиловании. Все три

новости являются обязательным атрибутом любого выпуска новостей, ибо в Израиле о погоде долго разговаривать не принято, в этой стране большую часть года «хам вз-наим»*, как выражаются местные жители, и «с души воротит от жары», как выражаюсь я. Те же районы, где мне выпало селиться в последнее время, называются израильтянами: «кор клавим»** и «леан тис'у? ле-тох ха-шелег?»*, а мной называются «нормальный климат и благословенная прохлада»... Почему такие расхождения? Не нужно селить белых медведей на экваторе... Хотя и теракты, конечно, тоже надоели... Они зомбируют людей, делают их неизлечимыми фаталистами. Люди там не живут, а доживают, а с такими не только каши, но и элементарного киселя не сваришь...

Итак, когда группа агрессивно настроенных студенчества и профессуры промчалась мимо меня по аллее и скрылась за поворотом, Спиноза боязливо выглянул из кустов и подсел ко мне на скамейку.

– За что это они так на тебя обозлились? – поинтересовался я.

– Да как обычно: я им сказал, что Бога следует рассматривать как некую субстанцию, которая

* «Тепло и приятно» (*ивр.*) – так обычно говорили мне израильтяне, сидящие под прямыми нещадными лучами солнца в сорокаградусную жару.

** «Собачий холод» (*ивр.*).

* «Куда вы поедете? В снега?» (*ивр.*) – так заявили нам в агентстве, торгующем авиабилетами, когда узнали, что я собираюсь в декабре в Норвегию.

одухотворяет и направляет природу, будучи «разлита» в ней, как субстанцию, которая одновременно есть Бог и природа.

– Ну, с этим трудно не согласиться, ведь ограничивая Бога, отделяя его от природы, мы противоречим очевидному определению Бога, – сказал я.

– Ну, что ты возьмешь с этих кипастых... – вздохнул Барух и по-еврейски пожал плечами с такой ужимкой, как будто ему дали попробовать пересоленные щи. – Я и сам-то имел несчастье родиться в Амстердаме в семье евреев, бежавших из Португалии от религиозных преследований. В нашей еврейской общине всегда царила атмосфера религиозного фанатизма и нетерпимости. Я вижу, у вас здесь ничего не изменилось.

– Барух, – обратился я к Спинозе, – но как же можно отрицать то, что ты предлагаешь? Ведь современное определение Бога само себе противоречит. По определению Принстонского университета, Бог – «the supernatural being conceived as the perfect and omnipotent and omniscient originator and ruler of the universe»*. Бог – не может быть существом, ибо признав его таковым, мы должны заявить, что существует некая высшая, чем Бог, иерархия, а именно, Вселенная, включающая в себя

* Сверхъестественное существо, полагаемое совершенным, всемогущим и всезнающим создателем и правителем вселенной (англ.). Источник: WordNet® online lexical reference system. Cognitive Science Laboratory, Princeton University, <http://wordnet.princeton.edu/>.

вышеупомянутого Бога, которую я бы и хотел определить как БОГА.

– Ну, так и я о том же, – развеселился Спиноза, – а они в меня камнями... Даже материалистом объявили.

– Ты – материалист? – захохотал я.

– Представь себе, – еще звонче засмеялся Спиноза, – в соответствии с советской философской традицией, специфичность моего пантеизма настолько высока, что меня принято было рассматривать как материалиста!

– Они бы почитали твою «Этику», – уже серьезно сказал я, – им бы и в голову не пришло, что Спиноза – материалист. Ведь все твои доказательства и теоремы, в том числе о присутствии творческого начала в природе, в той или иной мере базируются на внечувственном, высшем образе Бога, как мы с тобой его понимаем.

– Приятно встретить родственную душу, – улыбнулся Спиноза и церемонно пожал мне руку. Я достал сигареты, и мы закурили.

– Барух, – сказал я задумчиво, – не кажется ли тебе, что сколько мы ни бьемся, разъясняя людям очевидности, все бесполезно? Они просто не желают нас понимать. Им и так хорошо, с кипами, кобурами, телефонами... Не кажется ли тебе, что иногда ты вещаешь в пустоту?

– Именно этим ощущением я и страдал всю свою жизнь, – снова вздохнул Спиноза. – Мое учение о человеке должно было помочь людям отыскать такую «человеческую природу», которая свойственна всем людям. И нужно это

для того, чтобы мы пришли к высшему человеческому совершенству. К лучшему, на что способен человек! Я стремился направить все науки, начиная от механики и медицины и кончая моральной философией и учением о воспитании детей, к этой простой и естественной цели. Но для этого необходимо не только изменить науки, пронизанные гнилью человеческого несовершенства. Следует, по-моему, образовать такое общество, какое желательно, чтобы как можно более многие как можно легче и вернее пришли к максимальному совершенствованию самих себя.

– Барух, – сказал я, – когда я слушаю тебя, мне кажется, что это говорю я сам! Философия должна быть прежде всего учением о человеке, концентрироваться вокруг блага человека, нравственного обновления человека и тесно связываться с изменением общества на разумных и добрых началах.

– В моей философии, – отвечал мне Спиноза, – центральную роль играет понятие свободы. Без истинной внутренней свободы человек не может достигнуть своего человеческого совершенства.

– К сожалению, Барух, свобода понимается превратно, – забеспокоился я. – Взгляни на современное определение «свободы»... «the power to act or speak or think without externally imposed restraints»*. Такое впечатление, что все

* Возможность действовать, или говорить, или думать без внешне навязанных ограничений (*англ.*). Источник: WordNet® online lexical reference system. Cognitive Science Laboratory, Princeton University, <http://wordnet.princeton.edu/>.

люди рождаются сформированными, так сказать, состоявшимися философами, и все, что им нужно, это дать им действовать, или говорить, или думать без внешне навязанных ограничений. Это не свобода. Это издевательство. Дай тупоумной массе действовать свободно, и мы получим такое, от чего ужаснулись бы даже самые законченные диктаторы. Свобода, Барух, по-моему, должна включать в себя обучение человека различным возможностям действий и мыслей, и лишь убедившись, что человек хорошо понимает, о чем идет речь, можно предоставить ему свободу выбора. Мне кажется, что в мире скажут уродливые тролли, выхватывают слова у философов, извращают их и, как жеманные обезьяны, несут эти, некогда живые слова толпе, этой человеческой каше, которая становится еще угрюмее и страшнее, приправленная оборванными, мертвыми философскими мыслями...

– Ах, Боря, если бы ты знал, как донимают меня эти злые тролли, ворующие мысли, убивающие их и несущие их толпе... Так, обо мне говорят, что я несу человеку фатализм. Удивительно, что при всей моей природной оптимистичности мое учение о предопределении считается абсолютно лишенным малейшей надежды. Эти тролли кричат, что если даже самоопределяющаяся субстанция ограничена в свободе самореализации тем, что уже осуществила ее (самореализацию), то что же говорить о человеке, который, как один из модусов, определяется этой субстанцией...

Свобода ведь мной определяется не как независимость, а как не принужденность к определенным действиям. Человек благодаря наличию разума может, не выходя за пределы своих ограничений, обретать определенную свободу самореализации, и эта ограниченная свобода может проявляться лишь только в познании! Конечно, Боря, свобода не должна пониматься просто как независимость... Ибо неразумная свобода есть явление страшное, обязательно разрушительное и противное самой цели существования Мироздания, хотя я утверждаю, что общее мнение людей, что как они сами, так и все прочие вещи имеют какую-то цель существования, ошибочно. Более того, и Бог также не имеет цели. По моему мнению, возникновение этого предрассудка вызвано тем, что, не зная причин своего существования, люди стремятся к своей личной пользе. Естественно, что они начинают считать такую личную пользу своей целью. Все естественные вещи, которые их окружают, воспринимаются ими как средства для своей пользы. Судя о Боге с антропоморфической позиции, они распространяют свое понятие о цели и на Бога. Естественный эгоцентризм человека, который также распространяется на Бога, приводит к тому, что цель видят в существовании человека лишь постольку, поскольку он верит в Бога и оказывает ему почести. Соответственно, такая антропоморфная концепция цели приводит к тому, что как цель человека рассматривается почитание Бога, а как цель Бога – устройство

всего для наилучшей пользы людей (чтобы его почитали) и наказание людей, если они его почитают недостаточно. Ложность такого представления я доказываю, опираясь на уже доказанные мной свойства всемирной субстанции. Я утверждаю, что она (а она и есть Бог) не наделена волей и, следовательно, не может иметь и цели. Отрицание случайности естественно полагает, что все в природе определяется не какой-то абстрактной целью, а простой последовательностью причинно-следственной цепочки. Основное доказательство сторонников теории божественной воли состоит в том, что зачастую сочетание причин, приведших к данному следствию, слишком невероятно, чтобы произойти само по себе, без вмешательства божественной воли. Я же утверждаю, что ссылка на божественную волю есть *asylum ignorantiae* (убежище незнания) и все это прекрасно может быть объяснено, если знать всю совокупность причин, которые воздействуют на происходящее в данном случае. Естественным итогом неправильного представления о цели Бога и человека становится, с моей точки зрения, возникновение целой группы понятий-антонимов: хорошее-плохое, справедливое-несправедливое, полезное-бесполезное. Соответственно, каждое из этих понятий рассматривается в преломлении отношения к ним человека. Я считаю неправильным, что человек выступает, как критерий качеств (или атрибутов), применяемых к природе, как ее основные атрибуты, поскольку человек склонен к

антропоморфизму, склонен к неправильной оценке ситуации, и суждения человека сугубо индивидуальны, а нахождение правильного суждения как среднего из частных зачастую подобно нахождению средней температуры всех больных в больнице – что совершенно бессмысленно. Таким образом, все способы, которыми обыкновенно объясняют природу, составляют только различные роды воображения и показывают не природу какой-либо вещи, а лишь состояние способности воображения. Отсюда непосредственно следует, что ранжировать природу по степени совершенства, определяя последнюю как меру соответствия вещи человеку, есть грубейшая ошибка, вызванная подменой понятий.

– Барух, я с тобой совершенно согласен. Если человек осознает свое место, свои ограничения, то только тогда он сможет подняться к истинной свободе, которая доступна человеческому естеству. И тем самым станет наиболее совершенным в духовном плане, в своей телесной оболочке, ибо сознательный выбор иллюзий – не иллюзия, а единственная истина, доступная нам!!!

В аллее слышались шаги и раздраженные крики. Группа «свободных людей», не найдя Спинозу, возвращалась обратно... Мы немедленно поднялись и побежали по аллее по направлению к выходу из парка. Сажая Спинозу на автобус, я проронил:

– Барух, ты да Декарт – мои самые близкие друзья. Берегите себя...

– Боря, – сказал Спиноза, не отпуская мою руку, – без тебя я не могу жить, ибо мои мысли предназначены тебе, а без моих мыслей я лишь состарившийся идиот, получивший образование в семиклассном еврейском училище, где преподавались только еврейское богословие и древнееврейский язык...

– Да, наша пытливая натура вряд ли может найти удовлетворение в сухом догматизме Талмуда... – ответил я.

Автобус захлопнул дверцы, и Спиноза укатил в никуда. Разве вы не знаете, что иерусалимские автобусы так часто идут в никуда?

Глава тридцать пятая

О чем мы вечно спорили с Кантом

С Кантом я повстречался в мебельном магазине на улице Шкаппештрассе. Он выбирал себе удобное кресло, потому что старое было настолько чинено-перечинено, что сидеть на нем без риска для жизни более не представлялось возможным. Поскольку Кант вполне уважал гравитацию и не витал в облаках, как некоторые другие философы, кресло ему было жизненно необходимо. Я в мебельном магазине искал тумбочку. Дело в том, что мне подарили бочонок для моего бара, и Анютка (впоследствии Маськин) его покрасила и покрыла лаком для лодок. Теперь мне хотелось его установить

достойным образом на тумбочку, а оной как раз в моем доме и не нашлось.

Канта я узнал практически сразу. Лицо его было неприятным: маленький, как бы срезанный подбородок, выступающие скулы с глубокими провалами в задней части щек, миниатюрные, как будто бы приклеенные ушки, выпуклый, но не выступающий вперед, а закругленный к темени лоб и коротковласый белый парик, надо отдать должное, в меру напудренный. Я не люблю, когда парики пудрят чрезмерно, ибо это – дурной вкус: носитель подобного парика становится слишком пыльным и иной раз пачкает пудрой собеседника.

Я потерялся рядом с Кантом, но он не обращал на меня никакого внимания... Он обстоятельно осматривал все кресла в магазине, пробовал их на устойчивость... Он садился даже в те кресла, которые явно ему бы не подошли ни по цене, ни по стилю...

– И не лень вам, герр Кант, утруждаться... – невоспитанно начал разговор я.

– *Faulheit ist der Hang zur Ruhe ohne vorhergehende Arbeit*,* – ответил Кант, как бы говоря с самим собой и продолжая выбирать себе кресло.

– Вы всегда разговариваете сами с собой? – совершенно обнаглев, спросил я.

– *Denken ist Reden mit sich selbst*,** – столь же бесстрастно парировал Кант, продолжая как бы игнорировать мое присутствие.

* Лень – это тенденция отдыхать, не делая работу (нем.).

– Знаете, Иммануил, я вас уважаю, но ваши манеры несколько... оригинальны. Я думаю, вас не побеспокоит, если я выскажу некоторые мысли, как бы тоже разговаривая сам с собой, а вы как бы случайно с ними ознакомитесь, хотя основным вашим занятием в сей настоящий момент будет безусловно считаться «выбор кресла». Если вас такая категория устраивает, позвольте начать? – настойчиво произнес я и уселся как раз в кресло, которое Кант особенно внимательно осматривал.

Кант улыбнулся холодной и поэтому показавшейся мне издевательской улыбкой, как раз такой, какая случается у жителя Пруссии, когда ему приходится общаться с баварцем. Можете себе представить, в какую крайность презрения такая улыбка может перетечь при общении с евреем? Хотя теперь у немцев появилось растерянное выражение лица, когда они так или иначе вынуждены касаться еврейства и еврейского вопроса. Мол, погорячились... Ничего себе погорячились, – хочется закричать убиенному немцами моему прадедушке, проживающему где-то в глубине моих генов, тому самому прадедушке, сошедшему с ума, когда вот такие Канты его вели со всей семьей на расстрел. Но я даю своему предку выпить пивка и тем отвлекаю его внимание. Кант, конечно, ни при чем. Но хладность ума и эта издевательская улыбочка – они ой как при чем... Поверьте мне, ой как при чем.

** Мысли – это разговоры с самим собой (нем.).

Кант не смог прочитать все эти мои беспокойные взъерошенные мысли, ибо был слишком погружен в свои. Однако, поразмыслив, он решил, что лучше разделить со мной философскую беседу, чем просто убить время на подробный выбор объекта материального мира, предназначенного стать вместилищем кантовского зада и потому именно к такой категории и отнесенного в кантовской классификации вещей в себе и тех вещей, что не в себе, например кошек, ибо кошка, безусловно, является вещью не в себе, особенно если наступить ей на хвост, и потому к категории вещей в себе отнесена быть не может.

– Ваше учение о границах теоретического разума, в отличие от скептического агностицизма Юма, если я не ошибаюсь, направлено не против исследовательской дерзости ученого, а против его необоснованных претензий на пророчества и руководство личными решениями людей. Вопрос о границах достоверного знания для меня тоже не только методологический, но и являет собой этическую проблему. Я терпеть не могу умничающее мракобесие, хотя им по сей день переполнен мир. Посмотрите на современных профессоров университетов, многие из них не только тупы, но и столь же воинственны, как в средневековье, подменяя мысль – дисциплиной, воображение – пустой формой, жизнь – банкой с формалином, – начал обстоятельно, но в тоже время умеренно горячась, я, не поднимаясь с выбранного Кантом кресла. Он пощупал еще раз ножки и кряхтя выпрямил спину:

— Молодой человек, мне импонирует ваш темперамент, но темперамент, а также талант, как я писал в «Критике чистого разума», в некоторых отношениях нуждаются в дисциплине, с этим всякий легко согласится.

Но вы также писали, что сама мысль, будто разум обязан предписывать себе

дисциплину, может показаться странной; и в самом деле, разум до сих пор избегал такого унижения именно потому, что, видя торжественность и серьезную осанку, с какой он выступает, никто не подозревал, что он

легкомысленно играет порождениями воображения вместо понятий и словами вместо вещей.* Герр Кант, в наш суперсовременный век мы творим мракобесие и банальность, пользуясь при этом компьютерами, вот и вся разница... Вместо гусиных перьев – компьютеры, – сказал я и поднялся с кресла. Кант обрадовался, что кресло освободилось, и постарался закончить практически не начавшийся разговор, поскольку, по всей видимости, был человеком нелюдимым. Как бы подводя преждевременный итог, Кант сказал:

– Несколько лет назад, в своей работе «Kritik der praktischen Vernunft» – «Критике практического разума» – я показал, что развитая личность нуждается только в знании, а не в опеке знания, ибо относительно «цели» и «смысла» она уже обладает внутренним ориентиром – «нравственным законом внутри нас». Вы, молодой человек, как я погляжу, личность весьма развитая, я бы сказал, во всех отношениях, так что можете успокоиться. «Нравственный закон» внутри вас послужит вам путеводным фонарем. Кстати, вы не знаете, где у этих господ мебельщиков касса, я бы хотел приобрести это кресло... Вы, случайно здесь не работаете? – Кант оценивающе меня осмотрел.

– Нет, к сожалению, не работаю... А касса у них прямо и налево, – сухо ответил я. Разговор явно не клеился. – Вы знаете, герр Кант, что мне

* Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3, стр. 598.

понравилось в вашей книжке «Критика практического разума»?

– И что же? – на минуту зафиксировал свое внимание на мне Кант.

– Я, конечно, отрицаю наличие какого-либо неизменного определенного нравственного закона внутри нас, как, впрочем, отрицаю наличие и звездного неба над головой, ибо оно столь же призрачно, как и нравственный закон, о котором вы изволили упомянуть... – начал было я.

– Вы сказали, что вам что-то понравилось... – разочарованно вздохнул немец.

– Что ж, извольте. Мне понравилось, что обосновывая нравственную самостоятельность человека, вы решительно отменяете вульгарный постулат о непрременной «целесообразности» («практичности») человеческого поведения. В ваших произведениях понятие «практический» имеет особый смысл, глубоко отличный от того, который обычно вкладывается в слова «практика» и «практицизм». Под «практическим действием» вы подразумеваете не производящую деятельность, всегда имеющую в виду некоторый целесообразный результат, а просто поступок, то есть любое событие, вытекающее из человеческого решения и умысла. Это такое проявление человеческой активности, которое вовсе не обязательно имеет некоторое «положительное», предметное завершение (скажем, возведение здания, получение новой формулы, написание книги и т.д.). «Практическое действие» в вашем смысле может

состоять и в отрицании практического действия в обычном смысле (например, в отказе строить дом известного назначения или писать книгу известного содержания). Человек совершает поступок и тогда, когда он уклоняется от какого-либо действия, остается в стороне. Примеры подобного самоотстранения подчас вызывают не меньшее восхищение, чем образцы самого вдохновенного творчества и самого усердного труда. Люди прославляли себя не только произведениями рук и ума, но и стойкостью, с которой они отказывались от недостойного предприятия, отказывались даже тогда, когда оно выглядело увлекательным и соблазняло обилием творческих задач.

Кант удовлетворенно улыбнулся:

– Многие вещи способны возбудить удивление и восхищение, но подлинное уважение вызывает лишь человек, не изменивший чувству должного, иными словами, тот, кто не делает того, чего не следует делать.

Помнится, на том разговор и кончился. В другой раз я встретил Канта в очереди за мылом. Дело в том, что в его родном Кенигсберге с тех пор, как его забрали себе коммунисты, началась острая нехватка мыла, а поскольку Кант любил критиковать «чистый разум», он, разумеется, потреблял мыло в неопишуемых количествах.

Кант, увидев меня, улыбнулся и, казалось, был вполне рад скоротать со мной часок-другой нудного очередостояния.

Я воспользовался случаем и заговорил первым:

– Вот вы говорите, что наше познание начинается с опыта. Однако опыт имеет сложную структуру. С одной стороны, опыт является действием предметов на наши органы чувств. Однако смотреть и видеть — разные вещи. Не так ли?

– Denken ohne Erfahrung ist leer, Erfahrung ohne Denken ist blind*, – не задумываясь, ответил Кант. – Разница между глазением и осознанием увиденного продиктована трансцендентальным – моим ключевым понятием. Трансцендентальное – это призма разума, которая открывает и искажает подлинную реальность. Трансцендентальное – это то, что делит реальность на мир в себе (ноуменальный) и мир для нас (феноменальный). К области трансцендентального относятся пространство и время – формы априорного созерцания (трансцендентальная эстетика); категории сознания, оформляющие восприятие (трансцендентальная логика); неразрешимые вопросы (трансцендентальная диалектика), пытаясь ответить на которые мы неизбежно попадаем в область трансцендентальной иллюзии, ибо это знание лежит за пределами возможного опыта (элементы, Бог, свобода, вечность мира).

– Ну что ж, трудно не согласиться, – почесал затылок я в некотором оторопении. – Когда вы так досконально поясняете, мне не о чем с вами спорить, ибо, в сущности, то, что вы говорите,

* Мысль без опыта пуста, а опыт без мысли – слеп (нем.).

есть ничто иное, как предложение классификации непонятного и неизвестного. Вы предлагаете обозначить одно неизвестное трансцендентальной диалектикой, другое – трансцендентальной иллюзией. Возможно, конечно, вам и становится уютно от эдакого классификационного героизма, но что это дает мне как человеку?

– По моей версии, – обходительно отметил Кант, – мир ощущений и восприятий является полным хаосом, нагромождением беспорядочных ощущений и событий. Нужно навести в этом хаосе порядок. Этот мир преобразуется при помощи априорных форм, какими являются время и пространство. Время и пространство существуют только в феноменальном мире. Они существуют без опыта и вне опыта. Установление связей в мире феноменов осуществляется при помощи категорий рассудка. При помощи этих связей познавающий превращает хаос в порядок и закономерный движущийся мир.

– Ну что ж, опять же трудно не согласиться... – сознался я, хотя вся эта избыточная терминология меня порядком раздражала. Я хорошо знал книги Канта, эдакие учебники о неизвестном: категории X, разложенные по ячейкам Y... Но когда Иммануил объяснялся просто и непринужденно в очереди за мылом, с ним вполне можно было говорить по существу. Поэтому я люблю посещать научные конференции. Если коллеги-ученые могут навести тень на плетень в своих статьях и даже в

докладах, прочитанных по бумажке, то в последние пятнадцать минут, отводимых для вопросов и замечаний, им приходится говорить по-человечески и по существу. Я решил полюбопытствовать:

– Герр Кант, не будете ли вы так любезны напомнить мне, о каких же именно категориях идет речь?

– Извольте, – сразу согласился Кант. – Я выделяю следующие категории рассудка. Категории количества: единство, множество, цельность. Категории качества: реальность, отрицание, ограничение, отношения, субстанция и принадлежность, причина и следствие, взаимодействия. И наконец, категории модальности: возможность и невозможность, существование и несуществование, предопределенность и случайность. Знание дается путем синтеза категорий и наблюдений. Наше знание о мире не является пассивным отображением реальности, а является результатом активной творческой деятельности человека.

– Не за это ли вас господа марксисты-материалисты критиковали? – встрял с нетерпением я. – Мол, ошибкой Канта, по версии материализма, считается то, что вы полагаете, что сознание создает мир, а на самом деле речь идет о воссоздании объективного мира в сознании.

– А Бог их ведает, – вздохнул Кант, – Бог их ведает, увы, мне так и не удалось доказать объективность феноменального мира.

— Из чего я делаю вывод, что она недоказуема!!! — вскричал я. — Ибо какое доказательство объективности вы бы ни привели, всегда можно будет предположить существование еще одного наблюдателя, вынесенного за рамки воспринимаемой нами действительности, который будет наблюдать ее в противоречащей нашему наблюдению форме.

— Я тоже так думаю, — на том, в общем, и основана моя этика — на принципе «как если бы». Бога и свободу невозможно доказать, но надо жить, как если бы они были. Практический разум — это совесть, руководящая нашими поступками посредством максим (ситуативные мотивы) и императивов (общезначимые правила). Императивы бывают двух видов: категорические и гипотетические. Категорический императив — требует соблюдения долга. Гипотетический императив — требует, чтобы наши действия были полезны. Существуют две формулировки категорического императива: «Поступай с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой» и «Никогда не относись к другому человеку, как к средству».

— Ну что ж, и с этим невозможно не согласиться... — задумчиво произнес я. — Как жаль, что мне никогда в достаточной мере не удавалось продрасться сквозь частоколы ваших текстов, а вот так, в непринужденной беседе, я полностью с вами согласен. Я тоже проповедую выбирать себе просветленные и полезные иллюзии. А злые и опасные отметать.

Предполагать, что Бога нет, что свободы воли нет – злая и опасная иллюзия...

– Ну вот, меня, кажется, собираются отоварить мылом, – заволновался Кант. Взгляд его смягчился, и он подал мне руку на прощание. Мне все время казалось, что я спорю с этим человеком, но теперь я понял, что спорить нам не о чем, он мой единомышленник, просто с тяжеловесным прусским кольцом мыслей и слов.

– Берегите себя, Иммануил, – попрощался я, понимая, что хоть друзьями нам не суждено стать, но и спорить нам, в сущности, не о чем.

Глава тридцать шестая

Почему мы поссорились с Шопенгауэром

В прессе писали, что в Берлинском зоопарке посетителям рассказывают о самой необычной и крепкой дружбе между азиатским медведем и обычным домашним котом. Все началось около трех лет назад, когда кот Муси из любопытства залез в медвежий вольер. Место коту приглянулось, и хозяева клетки не стали возражать против нового сожителя. Вскоре Муси крепко сдружился с медведицей Маси и сейчас пользуется ее безграничной добротой и расположением. Ветеринары зоопарка утверждают, что подобные отношения в дикой природе были бы невозможны.

Я, конечно же, не мог пропустить такой исключительный случай и отправился в Берлинский зоопарк, чтобы непременно посмотреть на эту трогательную дружбу кота с медведем. Я взял с собой свою верную спутницу Анюту (впоследствии Маськина), ибо она чрезвычайно обожает животных.

Войдя в зоопарк, мы были приятно удивлены чистотой и порядком этого заведения. Нам практически сразу показали белых поросят с черными пятнами, которые родились в зоопарке перед самым Новым годом. К маленьким питомцам мы отнеслись благосклонно, ибо по местным традициям свинья – это символ счастья, удачи и достатка. Так считали древние

германские племена тевтонов. До сих пор в Германии о человеке, которому сильно повезло, говорят, что «он купил свинью».

Далее мы осмотрели котят кошек-рыбаков, которые тоже появились на свет недавно в Берлинском зоопарке. В отличие от своих обыкновенных, не менее усатых собратьев, представители этого редкого вида не только не боятся воды, но и умело ныряют, чтобы добывать себе пропитание. Как только котята достаточно подросли, их стали представлять публике. Правда, плавать они пока не умеют. Научить подводной охоте их должна мать.

Мы уже думали перекусить в буфете зоопарка, как вдруг послышался шум и крик. Оказалось, что скончалась любимица публики – самка орангутанга по кличке Равит. Равит была единственной самкой орангутанга с острова Борнео. За двадцать четыре года своего пребывания в зоопарке она стала всеобщей любимицей: у ее вольера собирались толпы детей и взрослых. Равит отвечала на приветствия, гримасничала и устраивала показательные акробатические номера.

Когда мы подошли к ее клетке, нам сказали, что последние дни самка ничего не ела и неподвижно лежала в своей клетке. В клетке сидел 23-летний самец Кевин – верный возлюбленный Равит – и, обхватив голову руками, тяжело переживал потерю. Их отношения с усопшей были столь гармоничными и трогательными, что персонал зоопарка называл

их «Ромео и Джульетта». Говорят, они были помолвлены...

Что же послужило причиной смерти несчастной Равит? Оказалось, что несколько дней назад в клетку к орангутангам проник никто иной, как Артур Шопенгауэр, и заявил следующее:

– Самки существуют единственно только для распространения обезьяньего рода, и этим исчерпывается их назначение, поэтому неудивительно, что институт брака является злым фарсом...

Равит даже поперхнулась бананом. Кевин ей недавно сделал предложение, и подобная пропаганда звучала по крайней мере неуместно. Равит, надо отметить, возражать не стала, а попыталась состроить страшную гримасу, однако Шопенгауэр, не обращая на нее никакого внимания, продолжал, уже обращаясь к Кевину:

– Любовь – большая помеха в жизни. Жениться – это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности!

Затем Шопенгауэр попытался завладеть объедком банана, так и оставшимся в руках Равит. Равит оскалила зубы. Однако Шопенгауэр не растерялся и тоже оскалил зубы.

– Человек, в сущности, есть дикое ужасное животное. Когда и где спадают замки и цепи законного порядка и вводится анархия, там обнаруживается, что он такое! – лихорадочно затараторил Шопенгауэр, потом щелкнул пальцами прямо над ухом Равит, та отвлеклась, и

в этот момент он выхватил огрызок банана и немедленно запихал себе в рот.

– Жизнь есть ничто иное, как война всех против всех, – ликовал Шопенгауэр, жуя отобранный огрызок банана.

– У тебя совесть есть? – вдруг человеческим голосом спросила Равит. – Ты что, совсем опростозверился?

Шопенгауэр не удивился, отвернулся от собеседницы и снова обратился к Кевину:

– Ach, es ist doch ein saures Stück Brot, das Philosophieprofessorenbrod!*

Кевин посмотрел на Шопенгауэра и интеллигентно предложил салфетку – вытереть плоть банана, размазавшуюся по седым бакенбардам философа. Однако Шопенгауэр гордо отказался и, усевшись в углу клетки, самодовольно заявил:

– Оставь, обезьяна, не нужно формальностей, мы же свои люди. Я – самец, ты самец... Можно сказать, члены одного самцового братства. Пойми, брат, самки нам нужны разве что для размножения, а в остальном это все полная каракатица... Каждый самец может вполне быть самим собою, только пока он одинок.

* Ах, как горек хлеб, как горек хлеб профессора философии! (нем.)

– Артур Генрихович, – обратился орангутанг к Шопенгаэру по имени-отчеству, потому что был хорошо воспитан, как и большинство обитателей Берлинского зоопарка, – верите ли вы сами в то, что говорите? Может ли это быть правдой?

– Это правда, милый мой обезьян, это правда... Aber das Leben ist kurz und die Wahrheit wirkt ferner und lange: Sagen wir die Wahrheit!* – ответил Шопенгауэр.

Равит заплакала в другом углу клетки.

* А поскольку жизнь коротка, а правда живет долго... Будем же говорить правду! (нем.)

Кевин попытался учтиво возражать, но Шопенгауэр прервал его на полуслове жестом.

– Я вижу, ты неординарная обезьяна. А гениальный обезьян, живя и творя, жертвует своими личными интересами ради блага всего обезьянства. Он поэтому живет больше ради других, чем ради себя.

Было видно, что слова немецкого философа проникают глубоко в душу орангутанга Кевина. Ведь Кевин был не только моральное существо, каким бывают обыкновенные обезьяны; напротив, он являлся носителем семяфонда многих веков эволюции и сейчас осознал, что растрачивать свой семяфонд лишь на одну самку Равит нецелесообразно.

Видя свое воздействие, Шопенгауэр нанес последний удар.

– Кевин Орангутангович, – намеренно уважительно обратился он, – идите вон из этого опутывающего вас лианами семейных и нравственных обязательств мира. Берите себе в подруги других самок, и ничто вам не угрожает... Нет Бога над вами, нет суда совести. Это все мракобесие придурка Гегеля. Не забывайте свою природу. Дайте ей волю. *Alles, alles kann einer vergessen, nur nicht sich selbst, sein eigenes Wesen!*** И не бойтесь смерти, ибо ее нет. Когда вы мертвы – смерти для вас не существует, ибо вы мертвы, и больше ничего нет. Если же вы живы – то смерти, опять же, для вас не существует, ибо какое отношение имеет смерть к живущим!

** Все что угодно можно забыть, только не свою природу! (*нем.*)

Ноздри орангутанга Кевина раздувались, грудь тяжело вздымалась. Слова Шопенгауэра глубоко проникли в его обезьянью душу и нашли благодатную почву. Годы воздействия цивилизации – годы, проведенные Кевином в зоопарке, слетели с него в одночасье, он забыл человеческую речь и бросился оплодотворять других самок.

Через несколько дней Равит умерла от горя.

Мы с Анютой не могли сдержать слез, услышав о такой трагедии, и поэтому вам не следует удивляться, что я был весьма груб с герром Шопенгауэром, когда мы повстречали его в буфете зоопарка. Он был доволен собой, хоть и носил грязный сюртук и был непричесан. Его седые вздыбленные волосы напоминали в какой-то мере гриву, и тем самым, несмотря на тонкость интеллигентных губ, лицо его походило на мордочку недоброго животного. На устах Шопенгауэра играла циничная самодовольная улыбочка.

– Вы зачем обезьяну погубили? – без церемоний спросил я.

– Я ее не губил, – с готовностью ответил мне Шопенгауэр. – Дело в том, что каждому из нас доступно следующее утешение: смерть так же естественна, как и жизнь, а там увидим, что будет.

– Вы весьма опасная личность, – сердито сказала Анюта.

– Вы знаете мое мнение о женщинах, мадам, – церемонно ответил Шопенгауэр, – а посему вы вполне могли бы воздержаться от своих

великомысленных высказываний, ибо я весьма сомневаюсь в их ценности... Единственный мужчина, который не может жить без женщин, – это гинеколог.

– Нахал, – рассердилась Анюта, – какой хам!

– Действительно, – поддержал я, – и как вы с такой философией на свете живете?

– Мы жили и снова будем жить. Жизнь есть ночь, проводимая в глубоком сне, часто переходящем в кошмар, – глубокомысленно сообщил нам Шопенгауэр. – Ваш, Борис Юрьевич, оптимизм по отношению к жизни представляется мне не только нелепым, но и поистине бессовестным воззрением, горькой насмешкой над невыразимыми страданиями человечества.

– Вы, Артур Генрихович, – страшный человек. Личное ваше неудобство вы почему-то желаете выместить на всем человечестве. Если бы вы только знали, какие наикровавейшие последствия будут иметь ваши пессимистические разговорчики!

Я был вне себя, Анюта пыталась меня успокоить, но безуспешно.

– Да вы так-то уж не горячитесь, а то компот прольете, – забеспокоился Шопенгауэр.

– Вы, знаете, Артур Генрихович, что я однажды поверил в ваши рассуждения и моя жизнь превратилась в полный и окончательный парадокс?! Я должен благодарить вас за большую часть моих неврозов! – неистовствовал я.

– Ну, в ваших неврозах повинны исключительно вы сами, – злобно отметил Шопенгауэр. – Не слушайте, что о вас говорят другие, и вы будете свободны от дурных мнений о себе тех людей, чье мнение о других предметах вас вовсе не интересует, но вы почему-то страдаете от их суждений о вас. Кроме того, вы ошибочно считаете, что человек непременно должен быть счастлив.

– Такое впечатление, герр Жопен-как-вас-там, – захлебнулся от ярости я, – что вы пытаетесь сделать человечеству аборт без обезболивания. Вы сами погружены по вашу плешистую макушку в иллюзию пессимизма. И сия иллюзия вредна чрезвычайно! Жертвами вашей ядовитой философии стали и Вагнер, и Ницше, и даже несчастный Лев Толстой. Я сам несколько лет не мог отойти от ваших рассуждений, настолько крепко они забираются в разум и не желают его покидать. Я вообще боюсь, что навеки отравлен вашей философией, ибо в глубине души она шепчет на ухо: «Государство – ничто иное, как намордник для усмирения плотоядного животного, называющегося человеком, для придания ему отчасти травоядного характера», – и я не могу не согласиться... «Истинная дружба – одна из тех вещей, о которых, как о гигантских морских змеях, неизвестно, являются ли они вымышленными или где-то существуют», – и это, казалось бы верно... Нет ничего опаснее, чем философия пессимизма. Не знаю, желали вы того или нет, но в ваших рассуждениях таятся зародыши печей Освенцима... Ведь ваш верный

последователь Ницше вряд ли дошел бы до своего «сверхчеловека» без вашего всераздирающего хладнокровного пессимизма, отрицания разумной цели нашего мира.

– Странно. Я ведь считаю себя учеником Канта, – спокойно возразил Шопенгауэр, – а он мне говорил, что вы с ним вполне поладили... Я вовсе не говорю то, что вы мне приписываете. Видите ли, герр Кригер, те, которые надеются стать философами путем изучения истории философии и сочинения нелепых историй о философях, как это делаете вы, скорее должны вынести из этого неблагоприятного занятия то убеждение, что философами рождаются так же, как и поэтами, и притом гораздо реже! Герр Кригер, вы такой же философ, как я балерина...

Я осмотрел Шопенгауэра с ног до головы и согласился, что на балерину он не похож, как, впрочем, и на балеруна.

– Раз уж вы так рветесь меня критиковать, – продолжал Шопенгауэр, – извольте выслушать мои доводы. «Мир явлений» дан человеку как его «представление», его априорные формы – пространство, время, причинность. Субъект и объект – это соотносительные моменты мира как «представления». Мир как «вещь в себе» предстает в моих работах как безосновная «воля», которая обнаруживается и в слепо действующей силе природы, и в обдуманной деятельности человека; разум лишь инструмент этой «воли». Как «вещь в себе», воля едина и находится по ту сторону причин и следствий, однако в мире как «представлении» она

проявляется в бесконечном множестве «объективаций». Ступени этой объективации (неорганическая природа, растение, животное, человек) образуют иерархическую целостность, отражающую иерархию идей (понимаемых в платоновском смысле), «адекватных объективаций воли». Каждой объективации свойственно стремление к абсолютному господству. В живой природе и в обществе воля проявляется в качестве «воли к жизни» — источника животных инстинктов и бесконечного эгоизма человека; всякий «осознает себя всей волей к жизни», тогда как все прочие индивиды существуют в его представлении как нечто от него зависящее, что выражается в непрерывной «войне всех против всех»; государство не уничтожает эгоизма, будучи лишь системой сбалансированных частных волей.

— Увы, герр Шопенгауэр, я не спорю с основами вашей философии, ибо вы недалеко ушли от герра Канта. Вы просто облекли одни и те же понятия в новые определения, только и всего. У нас в России о таком открытии говорят: те же... уши, только сбоку. По-вашему, я не философ. Не уродился... Рылом, так сказать, не вышел. Ну что ж, возможно, вы правы. Я и не претендую, пожалуй. Однако для вашего удовлетворения я вам придумаю сейчас же на гора двадцать таких же теорий, где у меня будет главной будет Воля, а разум — второстепенным, или, если пожелаете, я назову все мироздание «Мировым Импульсом» или «Мировым

Стимулом», – ну, аплодируйте мне! Я гений! Я назвал все новым словом! Или взять Гегеля...

Шопенгауэр грубо меня перебил:

– Гегель не только не имеет никаких заслуг перед философией, но оказал на нее крайне пагубное, поистине оупляющее, можно сказать, тлетворное влияние. Кто может читать его наиболее прославленное произведение, так называемую «Феноменологию духа», не испытывая в то же время такого чувства, как если бы он был в доме умалишенных, – того надо считать достойным этого местожительства.

– Хорошо, оставим Гегеля, я, в общем, не о Гегеле. Хотя и он занимался примерно тем же, только сбоку. В противовес Лейбницу вы называете существующий мир «наихудшим из возможных», а свое учение «пессимизмом». Мировая история, по-вашему, не имеет смысла. Вы, случайно, не заключали сделок с Дьяволом? А то в ваше время это было, кажется, модно. Да и с Гёте вы были знакомы, не так ли? Вы, кажется, с ними встречались в Веймаре в литературном салоне вашей матери?

– Я не имею более ничего общего с моей матерью, – грубо оборвал меня Шопенгауэр, – я никогда не прощу ей холодности к больному отцу. – Было видно, что и по прошествии лет эти чувства все еще были для него свежи.

– Хорошо, не о вашей матери речь. Вашу мать... оставим в покое. Вы ведь сами критиковали язык философии и стремились к простоте слога, образной наглядности и афористической четкости в изложении

собственной философии, но вы не пошли дальше просто дачи новых названий старым предметам, окрашивая их в черный гибельный цвет. Пессимистические и волюнтаристские мотивы вашей философии, ваш интуитивизм и моралистическая критика культуры получили отклик в двадцатом веке и, желаете вы того или нет, сделали его гораздо более кровавым, чем он мог бы быть!

– Ну что ж, расстанемся на этом, – сухо попрощался Шопенгауэр и, к нашему удивлению, учтиво поцеловал Анюте ручку, которую она боязливо отдернула, почувствовав прикосновение сухих губ...

– Как все-таки много значит неудавшаяся личная жизнь и дурной характер человека, – задумчиво сказала Анюта, когда Шопенгауэр скрылся из виду. Она вытирала поцелованную руку платком, хотя губы галантного собеседника были совершенно сухи.

– Увы, дело не в философе, – вздохнул я, – и не в его неврозах, таких неврастеников пруд пруди... А дело в том, кто нашел и прославил работы этого старика.

– Кто же это был? Кто же был этот серый кардинал? – нетерпеливо спросила Анюта.

– Я боюсь, он не серый и не кардинал... Я боюсь, его имя – Дьявол, – задумчиво сказал я.

– А обезьянку жалко, – вздохнула Анюта, и мы, задумчивые, отправились прочь из Берлинского Зоопарка Философии, который подарил миру столько страшных и беспокойных зверей.

Глава тридцать седьмая

Чем я пытался подкупить Ницше

Мой невроз одарил меня самыми различными симптомами, которые просто не могли не предвещать мою скорейшую кончину от неизвестного заболевания. Голова кружилась, и я думал, что это верный признак приближающегося конца.

Мы вообще недооцениваем силу человеческого самовнушения. Огромное число страждущих – объективно здоровы, но носятся со своими воображаемыми недугами и не только убеждают себя, но и внушают своим врачам, что они безнадежно, смертельно больны.

Вот и Роберт Уилсон* как-то писал, что, по замечанию доктора Леонарда Орра, человеческий мозг ведет себя так, как если бы он состоял из двух частей: «думающего» и «доказывающего».

«Думающий» может думать практически обо всем. Как показала история, он может думать, что Земля покоится на спинах черепах, или что она внутри пуста, или что она плывет в пространстве. В это верят миллионы людей. Сравнительная религия и философия показывают, что «думающий» может считать себя смертным, бессмертным, одновременно

* Роберт А. Уилсон, «Психология эволюции». Перевод с английского под редакцией А. Костенко. Издательство «София», 2005. Стр. 24.

смертным и бессмертным (реинкарнационная модель), или даже несуществующим (буддизм).

Он может думать, что живет в христианском, марксистском, научно-релятивистском или нацистском мире, – это еще далеко не все варианты.

Как часто наблюдалось психиатрами и психологами (к вящей досаде их медицинских коллег), «думающий» может придумать себе болезнь, и даже выздоровление.

«Доказывающий» – это гораздо более простой механизм. Он работает по единственному закону: «Что бы ни думал “думающий”, “доказывающий” это докажет». Вот типичный пример, породивший невероятные ужасы в прошлом столетии: если «думающий» думает, что все евреи богаты, «доказывающий» это докажет. Он найдет свидетельства в пользу того, что самый бедный еврей в самом захудалом гетто где-то прячет деньги. Подобным образом, феминистки способны верить, что все мужчины (включая голодных бродяг, которые живут на улицах) эксплуатируют всех женщин (включая английскую королеву).

Если «думающий» думает, что Солнце вращается вокруг Земли, «доказывающий» услужливо организует восприятие так, чтобы оно соответствовало этой идее; если «думающий» передумает и решит, что Земля вращается вокруг Солнца, «доказывающий» организует свидетельства по-новому.

Если «думающий» думает, что «святая вода» излечит его люмбаго, «доказывающий» будет искусно дирижировать сигналами от желез, мышц, органов и так далее до тех пор, пока организм вновь не станет здоровым.

Врача в своих болезнях мне убедить не удалось. Врачи ведь – совсем другое дело. Им бы до обеденного перерыва дотянуть, а там и до конца рабочего дня рукой подать. Одним пациентом больше, одним меньше – какая разница? «У вас, голубчик, рак... Ой, нет, извините, не у вас. Это у другого больного. А у вас СПИД. Ой, нет, не у вас. Вы – здоровы. Больной, чего это вы набок заваливаетесь?»

Помнится, как-то я сидел в очереди к своему семейному терапевту, собираясь опять настойчиво пожаловаться на какой-то чрезвычайно волнующий меня симптом – либо уколы в груди, либо онемение рук... Так ли важно, как себя проявляла приближающаяся неизбежная смерть?

Врач мой обладал здоровой толикой опыта и с такими неврастениками, как я, не связывался, ибо знал, что они, прежде чем отбудут в мир иной, сведут в могилу не одно поколение врачей. Поэтому доктор не возражал и послушно назначал мне анализ за анализом, которые, разумеется, так ничего серьезного и не обнаруживали.

Я подозревал, что все это плод моего воображения и усугубившегося невроза. Поскольку я некогда довольно глубоко изучал психологию и тесно дружил с Фрейдом, я

понимал, что мои симптомы на фоне более или менее нормальных анализов являются скорее проблемой психологической, чем соматической, но посещение психолога в течение года не дало практически никаких результатов.

Именно поэтому я живо интересовался другими пациентами, пытаюсь обнаружить схожую симптоматику.

Рядом со мной в очереди сидел довольно странный индивидуум с огромными усами. Усы его были настолько велики, что кустистые брови практически не производили на этом лице впечатления, хотя на любой другой физиономии они бы повергали наблюдателя в смущенное удивление. Глубокие складки вокруг рта рисовали волевою и страдающую личность.

Как водится, беседа началась обычно. Слово за слово. Незнакомец говорил с тяжелым немецким акцентом. И я подумал, что где-то его встречал раньше. Мой товарищ по очереди заметил мое замешательство.

— Фридрих, — скромно представился он, — Фридрих Ницше.

Далее он поведал о своих недугах, однако даже меня не могла не удивить многочисленность жалоб Ницше и точность его самостоятельных наблюдений. Я уже начал уставать слушать, как Ницше описывал все свои ужасающие симптомы: высасывающие все силы головные боли; морская болезнь на твердой почве — головокружение, потеря равновесия, тошнота, рвота, анорексия, отвращение к еде; приступы лихорадки, ночная потливость, вынуждающая

два-три раза за ночь менять пижаму и постельное белье; страшные приступы утомления, иногда близкие к полному мышечному параличу; боль в желудке; кровавая рвота; кишечные спазмы; сильнейшие запоры; геморрой; а также лишаяющие его дееспособности проблемы со зрением – утомляемость глаз, постоянное ухудшение зрения, слезливость и боль в глазах, нечеткое видение, сильная светочувствительность, особенно по утрам.

Ницше сообщил также, что приступам головной боли предшествовали мерцание перед глазами и частичная слепота; он рассказал и о непроходящей бессоннице, жестоких ночных мышечных судорогах, общей напряженности и резких, непредсказуемых сменах настроения.

Смены настроения! Именно этих слов я и ждал! Как я и говорил как-то Фрейду, я всегда выискиваю благоприятный момент, чтобы вывести беседу на обсуждение психологического состояния собеседника. Эти «смены настроения» могут быть тем самым ключом, который поможет добраться до отчаяния и суицидальных наклонностей Ницше! Эти смены настроения, видимо, и ключ к разгадке моих недугов.

Я сделал осторожный шаг вперед, попросив его поподробней остановиться на сменах настроения:

– Не замечали ли вы изменений в своем настроении, которые могли бы относиться к болезни?

Поведение Ницше не изменилось. Судя по всему, ему и в голову не приходило, что этот

вопрос выводит беседу на значительно более личный уровень.

– Иногда бывало, что за день до приступа я чувствовал себя особенно хорошо, – и я начинал думать, что чувствую себя подозрительно хорошо.

– А после приступа?

– Обычно приступ продолжается от двенадцати часов до двух дней. После такого приступа я утомлен и инертен. День-два я даже думаю медленно. Но иногда, особенно после долгого приступа, продолжающегося несколько дней, все иначе. Я чувствую себя посвежевшим, очистившимся. Меня переполняет энергия. Я обожаю эти моменты: в моей голове просто кишат самые драгоценные идеи.

Я был настойчив. Если уж я напал на след, то не собирался так просто отказываться от преследования.

– Ваша усталость и инертность – как долго сохраняется это состояние?

– Недолго. Как только приступ утихает и мое тело вновь принадлежит мне, я снова начинаю контролировать себя. Так что я могу сам преодолеть слабость.

Возможно, подумал я, этот человек не так прост, как могло показаться на первый взгляд. Придется перейти к более конкретным вопросам. Как стало ясно, Ницше не собирался добровольно выдавать какую бы то ни было информацию о своем отчаянии.

– А меланхолия? Сопутствует ли она вашим приступам или, может, начинается после?

– У меня бывают мрачные периоды. А у кого их не бывает? Но они не властны надо мной. Это не моя болезнь, это моя жизнь. Можно сказать, что я осмеливаюсь их иметь.

Я не мог не заметить легкую усмешку Ницше и его дерзкий тон. Только сейчас я впервые узнал голос человека, написавшего те смелые, загадочные книги, которые пустили под откос двадцатый век. У многих его имя ассоциируется с идеологией фашизма, сатанизма или с иными радикальными учениями. Его образ и правда является выражением неистребимого романтизма, полного противоречий и утопических идеалов, а подчас бреда сумасшедшего. «В предвидении, что недалек тот день, когда я должен буду подвергнуть человечество испытанию более тяжкому, чем все те, каким оно подвергалось когда-либо, я считаю необходимым сказать, кто я. Знать это, в сущности, не так трудно, ибо я не раз “свидетельствовал о себе”, но несоответствие между величию моей задачи и ничтожеством моих современников проявилось в том, что меня не слышали и даже не видели»... Как дорого обходятся человечеству недуги философов.

– Господин Ницше, – вежливо обратился я к больному философу, – мое мнение, конечно не имеет ценности, но мне кажется, что ваша болезнь, по большей части, как и моя, базируется на нервном истощении и именуется в медицинских кругах «невроз по ипохондрическому типу». Психоанализ я вам рекомендовать не буду. Мне он не помог, да и

вам поможет вряд ли. А вот таблеточки нам, видимо, придется у доктора попросить. Нынче есть хорошие таблетки, типа «Прозак», говорят, чрезвычайно эффективны. Я, увы, не думаю, что «Прозак» сможет спасти человечество от ваших губительных идей... Для этого я бы, например, применил к вам мышьяк, причем немедленно, или, знаете, лучше цианистый калий...

– Позвольте с вами не согласиться, – раздраженно произнес Ницше. – Тот, кто умеет дышать воздухом моих сочинений, знает, что это воздух высот, здоровый воздух. Надо быть созданным для него, иначе рискуешь простудиться. Лед вблизи, чудовищное одиночество, – но как безмятежно покоятся все вещи в свете дня! Как легко дышится!..

– Дело в том, что самое страшное в вашей философии – что вы, в общем-то, правы. Как от обезьяны произошел человек, так в результате этой борьбы человек должен эволюционировать в Сверхчеловека (Übermensch). Кто будет этот сверхчеловек – простой человек, усовершенствовавший свои чувства и мысли компьютерами и биоэлектронными приспособлениями, или этим «сверхчеловеком» станет сам компьютер, мы не знаем, но уже сейчас, в начале двадцать первого века, мы слышим твердую поступь «сверхлюдей», более совершенных, более здоровых, более разумных, чем их предки, за счет лекарств и электроники. Можно предположить, что эволюция, таким образом, не остановится на нас. Это правда, и в этом предвидение вас не обмануло... Как мне ни

претит соглашаться с вами, но это правда, причем правда, в которой ничего плохого и гибельного нет.

– Der Wahrheit dienen wenige in Wahrheit, weil nur wenige den reinen Willen haben gerecht zu sein und selbst von diesen wieder die wenigsten die Kraft, gerecht sein zu können,* – самодовольно возвестил Ницше по-немецки с акцентом уроженца Саксонии. – Разум и все духовные ценности – это всего лишь орудие для достижения господства. Поэтому сверхчеловек отличается от простых людей прежде всего несокрушимой волей. Это скорее гений или бунтарь, чем правитель или герой. Подлинный сверхчеловек – это разрушитель старых ценностей и творец новых. Он господствует не над стадом, а над целыми поколениями. Я, как и Маркс, безусловно преклоняюсь перед дарвинизмом. Весь ход эволюции и борьба за выживание (struggle for existence) – ничто иное, как проявление этой воли к власти. Больные и слабые должны погибнуть, а сильнейшие – победить. Отсюда я заявляю: «Падающего толкни!».

– Побойтесь Бога! Что же вы такое говорите! – испуганно засуетился я.

– Мне некого бояться. Бог умер! От сострадания к людям умер Бог. Вы убили его. Вы и я... Мир отвратителен. Он жесток, как

* Немногие служат правде верой и правдой, потому что лишь немногие обладают чистой волей к правдивому существованию, и еще меньше из них, кто имеет силу быть действительно справедливым... (нем.)

дисгармонирующий аккорд. Душа человека – такая же дисгармония, как и весь мир, сама в себе несущая страдания.

– Ну вот, приехали... – сокрушался я. – Ну, с чего это вы решили, что Бог умер?

– Единственные оковы волевого человека — это его собственные обещания. Создавая новые ценности, сверхчеловек порождает культуру – Дракона или Духа тяжести, подобно льду, сковывающему реку воли. Поэтому должен прийти новый сверхчеловек – Антихрист. Он не разрушает старые ценности. Они исчерпали себя сами, ибо я утверждаю, что Бог мертв. Наступила эпоха европейского нигилизма, для преодоления которого Антихрист должен принести новые ценности. Смиренной и завистливой морали рабов он противопоставит мораль господ. Однако потом будет рожден новый Дракон и придет новый сверхчеловек. Так будет до бесконечности, ибо в этом проявляется вечное возвращение!

– Я понимаю... – расстроился я, – мне кажется, Фридрих, вы действительно больны...

– Ich bin kein Mensch, ich bin Dynamit!* – зашипел Ницше и попытался взорваться.

– У меня к вам предложение. Вот вы говорите, что обязательно этот ваш сверхчеловек должен властвовать над другими, поработать их, заставлять на себя работать, а неспособных и слабых надо убивать. Правильно? Вы исходите из ограничения ресурсов, то есть сверхчеловеку

* Я не человек, я динамит! (нем.)

нужны сверхресурсы, которые он себе добудет путем подавления других и убийства больных и слабых из экономии. Я вас правильно понимаю? А что, если представить, что на своем пути к становлению сверхчеловеком человек, во-первых, создаст огромное количество нематериальных благ (виртуальных услуг и продуктов), стоимость производства которых несопоставима с рубкой леса и производством бумаги, ибо эти виртуальные продукты имеют подчас почти нулевую себестоимость? Во-вторых, сверхчеловек по пути к своему совершенствованию создаст столько благ, что бедных и больных будет дешевле содержать, чем уничтожать и при этом преодолевать сопротивление уничтожаемых и их защищающих... А следовательно, вам будет невыгодно поработать и уничтожать. Это будет требовать больше энергии, чем обеспечить тем, кто неполноценен или болен, достойное существование и оставить их в покое. Что вы на это скажете?

– Это утопия, ресурсов всегда будет не хватать на всех, – неуверенно сказал Ницше.

– Я понимаю, что с настоящими немцами бесполезно говорить о сострадании... – заявил я без смущения. – С вами нужно говорить только на языке пользы, порядка и экономии. Итак, я вас уверяю, что на пути своего становления ваш сверхчеловек произведет столько материальных и виртуальных благ, что уничтожение, борьба и порабощение будут энергетически невыгодны, ибо всякая борьба порождает сопротивление, и

какими бы недоразвитыми ни были ваши противники, – это принесет много потрат, головной боли и, может быть, даже больших осложнений, как, например, необходимость принять яд в бункере, окруженном армиями недоразвитых народов...

– Но со временем потребности больных и недоразвитых будут расти, и их будет невозможно удовлетворить, и тогда они позарятся на ресурсы, которые необходимы самому сверхчеловеку, – рассудил Ницше.

– Ну, давайте так – меняю утопию на утопию. Скажем, что сверхчеловек на пути своего совершенствования найдет способ удовлетворять эти потребности без какого-либо ущерба для себя, заставляя работать на себя автоматические машины, компьютеры и т.д. В таком случае можно оставить больных и недоразвитых в покое, как вы не трогаете муравьев в лесу или божьих коровок?

Если примером сверхчеловека для вас является Иисус Христос, то почему бы не принять его приятные с эстетической точки зрения принципы, особенно если в нашей утопической модели изобилия бороться и поработать менее выгодно, чем накормить и оставить в покое?

– Но человек есть нечто, что следует преодолеть. Что сделали вы для этого? Все существа всегда создают нечто высшее, нежели они сами. Вы что, хотите быть отливом среди этого прилива? Что такое обезьяна по отношению к человеку – стыд и жалкое уродство. Человек по отношению к

сверхчеловеку – тоже лишь стыд и жалкое уродство. Вы прошли долгий путь от червя до человека, но слишком много в вас осталось еще от червя. Когда-то вы были обезьяной – смотрите, как много в вас еще от обезьяны. Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке! Сверхчеловек – смысл земли. Пусть ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли. Поистине человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и остаться чистым. Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – это море, в котором тонет ваше великое презрение. Не грехи ваши, но чванство ваше вопиет к небесам: ничтожество грехов ваших вопиет к небесам! Но где же та молния, которая лизнет вас своим языком? Где то безумие, которое необходимо привить вам? Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – это молния, он – это безумие!

– Сверхчеловек – это не безумие. Зачем это вы про безумие? А? Прекратите, Фридрих, вплетать поэзию в очень серьезную философию. Это дорого обойдется человечеству, – серьезно промолвил я.

– Я провозгласил о Неизбежном, Необходимом, Невозможном... я оповестил вас о приходе СВЕРХЧЕЛОВЕКА! – перевозбудился Ницше.

— А я и не спорю, я всего только обсуждаю подробности, а подробности говорят, что сверхчеловеку лучше не полагаться на рабский труд недоразвитых народов. Ему лучше их накормить и попробовать развить. Ибо даже обезьяна может вам навалить таких тумачков, что мало не покажется.

— Любите мир как средство к новым войнам. И притом короткий мир больше, чем долгий. Говорят, что хорошая цель освящает любую войну. Я же говорю вам, что хорошая война освящает любую цель. Что есть добродетель:

спрашиваете вы? Добродетель – смелость! – лихорадочно заговорил Ницше.

– Нет, батенька, не согласен. Войны – очень дорогое удовольствие, причем с непредсказуемым исходом. Вам, аккуратному немцу, это должно быть известно, – снова заявил я. – Побойтесь Бога... э-э-э... то есть, я забыл... черта... или кого вы там почитаете?

– Бога убили люди, когда низвели его до своего уровня, превратили в моральную абстракцию, окутали в покрывала слабости и лжи... Но этот «моральный театр» вырождается на глазах, теряет свою убедительность. Европейский нигилизм – еще прикрытый этикой, гуманистической теологией и фальшивым псевдохристианством, – разверзает свою страшную пасть. Чтобы объявить об этой катастрофе во всеуслышанье, чтобы довести до конца все содержащиеся в ней выводы, надо обладать невероятной чистотой, удивительным мужеством и героической стойкостью...

В этот момент медсестра пригласила Фридриха к врачу. Я остался со своими мыслями. Через несколько минут из кабинета врача послышались крики.

Было слышно, что Ницше испускает нечленораздельные возгласы. По диалогу было видно, что он принимает врача за Бисмарка. Из кабинета послышался звон разбитого стакана.

– Зачем вы разбили стакан? – послышался голос доктора.

– Чтобы забаррикадировать вход в комнату осколками стекла! – донесся до меня безумный возглас Ницше.

Вызвали «скорую», чтобы увезти Ницше в психиатрическую больницу. Ожидая машину, он прыгал по-козлиному, гримасничал и выпячивал левое плечо, по его утверждению, то самое плечо, на котором великий дух нес всю тяжесть мира.

Когда Ницше увезли, я согласился выписать себе таблетки... Врач был доволен, потому что тоже считал, что таблетки мне помогут.

По дороге домой я размышлял, что Ницше не повинен в фашизме. Он просто сумасшедший поэт, затесавшийся в философию. Большинство мыслей Ницше нацистские идеологи черпали, кроме «Заратустры», из книги «Воля к власти». Но все дело в том, что этой книги как таковой не существует. Есть лишь произвольная компоновка многочисленных заметок конца 80-х годов девятнадцатого века (через короткое время Ницше лишился рассудка). Фальшивку подготовила сестра безумного философа, которая после смерти брата стала владелицей всего его архива. Сам Фридрих еще при жизни в одном из писем назвал ее «мстительной антисемитской дурой». Лишь в 1956 году Шлехта восстановил после работы в архиве Ницше хронологию этих заметок под заглавием «Из наследия 80-х годов». Издание произвело большой эффект, так как стало ясно, что речь идет о грандиозном подлоге, о полном несоответствии заметок и

сфабрикованной из них книги, говорить о которой после этого просто неприлично.

Хорошо известно, что основными постулатами идеологии фашизма явились национализм, славянофобия и, главное, антисемитизм. Что говорит об этих понятиях Ницше? О национализме философ писал, что «у современных немцев появляется то антифранцузская глупость, то антиеврейская, то прусская». Крылатый лозунг национализма – «Германия превыше всего» – Ницше считал концом немецкой философии. К славянам он относился с благосклонностью, отмечая даже, что «немцы вошли в ряд одаренных наций благодаря сильной примеси славянской крови». Евреев же считал «самой сильной, самой цепкой, самой чистой расой из всего теперешнего населения Европы».

Разумеется, существует ответственность мыслителей за свои идеи. Но допустимо ли смешивать ее с ответственностью за дела? Любая новая система, в том числе и национал-социалистическая, предполагает значительное перекраивание прошлого, при котором любые учения, вплоть до античной философии, могут превратиться в оружие для избиения политического противника. Однако за толкование ответственность несет прежде всего интерпретатор. Тем более что в случае Ницше с его афористической манерой изложения не требовалось излишнего умственного напряжения, чтобы свести его труднейшую для понимания философию к броским лозунгам

вроде «морали господ и морали рабов», «грядущего сверхчеловека», «белокурой бестии», которой так жаждали стать нацисты.

Однако Ницше все же был классическим лжепророком, несчастным экзальтированным неврастеником. Как же отличить лжемессию от истинного? По плодам трудов его... Но тогда будет слишком поздно. Истинный мессия никогда не сотворит такого, что несло бы смерть и разрушение. А как же христианская церковь? Смейся, сатана... Какой бы мессия ни явился на свет, ты извратишь слова и дела его...

А что, если попробовать обойтись без мессий?

Глава тридцать восьмая

Почему мы с Руссо решили не делать революций

Я возвращался с волчьей охоты на женевском пригородном поезде. Волков мы, правда, не поймали, но порядком распугали. Анята, впоследствии Маськин, была ответственной за дутье в охотничий рожок, а я грозно махал ружьем, отчего волки пугались и иммигрировали из Европы в Северо-Американские Штаты и Канаду. Собственно, поэтому в Европе теперь нечасто встретишь матерого волка, в то время как в Новом Свете от них прохода нет.

Я был одет в длинный овчинный тулуп и свою знаменитую енотовую шапку с хвостом, декорированную мордочкой дохлого енота. Этой

шапкой я очень горжусь, ибо енотов искренне недолюбливаю за их сходство с европейскими либиралами, которые вроде бы существа свободные, но подвержены пагубному влиянию собственных звериных инстинктов, отчего постоянно роются в мусорных кучах, откуда вытаскивают подержанные истины и протухшие призывы к всеобщей свободе, коя должна насаждаться классом господ! Но волки гораздо хуже. Они стали звать себя «просветителями» и пытаются просвещать баранов, отчего те бесятся и, растоптав своих пастухов, бросаются на волю в леса, где их и поджидают «народные просветители», волки всех мастей.

Особенно мне хотелось пристрелить их вожака по кличке Вольтер, но ему всегда удавалось улизнуть, отчего я даже решил, что у него в родословной были лисьи.

Вы спросите: что же горемычным баранам делать? Не знаю! Когда они темны и необразованы, – их жрут их же хозяева, а когда их просвещают волки типа Вольтера, которые любят баранину вообще, но терпеть не могут индивидуальных баранов, то вольтеры эти при всякой возможности несчастных баранов любезно и загрызают.

Так или иначе, мы возвращались с охоты и были во вполне приподнятом настроении. На одном малюсеньком полустанке к нам присоединился премилейший пассажир. Мужчина средних лет, он был одет в платье деревенской девочки, в руках у него была корзинка с гостинцами для бабушки, а на голове

красовалась красная шапочка. Ба, да это же Жан-Жак Руссо! — внезапно осенило меня. Видимо, прослышав про нашу охоту на вольтеров, он решил наконец навестить свою бабушку... Вот мы с ним и встретились.

Жан-Жак Руссо, завидев нас, подошел и приветливо поздоровался.

— Спасибо вам за вашу работу, охотники, — сказал Руссо.

— Так не за что, чего уж там, ни одного волка не пристрелили, только, кажись, Вольтеру слегка ухо пулей царапнули.

— Ах, Вольтер, Вольтер, — загрустил Руссо. — Этот волк, пресыщенный славой и живущий в роскоши, видит на земле только горе; я же,

безвестный и бедный, нахожу, что все не так уж плохо.

— В этом состоит ваше единственное разногласие? — уточнил я.

— О нет, — грустно улыбнулся Руссо. — Отношения наши обострились, когда я в «Письме о зрелищах» сильно восстал против введения в Женеве театра, а Вольтер, живший близ Женевы и развивавший, посредством своего домашнего театра в Ферне, вкус к драматическим представлениям среди женеvцев, понял, что письмо направлено против него и против его влияния на Женеву. Не знавший меры в своем гневе, Вольтер возненавидел меня и то глумился над моими идеями и сочинениями, а то выставлял меня сумасшедшим. Наконец, он издал анонимный памфлет, обвиняя меня в намерении ниспровергнуть женеvскую конституцию и христианство.

— Вот злобная бестия! — сказал я и поправил ремешок, на котором висело охотничье ружье.

— Ой, я, нужно сказать, не лучше. Я до сих пор не могу себе простить, что эти жлобы устроили на основе моих идей Французскую революцию. Я ничегошеньки такого не имел в виду, — разоткровенничался Руссо. — Когда Франция впала в агонию и Людовик Шестнадцатый созвал Генеральные штаты, то всем избирателям было предоставлено право начертать план новой, лучшей организации для Франции. По всей стране прошел клич: «Франция не обладает государственным устройством!» Французы решили заключить новый договор между собой и

королем. В это время мой труд «Общественный договор» (Contrat social) был во всех руках, его обсуждали во всех кофейнях, Марат толковал его на гуляньях! А дальше – кровь, кровь, кровь... А потом снова кровь. Я ненавижу ту часть французского народа, которая послушно стала орудием якобинского владычества, – чернь отупевшую, бестолковую, подстрекаемую смутьянами, способную лишь продать себя, предпочитающую жалкий хлеб истинной свободе.

Все, что я хотел сказать в «Общественном договоре», – что человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Я не имел в виду, что вместо оков его нужно бросить под гильотину! Я всегда был против плана начать с разрушения всего существующего, ведь кому неизвестно, как опасен в большом государстве момент анархии и кризиса, предшествующий установлению нового строя? Уже одно введение в дело выборного начала должно повлечь за собой страшное потрясение и скорее произвести судорожное и непрерывное колебание каждой частицы, чем придать силу всему телу... Если бы даже все преимущества революции были бесспорны, то какой здравомыслящий человек дерзнул бы уничтожить древние обычаи, устранить старые принципы и изменить ту форму государства, которая постепенно создавалась длинным рядом тринадцати веков?..

– И вас, робкого милейшего человека и мнительного гражданина, провозгласили Архимедом, выбившим Францию из ее вековой

колеи! – воскликнул я. – И рычагом послужил ваш «Общественный договор» и выведенный из него принцип неотчуждаемого, нераздельного и непогрешимого народовластия! Увы, исход из роковой дилеммы, наступившей для Франции весной 1789 года – «реформа или революция», – обуславливался решением вопроса, сохранится ли законодательная власть правительства или безусловно перейдет к Национальному собранию. Вопрос этот был предreshен вашим трактатом – тем глубоким убеждением в святости догмата народовластия, которое вы во всех вселили. Убеждение было тем глубже, что оно коренилось еще в другом принципе, проводимом вами, – в принципе отвлеченного равенства.

– Вы знаете, я – человек робкий и впечатлительный до болезненности, – прошептал Руссо. – Я не желаю и неспособен выступать в энергической деятельной роли и всегда руководствуюсь теорией невмешательства в чужие дела и страдания. Я люблю всех людей, и потому что люблю, я бегу от них; я меньше страдаю их страданиями, когда их не вижу.

– Боже мой, я могу подписаться под каждым вашим словом, – почему-то тоже зашептал я.

– У меня нет и не было благоговения к исторически сложившимся формам государственности, но я всегда признавал роковой характер всякой разрушительной катастрофы. Какой смысл удалить занозу из зада крестьянина, при этом отрубив ему голову? Я отвергаю самый принцип террора, ибо приносить в жертву

невинного для спасения толпы — один из наиболее отвратительных принципов тирании!

— Увы, но вы не осознаете, что народ баранообразен? — восторженно воскликнул я. — Дело ведь не только в испорченном верхнем слое общества, которому можно было бы противопоставить идеализированный «народ».

— Для меня народ есть масса, живущая инстинктами и не попорченная культурой, — плоть и кровь возбуждают чувства и страсти. Я отождествляю народ с человечеством (*c'est le peuple qui fait le genre humain*), а то, что не входит в состав народа, так ничтожно, что не стоит труда его и считать. Под народом разумеется та часть нации, которая живет в общении с природой, в близком к ней состоянии: деревенский народ (*le peuple de la campagne*) составляет нацию!

— Милый мой Руссо, — прослезился я, — это ваше представление о добром, чувствительном и угнетенном человеке, которое вы перенесли на грубый и разрушительный народ, создав идеальный тип добродетельного бедняка (*le pauvre vertueux*), каковой и есть на самом деле законный сын природы и истинный господин всех сокровищ земли, — это, к сожалению, очень опасная иллюзия. Я совершенно с вами согласен, что «богатые должны кормить тех, кто не может содержать себя ни своим имуществом, ни с помощью труда», но обожествление нищенства обойдется всем очень дорого. Именно этот ваш непростительный сентимент и сделал вас

духовным руководителем Французской революции... и всех последующих революций.

– Ах, теперь я уж и сам понимаю, что моя слабость обошлась дорого... – добродетельный внук голодной бабушки утер слезу девическим платочком, – но ведь основная вина все же на тех «лжепросветителях», которые вместо истинного и доброго учения заразили души и головы людей жестокостью, невежеством и развратом. Такое просвещение вредно, и самая такая культура есть ничто иное, как ложь и преступление. Я противник формулы Декарта: *cogito – ergo sum*; в размышлении, в осознании себя посредством мысли я не вижу основу жизни, доказательство ее действительности, ее смысла. Чувства – вот что является основой всего, ибо *exister, pour nous – c'est sentir*, в чувстве заключается суть и смысл жизни. Я чувствовал раньше, чем мыслил; таков общий удел человечества; я испытывал это сильнее других. Чувство не только предшествует разуму, оно и преобладает над ним: если разум составляет основное свойство человека, чувство им руководит... Если первый проблеск рассудка нас ослепляет и искажает предметы перед нашими взорами, то потом, при свете разума, они нам представляются такими, какими нам с самого начала их показывала природа. Страдание снова, как в средние века, становится основной нотой человеческой жизни. Страдание – первый урок жизни, которому научается ребенок; страдание есть содержание всей истории человечества. Такая чуткость к страданию, такая болезненная отзывчивость на него есть

сострадание. Сострадание — в моих глазах естественное, присущее природе человека чувство; оно так естественно, что даже животные его ощущают. Умеряя себялюбие, жалость предохраняет от дурных поступков: пока человек не будет противиться внутреннему голосу жалости, он никому не причинит зла.

— Но отчего же вы ставите жалость в антагонизм с рассудком? — удивился я. — Мне кажется, истинный разум должен прийти к состраданию как логическому выводу, основанному если не на некой выгоде, так на философских рассуждениях о пользе созидания и вреде разрушения...

— О нет, милостливый государь, — возразил Руссо и поправил на своей макушке красную шапочку, явно отобранную им у какого-то завалящего кардинала. — Разум порождает себялюбие, размышление укрепляет его; оно отделяет человека от всего, что его тревожит и огорчает. Философия изолирует человека; под ее влиянием он шепчет при виде страдающего человека: погибай, как знаешь, — я в безопасности!

— Я совершенно согласен с вами, что благие чувства должны быть возведены в высшее правило жизни, отрешенное от размышления, однако разум необходим для того, чтобы чувства обладали способностью что-то менять в этом мире. Вы не противитесь подчиненной роли разума? — заинтересованно спросил я.

— Пожалуй, что и не противлюсь, но, к сожалению, разум слишком разумен, чтобы

подчиняться чувству. Не является ли это, мусье Кригер, утопией? Не является ли это неразрешимым противоречием? – воскликнул Руссо несколько взволнованно.

– Ну, без некоторых противоречий никак не обойтись. Вы и сами выступаете обличителем театра, но пишете для него. Прославив «естественное состояние» и заклеив позором общество и государство, как основанные на обмане и насилии, вы провозглашаете «общественный порядок священным правом, служащим основой для всех других». Постоянно воюя против разума и размышления, вы ищете основы для «закономерного» государства в самом отвлеченном рационализме. Ратуя за свободу, вы признаете единственную свободную страну вашего времени, Швейцарию, – несвободной. Вручая народу безусловную верховную власть, вы объявляете чистую демократию неосуществимой мечтой. Избегая всякого насилия и дрожа при мысли о преследовании, вы водружаете во Франции знамя революции...

– В чем же вы видите выход из этого адского круга противоречий? – с надеждой спросил Руссо.

– Я думаю, вы и сами нашли его, мой милый Жан, – ответил я и незаметно спер один из предназначенных бабушке пирожков. – Решение в том, как нужно воспитывать детей, потому что взрослую чернь перевоспитать уже невозможно. Потому что матерого волчару Вольтера вразумлять бесполезно... Вы сами нашли это

решение. За многие века образование и воспитание не только не улучшились, но, я бы сказал, и вовсе пришли в полный упадок. Ранее обращение с ребенком всецело вытекало, так сказать, из понятия репрессии, а обучение заключалось в безалаберном вколачивании определенного рутиной количества мертвых сведений. Теперь же дети и вовсе предоставлены сами себе, и растет из них чернь еще похлеще прежней.

– Да. Да! Конечно! – обрадовался Руссо. – Ребенок – дар природы, он и есть самый что ни на есть «естественный человек», а семья есть одно из самых древних обществ; задача воспитания – развить вложенные в него природой задатки, помочь ребенку усвоить себе необходимые для жизни в обществе знания, принаравливаясь к его возрасту, и научить его какому-нибудь делу, которое бы ему нравилось и которое помогло бы ему встать на ноги. Необходимо, чтобы ребенок воспитывался в семье. И не следует преждевременно начинать обучение, следует изыскивать способы приохотить самого ребенка к учению, развивать в нем любознательность и наводить его на необходимые для него понятия! Следует быть мудрым относительно наказаний – они должны быть естественным последствием поведения ребенка, а отнюдь не представляться ему делом чужого произвола и насилия над слабым!

– Как ни странно, именно в этом и лежит разгадка наших с вами противоречий, – обрадовался я. – Дело в том, что если не всякому

человеку суждено стать родителем или состариться, то всякому суждено быть ребенком. И, таким образом, все, абсолютно все зависит от того, как миллиарды людей будущего будут воспитаны.

– Но тут без Божьей помощи не обойтись, – задумчиво признал Руссо. – По природе своей я был всегда восприимчив к религии, но мое религиозное воспитание было запущено; оно легко поддавалось противоречивым влияниям. Лишь в общении с ярыми атеистами я выявил, наконец, свою точку зрения. Природа и тут была моей исходной точкой, и природу в этом случае представляло для меня внутреннее чувство. Это чувство говорило мне внятно о том, что в мире есть и разум, и воля, и, таким образом, мне никогда не требовалось доказательство существования Бога.

– Не могу с вами не согласиться, – поддержала беседу Анюта (она же Маськин), незаметно подложив Руссо в корзинку хачапури* собственного изготовления в компенсацию за съеденный мной пирожок.

* Хачапури очень много значит в жизни кавказца, в частности, грузина. Если давать краткую характеристику хачапури, то его можно назвать просто пирогом с сыром. Привожу рецепт. Необходимые продукты: тесто слоеное – 250 гр. (но использовали только половину), сыр – 300 гр., масло сливочное – 3 ст. ложки, яйцо сырое – 1 шт. Приготовление: маленький кусочек теста раскатать. В серединку, смазав сначала взбитым яйцом, кладем начинку: тертый сыр и сливочное масло. Потом края теста загибаем, как конверт, переворачиваем и еще раз несильно раскатываем – до 1 см толщиной. Сверху смазываем взбитым яйцом. Готовый квадратик – на противень, смазанный подсолнечным маслом. И в горячую духовку (200–220 градусов) на 20–25 мин. Пальчики оближете!

– И волчара Вольтер – деист, – загрустил Руссо, не замечая наших махинаций с его корзинкой, – но естественная религия Вольтера держится на рационалистических аргументах. Я, главным образом, руководствуюсь доказательством чувства; для меня деизм – живое, непосредственное убеждение. На этом же основана и моя вера в бессмертие души; я живо ощущаю в себе свободу воли как самобытную, творческую силу. К этому присоединяется нравственное начало, которое происходит из совести. Что инстинкт для тела, то совесть для души!

– Опять же не могу с вами не согласиться, – громко сказала Аня (она же Маськин) и подсунула еще один пирожок с сыром в корзинку Руссо, потому что у нее болела совесть за мой наглый поступок, лишивший бабушку Руссо ее законного угощения.

– О совесть, совесть, бессмертный и небесный голос, верный руководитель относительно добра и зла, делающий человека подобным Богу! – заявил торжественно Руссо, и я подумал, что, пожалуй, нам не обойтись без мессий, просто не нужно их:

1. Распинать буквально и в переносном смысле.
2. Заключать в сумасшедший дом, тюрьму и прочие места лишения рассудка и свободы.

3. Игнорировать или исказить сказанное ими.

В этих трех рекомендациях и заключаются мои основные советы мировому баранству... Ой, извините, я хотел сказать – человечеству...

Глава тридцать девятая

Чем я не угодил Сартру

Руссо вышел на станции близ деревни, где проживала его бабушка. «Интересно, какая она, бабушка Руссо?» – подумал я. Не найдя никакого подходящего образа на роль бабушки Руссо, я с позволения Маськина удалился в тамбур покурить. Пожалуйста, обратите внимание. Я не курю. Во всяком случае, по моей страховке жизни мне можно курить только одну большую сигару в неделю. Так что если кто-нибудь попытается использовать мое признание на этой странице, что я-таки курю, – не извольте беспокоиться. Вы сообщите в своем рапорте, что, мол, Борис Кригер сам признался, что вышел покурить в тамбур после разговора с Жан-Жаком Руссо в униформе Красной Шапочки. Я думаю, вам будет обеспечено уютное место в психиатрической лечебнице, и вашу работу в страховой компании доделает менее литературно просвещенный мудальён*.

В тамбуре меня ожидал сюрприз: присев на корточки по-тюремному и держа обкусанный чинарик огоньком внутрь, в тамбуре плакал Вольтер. Его овечья шкурка по-несчастному сползла на грязный пол, и волчья морда совершенно не вызывала отвращения.

Я понял, что Вольтер подслушал наш разговор с Руссо и теперь ужасно обиделся. Я и сам чувствовал себя скверно из-за того, как в пылу охоты на волков обложил несчастного Вольтера...

«Obligez-moi... obligez-moi... – обложили меня, обложили...»* – плакал Вольтер.

«О Боже мой, что же я наделал! – подумал я. – Ведь при всем при том, Вольтер хоть мужик и с загибами, но автор хороший, и вообще я должен признаться, что французский учил, читая именно его... Нехорошо, надо извиниться».

– Уважаемый Франсуа-Мари Аруэтович, – обратился я к Вольтеру. – Вы меня, пожалуйста,

* Непереводимый французский фольклор.

* Автор пытается пошутить, пользуясь созвучностью французского слова *obligez-moi*, обозначающего «обяжи меня», с русским словом «обложили». Более того, автор использует строку из знаменитой песни Владимира Высоцкого «Охота на волков», намекая на загнанное состояние души великого французского мыслителя после того, как ему стало известно о несправедливом отношении автора к нему. Вольтер, безусловно, довел бы автора до сумасшедшего дома или до тюрьмы, но, к сожалению, умер и не может осуществить этого справедливого возмездия. Редактор пользуется случаем заявить, что не разделяет мнения автора по поводу Вольтера, да и по многим другим поводам. Поэтому редактор просит г-на Вольтера не распространять его опасную месть на редактора, если вдруг окажется, что г-н Вольтер и с того света горазд пакостничать. [Прим. редактора.]

простите, что я в пылу охоты поцарапал вам пулей ухо.

– Да иди ты! – злобно сплюнул сквозь зубы Вольтер. – Ладно бы только ухо, а то перед кем унизил! Перед этой... стыдно сказать... Красной Шапочкой!

– Мне действительно неудобно, – сделал я вторую попытку извиниться.

– Ты хоть знаешь, кто у этой Красной Шапочки бабушка? – еще более презрительно произнес Вольтер, загасил чинарик и вытер слезы.

– Нет, позвольте полюбопытствовать...

– Старуха Лейбниц, – отрезал Вольтер.

– Да что вы говорите! – воскликнул я... – И что же, вы, в соответствии со сказочной традицией, должны Лейбница схавать и вместо него в кроватку лечь?

– Ты что, Боря, совсем рехнулся? – строго спросил Вольтер, и я пожалел, что оставил охотничье ружье в вагоне.

Меня спасло появление контролера. В его чертах я не сразу признал Жан-Поля Сартра.

– Билетики, товарищи, предъявляем билетики! – загнусавил Сартр.

На мое удивление, Вольтер сразу предъявил свой волчий билет, а вот со мной вышла заминка, ибо билет я оставил у Анюты (она же Маськин) в вагоне, и посему я был препровожден под надзором Сартра к своим личным вещам, с целью осмотра моего билета. Сартр практически сразу придрался к Маськину за его заячьи уши, заявив, что у типа с такими ушами не может быть билета

и что даже с билетом подобный тип будет ездить зайцем. На этом основании Сартр потребовал уплатить штраф в размере трехсот франков, что мне показалось почти так же несправедливо, как и все, что я наговорил о Вольтере. Но потом меня осенило. А не Вольтер ли его подослал? Он ведь тот еще хитрюга. Я заволновался, что Вольтер все это подстроил для того, чтобы меня задурить, а сам спрыгнул с поезда вблизи от домика бабушки Руссо. Конечно, я ведь охотник и являюсь единственной надеждой на спасение Лейбница, которого собирается слопать Вольтер.

– Послушайте, – заговорил я с Сартром, – я, конечно, понимаю, что вы честный и неподкупный, от Нобелевской премии отказались, я бы не смог...

– Это почему бы вы не смогли? – заинтересовался Сартр, которого вся эта история про его Нобелевскую премию очень возбуждала. Ведь сколько было и есть на свете нобелевских лауреатов... А сколько из них отказались от Нобелевской премии? Есть от чего возбудиться. Поступочек под стать Джордано Бруно, только без ожогов.

Я встал в гордую позу человека, отказывающегося от Нобелевской премии, и строго заявил:

– Я не мог бы отказаться от Нобелевской премии потому, что мне никто ее не даст. Ведь невозможно отказаться от того, чего тебе не дают? Я ведь не подпадаю под определение «За богатое идеями, пронизанное духом свободы и

поисками истины творчество, оказавшее огромное влияние на наше время».

Сартр задумался.

– Вы знаете, почему я отказался? Мой отказ вовсе не необдуманное действие, поскольку я всегда отклонял официальные знаки отличия. Когда после Второй мировой войны, в 1945 году, мне предложили орден Почетного Легиона, я отказался от него, хотя у меня и были друзья в правительстве. Я никогда не хотел вступать в Коллеж де Франс, как это предлагали мне некоторые из моих друзей.

В основе этой позиции лежит мое представление о труде писателя. Писатель, занявший определенную позицию в политической, социальной или культурной области, должен действовать с помощью лишь тех средств, которые принадлежат только ему, то есть печатного слова. Я хорошо понимаю, что сама по себе Нобелевская премия не является литературной премией Западного блока, но ее сделали таковой, и посему стали возможными события, выходящие из-под контроля шведской Академии.*

– Ну что ж, очень солидная отмазка, – надул щеки я; Маськин тоже надул щеки и стал даже немножко посвистывать. – Вы лишили себя счастья быть в прекрасном обществе Арафата, например, лауреата Нобелевской Премии мира.

* Заявление, сделанное Сартром в Париже шведским журналистам 23 октября 1964 г. Публикуется по изданию: «Почему я отказался от премии» // За рубежом. 1964. № 45. 6 ноября.

Хотя, конечно, конечно, премия по литературе совсем другое дело. Может, вы нас отпустите, там Вольтер побежал жрать Лейбница, и я боюсь за основы современного научного мировоззрения. Вы ведь не считаете, что у Вольтера на это есть полное право. Научный рационализм ведь был подсказан именно Лейбницем. Но тот же самый Лейбниц разработал учение о монадах – восходящей последовательности неделимых духовных единиц, каждая из которых управляет определенным фрагментом видимого мира. Однако монадологией Лейбница пренебрегли, а идею чисто логического познания безо всяких дополнительных обоснований или подтверждений приняли за абсолютно верную. Как видите, поведение идеологов, выступающих от имени науки, похоже на поведение гоголевского Головы из повести «Майская ночь, или Утопленница». Когда писарь начал читать «Приказ голове Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый ду...», он закричал: «Стой, стой! Не нужно! Я хоть и не слышал, однако ж знаю, что главного тут дела еще нет. Читай дальше». Их обращение с научным материалом такое же: что им приятно слышать, они слышат, а если что-то им не нравится, они притворяются глухими или кричат: тут главного нет!

— Вы к чему это клоните? — подозрительно спросил Сартр.

— Я к тому клоню, что как бы ни был талантлив ученый, ему все равно заткнут рот. Возьмут то, что надо на сегодняшний момент, а остальное выбросят на свалку истории. Я не знаю, насколько вы были увлечены квантовой физикой, но вам должно быть известно, что открытая в 1927 году Дэвиссоном и Джермером дифракция электронов показала, что у частиц нет определенных траекторий, а принцип неопределенности Гейзенберга отменил само понятие частицы как объекта, локализованного в

пространстве и имеющего определенную скорость. И это привело к такому взгляду на окружающую действительность, который противоположен прежнему не в каких-то деталях, а в самом своем существе. Речь идет уже не о поправках, а об отмене предыдущей концепции. Такую постановку вопроса нельзя сгладить разговорами о какой-то диалектике или о необходимости синтеза двух точек зрения, ибо, как сказал Фейнман, у нас нет двух миров – квантового и классического, – нам дан один-единственный мир, в котором мы живем, и этот мир квантовый. Тут невольно вспоминаются космологические представления индуизма, согласно которым материя есть род иллюзии. Не будем сейчас вдаваться в анализ понятия материи как философской категории, но если говорить о том, что физики называют наблюдаемым, то индусы, пожалуй, правы.

– Пожалуй, в этом есть немало резона, – задумчиво произнес Сартр. – Суть всякого материализма я усматривал в том, что люди анализируются как вещи, предметы, совокупность определенных реакций, в принципе не отличающейся от совокупности качеств и явлений, благодаря которым существуют стол, стул или камень. Материализм хочет уравнивать человека с камнями, растениями, червями, превратить его не более чем в сгусток материи. Материю же я наделяю негативными характеристиками: она есть «отрицание», «постоянная угроза нашей жизни», «колдовская материя», которая искажает, уродует

человеческие действия. Материальность вещи или инструмента есть радикальное отрицание изобретения и творчества. И хотя материальная детерминация для человека неизбежна, из этой детерминации проистекает безысходный трагизм человеческого существования.

Вместе с тем я не могу согласиться и с трансценденталистами (в частности, с феноменологами), которые просто предложили «вынести за скобки» все материальное, вещное, объективное. В философской онтологии, таково мое мнение, исходным должно быть не отгороженное от мира, не «порождающее» мир бытие-сознание, но бытие, которое обладает онтологическим первенством перед сознанием. Вместе с тем надо найти такую точку отсчета, благодаря которой преодолевался бы дуализм трансцендентного (то есть независимого от сознания) бытия и сознания.

– Ловко сказано, – насупился я, – но как же все это облегчит нашу жизнь, которую вы столь клеймите?

– А как не клеймить? Ведь не лучше обстоит дело и с миром человеческих мыслей. Мысли – вот от чего особенно мучительно... Они еще хуже, чем плоть. Тянутся, тянутся без конца, оставляя какой-то странный привкус. Я против декартовского *cogito*, которое выписано как ощущение всяким человеком неразрывности «я мыслю» и «я существую», оборачивающееся, однако, еще одним глубоким болезненным надрывом, к примеру: эта мучительная жвачка – мысль: «Я СУЩЕСТВУЮ», ведь пережевываю

ее я, Я сам. Тело, однажды начав жить, живет само по себе. Но мысль – нет; это я продолжаю, развиваю ее. Я существую. Я мыслю о том, что я существую!.. Если бы я мог перестать мыслить! Моя мысль – это я; вот почему я не могу перестать мыслить. Я существую, потому что мыслю, и я не могу помешать себе мыслить. Ведь даже в эту минуту – это чудовищно, – я существую ПОТОМУ, что меня приводит в ужас, что я существую. Это я, Я САМ извлекаю себя из небытия, к которому стремлюсь: моя ненависть, мое отвращение к существованию – это все различные способы ПРИНУДИТЬ МЕНЯ существовать, ввергнуть меня в существование. Мысли, словно головокружение, рождаются где-то позади, я чувствую, как они рождаются где-то за моим затылком... стоит мне сдать, они окажутся передо мной, у меня между глаз, – и я всегда сдаюсь, и мысль набухает, набухает, и становится огромной и, заполнив меня до краев, возобновляет мое существование...

– Странно: то, что мне доставляет наивысшее наслаждение, моя способность мыслить, вам доставляет истинную муку. Как же вы можете желать перестать мыслить? А, понимаю... Я тоже так себя ощущал до того, как начал лечиться от невроза... – начал было я свою любимую тему.

– Не в неврозах дело, – раздраженно оборвал меня Сартр. – Человеку не следует питать никаких иллюзий. Свобода – не высший и счастливый дар, а источник страданий и призыв к ответственности. На свободу человек обречен. Смысл экзистенции как сущности человека – в

том, чтобы выдержать, выстоять, все-таки состояться в качестве человека.

– Я с вами отчасти согласен, но мне кажется, этот ваш пафос может принести больше вреда, чем пользы... – снова заговорил я, и вновь был прерван несостоявшимся владельцем 250 тысяч крон из Нобелевского фонда.

– Конечно, есть люди, которые спасены вдохновением и творчеством от греха существования. Возможно, вы мните себя таким, – грубо обрезал Сартр.

– Не будем опускаться до словесной перепалки, тем более что поезд уходит все дальше, а Лейбница мне действительно надо спасти, он хороший, а Вольтер на него зол. Лейбниц решает проблему противоречия между представлением о благодати и всемогуществе Бога и несовершенствами, существующими в мире, тем, что считает, что Бог сотворил «наилучший из возможных миров», ибо существование такого мира лучше, чем его несуществование. Бог не творит зло, а лишь допускает его существование в мире. Допущение зла необходимо и для того, чтобы человек мог обладать свободой воли, самостоятельно выбирая, совершать ему добрые или порочные поступки, неся ответственность за свой выбор. Как раз той самой свободой, которую вы, Жан-Поль, заклеили.

– Я выступаю против тех, кто полагает: отрицание существования Бога, явный или скрытый атеизм, ничего не меняет и в повседневном поведении человека, и в его бытии. На самом деле атеистические

предпосылки – а я их принимаю, – коренным образом меняют трактовку жизни и человека. Помните у Достоевского: «Если бог не существует, [значит] все позволено»? Для экзистенциализма это отправной момент. Человек свободен, он и есть свобода. Нет ничего ни над нами, ни перед нами в светлом царстве ценностей, нет оправдания и извинения за содеянное нами. Мы одиноки и покинуты. Человек, снова и снова повторяю я, приговорен быть свободным. Индивид должен выбирать свою сущность независимо от того, как сложатся обстоятельства или как поступят другие, в том числе и близкие по устремлениям, люди. Ссылки на обстоятельства не должны затемнять наших выбора и ответственности. Человек существует только тогда, когда реализует себя, свой экзистенциальный проект; и он ничто, кроме суммы своих действий, ничто, кроме результатов, к которым уже привела или приведет его жизнь.

– Давайте, Жан-Поль Эмарович, считать, что на сегодняшний момент наш с Маськиным экзистенциальный проект – спасти Лейбница, – твердо сказал я, глядя Сартру прямо в глаза.

– Ну, хорошо, – согласился Сартр, – идите, ловите своего волка-Вольтера, спасайте вашу бабушку-Лейбница, не давайте обижать ее внучка – хлюпика Руссо. В этом, по всей видимости, и состоит ваш свободный выбор. А вы, гражданин, – напоследок строго обратился Сартр к Маськину, – с такими ушами больше в поезд не суйтесь...

– Хорошо, хорошо, – весело согласился Маськин и дернул за стоп-кран; поезд остановился, и мы помчались осуществлять свой особый, сознательно и свободно выбранный экзистенциальный проект.

Глава сороковая

Как я бегал по леснице Маслоу

Сойдя с поезда, мы практически сразу нашли тропинку с указателем к бабушке Красной Шапочки:

*à la maison du grand-mère
du chapeau rouge**

Пробежав где-то с полкилометра, мы ворвались в маленький домик, дернув за веревочку, – поскольку в результате этого простого, можно сказать, ставшего уже ритуальным действия дверь и открылась. Я вскинул ружье и оглядел комнату. Картина, представшая перед нашими глазами, была настолько неожиданной, что мы остановились, как вкопанные. Если бы мы увидели там Непорочную Деву Марию, продающую соленые огурцы для уже совсем беременных или противозачаточные средства для тех, кто еще слегка, я думаю, мы бы удивились меньше. Дело

* К дому бабушки Красной Шапочки (*фр.*).

в том, что в маленькой гостиной сидели Руссо, Лейбниц и Вольтер и мирно играли в подкидного дурака...

Я понял, что в этот момент мой экзистенциальный проект полностью провалился, и ощутил вполне всю тяжесть слов Сартра о свободе выбора, которой проклят маяться человек. Было совершенно ясно, что эта компания хорошо спелась и что ссорилась она только на публике, а между собой втихаря давно уже все разногласия устранила, и я оказался совершенно ни при чем.

Я извинился и вышел, забыв свое любимое охотничье ружье. Маськин последовал за мной.

Мне стало совершенно незачем жить, и я как бы остался у разбитого корыта.

Вольтер вынес мое ружье и, заботливо выдохнув очередной клуб табачного дыма мне в лицо, сказал:

— Ладно, не расстраивайся. Еще успеешь спасти мир. Он настолько придурочный, что, я думаю, шансов еще представится немало. А пока вот лучше сходи на аттракцион, тут недалеко. «Лестница Маслоу» называется. Американская штука, барская, век воли не видать... — Вольтер протянул нам билетики, а я даже прослезился, настолько мне было неудобно, что я дурно отзывался об этом человеке. Вольтер взял с нас всего по трешке за билет, почти по номиналу, что было недорого, если принять во внимание, что Вольтер все жизнь увлекался театром и спекулировал театральным билетами вполне

профессионально. Сердечно поблагодарив Вольтера, мы отправились на аттракцион.

Предъявив билетик на входе, мы взошли на первую ступень лестницы потребностей Маслоу, где нас плотно покормили, тем самым удовлетворив наши базисные потребности.

На второй ступени нам нахлобучили по военной каске и противогазу, тем самым удовлетворив нашу потребность в безопасности.

На третьей ступени нам предложили погладить друг друга по голове, одетой в каску и противогаз, и объясниться в любви, чем и удовлетворили потребность в оной.

На четвертой ступени нас все поприветствовали и похлопали по плечу, удовлетворив тем самым нашу потребность быть принятыми в обществе. Причем на первых ступенях с нами было немало животных, в частности, кроликов и котов, а вот на следующей, пятой ступени остались только люди. Там удовлетворяли потребность в знаниях, и нас попросили зазубрить два псалма из учебника квантовой физики.

На шестой ступени нам подарили по цветочку, удовлетворив тем самым потребность в эстетике; далее, на седьмой ступени, нам дали самореализоваться с помощью караоке, позволив поорать блатные песни благим матом.

Далее шла наивысшая площадка, откуда открывался отличный вид на весь лес; нам дали рупор, и мы с Маськиным прокричали на весь лес очень важные слова, которыми всех куда-то посылали, но вот куда, не помню или просто

стесняюсь вам сообщить. Таким образом мы помогли всем окружающим тоже в какой-то мере самореализоваться.

После этого нас быстро на лифте опустили вниз и вышибли пинком из аттракциона. Конечно, все было организовано аккуратненько и рассчитано на массового посетителя, хотя я считаю, что пинать под зад было совсем излишне, мы бы и так ушли. Но американский сервис всегда был навязчивым и с элементами насилия, поэтому удивляться не приходится.

Ну, а если серьезно, разве не по этой лестнице потребностей Маслоу я бегаю всю жизнь?

Сначала мне, признаться, действительно нечего было есть, и я работал на пропитание, потом сытость показалась мне недостаточной, и я побежал сломя голову, меняя страны и ища безопасный угол. Повсюду я таскал за собой свою Анютку (в гражданской жизни именуемую Маськиным), которая всегда окружала меня уютом и любовью, чем решала этот для многих других не решенный вопрос.

что можно изучать... Более того, недавно, не удовлетворившись чтением научных журналов, я решил посещать конференции по темам, которые меня интересуют, даже если я профессионально не имею к ним никакого отношения. Вот, с Божьей помощью, поеду на конференцию в Гарвард по поводу массивных черных дыр в центрах галактик. Эти вопросы меня всегда чрезвычайно интересовали. Потом летом поеду на конференцию по философии космологии в Монреаль. Я бы учился многому еще, кроме языков, но местные мои леса не могут предложить мне большое число интересных специалистов, и поэтому приходится довольствоваться изучением французского, китайского, немецкого и испанского. В следующем году, возможно, возьмусь за португальский, японский и итальянский. При этом надо как-то не забыть русский, английский и иврит.

Потребность свою в эстетике я удовлетворил сполна, потратив целое состояние на отделку собственного жилища... и купив новый галстук, а также енотовую шапку с хвостом. Не смейтесь, шапка действительно очень красивая. (А вы что, и правда подумали, что я енота сам пристрелил?)

Ну, а самореализации у меня хоть отбавляй — чем самороман вам не самореализация?

Увы, не так все просто...

В чем же на самом деле заключается мой экзистенциальный проект? Ведь, помните, Сартр в вагоне нам сказал, что человек существует только тогда, когда реализует себя, свой

экзистенциальный проект; и он ничто, кроме суммы своих действий, ничто, кроме результатов, к которым уже привела или приведет его жизнь...

Конечно, можно спорить, что не в результате дело, а в процессе. Можно долго разглагольствовать об иллюзиях. Но – а все-таки? В чем же состоит смысл моего существования? Пусть ответом будет очередная иллюзия, но что-то же надо ответить?

Если я все еще вам не надоел, то, с вашего позволения, в следующей части этого нескончаемого саморомана я попытаюсь разобраться, в чем же заключается мое простое ремесло...

Часть пятая

Мое простое ремесло

Глава сорок первая

Как я стал полomoйщиком

Необходимость мыть полы преследовала меня с детства. В моей семье считалось, что дети должны активно помогать по дому, а поскольку жили мы небогато и такие буржуазные штучки, как «прислуга», никому и в голову не могли прийти, то едва я подрос, как мне вручили швабру, половую тряпку, ведро и благословили на пожизненное мытье полов.

Не знаю почему, но против этой размеренной и, безусловно, важной домашней обязанности восставало все мое близорукое существо. Я действительно не видел грязи на полу, впрочем, как и букв на классной доске, но то, что я страдаю близорукостью, выяснилось лишь классу к третьему-четвертому. К этому времени я зарекомендовал себя как полный придурок, который не может прочесть с доски, переписать домашнее задание и, что уж совсем ни в какие ворота не годилось, неспособен даже как следует вымыть пол. Квартира у нас, на беду, была по советским меркам огромной. Длиннющий коридор тянулся на четырнадцать метров, покрыт он был белым линолеумом, который со

временем почему-то порозовел и стал пузыриться. Не менее неприятной была и необходимость мыть полы на кухне. Так или иначе, в семье я прослыл лентяем, а в школе – идиотом.

Когда мне было то ли тринадцать, то ли четырнадцать лет, я подрачился на свою первую работу. Отгадайте, в чем заключались мои должностные обязанности? В мытье полов и лестниц в подъезде. Я сначала прошелся-таки шваброй пару раз по мучительным ступенькам четырехэтажного дома, но когда в один прекрасный день наткнулся на ужасающую кучу посреди лестничной клетки то ли второго, то ли третьего этажа, я больше в подъезд со шваброй не ходил, потому что от одной мысли о приближении к этой куче меня тошнит даже теперь, через двадцать с лишним лет после этого знаменательного события.

Однако первую зарплату в размере энного количества рублей мне уплатили, и я, как водится, отдал ее маме, купив ей подарок – металлический кувшинчик индийского производства. Это было семейной традицией, ибо мама купила с первой зарплаты своим родителям небольшую статуэтку безрукой Венеры Милосской, которая простояла все мое детство и юность на книжном шкафу в столовой.

Моя вторая работа была тем же летом – в больнице санитаром. Необходимо было ехать на совершенно другой конец города, на улицу Байдукова, остановка Семь Ключей, и после полчаса прогулки я прибывал в пропахшую лизолом и хлоркой больницу. Там мне выдали – тряпку, швабру и ведро.

Снова потянулись мои поломойные будни, и в моем едва начинавшем проклевываться сознании появилось смутное, но стойкое впечатление, что мир определил мне вполне четкую и внушительную функцию – мытье полов. Последующие факты моей неприхотливой биографии только подтверждали это мое юношеское опасение. Жизнь не сулила ничего, кроме сизифова труда, коим является любая уборка. Только помоешь – опять все напачкают, опять помоешь – снова все натопчут... Таким образом, продукт труда моего становится не то что никчемным, а просто призрачным и недолговечным, как и вся моя жизнь.

Я искренне тосковал и смотрел на волю; в окно больницы на улице Байдукова был виден зеленый лес, и я подолгу засматривался на эту картину, страстно мечтая вырваться на свободу и туда... Однажды я позволил себе такое приключение, я ворвался в этот лес и сел под дерево, задрал голову и наблюдая тихо плывущие меж хвойных ветвей облака. Мое созерцание прервала какая-то бабка, по-видимому, собиравшая грибочки с романтическим названием «сморчки».

– Ты чо здесь разлегся? – приветливо спросила она и, потрогав меня носком своего, кажется, мужского ботинка, осведомилась: – Живой?

Я очнулся, мне было неловко; я, не объяснившись, ретировался на трамвайную остановку и более сей лес не посещал.

Мир встретил меня совершенно странным образом. Ему не были нужны ни мой ум, ни творческий порыв, ни мои идеи... Он полагал, что мое предназначение – мыть полы, ковырять землю лопатой и, едва мне исполнится восемнадцать, отправиться в армию, где мне, полному очкастому мальчику, показали бы всю правду жизни в полном, так сказать, объеме, достаточно искалечив битьем ногами преимущественно по голове, и тем самым избавили бы от излишка ума, творческого порыва и ненужных идей.

Вы знаете, как только я понял намерения этого мира, я восстал. Да-да, восстал. Конечно, не против родителей, я их слишком боялся и мыл пол дома без особого ропота, но против армии я

восстал и стал скрываться от военкомата вполне сознательно и, я бы даже сказал, профессионально.

Далее я уехал от всего этого кошмара в Израиль. Где, вы не поверите, мне выдали швабру и попытались призвать в армию.

– Да что же они все, с ума посходили? – подумал я, снова применяя тонкие методы конспирации против местного военкомата и кося от армии напропалую. Кстати, от израильской армии отмазаться оказалось еще сложнее, чем от советской. Это заняло у меня не меньше двух или трех лет.

Я даже шутил, что если меня призовут еще в какую-нибудь третью армию, например турецкую, то я, наверное, сдамся и уже не буду уклоняться...

Тихой сапой – вроде бы все законненько и все правильно, – окружающий мир вел себя настолько враждебным и недоброжелательным образом по отношению ко мне, что я никак не мог прийти в себя. Помощи от родителей ждать было нечего, ибо в Израиле старики становятся совершенно беспомощными. Итак, передо мной стоял вопрос, как выгнуть все по-своему.

Влюбился я рано, когда мне было семнадцать, еще в России. Анюте (впоследствии Маськину) было двадцать, она была несвободна, и в этом браке у нее был годовалый ребенок, так что шансов на счастье у нас не было никаких.

Кроме борьбы за право просто существовать, годы моей юности были опьянены горьким шармом борьбы за свою любовь, окончательно

разрешившейся, вы не поверите, только в этом году, через шестнадцать лет, когда Анютина дочка, удочеренная мной моя милая Кашатка, вместе со всей семьей наконец получила канадский паспорт.

Израиль не давал мне жениться на Анюте, выставял ее из страны, когда она приехала по моему приглашению. А когда через несколько лет они все-таки сдались перед свидетельством о браке, выданным нам парагвайским загсом, то все-таки отомстили тем, что ребенку не дали израильского гражданства. Она так во всех документах и значилась – «без гражданства».

Итак, цели окружающего мира были чрезвычайно просты:

1. Моя функция в жизни – мыть полы. Ах, ты еще закончил медучилище, чтобы поступить в мединститут? Ну, хорошо, хорошо, тогда мы доверим тебе работу медсестры – ты можешь гордо мыть зады больным и заворачивать трупы по ночам.
2. После использования меня в качестве поломойщика и задоподтирателя, я должен пойти в какую-либо армию мира, где мне свои наваляют хуже врагов, а там судьба покажет. Может, выживу отможенным на всю голову. А может, и погибну смертью не очень храбрых.
3. Жениться на той, кого любишь, мы тебе не дадим, даже не проси. Да и зачем тебе? Отмыв полы и погибнув или

отшибив мозги в армии, потом как-нибудь напоследок размножишься.

Мой ответ окружающему миру был тверд и прост:

А НЕ ПОШЕЛ ЛИ ТЫ НА Х...

И, как это ни покажется странно, всю свою жизнь я потратил на то, чтобы осуществить эту свою сверхзадачу-минимум, послать мир на х...

И только недавно мне это более или менее удалось.

Глава сорок вторая

Как я врачевал страждущих

Болезнь – есть ничто иное, как проклятие, с которым нам приходится мириться, смазывая его псевдоцелебными мазями и прочими лекарственными зловоньями. Врач во все времена рискует оказаться шарлатаном, ибо то, что считалось полезным всего каких-то несколько десятков лет назад, сегодня считается вредным и даже преступным. А завтра, возможно, снова окажется чрезвычайно современным и полезным.

Конечно, медицина не является пустым местом. Люди нынче живут гораздо дольше и болеют, казалось бы, меньше, во всяком случае, в более везучей части земного шара. Таблеточки

тоже нынче стали неплохими, проглотил – полегчало. Ну, а каковы отдаленные последствия от приема этих самых таблеточек, конечно, никому не известно. А каковы отдаленные последствия всей нашей жизни, проведенной даже без таблеточек? Не спрашивать? Сами догадались! Ну, вот и славненько.

Когда в моей славной юности решали, чего со мною делать, – решили отдать меня после восьмого класса в медицинское училище. Бабушка у меня испытывала интерес к медицине, привила его и мне. Я перерисовывал, по глупости, какие-то сердца из старых учебников по анатомии и крутился вокруг мамы на кухне, когда она разделывала курицу, чтобы посмотреть, как устроено куриное сердце. Ну, вот и допрыгался. Брат полистал какой-то справочник про разные учебные заведения и торжественно объявил мне, что пойду я на фельдшерский факультет медицинского училища Свердловской железной дороги. После его окончания я поступил в медицинский институт на лечебный факультет. Далее учеба моя в Еврейском университете тоже была связана с медициной. Вот уже десять лет на весь Израиль гремят курсы Кригера по подготовке к экзаменам министерства здравоохранения для врачей, медсестер, фармацевтов, стоматологов. Одних учебников за эти годы мы издали не меньше тридцати. Ну, и теперь мой горький хлеб с маслом в Канаде добывается клиническими исследованиями, проводимыми для

фармацевтических компаний, и профессиональными курсами в этой же сфере.

Медицину я не то чтобы не люблю. Просто, как я уже сказал, мне кажется, что от врачебного ремесла всегда проистекал, да и теперь проистекает фальшивый аромат шарлатанства. Чехов мне частенько говаривал: «Доктора – те же адвокаты, с той только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят, и убивают». Однако такая точка зрения слишком жестока, ибо врачи все же приносят ощутимую пользу, даже на фоне не менее ощутимого вреда.

В одном медицинском трактате 1795 года сказано: «Никогда еще состояние медицины не было так совершенно». Сегодня, спустя более чем двести лет, это утверждение вызывает сомнение – уж слишком неприглядно состояние современной медицины. За многовековую историю медицина прошла сложный путь накопления и совершенствования знаний по распознаванию, предупреждению и лечению заболеваний. Основным методом лечения в современной медицине является фармакотерапия. Ее значение велико: она помогла избавиться от многих заболеваний и сохранить жизнь миллионам людей. Сейчас тысячи лекарственных средств, уже существующих, и синтез новых препаратов способны воздействовать на всех уровнях – от субклеточных структур до регуляции функций организма в целом. В то же время столь широкое использование фармпрепаратов привело к новым проблемам: алергизации организма с развитием

лекарственной болезни, нарушению функций печени и почек, появлению микроорганизмов, резистентных к антибиотикам.

Но самая главная проблема состоит, пожалуй, в том, что существует колоссальная разница между тем, чего достигла современная медицинская наука, и тем, что можно наблюдать в больницах и на амбулаторных приемах во многих странах. К сожалению, четкие предписания медицинских учебников игнорируются, и от этого, пожалуй, происходят 70% всех ляпсусов и осложнений. Всего лишь один-единственный раз я наблюдал медицинский сервис, к которому не мог придраться мой испытующий взгляд, натренированный на каверзных экзаменационных вопросах. Это было в Норвегии. Та больница, с которой мне пришлось там познакомиться, – была идеальной.

Хотя, вот все ругают медицину, а знаете ли вы, какова была средняя продолжительность жизни жителей Европы в 1900 году? Всего 38 лет! А отчего они чаще всего умирали? От гриппа! А также туберкулеза, холеры, брюшного тифа и прочих тому подобных инфекционных напастей.

И величайшая заслуга медицинской науки заключается в том, что все это было преодолено. Сегодня в Европе в среднем живут более семидесяти лет. Именно современная медицина продлила нашу с вами жизнь вдвое.

Особенно хороша современная медицина в лечении острых хирургических заболеваний – травматологи и хирурги подчас творят чудеса.

Однако все же чаще встречаются случаи, когда современная медицина оказывается малоэффективной. Например, при лечении хронических заболеваний. А у многих людей годам к пятидесяти накапливается приличный букет самых разных болячек, и в последнее время возраст их появления все больше молодеет.

Представьте, с какими трудностями приходится сталкиваться врачу, встречая такого пациента. Что назначать в первую очередь, а что потом, учитывая, что большинство фармпрепаратов имеют вредные побочные действия и обладают плохой совместимостью?

Корень зла, на мой взгляд, кроется в том, что современная медицина ориентирована на устранение симптомов — клинических проявлений заболеваний, а не причин их возникновения.

Старая рекомендация: «Врач, излечи себя», увы, тоже, как ни странно, не действует. По данным Института патологии США, продолжительность жизни врачей в Америке в среднем на 8-10 лет меньше, чем продолжительность жизни их пациентов.

Нередко врачи обходят вниманием тот факт, что в организме все взаимосвязано чрезвычайно тесно. Невозможно эффективно лечить сердце, забывая о печени, лечить почки, забывая о костной системе, и так далее. Часто получаются ситуации, когда лечение, направленное на оздоровление одной системы или органа, вредит другим. Иногда создается впечатление, что врачи

действуют так, будто уверены, что болезнь вызвана нехваткой лекарств в организме.

Одна из основных причин низкой эффективности современной медицины – отсутствие единой концепции патогенеза 23600 заболеваний человека, занесенных в реестр Всемирной организации здравоохранения. Известно, что современная медицина может эффективно излечивать лишь 10% из них.

Честно
говоря,

медицина – это все-таки не мой экзистенциальный проект. Слишком уж я не телесный человек. Связь моя с моим грузным требовательным телом мне кажется непрочной. Дунь на меня – душа и отлетит, вспорхнет под

потолок родимая, не удержишь. А существа не телесные плохи в непосредственном лечении страждущих, ибо медицина – все-таки наука весьма приземленная и, чего уж там говорить, требующая подчас весьма тесного контакта со скальпелем и шприцом.

Конечно, множество умерших больных крепко повредили мою нервную организацию. Сначала я их считал, но после четырнадцати – сбился со счета. Сколько их было? Десятки? Сотни? Я видел так много страданий и безысходности, как большинству нормально живущих людей и не снилось. Если у меня и были какие-либо иллюзии по поводу этого мира, то в больничном мареве среди стонов они полностью развеялись, и если обычный человек сталкивается со смертью несколько раз за свою жизнь, то для меня смерть была нескончаемым тягучим сериалом, эдаким товарняком с мелькающими трупами вместо вагонов.

Медицинское мое ремесло пыталось зачерствить мою душу, мое сострадание, мои нервы, и на какое-то время ему это удалось, ибо иначе было бы совершенно невозможно работать.

В этом чувстве моей самоотстраненности, которое, безусловно, коренится в моем неврозе, мне кажется, повинно именно мое простое ремесло, связанное с кровью и испражнениями, с муками и болью, с агониями и смертями.

Как-то, перелетая на самолете Средиземное море, мы добрались до острова Кос, и я не удивился, увидев рядом с собой в кресле самого

Гиппократ. Ведь он был уроженцем именно этого острова и, судя по всему, путешествовал и практиковал в других частях греческого мира. Это был не сам Гиппократ, а его дух, витающий над родиной.

Он тоже признался мне, что медицину не очень любил, ибо считал это занятием, недостойным мыслителя, однако мудрый муж резонно отметил, что кто-то же должен заклеивать пластырем чирьи страждущих... Так и я – сначала непосредственно заклеивал что ни попадя, а потом в течение десяти лет обучал тысячи медиков, как надо правильно заклеивать, чтобы не отваливалось.

Если вы хотите услышать о моем основном вкладе в медицинскую науку, то извольте выслушать мое дополнение к цитате из Гиппократа: «Лучше, чтобы лихорадка наступала после конвульсий, чем конвульсии – после лихорадки». Я добавил к этому, что «по-моему, лучше было бы, чтобы не наступали ни лихорадка, ни конвульсии», но великий древнегреческий бог медицины Асклепий, видимо, рассудил иначе... И я, увы, не тот, кто может вступать с ним в спор.

Глава сорок третья

Как я стал астрономом

Конечно, звезды имеют мало влияния на наши кухонные кастрюли. Во всяком случае, это

влияние не совсем очевидно. Поэтому мой фанатический интерес ко всему, что находится за пределами земного притяжения, может показаться взбалмошным и неестественным.

Для меня самого до сих пор остается необъяснимым тот факт, что я могу часами читать наискучнейшие астрофизические статьи и многократно пролистывать популярные астрономические журналы, в сотый раз впитывая давно известные мне, но по-прежнему противоречивые факты. Ни одна другая область знаний не возбуждает во мне такого катастрофически всеохватывающего интереса.

Возможно, этому есть какое-то тайное объяснение. Я бы мог долго разглагольствовать о том, что в космосе лежат отгадки всех вековых философских вопросов, что со звезд все в этом мире начинается, и, видимо, звездами все и кончается, ибо они являются источником всех элементов тяжелее водорода, и таким образом, судьбу любого атома, входящего в состав какой-нибудь молекулы моего пальца, печатающего эти строки, можно проследить до его рождения в ядре гигантской звезды.

Общепринято, что происхождение большинства элементов, в том числе инертных газов, относится к нуклеосинтезу вещества в звездах, когда в ядре массивной звезды по мере термоядерной реакции водорода происходит сжатие, сопровождаемое ростом давления и температуры, что приводит к возможности синтеза C^{12} из He^4 . Вследствие выделения энергии процесс сжатия прекращается, а в массе

звезды начинается синтез более тяжелых элементов.*

Как ни странно, эта простая истина, ставшая известной еще в середине двадцатого века, не очень хорошо усвоилась в вихрастых головах народонаселения Земли. Да-да, мы все являемся звездными мальчиками и девочками, и ощутив это, можно почувствовать некую родственную связь с гордым Сириусом или с Альдебараном, встающими на горизонте.

Непосредственно наблюдать звезды мне не доводилось до недавнего времени, пока в близлежащем малопросвещенном городке не разорился уютный магазинчик телескопов с романтическим названием «Генезис», и я позволил себе купить довольно крупный телескоп-рефлектор. В первую же ночь я наблюдал ослепительную Луну и, как и все новички, был совершенно сражен ее величественной ярчайшей красотой. Я пытался найти на глобусе Луны место, которое предстало перед моим взором в телескопе, но я страдаю топографическим безумием, по всей видимости, не только на Земле, и в темноте глобус Луны выскользнул и скатился в едва замерзший бассейн, где и стал горделиво лавировать между еще тоненьких ломких льдин. Маськин тут же

* Рыжов В.Н. Звездный нуклеосинтез – источник происхождения химических элементов. Соросовский образовательный журнал, т. 6, № 8, 2000, стр. 81. См. также: Спэрроу Ж. Вселенная. М.: БММ АО, 2002, стр. 92, и Д.З. Вибе, А.В. Тутуков, Б.М. Шустов. Спиральные галактики и химическое обогащение межгалактической среды. Астрофизика на рубеже веков.

явился мне на помощь с сачком и с седьмой попытки ловко выудил Луну из бассейна, тем самым спася это замечательное небесное тело.

Однако другие объекты не смогли произвести на меня должного впечатления. Марс в мой телескоп мне явился малюсеньким красным кружочком. Об остальном – нечего и говорить. Радость отмораживания конечностей в лютую декабрьскую ночь не могла конкурировать с домашним уютом, предлагаемым астрономической компьютерной программой, которая позволяет получить практически любое увеличение поверхности большинства планет Солнечной системы и их спутников. С этой программой я провозился несколько вечеров и

облазил всю известную и заснятую часть нашей галактики, а также многие другие галактики. Мне стало скучно. Я назвал какое-то отдаленное звездное скопление, имевшее довольно цветастый вид, «Maskin Treasure Box» («Сокровищница Маськина») и на этом успокоился.

Меня поразило, какая незначительная часть нашей галактики вмещает практически все видимые с Земли звезды, входящие в знакомые нам созвездия. Более того, расстояние до многих достаточно удаленных звезд определено с точностью до 50 процентов! Следовательно, и их масса может быть определена неточно. Астрономия вовсе не такая уж уважаемая

точная наука, как может показаться с первого взгляда стороннему наблюдателю.

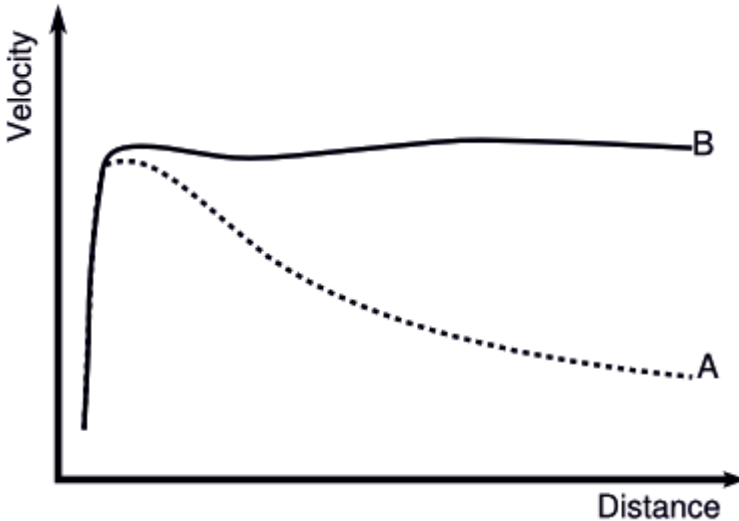
Моя природа устроена удивительно предсказуемо: стоит удовлетворить во мне определенную страсть, и я на некоторое время теряю интерес к предмету, ее пробудившему. Программа была вся излазана, а на настоящем небе с моим телескопом рассматривать воистину оказалось нечего. Юпитер должен был начать восходить над горизонтом только в январе... Короче, в заснеженном дворе с моей гигантской трубой было делать нечего...

Почему же я не сделал астрономию занятием своей жизни? Ну, во-первых, в школе я слыл придурком и недотепой, каковым, где-то в глубине, я являюсь и до сих пор, а, как мама мне объяснила, для астрономии нужны физика и математика, в которых я был слаб до безобразия. Лишь годам к тридцати я понял, что ни то, ни другое не составляет большого труда понять и выучить, но, увы, теперь мне учиться поздно, ибо после достижения возраста Христа возникает неизбывная потребность учить, а чужой менторский тон воспринимается плохо. Я, конечно, шучу. Сам я учусь постоянно, но представить себя идущим опять в университет — не могу...

Более того, зачем? Пойти снова за парту с сопляками, десять лет есть дерьмо столовыми ложками от напыщенных индюков-профессоров и обзавестись лишь к пятидесяти годам докторской степенью по астрономии? А дальше

выпрашивать гранты, чтобы мне позволили заглянуть в телескоп покрупнее? Смешно.

Я решил свою обостренную страсть к астрономии гораздо проще. Хочешь чем-то заняться – для этого совсем не нужно быть специалистом. Я нанял несколько первоклассных специалистов и разрешил с ними один теоретический вопрос, который меня волновал в астрофизике особенно сильно. Речь шла о попытке объяснения парадоксально высокой скорости вращения звезд на периферии галактик.

На графике кривая А отображает предсказанную в соответствии с кеплеровской динамикой и ньютоновской механикой скорость вращения галактического диска по мере удаления от центра галактики. Кривая В – то, что наблюдается на самом деле. Именно это явление дало толчок изобретению понятия таинственной невидимой «темной материи» (Dark Matter), которая составляет якобы большую часть

материи во вселенной. Далее, правда, появились и другие проблемы, которые тоже пришлось объяснять этой же самой «темной материей».

Дело в том, что я пытался учесть воздействие гравитационного поля на течение времени в точке пространства, в которой находится источник излучения, и тем самым вычислить разницу в характеристиках гравитационных полей непосредственно вблизи центра галактики, в точке наблюдения и на периферии галактики. Я предполагал, что это могло бы в какой-то степени объяснить наблюдаемый эффект. Я не буду вдаваться в технические подробности, но тридцать страниц переписки с одним канадским астрофизиком окончательно прояснили мой вопрос, удовлетворив меня хотя бы тем, что, во-первых, вопрос мой вполне легитимен, а во-вторых, по всей видимости, ответ на него при современных измерительных приборах найти невозможно, ибо нужно построить прибор размером, сопоставимым с расстоянием до Луны.

Теперь же я загорелся новой идеей. Вы спросите, какой? Не больше и не меньше – убить космологию. Пожалуйста, не путайте эту науку с астрономией, астрологией, космонавтикой или косметикой. Не будьте темны, как первозданное темное вещество, заполняющее нашу несчастную, многократно оболганную учеными вселенную. По одному из определений, «cosmology – the study of the universe as a whole, of the contents, structure, and evolution of the universe from the beginning of time to the future»*.

Заметьте, уже само определение пахнет шарлатанством... Вы, наверное, замечали, что меня чрезвычайно раздражает тот факт, что ученые создают теорию за теорией, а мир, согласно их шарлатанским воззрениям, перекачивается со спин черепах в разные другие, не менее нелепые места. Основа моей идеи состоит в том, что следует осудить космологию как лженауку. Как можно доверять науке, которая обманывала нас на протяжении всей истории человечества? Так же, как в наше время уже не принято изобретать вечный двигатель или варить золото из ртути, следует прекратить строить всеобъемлющие модели устройства вселенной, ибо мы всегда будем испытывать дефицит информации и вечно обречены на ошибку. Даже если в один прекрасный день какой-нибудь астроном увидит в телескоп конец вселенной в виде кирпичной стены, то и это не решит вопроса кардинально... Немедленно возникнут теории, кто эту стену построил, что находится за ее пределами, и прочие спекуляции, не имеющие под собой никакой серьезной основы. Современная физика, и особенно космология все более приобретают спекулятивный характер. В частности, выводы теории бездумно экстраполируются за пределы области надежности применения данной теории. Эту ошибку сделал еще Ньютон, когда действие своего (точнее, галилеевского) закона сложения

* Космология – учение о вселенной, как о едином целом, ее составе, структуре и эволюции от начала времен и в будущем (*англ.*).

скоростей проэкстраполировал до бесконечных скоростей. И сегодня эту ошибку делают вновь самые маститые физики, разглагольствуя, например, о «Большом взрыве» и забывая, что при таком удалении во времени модели, из которых они извлекают эти выводы, теряют надежность, что само понятие времени не имеет надежной физической основы и что, кстати, ход времени не только в разные эпохи, но и в разных точках пространства может быть разным, таким образом, нет никакого смысла разглагольствовать о возрасте вселенной...

Положение в космологии мало изменилось за последние десятилетия. Несоответствий – множество, космологи едва успевают затыкать дыры. Например, сейчас стали модны теории о множественных вселенных, что является нонсенсом по определению. У многих авторитетных авторов читаем: «Вселенная в целом – все сущее...»*, «Вселенная одна», «других Вселенных, по определению, не может существовать»*, «Вселенная – это все, что существует. Вне Вселенной ничего нет. Причем нет не только галактик или какой-либо другой материи, но и вообще ничего – ни пространства, ни времени»**, «Вселенная – это все

* Шама Д. Вступление // В кн.: Силк Дж. Большой взрыв. Рождение и эволюция Вселенной. М., Мир, 1982, стр. 7.

* Вайнберг С. Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной. М., Энергоиздат, 1981, стр. 139, и Девис П. Суперсила. М., Мир, 1989, стр. 227.

** Новиков И.Д. Эволюция Вселенной. 3-е изд., перераб. и доп. М., Наука, 1990, стр. 23.

существующее, вне ее нет ничего, в том числе и пустоты». Словосочетание «множество “в принципе возможных” вселенных» является кощунственным. Таким образом, в современной космологии словом «Вселенная» обозначается то, что в диалектическом материализме называется объективной реальностью, материей. И дело не только в том, что тот или иной автор, или даже большинство авторов заявляли о том, что существует только одна вселенная. Известно, что создавая теорию или математическую модель какого-либо объекта, необходимо задать условия на границе этого объекта, отражающие, кроме прочего, взаимодействие этого объекта с окружением. Ни в одной космологической модели эти условия не задаются. Вселенная в космологии рассматривается как такой объект, который не имеет окружения, границ (грамотные философы говорят: «является бесконечной»).

В космологии есть не только «твердо установленные» выводы, вроде изложенных выше, но и нерешенные проблемы. Если не касаться сугубо специальных, например проблемы происхождения галактик, то остальные можно отнести к двум видам. Это, во-первых, проблемы, связанные «с самым началом».

«С чего началось расширение? Как расширялся мир в самом начале? Была ли бесконечной плотность материи в начале расширения? Что было до начала наблюдаемого расширения?» «...Насколько достоверен вывод о начале расширения, о состоянии огромной плотности всего вещества (как говорят, – о

сингулярном состоянии), какие процессы протекали в этом сверхплотном веществе, что заставило вещество Вселенной расширяться, наконец, что было до начала расширения, до момента сингулярности??!»*

Начиная с 80-х гг. проблема возникновения вселенной обсуждается в рамках так называемого «сценария раздувающейся вселенной». «...Согласно сценарию раздувающейся Вселенной, вся наблюдаемая ныне ее часть образовалась из области меньшей, чем планковская длина. Это дает возможность думать о рождении всей нашей Вселенной (или только ее наблюдаемой части) за счет начальных квантовых флуктуаций... Такая вселенная имела первоначальный малый размер и затем экспоненциально расширялась, достигнув в процессе раздувания своих нынешних размеров... При этом все вещество, содержащееся в наблюдаемой нами Вселенной, возникало за счет работы, совершаемой гравитационными силами, внутри области, в которой первоначально содержалось не более десяти в минус пятой степени граммов вещества!»

Второй род проблем, который часто обсуждается в работах по космологии, — проблемы геометрии вселенной.

Обратимся к трехмерному пространству. Оказывается, его искривленность может быть подобна искривленности сферы. Оно может

* Линде А. Раздувающаяся Вселенная // Наука и жизнь. 1985. № 8. Стр. 25-32.

замыкаться само на себя, оставаясь безграничным, но конечным по объему (подобно тому, как сфера конечна по площади). ...Неизвестно, открыта ли наша Вселенная или закрыта.

Заметим, что в свое время ответ на этот вопрос не представлял загадки для А.Эйнштейна. В 1917 году в разделе «О мире как целом» работы «О специальной и общей теории относительности» он написал: «Из сказанного следует, что мыслимы замкнутые пространства, не имеющие границ. Среди них выделяется своей простотой сферическое (и соответственно, эллиптическое) пространство, все точки которого равноценны. Отсюда перед астрономами и физиками возникает чрезвычайно интересный вопрос: является ли мир, в котором мы живем, бесконечным или же он, подобно сферическому миру, конечен? Наш опыт далеко не достаточен для ответа на этот вопрос. Однако общая теория относительности дает возможность ответить на этот вопрос со значительной достоверностью... ...Вычисления показывают, что при равномерном распределении материи мир должен быть сферическим (или эллиптическим). Так как в действительности в отдельных областях материя распределена неравномерно, то реальный мир в отдельных частях будет отклоняться от сферического; он будет квазисферическим. Однако он должен быть конечным. Теория дает простое соотношение между пространственной протяженностью мира и средней плотностью материи в нем».*

Как меня Эйнштейн ни отговаривал, я все же собираюсь написать труд всей моей жизни «The End of Cosmology» – «Конец космологии». Каким образом? Очень просто. Как уже было сказано, я планирую посещать астрофизические конференции, завести знакомства, снова подыскать специалистов для консультаций. Эти специалисты помогут мне разработать научно обоснованную критику современных космологических теорий, а вот философскую подоплеку и выводы я оставлю для себя...

Конечно, скорее всего мою книгу проигнорируют и серьезного скандала она не вызовет, но тем самым я по крайней мере поставлю галочку на той части своего экзистенциального проекта, где значится – «Попытайся разрушить лженауку, с помощью которой до сих пор религия и политика морочат голову людям».

Глава сорок четвертая

Как я стал поэтом

Многие отмечают, что стихи надиктовываются им неким внутренним голосом, который представляется чем-то отдельным от поэта. Иные утверждают, что строки диктует им небо, муза

* Эйнштейн А. О специальной и общей теории относительности (Общедоступное изложение) // В кн.: Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. I. М., Наука. 1965. Стр. 530-600.

или Бог знает кто еще. Все-таки родина стихов, видимо, находится где-то в подсознании, в том самом нашем внутреннем «я», которое живет параллельно с нами и изредка беспокоит нас необъяснимо мрачными или просто необузданными снами. То самое подсознание, которое иной раз возьмет да и вставит в нашу речь смешное словечко или оговорку, выдающие с головой, к чему стремится наша внутренняя простоватая суть.

Безусловно, родина стихов покоится отнюдь не в хладном рассудке. Мы начинаем писать стихи, прислушиваясь к отдаленным ритмам, как бы к музыке, звучащей на краю нашего сознания. И тут самое главное – наплевать на возможную критику и презрительные возгласы за спиной. Стихи – это наша внутренняя музыка, облеченная в слова, пронизанная тонкими струнами смыслов и мечтаний, а посему – гоните критиков. Они – лишь жалкие прихлебалы поэзии. Что может сказать критик о глубинах вашей души? Не пускайте туда его пошлые ощупывающие ручки. Пусть стихи будут казаться ему нелепым мычанием, хаотическим нагромождением слов. Для нас – это песня свободы от нудного рассудка, славная песня, звучащая на белоснежных склонах нашей удивительной души.

Стихосложение – я имею в виду свободное и не связанное по всем конечностям дурными правилами и формулировками, без ямбов и хореов, стихосложение, как путь реализации внутренней музыки и kloкочущей силы

подсознания, — такое стихосложение является изысканным удовольствием немногих, кто не побоялся показаться нелепым и смешным в глазах бездарности, ищущей повода уколоть свою несчастную заблудшую жертву дурными словами критики.

Ну и что, что слово употреблено в моем стихотворении неверно, ну и что, что такого падежа вообще не существует? А кто выковывает язык, как не поэт? Кому принадлежит право решать, какой бедовой голове можно касаться святая святых любого языка, его школьных правил, а кому нельзя?

Я верю, что язык принадлежит каждому его носителю, и каждый имеет право привнести какую-то новую толику видения сочетания звуков и смысла.

Я бережлив к отпечаткам моих чувств, рождающих слова, складывающиеся в строки. Я очень редко зачеркиваю, ибо действительно не считаю себя в праве перебивать надиктовывающий мне голос, идущий из глубин моего бытия и небытия.

Стремление писать стихи проявилось во мне чрезвычайно рано, и по немногим сохранившимся детским строчкам я могу судить, насколько уже тогда я был нездоров. Кажется, мой невроз родился вместе со мной, ибо я не помню того возраста, когда бы его у меня не было.

Возможно, всякий ребенок в какой-то мере страдает неврозом: навязчивые мысли, страхи, приступы неведомо откуда накатившей грусти —

разве это все не самые естественные проявления запущенных неврозов? Да, пожалуй, в нашу бытность детьми мы больны, и лишь немногие из нас более или менее выздоравливают по мере взросления.

Что же вырастает из подобного невротического ребенка?

С помощью внешнего наблюдения Хорни* классифицировала отношения невротиков с окружающими по пяти группам:

1. Отношения любви, привязанности и расположения человека – невротик проявляет себя как человек, чрезмерно зависимый от одобрения или расположения со стороны других, при этом может отсутствовать способность заботы о других.
2. Отношения, связанные с оценкой «Я», – внутренняя незащищенность, выражающаяся в самоуничижении и – возвеличивании.
3. Отношения, связанные с самоутверждением, – наличие группы запретов (трудности в принятии решения, формировании мнения, осознании собственных желаний); неспособность к планированию.
4. Отношения, связанные с агрессией – две тенденции: 1. потребность во власти,

* Хорни К. Невротическая личность нашего времени. СПб.: Питер, 2002. (Серия «Психология-классика».)

- требовательности, критике к другим; 2. ощущение обманутости, предательства, мнительность.
5. Отношения, связанные с сексуальностью — потребность в повышенной сексуальной активности или запрет на нее.

Вам этот портрет в пяти пунктах никого не напоминает? Нет? А мне напоминает. Во-первых, себя, во-вторых, большинство других людей, которых мне приходилось наблюдать.

Я всю жизнь колебался между указанными в этих пяти пунктах крайностями. Так же колебались и мои стихи. Любое стихотворение возьмите — и оно легко подпадет под один из перечисленных пунктов.

Итак, моя поэзия – есть ничто иное, как проявление невроза. А вся остальная моя деятельность разве не является классическим проявлением невроза?

Даже та мысль, которая сейчас промелькнула у меня в голове: что невроза вообще не существует, что в этих пяти пунктах просто описана человеческая жизнь... О, эта мысль – самое настоящее проявление невроза! Невроз хитер, он понимает, что если ему удастся всех убедить, что его нет, то тогда ему будет легче творить свою зловещую работу по изъеданию вдрызг человеческой души. Зачем ему это надо, возможно, спросите вы? Очень просто. Такова его, невроза, экзистенциальная задача, ибо если невроз не будет ничем себя проявлять, он перестанет существовать.

Так и текут реки невротических стихов – мутные потоки неврастения. Зайдите на www.stihi.ru^{*}, и вы окунетесь в безбрежный океан неврозов во всех их проявлениях.

Поищем доказательства невротического происхождения моих стихов. Стоило мне начать пить таблетки от невроза – и я перестал писать стихи. А ведь я был весьма плодовит – в моем сборнике «О грусти этих дней кто, как не я, напишет?», слава Богу, не меньше четырехсот страниц. (Обратите внимание на название – это ли не самое яркое из всех возможных

^{*} На этом сайте каждый может без ограничений публиковать свои стихи. В настоящий момент там представлено более двух миллионов произведений.

доказательств невротического происхождения моего стихотворчества?)

В чем же тайна моей поэзии? Простое сочетание определенного уровня серотонина в моем мозгу с наличием свободного времени?

А разве то, что я пишу сейчас, не является проявлением невроза? Что это? Мания величия? Ишь ты, чего учудил – пишет самороман, уже дописал до сорок четвертой главы! Видишь ли, он и поэт, и астроном, и скакун древнегреческий...

Признаю – все есть ничто иное, как проявление моего невроза. Каюсь.

Хотя, погодите! Ведь каяться – это проявление «внутренней незащищенности, выражающейся в самоуничижении». А самоуничижение – есть непростительная и вредная иллюзия. В таком случае, позвольте мне выбрать полезную и приятную иллюзию, что поэзия – есть не проявление невроза, а является славной песней, звучащей на белоснежных склонах наших удивительных душ.

Глава сорок пятая

Как я стал писателем

Писателем я стал в результате осознанного решения. Нужно же мне чем-то заполнить пустоту своего существования? Что? Смотреть телевизор? Нет уж, увольте. Смотрите телевизор сами.

Кое-как, потихоньку, я научился искренне плевать на мнение других о себе. Это был долгий и ухабистый путь. Однако, мой дорогой друг читатель, зарубите себе на носу, что если пишущая личность оглядывается на читателя и раздумывает, что же ему понравится, а чего не понравится, то у такого писателя должно все время выходить что-то вроде:

*Леночка тяжело дышала. Она стояла, облокотившись локтями на рабочий стол Сергея, и старательно подмахивала попочкой. Сергей стоял сзади и натягивал ее, как породистый кобель не менее родоовитую сучку...**

...и так далее. Это не может не понравиться. И ученый, и работяга с одинаковым интересом ознакомятся с таким творчеством. Красочно, свежо, легко, весело... И главное, оказывает весьма освежающий эффект на еще не совсем окочурившийся человеческий организм. Конечно, все мои нудные тексты, кирпичеобразные книги в восемьсот страниц, напичканные сухонькими цитатками по-

* Здесь я сначала привел гораздо более длинный отрывок про Сергея и Леночку, но Маськин прочел мое творчество и втихую стер большую часть весьма фривольного отступления. Искать снова в интернете рассказ подобного толка и литературно его обрабатывать заново мне не захотелось, так что додумайте сами, если желаете. Сам же я откровенную порнуху писать не могу, и не то чтобы с души воротит, а просто как-то все на латынь с древнегреческим тянет... Не иначе, действие противоневрозных таблеток. Видимо, умолкла моя последняя либидиная песня (причем слово «либидиная» написано не с ошибкой, а просто происходит от слова «либидо»).

французски да по-немецки, натужные самоискания, постные посулы великих открытий с выдачей на самом деле натуральной дули в собственном соку... все мои труды, увы, не стоят и пяти строчек такого младокрового творчества и посему обречены на холодное безразличие и пыление по полкам второсортных магазинов.

Вы скажете, а как же скукотища Диккенса? А как же затхлый американский «Моби Дик»*, с которым носится, высунув язык, литературная часть счастливой нации изобретателей жвачки** и кока-колы? Ну что ж, поверьте, прославление автора вовсе не зависит от талантливости его произведений. Во всяком обществе существуют серые кардиналы от литературы, замешанной на капитале и политике, в чьей воле поднять и раскрутить практически любого более или менее сносного, или даже вовсе несносного автора. Вы

* «Моби Дик» Германа Мелвилла (1819–1891) считается самым великим американским романом девятнадцатого века. В центре этого написанного вопреки всем законам жанра произведения – погоня за Белым Китом. Если вы интересуетесь строением и жизнедеятельностью китов, то книга понравится. Вся сюжетная линия заключается только в погоне за китом. Эпические морские картины, описания ярких человеческих характеров в гармоничном сочетании с универсальными философскими обобщениями делают эту книгу подлинным шедевром мировой литературы! Я пробовал ее читать в оригинале, но, увы, каждый раз закрывал, чертыхаясь, на второй странице. Ну, распните меня за это!

** Более тысячи лет назад в Центральной Америке индейцы племени майя жевали чикл (каучук), являющийся соком гевеи. Годами позже этот самый сок послужил стимулом к развитию промышленного производства жевательной резинки. В Новой Англии смиренно настроенные индейцы жевали сок елейного дерева. Белые поселенцы, узнав об этой привычке индейцев, создали свою собственную жвачку домашнего приготовления – из сосновой смолы и пчелиного воска.

скажете: такие авторы не переживут века? Это вовсе не имеет значения, ибо прославление автора в будущие века опять же не зависит от качества его произведений. За редким исключением, классическая литература представляет собой классическую нудную жвачку. Ее издают из-за имени автора, которое у всех на слуху, покупают, опять же, из-за имени и ставят на полки домашних библиотек, где она проводит бесконечные годы в пыли и забвении. Имя любого автора – это товар, а прославить уже усопшего автора даже выгоднее, чем живущего, особенно раскопав его лет через пятьдесят-семьдесят (я имею в виду эксгумацию не останков автора, а его таланта).

Кстати, так и случилось со знаменитой в Америке книгой «Моби Дик». Ведь откопать талант уже мертвый и, желательно, с просроченными авторскими правами или со сговорчивыми наследниками – это же как клад найти, только даже выгодней, ибо клад действительно нужно найти, а в случае с усопшим талантом достаточно громогласно заявить: это клад! И считайте, что клад найден.

Вы даже не можете себе представить, насколько удобно иметь дело с мертвым автором. Ни тебе капризов, ни запоев, ни неудобных произведений, ни исписанности... Я думаю, со временем вообще снова войдет в моду издавать исключительно посмертно, особенно в России.

Позвольте же мне вернуться к своей скромной персоне. Итак, я стал писателем сознательно, ибо стихи не могли вполне удовлетворить мою

страсть к уничтожению лесов на планете, из древесины которых делается бумага для моих книг. Стихами заполнить восемьсот страниц трудно, хотя, конечно, можно, потому что в стихах слов мало, а места они занимают на странице больше. Поэтому я стал прозаиком и лишь редко отдаю дань музе поэзии, положив на ее алтарь где-то двести стихов.

Однако сложнее всего было убедить самого себя в том, что я писатель. Это заняло около тридцати лет, хотя сосунковый возраст, пожалуй, не в счет.

Потом довольно хлопотно было склонить к этой же мысли самых близких, но они в конце концов уступили. (С теми, кто не принял эту мою метаморфозу из неписателя в писателя, я решительно порвал, во-первых, чтоб другим неповадно было, а во-вторых, чтобы вообще себе не думали.) Помните, как в «Чайке» Чехова молодой человек болезненно реагировал на невнимание к своему творчеству? Застрелился. Не ждите. Со мной этот номер не пройдет. Теперь пришли другие времена. Теперь автор стреляться не будет. Теперь автор сам кого угодно застрелит!

Затем я окончательно решил, что, чтобы чувствовать себя хорошо, книжки нужно писать очень толстые. Остановился на размерчике в семьсот-восемьсот страниц и прикинул, сколько времени мне потребуется, чтобы написать двадцать томов. Оказалось, с моей плодовитостью, – всего лишь где-то десять лет. А что потом, скажете вы? Найду чем заняться.

Мало ли что еще мне в голову придет за такой срок. Раз мне теперь помирать каждый день не разрешают и поят таблеточками от невроза, то я еще всем дам прикурить, мало не покажется. Вот я недавно музыку писать начал. Фортепьянные сонаты. Кто сказал, что я не знаю нот? Знаю. Ну, не все, конечно... А чтобы писать музыку, вовсе не нужно знать все ноты! Я могу напеть. Хотите?

Итак, главное — не комплексовать, ибо писательство не терпит комплексующих. Читатель, он зоркий, сразу комплексующего автора разглядит и на свалку его. Вы скажете, что и некомплексующего снесут на свалку? Вовсе не обязательно. А я вот возьму и завалю все газеты и журналы: «Ах Кригер, ай да

Кригер!», и будут покупать, как миленькие. Конечно, дохода выйдет из этого мало, а скорее, выйдет сплошной расход и конфуз, ибо книгоиздательство в современной России доживает свои последние годы и вот-вот подпадет под строгий контроль государства. Но удовлетворение будет, наверное. Пожалуй, я так и сделаю.

Вообще, тот факт, что мне выпало стать русским писателем, меня весьма удручал, ибо, как я уже отметил, российский массовый читатель, пожалуй, самый неблагодарный в мире. Во-первых, он хочет читать исключительно произведения в стиле отрывка, приведенного в начале этой главы, про страсть тростниковой трости Сергея к попке Леночки, во-вторых, платить за книжки российский читатель не желает, в-третьих, все равно частное печатное дело скоро запретят, остатки моих тиражей арестуют, а мне придется и дальше издаваться штучно в Париже, как я и делал до сих пор, так, исключительно для родственников и знакомых, чей круг, при моем характере, все более и более сужается.

Таким образом, я решил вырваться из плена русского неперспективного языка и написал книгу по-французски и по-английски. Надо сказать, мне много полегчало, но я думаю, что и эти мои шедевры останутся незамеченными, конечно, если я за свой же счет не расшумлю в западных газетах, что будет немного дороже, чем в России, и гораздо более чревато для меня, ибо я сам-то живу на Западе, а в книжонках моих все

как всегда: государство – разбойник, и так далее и тому подобное.

А какая разница, на каком языке издавать? За издание ведь всегда все равно плачу я, и немалые деньги. Книги потом продаются по цене, которая не покрывает и половины их стоимости. Так что считайте книжку, которую вы держите в руках, моим вам личным подарком, мол, это вам наше вам с кисточкой.

Хотите, я вам ее даже подпишу? Извольте:

*От автора Бориса Кригера дорогому читателю _____ в знак глубокого уважения перед знанием читателем азбуки русского языка, чем сам автор, увы, похвастать не может, ибо пишет с грубыми ошибками, хоть и на восьми языках.**

Свое имя можете вписать и демонстрировать эту надпись знакомым. Я еще расскажу в других главах подробнее о моем творчестве на разных языках, которые я не очень хорошо знаю. Поверьте мне, занимательнейшая история.

Я осознаю, что в течение всей этой главы у многих из вас крутилось в голове: и чем там закончилось дело у Сергея и Леночкой? Признаться, мне и самому интересно, чисто с литературной точки зрения, но, увы, я не смогу вас удовлетворить... Потому что... ну, скажем, стесняюсь. Нет, скажем... Ну, короче НЕ МОГУ Я ВАС УДОВЛЕТВОРИТЬ, и все тут. Не обязан.

* Неграмотно написано намеренно. [Ред.]

Хотите, я вам лучше чего-нибудь по латыни процитирую на полстранички? А? Что, не желаете? А мне плевать, ведь в этом и заключается истинная свобода и единственный путь стать настоящим писателем, каковым я, по всей видимости, наконец-то становлюсь: пишу галиматью, плюю на читателя, плюю на собратьев-писателей, плюю на всё, на всех и на вся.

А как иначе?

Глава сорок шестая

Как я стал философом

Если мой дорогой читатель или читательница уже отошли от неприятного впечатления, произведенного предыдущей главой, которая оставила их в состоянии некоторого раздражения моим вызывающим хулиганством, то позвольте приступить к изложению истории о том, как я, собственно, стал философом.

Ну, во-первых, любой мало-мальский выпускник философского факультета вам доступно разъяснит, что никакой я не философ, а шарлатан. Я могу ему не менее доступно и обходительно ответить: «Сам дурак».

Милые мои читатели, вы даже себе не представляете, какую мусть подчас являет на свет современная философия. Я имел счастье тесно общаться с одним милым человеком,

законченным невротиком и грубияном, которому выпало несчастье редактировать мои философские работы по-английски. Он профессиональный философ, и будучи лицом западным и мною хорошо оплачиваемым, он кое-как воздержался от прямого восстания против формы и содержания. Однако его поправки превращали мой вполне ясный и доступный текст в мрак хитросплетенных невообразимых выражений, которые, кстати, при глубинном изучении оказывались на поверку чаще всего не к месту. Я послушно заплатил его гонорар и, конечно, оставил уже израненные и оболваненные работы, как они есть, но больше я на этот трюк не попадусь. Где убийца орангутангов? Я имею в виду Шопенгауэра. Старик говорил: «Кто ясно мыслит, ясно излагает». Увы, многие современные философы полагают, что сложность квантового мира следует отражать не менее квантовыми словесными понятиями, кои не имеют четкого значения и выражаются лишь призрачной волновой функцией. Причем волна эта, в основном, являет собой волну ярости, захлестывающую меня в порыве жгучего и неотступного желания нанести телесные увечья автору.

То, что я официально не считаюсь философом, мне совершенно не мешает. Тем более что я вполне осознаю свое ничтожество и тот факт, что ничего нового в этот мир я не принес и не принесу. Так, лишь попробую переосознать давно известное.

Извольте же ознакомиться с основами философии Кригера. Перед вами краткий конспект основополагающих философских работ Кригера, написанный в третьем лице (для вящей солидности, а также для создания иллюзии удаленности во времени – так бы выглядела какая-нибудь обобщающая статья о философии Кригера, написанная в 2070 году в честь столетия со дня рождения философа). Сей конспект я не вижу смысла пока публиковать отдельно, ибо, кому надо, тот найдет его здесь.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВ ФИЛОСОФИИ КРИГЕРА

Определение философии

В современном мире абсолютным идиолом является финансовая мощь. Как никогда остро стоит вопрос о целесообразности занятий философией. Философия не зарабатывает денег и, таким образом, малоинтересна современному человеку.

Обвинения в бесполезности философии не новы. Еще Аристотель привел рассказ об одном философе-астрономе, которому надоели упреки в бедности и в том, что его наука не обеспечивает его богатством. Он применил свои философские и астрономические выводы и тем самым нашел способ легко и быстро обогатиться. Таким образом «он доказал, что философам при желании легко разбогатеть, но не это является предметом их стремлений»*.

Кригер определяет философию, как «разумный анализ и рекомендации к применению различных иллюзий».

Причем в философии Кригера понятие иллюзии не имеет негативной коннотации. Он соглашается с общепринятым определением иллюзии, как «an erroneous mental representation» – ошибочное умозрение. Но, в соответствии с Кригером, абсолютной истины не существует, ибо даже если бы таковая существовала, ее доказательство было бы невозможно, поскольку всегда возможно предположить то, что доказывающий не обладает полной информацией, необходимой для абсолютно убедительного доказательства. Возьмите к примеру Бога всемогущего и всезнающего: и он не смог бы доказать себе, что его всемогущество и всеведение не являются лишь плодом его воображения. Ну, а если даже Богу недоступна абсолютная истина, то куда нам, смертным... Хотя, впрочем, Кригер заявляет, что эта абсолютная истина никому и не нужна, ибо является абсурдным понятием.

Литература и философия

Кригер соглашается с Michel Gourinat* в том, что философия – это поиск осознающего себя знания и что ее первый вопрос есть вопрос о ее собственной природе. Философские концепции

* Аристотель. Политика. I 4, 1259 а 9-18 // Соч. Т. 4. Стр. 397.

* Michel Gourinat, De la Philosophie, Hachette livre, 1994.

излагаются путем выражения их средствами литературного языка, и посему философия использует письменную или устную литературную традицию как единственное средство своего выражения.

Философия связана с литературой не только формальными признаками, но также и в своей основе, так как философское произведение является выражением индивидуальности автора. Несмотря на то, что литературоведение весьма неохотно признает принадлежность философии к литературе, другого средства выражения своих идей философия не имеет.

Кригер считает, что необходимо отделить философию от литературы, выделив совершенно особый вид публикации, напоминающий научную статью.

Философская работа должна придерживаться строгих правил написания научной работы и включать четко выделенные части: резюме, описывающее основную идею работы, словарь определений большинства терминов, использованных в работе, в соответствии с тем, как их определяет автор, вступление, вводящее в суть проблемы, постановка философского вопроса и предлагаемое его решение, аргументация, контраргументация и выводы. Вот и все, сухо, четко, по-военному, точнее, по-научному. Конечно, пункты, входящие в состав философской работы, могут быть значительно шире, но основная идея ясна — философии необходимо пользоваться простым и ясным языком, каким пишутся, например, законы

государств, хорошим примером для подражания может служить произведение под названием «Уголовный кодекс».

Далее можно посредством отдельных литературных произведений популяризовать содержание подобной философской работы, но совершенно необходимо иметь основной текст, который был бы написан в таком военно-законодательном стиле, с приложением максимальных усилий для преодоления каких бы то ни было разногласий и разночтений. Игра словами, цветистые обороты, притчи, иносказание, парадоксальность стиля – все это должно быть удалено из философской работы.

Итак, в соответствии с философией Кригера, **литература и философия должны быть отделены**, и, строго говоря, Кригер, по своему собственному определению, философом не является. Хотя по такому же определению философами не являются Платон, Монтень, Паскаль, Ницше и многие другие. Возможно, если бы их работы были переписаны в четком научно-философском стиле, – людям бы гораздо легче жилось, ибо смешение литературы и философии позволяет автору вместо четкого изложения своих тезисов прибегать к поэтическим отступлениям, оставляя неизбывный простор для толкования многим вредоносными типам.

Наука и философия

Кригер соглашается с Эйнштейном в том, что «большинство фундаментальных научных идей по существу просты и могут быть выражены языком, доступным всем»*. То же верно и в отношении основных философских идей.

Как было сказано выше, несмотря на несовершенство человеческого языка, в некоторых областях человеческой деятельности все-таки достигнута высокая степень четкости изложения, направленная на минимизацию возможности разночтений. Там, где поставлены на карту личные интересы человека, такие, как его благосостояние, свобода и подчас жизнь, было сделано усилие, и язык законов следует признать достаточно четким. Необходимо отметить, что в начале всякого закона идет список определений, ибо в судебной практике давно было замечено, что определение «частной собственности», «права человека», «личной свободы» и многие-многие другие могут толковаться по-разному, подчас с диаметрально противоположных позиций. Именно поэтому всякий закон обычно содержит определения понятий, в него входящих. Кригер отмечает, что это должно быть необходимым условием любой философской работы.

В соответствии с концепцией Кригера, философия безусловно должна быть отделена от науки, ибо философия обычно не имеет

* Эйнштейн А. Эволюция физики. М., 1956. Эти слова взяты из предисловия к французскому изданию.

доказательной основы, построенной на эксперименте.

Науку следует отделить от философии, религии, политики и, более того, от самих ученых. Любой научный эксперимент должен производиться независимыми экспертами, которым неизвестны смысл и цели поставленного эксперимента, и, более того, получаемые ими данные могут быть частично или полностью заблокированы от их интерпретации.

Опять же, такая практика существует и широко применяется в клинических исследованиях, где исследователь в соответствии с международными стандартами «добросовестной клинической практики»^{*} отделен от спонсора, планирующего исследование. Таким образом, нет никакого сомнения в отсутствии вольного или невольного вмешательства субъективности исследователя в результаты эксперимента. Там, где, опять же, поставлены на карту жизни миллионов людей, человеческое сообщество сделало над собой усилие и ввело обязательное использование так называемого double-blind дизайна эксперимента, при котором исследователь и пациент не знают, используется ли лекарство или плацебо. Во всяком случае, лабораторные исследования проводятся чаще всего независимыми лабораториями.

^{*} См. International Conference of Harmonization – Good Clinical Practice Guidelines.

В современной науке намеренное и невольное искажение, а также прямая фальсификация результатов имеют колоссальные масштабы.

Таким образом, на людей, непосредственно занимающихся научными исследованиями, не должны давить необходимость публикации результатов, необходимость получения положительных результатов, необходимость доказательства определенных теорий.

Существующая в современной науке практика, когда другая группа ученых обычно повторяет эксперимент и тем самым подтверждает или не подтверждает данные первооткрывателя, довольно неэффективна, поскольку контролирующая группа ученых может быть в той же мере подвержена вольной или невольной субъективности, направленной на подтверждение или опровержение первоначальных результатов.

Другим примером качественного проведения научных исследований может служить прикладная наука, работающая на благо, например, полупроводниковой промышленности. На эти разработки не действуют ни политические мотивы, ни религиозные воззрения. Все, что интересует такие лаборатории, – создание новых эффективных технологий производства мобильных телефонов, компьютеров и т.д. Критерием успеха такой научной деятельности может служить практический результат.

Фундаментальные исследования должны быть как можно более отделены от ориентации на результат – доказательство или опровержение какой-либо теории. Они должны идти более в

направлении планомерного сбора информации. Хорошим примером может служить проект по расшифровке человеческого генома.

То, что происходит в современном научном мире, мало отличается от средневекового мракобесия, несмотря на то, что современная наука обладает исключительными техническими ресурсами и накопленными фактическими знаниями.

В связи с тем, что фундаментальная наука является содержанкой государства и частных пожертвований, всю свою жизнь ученые должны тратить на поиск грантов, которые выдаются в плоскости политических, экономических и религиозных интересов общества, и я уверяю вас, что если перед современной наукой будет поставлена религиозно-политическая задача доказать, что Земля все-таки покоится на панцире черепахи, – наука это докажет.*

* Вот вам пример такого доказательства. В результате проведенных экспериментов стало ясно, что всю материю и энергию можно свести к тончайшим струнам энергии, вибрирующим в десятимерной вселенной. Примечательное свойство сверхструн в том, что они могут вибрировать лишь в десяти измерениях, а не в четырех, поскольку для удовлетворения и теории тяготения Эйнштейна, и субатомной физики нужно «больше места». Таким образом, можно заявить, что наука не отрицает тот факт, что организация материи, расположенной в десятимерной структуре вселенной, может напоминать мягкий панцирь красноухой черепахи, с чем могут быть связаны такие признаки красноухой черепахи: белые пятна на роговых пластинах, панцирь мягкий и проминается на спине, а на животе остался твердый. Дихотомия в физических свойствах панциря указывает на сходство с тем фактом, что только некоторые измерения вселенной нам удастся наблюдать, в то время как большинство измерений скрыто от непосредственного и опосредованного наблюдения. Следовательно, эксперименты доказывают, что основа десятимерной организации вселенной, в

Итак, в соответствии с философией Кригера, **необходимо отделение философии от науки, а фундаментальной науки от политики, религии и целенаправленного финансирования.**

Не спрашивайте, как такое возможно. В тех областях, где речь идет о непосредственной угрозе жизни человека и здоровью общества, люди нашли более или менее эффективные методы объективизации и контроля исследований. Дело в том, что плачевное состояние дел с объективностью науки влияет на жизнь человека и здоровье общества в той же, если не в большей мере, чем недобросовестно проведенные клинические исследования, но эта связь неочевидна, и поэтому повсеместно игнорируется. Философия, же основываясь на результатах такой науки, доказывающей что угодно, лишь бы заплатили, не может быть объективной. Посему философии необходимо держаться поодаль от научных экспериментов и априори ставить под сомнение их объективность и ценность их интерпретаций.

Кригер сам грешен в попытке обоснования своих философских рассуждений различными научно-популярными фактами. Более того, его попытки антропологической утилизации принципов фундаментальных наук имеют мало

которой находится планета Земля, есть ничто иное, как иерархическая организация, покоящаяся на тех же принципах пространственно-материально-временного континуума, который и является основой дихотомической конфигурации панциря красноухой черепахи.

ценности, ибо обоснование понятий добра и зла не должно базироваться на устройстве вселенной. Однако Кригер не претендует на то, что его произведения являются философскими; посему они должны оцениваться более с литературной точки зрения.

Религия и философия

Прежде всего, философия Кригера заявляет, что **религия должна быть отделена от Бога, ибо в большинстве случаев она не имеет к нему никакого отношения.** Религии задумывались как совокупности национальных традиций, направленных на моральную саморегуляцию интернациональных человеческих сообществ, однако в современном мире, как и на протяжении всей истории человечества, религии являются исключительно инструментами геополитики на общечеловеческом уровне и альтернативой психотерапии на индивидуальном уровне.

Итак, Кригер заявляет, что религия не имеет никакого отношения к Богу, и посему в философии эти два понятия должны быть строго разделены.

Таким образом, религия является частным социально-политическим феноменом, который подлежит изучению с точки зрения социологии и политологии, и рассматриваться философией лишь в той мере, в какой философия касается обсуждения этих наук.

Отношение философии Кригера к Богу будет описано в отдельной рубрике.

Искусство и философия

Искусство базируется на эстетике. Для того, чтобы определить отношение философии к искусству, необходимо разобраться в этимологии слова «эстетика». Эстетику следует определить как теорию чувственного восприятия. Именно Кант как раз и употреблял данный термин исключительно в этом смысле.*

В прошлом определение искусства было чрезвычайно широким. И во французском, и в английском языках слово *art* раньше употреблялось в смысле «способность», «занятие», «свойство индивидуума» – «*your art is...*», «*tout votre art est...*».

Поэтому Кригер обсуждает исключительно понятие «чистого искусства», отделенного от проявления какого-либо ремесла. Основываясь прежде всего на коренном противопоставлении технического производства и художественного творчества, кантовская эстетика определяет изящные искусства как «искусства гения».* Следовательно, чистое искусство отделяется от производства плодов его, ибо это уже становится ремеслом. Кант определяет чистое искусство как

* Кант И. Критика чистого разума. I. Ч. 1, параграф 1 // Соч. в 6 т. М., 1964. Т. 3. Стр. 128-129.

* Кант И. Критика способности суждения. Параграф 46 // Соч. Т. 5. Стр. 323.

совершеннейшее знание, однако неспособное немедленно воплотить его в эстетически оцениваемую форму.

Философия Кригера заявляет, что **искусство не имеет прямого отношения к философии, ибо по сути не имеет самостоятельного философского смысла и является результатом избыточной подмены понятий.** Искусство в своем практическом выражении является частью ремесла, штучного или промышленного производства продуктов потребления, регулируемого спросом, либо в «чистом» своем проявлении является частью знания, выражаемого средствами языка, а следовательно, принадлежащего к литературе.

Оценка же искусства основывается на эстетическом вкусе оценивающего, который проявляется, когда эстетическое удовольствие, вызванное прекрасным, начинает отличаться от простого чувственного удовольствия.

Здесь Кригер обращается к биологам и просит выяснить, есть ли разница на физиологическом уровне между чувственным удовольствием и эстетическим удовольствием. Если таковая разница есть, то при наблюдении эротической картинки из Playboy и статуэтки Венеры Милосской должны возбуждаться разные отделы головного мозга. Если же принципиальной разницы нет и в обоих случаях наблюдатель видит лишь изображение привлекательного обнаженного тела, то отдельный принцип «эстетического» удовольствия может быть поставлен под сомнение. Если вы пожелаете

сравнить реакцию головного мозга на ту же эротическую картинку и на чтение вслух любимых стихов подопытного или прослушивание его любимой музыки, – чистота эксперимента будет нарушена, ибо центры, воспринимающие музыку, стихи и эротический образ, безусловно, будут находиться в разных областях головного мозга, хотя бы за счет того, что канал передачи информации в случае с картинкой является зрительным, а в случае со стихотворением или музыкой – слуховым.

Метафизика Кригера

Кригер соглашается с аристотелевым определением метафизики как области знаний, занимающей место по ту сторону физики, и если физика имеет дело с чувственным миром, то метафизика занимается всем, что находится вне нашего чувственного восприятия. (Это верно и до сих пор. Попробуйте попросить ученого, лишенного зрения, слуха, обоняния и осязания, провести какой-либо физический эксперимент, кроме разве что проверки верности закона всемирного тяготения, который он докажет, шлепнувшись на пол, едва сделав несколько шагов.)

Итак, метафизика по Кригеру находится за пределами человеческих чувств. Следовательно, необходимо разделить мир на четыре неравные части:

- часть мира, себя проявляющая и потому доступная для изучения через чувственное восприятие,
- часть мира, себя проявляющая косвенно и доступная для изучения через чувственное восприятие посредством косвенных характеристик,
- часть мира, себя не проявляющая ни прямо, ни косвенно и недоступная через чувственное восприятие, даже многократно усиленное всевозможными приборами, однако подвластная нашему умственному анализу, и наконец
- часть мира, не существующая, но также подвластная нашему умственному анализу.

Итак, метафизика имеет дело с двумя последними частями, неподвластными прямому или косвенному изучению посредством чувств, а подвластными лишь умственному анализу, не базирующемуся на чувственных доказательствах.

Границы между этими частями не постоянны. Например, еще недавно обсуждение наличия планет в системах других звезд можно было отнести к области метафизики, ибо человечество ни прямыми, ни косвенными чувственными измерениями не могло определить их существование. Однако в настоящее время путем новых косвенных методов найдено более сотни таких планет, в то время как через некоторое время станет возможно наблюдать их непосредственно.

Кто знает, возможно, завтра появятся приборы, которые смогут весьма убедительно делать фотографию вашей души, и эта тонкая субстанция перейдет из области метафизики в область изучения посредством конвенционального чувственного восприятия.

Кантовский проект метафизики «есть ничто иное, как систематизированный инвентарь всего, чем мы располагаем благодаря чистому разуму»*. Кантовское определение априорных элементов познания действительно открывает возможность изучения метафизики. Физика есть фактический анализ опыта, причем ограниченный возможностью современных методов оценки эксперимента. При этом физика увязает в сложной запутанности, где трудно ожидать всеобъемлющих ответов на основные вопросы философии, ибо технические ограничения, чистота эксперимента и объективность исследователя всегда будут вызывать сомнение. **В метафизике нет необходимости ограничивать разум вышеуказанными трудностями, и таким образом метафизика является прекрасным инструментом философии в определении Кригера, то есть разумного анализа и рекомендаций к применению различных иллюзий.**

Поскольку, как указывалось выше, мир состоит из четырех частей, в то время как физика может изучать лишь его малую часть,

* Кант И. Критика чистого разума. Предисловие к первому изданию// Соч. Т. 3. Стр. 80.

метафизика необходима для получения более полной картины мира в рамках иллюзии, удовлетворяющей философа.

Основы морали в философии Кригера

Повторяя во многом своих предшественников, Кригер подтверждает несостоятельность попыток абсолютизации понятий добра и зла. Добро и зло могут трактоваться лишь относительно того, с чьей точки зрения эти понятия рассматриваются.

Однако Кригер, несмотря на вышеуказанное, выводит универсальные понятия добра и зла, основанные на лестнице потребностей Маслоу. То есть злом Кригер считает неудовлетворение этих потребностей, добром же Кригер считает их удовлетворение.

Если два индивидуума удовлетворяют все свои потребности, не мешая в этом друг другу, то между такими индивидуумами не может и не должно возникать конфликтов, а следовательно, и таких отношений, результатом которых может быть зло, как, впрочем, и добро, которое также имеет психологический заряд, ибо ставит индивидуума, получающего «добро», в зависимое положение, заставляя компенсировать получаемое «добро» ответным «добром».

Итак, если все потребности в соответствии с пирамидой потребностей Маслоу будут удовлетворяться, то такой индивидуум будет находиться в состоянии осмысленного счастья. Важно лишь проследить, чтобы удовлетворяя

свои потребности, индивидуум не делал этого за счет неудовлетворения потребностей другого индивидуума.

Кригер предлагает следующую систему удовлетворения потребностей, принимая во внимание решение проблемы ограниченности ресурсов.

Удовлетворение базисных потребностей

Питание

Путем производства необходимой пищевой массы и снабжения ее полезными и сбалансированными свойствами, а также отличными вкусовыми качествами, будет возможно достичь удовлетворения пищевых потребностей всего человечества. Уже в настоящий момент западные страны выбрасывают и потребляют в чрезмерном количестве такое количество еды, которого бы хватило, чтобы накормить всех жителей Земли. Дело в том, что в развитых странах существует истерия обжорства, замешанная на коммерческой рекламе различных пищевых продуктов, и большая часть населения потребляет в три-четыре раза больше еды, чем того требуется, и, более того, страдает от ожирения в катастрофических масштабах.

Разумная организация «пищевого» воспитания и перераспределения пищевых ресурсов может легко удовлетворить растущие потребности всего земного шара.

Проблема убоя животных создает серьезную морально-этическую проблему: на каком основании человек считает себя вправе отнимать жизнь существ, находящихся в близком соседстве от его эволюционного развития?

Когда люди начинают защищать животных, они обычно устраивают бойню людям. Решение этой проблемы просто – необходимо развивать уже начавшиеся разработки по выращиванию мышечной ткани скота в лабораторных условиях. В недалеком будущем станет возможно организовать колоссальные плантации, выращивающие все необходимые мясные продукты. Таким образом, поголовье домашнего скота может быть постепенно сокращено путем естественного процесса смертности и ограничения рождаемости.

Вкусовые качества таких выращенных мясных продуктов постепенно будут улучшаться.

Жилье

Необходим новый подход к строительству жилья. Прежде всего, воспользовавшись интернет-революцией, необходимо большую часть общественных функций индивидуума сделать виртуальными, и таким образом расселить крупные города на огромных просторах пустующих земель. Необходимо разработать дешевые методы возведения прочного и теплоизолированного жилья с максимальным использованием местных ресурсов (энергия ветра, энергия солнца, водные ресурсы), чтобы не тянуть коммуникации на

многие километры. Необходимо разработать дешевые и надежные средства транспортировки по воздуху.

Таким образом будет решаться проблема жилищного кризиса в крупных городах и запустения и практически остановившегося освоения новых земель. Страны, обладающие огромными свободными пространствами, будут предоставлять возможность их заселения иммигрантам нового типа, которым от государства, куда они прибывают, ничего, кроме участка земли, не требуется, ибо большую часть рабочих отношений и услуг такой иммигрант будет, соответственно, осуществлять и получать виртуально.

Проблемы уборки помещений должны быть решены на уровне самой концепции строительства, с разработкой «самочистящихся домов» с помощью «самопылесосящихся полов» или с применением мусороочистительной нанотехнологии.

Проблема мебелировки и эстетического декорирования домов будет решаться с помощью экранной технологии, при которой внешняя стена дома будет представлять собой плоский материал экрана, который сможет создавать любые имиджи внешнего архитектурного оформления. Внутренняя декорация стен, полов и потолков будет производиться тем же способом.

Подобная экономия ресурсов позволит высвободить производственные мощности на

произведение необходимой технической базы для осуществления таких проектов.

Здравоохранение

Дальнейшее развитие фармакологической промышленности, нанотехнологий, клонирования стволовых клеток даст возможность раннего выявления заболеваний и их индивидуальной и эффективной коррекции. Более того, человек будет иметь возможность увеличивать силу своих мышц, предохранять себя от травм и, главное, интенсифицировать деятельность органов чувств и головного мозга.

Секс

Жизнь, заполненная сбалансированным удовлетворением всех потребностей, значительно снизит зависимость человека от сексуальных отношений; более того, электронно-виртуальный мир позволит в значительной степени реализовывать необходимые потребности. Однако важность естественной любви ни в коей мере не будет приуменьшена. Просто ради наличия сексуального партнера человек не должен будет страдать от насилия в семье и морального давления. Таким образом, выбор совместного проживания и образования семьи будет в действительности вызван соображениями высшего порядка, а не тривиальными сексуальными потребностями, которые научный прогресс сможет либо снизить, либо удовлетворить ничуть не менее

эффективным образом, чем это происходит естественным путем.

Алкоголь, курение и наркотики

И то, и другое, и третье является малоэффективным и опасным средством регуляции настроения и попыткой ухода от реалий жизни. Все три зла являются результатом социального воздействия и рекламной или уличной пропаганды. При достаточном физическом удалении друг от друга и минимализации социальной жизни в ее негативном смысле эти привычки должны отмирать. При доступе к эффективным фармакологическим и электронным средствам коррекции настроения и работоспособности необходимость в употреблении алкоголя и наркотиков полностью отпадает.

Здоровый образ жизни

Регулируемые компьютерами, сбалансированные спортивные занятия необходимость в которых будет внушаться с самого детства, значительно улучшат самочувствие индивидуумов.

Накопление, деньги

Люди до сих пор ведут себя, как белочки, — тянут к себе в норку все, что плохо лежит. Необходимо с помощью значительного сдвига в виртуальную реальность обесценить большинство из существующих благ. Любой миллионер, как и любой человек низкого

достатка, обладая компьютером с одинаковым объемом памяти, может создать какое угодно число файлов «Ворда». Таким же образом, как обесценивается любой созданный и стертый файл, должны обесцениться украшения, декорации домов, внешний вид средств передвижения, ибо внешний вид – это всего лишь иллюзия, которая легко воспроизводима электронными средствами.

Накопление денег должно стать бессмысленным, как накопление пустых файлов. Безусловно необходимо провести огромную воспитательную работу среди человеческого населения.

Потребность в агрессии

Безусловно, потребность в агрессии может быть перенаправлена в творческую энергию. Однако запретами мало чего можно добиться. Таким образом, необходимо умелое использование агрессивных компьютерных игровых программ, которые должны предоставляться тем, на кого подобная программа подействует как средство сублимации и предотвратит реальную агрессию. Однако такие программы не должны доставаться тем, на кого воздействие подобной программы может произвести обратный эффект, стимулирующий активную физическую агрессию. Простые психологические тесты и другие средства могут легко определить разницу между первым и вторым типом людей.

Удовлетворение потребностей в безопасности

Защита от мнимых опасностей

Большая часть людей страдает от страха перед мнимыми опасностями, вероятность которых ничтожно мала. Снижение криминальной активности (грабежей, увечий, а также изнасилований) в связи с переходом на виртуальные отношения, а также запрет демонстрации актов насилия в средствах массовой информации и интернете вызовет резкое снижение беспокойства здорового населения. Однако лица, страдающие невротическими изменениями, будут быстро диагностироваться, и им будет предоставляться возможность фармакологической коррекции.

Защита от реальных опасностей

Эффективизация здравоохранения, снижение скученности населения, безопасность, заложенная в устройстве домов (негорючие строительные материалы, самотушение, определение вредных веществ и т.д.), полный запрет любого оружия и другие методы борьбы с повышенным риском травматизации практически полностью удовлетворят потребность в безопасности. Кроме того, низкая вероятность разбоя (ибо большая часть ценностей станет виртуальной) и невозможность физической агрессии через интернет практически сведет к нулю опасность стать жертвой криминальной активности. Тем более что если все потребности самих преступников будут удовлетворяться, то

их мотивация к преступным действиям значительно снизится.

Преступников не будут изолировать, сгоняя в тюрьмы, где они подвергаются дарвиновской практике выживания и выходят подчас либо совершенно сломленными, либо еще более преступными. Домашний арест в доме нового типа вполне будет достаточен и надежно защитит общество от преступника на необходимый срок, в то время как с ним будет проводиться целая программа виртуального перевоспитания.

В случае вооруженных конфликтов все жители, возможно, вместе с их легко собирающимися и разбирающимися домами, будут эвакуироваться в благополучные страны, и в месте конфликта будут оставаться только те, кому приспичило повоевать. При выезде будет строго контролироваться, чтобы у людей не было оружия. Кроме того, в скором времени детекторы лжи будут значительно более мощными, и человек не сможет скрывать своих намерений. Кому пришло в голову поубивать друг друга, будут предоставлены сами себе и, возможно, приведены к порядку с помощью военных роботов, способных отловить вояк и посадить под домашний арест. Более военным не удастся держать население в зоне конфликта основным заложником и предметом шантажа.

Потребность в любви

Интернет недалекого будущего сможет в полной мере удовлетворить большую часть подобных потребностей. Интенсивное общение с

применением видео и голограмм позволит создать иллюзию нормального общения с друзьями, возлюбленными и даже родственниками. Недалек тот час, когда каждый сможет выбрать себе любую внешность и одежду, и именно таким образом представлять перед своими друзьями и собеседниками, ибо в виртуальном мире все возможно. Это снизит необходимость в производстве дорогостоящей одежды, косметики и особенно парфюмерии.

Безусловно, это не замещает возможность общения в нормальном смысле, однако процент такого общения будет снижен настолько, насколько это необходимо для зачатия и воспитания детей.

Человек, таким образом, превращается в сгусток идеи, мысли, притом никак не сдерживаемый материальными ограничениями.

Потребность быть принятым в обществе

Опять же, виртуальное общение предоставит неограниченные возможности для этого. При том, что условия жизни большинства людей будут примерно равны, как равны возможности интерфейсов современных программ (Билл Гейтс в своем офисе и негритенок в общественной библиотеке в Нигерии видят тот же интерфейс программы MS Word), возможность свободного общения также будет практически неограничена. Интернет будет строго выкорчевывать любые попытки агрессивного поведения в видеофорумах и чатах. Более того, новое воспитание и запрет на агрессивные фильмы

снизят уровень агрессии и увеличат шансы быть принятым. Если у кого-то будут возникать серьезные проблемы, то для них будут создаваться «виртуальные» друзья, которые будут принимать их такими, каковы они есть, будучи электронными программами.

Кригер утверждает, что современный образ жизни более неоправдан и лишь является делом привычки и отсутствия разумной реорганизации; рано или поздно все перечисленные изменения неизбежно произойдут.

Потребность в знаниях

Кригер утверждает, что всеобщая интернетизация отменит необходимость в школах и любых других учебных заведениях, а именно они, на втором месте после тюрем, являются рассадниками неврозов, наркомании, промискуитета и агрессии.

Умственная деятельность будет совершенно необходимым занятием каждого индивидуума, и учиться люди не будут прекращать всю жизнь. Однако учеба перестанет быть накоплением знаний, а станет совершенствованием способности их нахождения, классификации и анализа. То есть из блока памяти человек должен превратиться в процессор.

Большая часть людей будет вовлечена в виртуальные трудовые операции, требующие их непосредственной аналитической способности, контролируемой и поддерживаемой компьютерами. Другая часть будет заниматься самосовершенствованием в искусствах или продвижением наук.

Потребность в эстетике

Как уже было сказано, электронные устройства позволят удовлетворять эстетические потребности в музыке, декорации дома, меблировке, украшениях и одежде. Создание иллюзии внутренних пространств и захватывающих дух видов из окон позволит поднять эстетическое удовлетворение от жизни на небывалую высоту. Воспитание в том духе, что реальность не менее иллюзорна, чем

виртуальная реальность, позволит находить достаточно удовлетворения в подобном образе жизни при практически нулевых затратах.

Потребность в самореализации

Эта потребность остается наименее удовлетворенной в современном мире. Только десять процентов людей каким-то образом самореализуются. Человечество недопонимает важность самореализации для человека. Дело в том, что самые большие неприятности у человечества возникают отнюдь не от голодных (их в Африке миллионы, однако они пока сидят тихо), не от сексуально озабоченных, не от незащищенных и нелюбимых, неучей и лишенных эстетических наслаждений. Все проблемы у человечества возникают от тех, кто не сумел самореализоваться, не погубив несколько десятков миллионов человек. Проявлением неудовлетворенной самореализации является феномен Гитлера и Ленина, Сталина и Мао, Саддама и Бин Ладена.

Общество должно в первую очередь задуматься, как, используя неограниченные электронные возможности, дать возможность самореализации подавляющему большинству населения. Более того, самореализовавшись, люди стремятся помочь самореализоваться другим и, таким образом, в какой-то мере становятся самообслуживающейся организационной структурой. Необходим лишь первый изначальный толчок, организация такой системы, в которой все ее члены смогли бы

достойно самореализовываться, и результаты их самореализации сохранялись бы и были бы востребованы на общечеловеческом уровне.

Безусловно необходимо правильное воспитание, направленное на поиск «экзистенциального проекта», о котором говорил Сартр.

Пространство и время в философии Кригера

Кригер подтверждает основные определения пространства и времени, данные его предшественниками, отмечая, что время есть лишь иллюзия человеческого сознания. Пространство, возможно, тоже является иллюзией. Например, ведя компьютерную телеконференцию с собеседником на другом конце земного шара, как вы оцениваете расстояние до носа собеседника? Ваши органы чувств подсказывают вам, что это расстояние равно примерно 30 сантиметрам, в то время как истинное расстояние может равняться 12 тысячам километров. Ну, и какое расстояние реально? Какое пространство имеет смысл? Вы ведете себя именно так, как если бы собеседник находился в непосредственной близости от вас. И это при современных, еще далеко не совершенных методах связи. В будущем качество голографического изображения будет создавать абсолютно неотличимую от реальности картину.

Насчет времени Кригер также отмечает, что с помощью новейших средств коммуникации и

работы с компьютером многие действия стали обратимы во времени. Нажатие клавиш «Ctrl+Z», возвращающее на шаг назад, все прочнее проникает в нашу реальность. Все меньше роковых ошибок мы можем совершать.

Я уже не говорю о компьютерных играх. Представьте себе, что ваш собеседник – компьютерная программа, и вы его каким-то образом обидели, – стоит сделать шаг назад, и вы вернетесь во времени.

Ностальгия по ушедшим людям и несостоявшимся отношениям может компенсироваться виртуальными копиями этих людей, ностальгия по обстановке вашего дома детства тоже излечима путем воссоздания виртуального антуража вашего дома в полном соответствии с вспоминаемыми объектами. Имеется в виду, конечно, что вы выросли в таком же электронном доме и он просто имеет в памяти декорации, соответствующие вашему детству. Хотя при условии, что замена декораций будет производиться нажатием кнопки, я думаю, интерьеры будут менять довольно часто. Вчера – интерьер Версальского дворца, сегодня – уютная деревенская изба. Иллюзия свободного пространства и бесконечных залов также легко создается электронным образом.

Итак, Кригер заявляет, что пространство и время перестают иметь решающее значение, как только люди переходят к виртуальному образу жизни. Более того, нет более необходимости предпринимать большую часть путешествий, ибо они становятся совершенно бессмысленны.

Хотите посетить Лувр – нажмите кнопку, и ваша комната превратится в любой из залов Лувра.

Поскольку поездки потеряют смысл, это значительно снизит энергетические затраты цивилизации. Полеты человека в космос станут совершенно бессмысленными, ибо с более развитой космической аппаратурой будет возможно оказаться на любом небесном теле Солнечной системы без какой-либо необходимости предпринимать опасные путешествия.

Человеческая цивилизация станет самодостаточной и удовлетворенной, не испытывая необходимости в невозможных полетах к далеким звездам, ибо в виртуальной реальности все это будет возможно без каких-либо энергетических затрат, а так ли уж важно, как именно выглядят безжизненные скалы где-нибудь на планете, вращающейся вокруг отдаленной звезды? Человек же не переживает из-за того, что он не может стать меньше атома и приземлиться на ядро водорода. Хотя в виртуальной реальности и это будет возможно.

Даже поиск братьев по разуму становится бессмысленным, ибо те, кто хотят встречи с ними, вполне смогут реализовать ее в виртуальной реальности, не навязывая это людям, не желающим с ними встречаться. Тот факт, что наши компьютеры полнятся дебильными играми, вовсе не значит, что те же технические принципы не могут быть положены в основу серьезной виртуальной реальности, которая сможет решить все человеческие

проблемы. Возможно, поэтому мы и не встречаемся с инопланетянами из более продвинутых цивилизаций, – потому что, вполне вероятно, они давно и счастливо сидят по своим домам на своих родных планетах и встречаются с нами в своей виртуальной реальности. И какая разница, если они ошибочно полагают, что у нас три ноги и семь ушей... Вскоре внешность перестанет иметь какое-либо значение, и при желании каждый сможет появляться в виртуальной реальности в виде говорящего стула.

Ведь то, что мы наблюдаем сейчас в виде человека, это приятное на вид тело, – оно лишь поверхность человека, а внутри зловонная реальность... Однако мы вполне согласны наблюдать только внешнюю сторону, так почему бы нам не пойти дальше и не видеть человека таким, каким бы он хотел, чтобы мы его видели?

В большинстве случаев люди жалуются не на сам факт использования виртуальной реальности, а на то, что она содержит, и на технические характеристики: недостаточно реалистичное изображение, отсутствие запаха, осязательности, объема. Однако это все поправимо. Либо воздействуя непосредственно на мозг, минуя органы чувств, либо через органы чувств вскоре будет возможно создавать виртуальную реальность, возможно, более реальную, чем настоящая, которая сама по себе не более чем иллюзия, предстающая перед нашими органами чувств.

Философия мироздания и философия духа

Согласно философии Кригера, не следует искать всеобъемлющих теорий объяснения устройства мироздания, а философия духа должна рекомендовать такие иллюзии, в результате которых человек бы занимал достойное место в необъясненной вселенной.

При этом Кригер предлагает сконцентрироваться на планомерном сборе данных и их методичном анализе, безотносительно к той или иной космологической парадигме.

Сознание в философии Кригера

Сознание в философии Кригера является главным фактором, определяющим личность, но, опять же, Кригер отмечает несовершенство сознания и предлагает всячески способствовать увеличению его возможностей с помощью виртуальной реальности.

Язык в философии Кригера

Язык в философии Кригера подвергается критике, как несовершенный инструмент общения, однако, как и сознание, язык может быть усовершенствован с помощью электронных приборов и компьютеров, что уже происходит в настоящее время.

Труд в философии Кригера

Труд в философии Кригера теряет свою обязанность быть продуктивным в обычном индустриальном смысле слова. Главной задачей труда любого индивидуума Кригер считает удовлетворение собственных потребностей оного индивидуума в соответствии с пирамидой Маслоу, обсужденной выше. Вторичной целью труда человека должно быть удовлетворение этих потребностей у других, и даже не из христианского нерационального сострадания к ближнему, а из простого практического соображения, что если сосед голоден, то он придет и не только отберет хлеб у тебя, но и еще, чего доброго, может в сердцах тебя убить, а дом твой подпалить, даже невзирая на то, что изготовлен он из несгораемых материалов.

Функция трудящихся должна заключаться либо в удовлетворении собственных потребностей, либо в удовлетворении потребностей других. Однако всякая рутинная и монотонная работа должна быть передана компьютерам и автоматическим системам.

Свобода в философии Кригера

Кригер отрицает свободу быть несчастным или агрессивным, а следовательно, ограничивает свободу человеческого выбора. Будучи несчастным (неудовлетворенным) и агрессивным, человек мешает жить другим людям, поэтому Кригер вводит **понятие долга каждого человека удовлетворять в полной**

мере свои потребности, но не в ущерб другим людям, а по мере удовлетворения своих потребностей человек должен помочь удовлетворять потребности других.

Свобода по Кригеру может быть только осознанная и позитивная. Человек не должен иметь свободы к саморазрушению и к причинению физического или нравственного вреда другим. В остальном человек может быть совершенно свободен. Кригер утверждает, что с унификацией условий жизни во всем мире иммиграция потеряет смысл, национальные государства ослабятся и возникнут мировые системы управления.

В виртуальном мире будут развиваться и упрочняться системы самоуправления.

Каждый амбициозный человек сможет построить виртуальную империю любого размера. Именно за счет таких преимуществ виртуального мира следует не осуждать его, а улучшать и пропагандировать, ибо нет более короткого пути к свободе, чем через интернет и подобные ему системы.

История в философии Кригера

История, согласно концепции Кригера, должна быть пересмотрена в свете его основных тезисов, и эта переоценка может привести к осознанию, что далеко не все события истории, принимаемые как положительные и прогрессивные, были таковыми.

История как наука не имеет большого смысла, согласно Кригеру, ибо является набором плохо проверенных фактов, большинство из которых до неузнаваемости искажены.

История должна быть отделена от политики и религии, ибо большая часть геополитических конфликтов зиждится на исторических фактах, действительных или подтасованных.

Человечество должно признать, что большая часть его истории прошла в пленках весьма сомнительной чистоты, а посему не следует раздувать важность исторических фактов, которые должны изучаться исключительно с точки зрения исторической науки, а не отбрасывать тень на современные события. Манипуляция историческими фактами в политических целях должна безоговорочно осуждаться.

Геополитика в философии Кригера

Согласно геополитической модели Кригера, лишь малая часть человечества готова развиваться в соответствии с принципами его философии, однако, опять же, интернет позволяет расширить этот круг людей и стран. Конечно, мир еще долго будет нести в себе заряд ненависти и агрессии, инерцию зависти средневековой и жестокости людоедской. Но более того – чем скорее западная цивилизация начнет переходить на виртуальный образ жизни, заменяя составляющие образа жизни на другие, экономичные и удовлетворяющие всем

потребностям, например, роскошные трехэтажные (хоть и практически картонные) дома на виртуальные, – тем меньше зависти они будут вызывать у народов, чье созревание происходит значительно медленнее; более того, возможности для повышения уровня жизни отсталых народов возникнут из более разумного использования материальных ресурсов, высвобождающихся в результате перехода к виртуальной цивилизации.

Бог
в
тео
лог
ии
Кр
иге
ра

Б
ог в
тео
лог
ии

Кригера определяется как все существующее, могущее существовать и не могущее существовать. Посему мы можем разрешить противоречие, возникшее выше: что якобы даже Бог не в состоянии доказать самому себе, что он Бог. Бог по определению Кригера являет собой ВСЁ И НИЧТО, ибо то, что существует и может существовать, подпадает под определение ВСЁ, а

то, что не может существовать, соответственно, подпадает под определение НИЧТО. Поэтому такой Бог ничего себе доказывать не будет. Если же Кригер умрет, и на том свете к нему явится добрый дядя и скажет, что он Бог, Кригер ему поверит, но будет считать его лишь одним из проявлений Бога, ибо Бог для Кригера – ЭТО ВСЕ И НИЧТО, и даже если Кригер неправ, то Бог не станет на него обижаться за то, что Кригер немного преувеличил его, Боговы, возможности и размеры...

Таким образом, я изложил перед вами свои воззрения на основные философские вопросы, и теперь вам решать, стал я философом или нет. Однако если вы не признаете меня философом, я не очень обижусь, ибо вас не услышу, а то, что я не слышу и не вижу, практически не существует, так что можете гасить свет – вы не существуете, а поэтому и считать ничего не можете.

Глава сорок седьмая

Как я стал миллиардером

Поскольку деньги в наше время имеют огромное значение (почти такое же, как и во все прочие века), мне пришлось их зарабатывать.

Деньги все более и более становятся иллюзорными. Уже нет больше туго набитых кошельков с золотыми монетами, редко

встретишь и бумажник, набитый крупными купюрами. Деньги в западном мире стали цифирками и ноликами на экране компьютера. Вы идете на сайт вашего банка, вводите ваш номер клиента и пароль. Появляется ваш счет. Скажем, это выглядит так:

Account Balance	\$
220.00	

Скопируйте эту цифру и добавьте ноликов. Вот вы и миллиардер. Только не запутайтесь с запятыми. Если у вас нет счета в долларах, можете скопировать цифру из этой книги. Вот, пожалуйста, мне не жалко:

Account Balance	\$
220,000,000,000.00	

Собственно, все. Мы с вами стали миллиардерами. Вы счастливы? Я тоже. Вы скажете, что я просто дурачусь? Вовсе нет! Если бы каким-нибудь фантастическим образом вам перевели на счет эту сумму, это выглядело бы именно так, и реальность, которую вы наблюдаете на экране, написав себе эту цифру сами, никак не отличается от той, которая была бы на самом деле. Да-да, именно экран вашего подержанного компьютера или (в случае самых некомпьютеризированных) распечатанная бумажка с этой невообразимой цифрой.

Посмотрите на эту сумму. Ну, и что вы с ней будете делать? Купите себе дом. Вам что, негде

жить? Покушаете от пуза. Вы что, голодны? Купите себе ковер-самолет. Что еще? Вы понимаете, что, во-первых, эта сумма уже не деньги, а огромная геополитическая единица, и вас не оставят в покое, пока не вывернут вам кишки с мозгами набекрень. Вам действительно нужна вся эта головная боль? Суды, иски. Тяжбы, помощь народам Африки, пуля в затылок от какого-нибудь наследника, ежесекундный страх разорения, миллиарды людей, проклиняющих ваше имя... Вы поговорите с Биллом Гейтсом, он имеет примерно десятую часть вышеуказанной суммы.

А как же насчет притчи Иисуса Христа, где он говорит, что богатому в царство Божье – все равно что верблюду через игольное ушко? А с такой суммой вы не верблюд – вы синий кит тридцати двух метров длиной.

Вы скажете, что не претендуете, что вам бы кто дал столик, вы бы хоть зубы вставили, и то было бы счастье на вашей улице. Согласен, значит, мы с вами сознательно отказываемся от миллиардерства. Все, стираем лишние нолики.

Итак, мы с вами решили, что владение деньгами самими по себе не имеет никакого значения, ибо является в наше время лишь длинной цифрой на мониторе. Следовательно, все, что имеет значение, – это насколько деньги могут помочь вам удовлетворить ваши потребности по списку Маслоу и насколько они же, родимые, помогут вам осуществить ваш экзистенциальный проект – тот, что навалил нам на плечи Сартр.

Роскошные дворцы и яхты примелькаются вам через год, толпы хамовито-заискивающих друзей и слуг надоедят вам через неделю.

Все равно вам придется удовлетворять высшие потребности, самореализовываться и совершать священнодействие — строить свой экзистенциальный проект.

Почем я знаю? Может, вы ведете свинский, животный образ жизни, и вам кроме как пожрать от пуза ничегошеньки не надо. Я знаю, что это не так. Человек, дочитавший мой самороман до сорок седьмой главы, наверняка ищет что-то еще в жизни, кроме сытной похлебки. Если вы человек, стоящий в книжном магазине и открывший книгу именно на этой главе, потому что только тема миллиардерства вас заинтересовала, это, конечно, хуже, однако и с вами не все потеряно. Большинству людей нужно нечто большее, чем сытная похлебка.

Вся тайна жизни состоит в секрете организации вещей. Ведь самый сложный объект из всех нам известных — наш мозг — состоит из тех же атомов, что и неживая материя... Все дело в том, в каком порядке они расставлены.

Также важно попытаться организовать собственную жизнь. Не так, как нравится тете Нюре из бакалеи, и не как это представляется бабке Пелагее на скамейке у подъезда, а именно как это видится вам.

Конечно, нечего и думать решать задачи самореализации, когда у вас течет крыша над головой, а пьяный муж дерется, и вам уже хорошо за сорок. Меня часто спрашивают — как

бы могла помочь себе та, или эта, или вон тот безногий в котелке на углу. Что он там делает? Догадайтесь сами – просит милостыню.

Я отвечаю: «Вы бы мне его еще в гробу показали и спросили бы, как ему переделать его жизнь».

Дело в том, что все в жизни взаимосвязано, и нельзя сразу в ней поменять все, развернуться на 180 градусов. Первое, что должно прийти в голову, – это привычка думать, потому что без думанья вы представляете собой несчастную душу, несомую по жизни безжалостными ветрами кармы (что-то вроде как на том свете, по описанию Тибетской Книги Мертвых).

Я люблю людей и иногда рассматриваю их тайком. Я вижу насквозь их несчастья, заблуждения и тайные желания. Из подавляющего их большинства могли выйти умные, удовлетворенные и осознанно счастливые люди, от которых расходилась бы волна спокойствия и благодати. Однако всякий, кого я ни встречу, нервен и отчасти несчастен. Я не могу им помочь советом, ибо тогда будет необходимо переменить их жизнь настолько, что это может показаться бессмысленным: принесешь им больше вреда, чем пользы. Однако мудр тот, кто учится у каждого человека.

Давайте же позаботимся о самих себе. Давайте оставим на время других людей в покое. Завтра же с утра не встанем с кровати, а начнем думать. Отбросим все, что нам было известно до сих пор, как советовал Декарт, и начнем заново переосмысливать жизнь пункт за пунктом.

Мне есть, что кушать? Доволен ли я этим? Является ли страсть к обжорству и дорогим блюдам действительной частью меня, или же я таким образом пытаюсь подсластить свою неудавшуюся жизнь? В интимно-чувственном плане я удовлетворен, или сметенная душа просит иного и большего? Опять же моя неудовлетворенность проистекает от истинной потребности, или же как компенсация за неудовлетворенность во всех других отношениях? И так далее, и тому подобное. Я многократно повторял список всех потребностей человека в этой книге и не вижу надобности толочь воду в ступе еще раз. Вы вполне способны потолочь ее для себя, ибо я толку эту воду для себя каждый день.

Конечно, окружающие не подадут вам руки, они имеют свои собственные планы и потребности. Обществу нужно, например, чтобы я был полотером или растерзанным солдатом. Я так не считаю. Ну что ж, значит, общество вполне перетопчется.

Ведь общество не первично, а вторично. Не люди существуют для общества, а общество существует для людей. Неважно, что мы не могли бы сформироваться как разумные существа без общества. Как я уже говорил в другой своей книге, цветы, выросшие из навоза, вовсе не обязаны всю жизнь кланяться этому навозу, забывая о том, что они – цветы.

Вы – цветок, дорогой мой читатель. Вы – цветок, дорогая моя читательница. Вы – цветок,

дорогое мое читательницo, лицо среднего рода с планеты Тудыть в системе звезды Растудыть.

Довольно кланяться навозу, оставим его в стороне от наших судеб. И если в процессе длительных размышлений окажется, что вам просто абсолютно жизненно необходимо стать миллиардером, то мы снова проведем упражнение с приписыванием нулей и подумаем еще раз.

Глава сорок восьмая

Как я стал нищим

Рассуждая таким образом, как в прежней главе, я понял, что мне, в общем-то, очень мало надо в этой жизни, что все мое дурное обжорство, стремление к роскоши, властолюбие – было ничто иное, как попытка компенсации отсутствия моего экзистенциального проекта.

Конечно, я трачу сейчас не меньше, а больше, но характер моих затрат изменился. Я трачу на издание собственных книг и их популяризацию, и именно это становится моей главной статьей расхода.

Если обстоятельства не позволят мне тратить деньги на издание книг, я буду писать в стол, если меня лишат компьютера, я буду писать огрызком карандаша. Если я не смогу писать – я просто буду думать. Если я не смогу думать – я перестану существовать. Не так ли сказал нам Декарт?

Конечно, я постараюсь применить часть своих усилий, чтобы не доводить себя до нищенства, но морально – я не боюсь нищеты... Больше не боюсь.

Я приложу свою энергию, чтобы заставить этот мир поделиться со мной своими материальными ресурсами, ибо я считаю, что то, что я делаю, действительно нужно людям. Хорошо, пусть не всем. Пусть немногим. Хорошо, пусть только одному человеку. Это нужно мне, а ведь я человек? Человек ли я? Я ли человек? А Бог его знает, но так или иначе это

нужно мне, и мир может подвинуть свой толстый зад на сотую долю микрона и дать мне сесть на лавочку с краю. Ничего, не рассыплется.

Я верю в светлое будущее человечества потому, что взгляните на нервного рыдающего ребенка лет десяти, – вот что представляет собой наш мир. Тот факт, что все свое детство он провел в драках и нередко делал себе в штаны, совершенно не означает, что мир не может вырасти в приятного молодого человека с устроенной жизнью и светлыми устремлениями.

Ну что поделаешь, если человеческая цивилизация уже несколько сотен тысяч лет находится в детском возрасте? Вы помните, как долго в детстве тянутся часы?

Нищий в моем понимании — это не обязательно тот, кто просит милостыню. Нищий — это тот, у кого ничего нет и которому ничего не надо. Раз он жив, значит, он что-то поел, где-то поспал. Готовность удовлетвориться самым малым — это наиневобходимейшая составная человеческого счастья. Я не хочу ставить себя в зависимость от фортуны, денег, успеха, клиентов, работодателей. Я хочу быть свободным, и единственная моя несвобода заключается в том, что я несвободен быть несчастлив, наносить вред себе и другим. Во всем остальном я совершенно свободен. Готовность к нищенству есть необходимый путь к этой свободе, даже если вы живете во дворце.

Нищенство не должно ассоциироваться с несчастьем. Конечно, не нужно к нему стремиться, но если нас спросят, хотим ли мы в богатстве существовать животной жизнью или же в нищете осуществлять свой экзистенциальный проект, – нет никакого вопроса. Конечно, в нищете. Конечно, проект!

Я был очень беден, когда прибыл из России в Израиль. То есть настолько беден, что даже в какой-то мере почти голодал. Я покупал пакет риса и соль, и это все, чем я питался. Я копил деньги, чтобы пригласить Анюту (впоследствии Маськина) и на ней жениться. И я не жалею, ибо лишний бутерброд, съеденный в 1990 году, меня не окружил бы сейчас любовью и заботой, дружбой и пониманием. Мне хочется забыть часы нужды, но не забывать того, чему они меня научили. Нужда – это блеф. Нужда – это самая настоящая иллюзия. Ибо, как говорил Маськину Сенека: «Не тот беден, у кого мало, а тот, кто хочет большего».

Издевательства окружающих тоже не имеют никакого значения, если причина бедности – не лень и не дебилизм, а благородная цель или несчастные обстоятельства. Ибо не уметь переносить бедность постыдно; но не уметь избавиться от нее трудом еще постыднее, как утверждал Перикл. Однако я работал на двух-трех работах в Израиле в течении шести лет, но бедность моя от этого не уменьшалась. «Крайняя бедность народа почти всегда является преступлением его вождей», как говаривал П. Буаст, и я обвиняю дурное правление этой

страны за то, что люди там не могут жить достойно, даже работая на трех работах.

Однако «бедность – уничтожение всех наших дарований», как утверждал Я. Княжнин, и это в какой-то мере верно, ибо если ты вынужден целые дни добывать пропитание, то можно забыть и о мыслях высоких, и о творчестве. Я помню, что между работами я страдал дома от всепоглощающей скуки! Я не мог читать. Мне не хотелось писать. Мне было скучно!!!

Конечно, надо стараться избегать бедности, но не таким кондовым путем, не порабощая себя настолько, что свет становится не мил и всяческий смысл жизнь улетучивается.

Мир полон возможностей заработать деньги и не попасть в тюрьму. Просто необходимо достаточно упорства и готовности на умеренный риск. Я бы не сказал, что для успеха в бизнесе необходимо много ума. Вы можете сказать, что необходимо отсутствие совести. Необязательно. Можно найти себе занятие, при котором все будут довольны: и вы, и ваш покупатель, и даже... в какой-то мере государство, в котором вы живете. (Хотя это как раз самое сложное. Ибо государство никогда не бывает вполне довольным, даже если вы вывернетесь наизнанку и отдадите ему свою селезенку в качестве налога.) Но, опять же, это зависит от государства. Поэтому я считаю: не стоит задерживаться в государствах, в которых правительство особенно преступно, приводит к обнищанию своих граждан и не выполняет своих основных функций в соответствии с «общественным договором»

Руссо – не защищает вас от врагов внешних и внутренних, превращает образование ваших детей в фарс, а здравоохранение в службу предварительного погребения. Такие государства нужно бросать сразу и бесповоротно, ибо лишний год, проводимый в такой стране, – год, выброшенный напрасно.

Бедности не нужно бояться, хотя следует ее всячески избегать. Однако экономия лишь на время предотвратит ваше падение в бездну нищеты. Самопорабощение на тупых, нудных и малооплачиваемых работах – знаете, лучше уж нищенствовать совсем, здоровее и счастливее будешь.

Вот вам притча из статьи Валерия Кузнецова «Как стать нищим»*:

В одном городе закрылось предприятие, и в числе других уволили человека, который совсем немного не доработал до пенсии. Пришлось на старости лет сделаться попрошайкой. Вначале ему было стыдно, но постепенно он привык к такой жизни.

Однажды к нему подошел другой нищий. Оказалось, что за место надо платить взнос в общую кассу и регулярно посещать собрания нищих для обсуждения текущих вопросов. Потом местный священник пригласил в воскресенье посидеть на паперти - для кворума, затем телевизионщикам понравился его типаж, и человека сняли в массовке... Словом, через короткое время жизнь его наполнилась смыслом.

* http://students.web.ru/bards/Kuznecov_V/academy/academy3.htm

День был расписан по минутам: кроме основного занятия, он представлял на митингах, возглавлял союз многодетных матерей, помогал домушникам сбывать краденое и состоял платным осведомителем в районном уголовном розыске.

Как-то его встретил бывший сослуживец, сообщивший, что их предприятие выбралось из кризиса и приглашает всех специалистов вернуться на прежнюю работу. Он выслушал сослуживца, подумал – и отказался. Человек понял, что наконец-то нашел надежное место в жизни. Рабочего – уволят, депутата – не переизберут, министра – отправят в отставку. Все в этом мире зыбко и непостоянно. И только нищий может быть спокоен за свой завтрашний день, который никогда не будет хуже вчерашнего. Потому что милостыню подадут всегда. Во все времена.

Голыми мы пришли в этот свет, голыми его и покинем. Как ни ешь свои ассигнации с медом, на тот свет ты их с собой не унесешь. Единственное, что мы можем сделать на этом свете, – это реализовать себя и помочь реализоваться другим. Все остальное – лишь вспомогательное горючее для этих простых, но изысканных целей. Отказавшись от самореализации, мы уподобляемся автомобилю, который потребляет горючее, простаивая в гараже и отравляя окружающих выхлопными газами. Для того, чтобы самореализоваться, вовсе не обязательно писать двадцать томов или летать на Луну. Можно сесть и начать

расписывать деревянные тарелки, а можно просто вязать теплые и удобные носки, но обязательно для внуков, в коих и будет выражаться наш экзистенциальный проект. Главное – это не то, что мы делаем, а то осознание ненепрасности и востребованности, которое мы при этом получаем.

Вы знаете, может быть, я бы мог реализоваться как полотер или как растерзанный солдат.

Просто это было не в моем вкусе, и я бы попросил мне такой тип самореализации не навязывать.

Результаты нашей самореализации вовсе не обязаны быть материальны. Хорошо стало на душе – считай, цель достигнута, ибо каждый из нас совершенно обязан быть счастлив, а для этого так, по сути, мало надо.

Глава сорок девятая

Почему я люблю деньги

Я вижу деньги как средство удовлетворения своих потребностей и удовлетворения потребностей своих близких и единомышленников. Если бы эти потребности удовлетворяли без денег, то деньги бы мне были ни к чему. Сами по себе они не представляют для меня никакого интереса. Их накопление вызывает у меня расстройство сна и нервную

лихорадку: еще \$3000, еще \$5000, еще \$1000, и тогда будет \$50 000. Я ничего не могу делать, ни о чем не могу думать, кроме накопления. Несмотря на то, что через мои руки прошли миллионы, самой крупной суммой, которую мне удавалось скопить, были 250 тысяч долларов, на которые я и купил сразу по приезду дом в Канаде. Сейчас я, конечно, его уже заложил-перезаложил, достроил и перестроил настолько, что если его продать, я вряд ли получу вложенные деньги, но зато мне нравится в нем жить, а это главное. Конечно, на черный день необходимо иметь какой-то запас, но я нередко бросался с головой в омут и тратил практически все, что у меня было. Я люблю деньги за то, что на них можно покупать все, что необходимо, и решать подавляющее большинство проблем.

Поэтому для меня важно не столько, какое состояние мне удастся скопить, а сколько фактически денег находится в моем распоряжении каждый год, каждый месяц, каждую неделю, каждый день. Причем мне совершенно наплевать, мои это деньги или одолженные под 20% на кредитной карточке. Ибо, опять же, завтра меня не будет интересовать, каково мое состояние или какую сумму составляют мои долги. Все, что меня будет интересовать завтра, — это сколько свободных денег будет находиться в моем распоряжении для потраты в каждый отдельно взятый момент времени. Вы скажете, что это безумие. Но каким-то образом я живу так уже более десяти лет, и пока Бог миловал, в моем

распоряжении оказывается денег примерно столько, сколько мне нужно, разве что с легким дефицитом или с небольшим запасом.

Я прекрасно понимаю, что моя семья, возможно, не будет в состоянии так жить, и поэтому я очень хорошо застрахован. В остальном же мой образ жизни мне нравится, и он позволяет мне удовлетворять свои потребности не в туманных планах на пенсионный возраст, который, возможно, никогда не настанет, а уже здесь и сейчас.

С точки зрения осуществления фантазий, можете считать, что я вышел на пенсию где-то двадцати семи лет от роду и уже лет девять – пенсионер.

Деньги имеют огромный психологический смысл. Двадцаткой можно человека обидеть так, что потом, дав ему десять тысяч, не откупишься. Деньги вовсе не играют роли в соответствии со своим номиналом. Деньги – это всего лишь инструмент достижения цели, а не сама цель.

Когда мне начинает не хватать денег, я разворачиваю активность в бизнесе настолько, чтобы удовлетворить свой дефицит, далее я возвращаюсь к своему «пенсионному» состоянию, позволяющему мне писать, а вам читать мои бессмертные творения, слегка отдающие бухгалтерскими расчетами.

На что же я трачу свои деньги? Во-первых, конечно, на решение мировых проблем. В частности, на помощь негритятам в Африке. Я серьезно. Конечно, сумма, составляющая полпроцента моего дохода, не достаточна для

благотворительности, но она помогает выживать четырем негритятам в Руанде, Эфиопии, Буркина Фасо и еще Сьерра-Леоне. Мне кусок в горло не лезет, пока я не отвечу для себя, как такое может быть, что мы здесь жрем, как свиньи, а маленькие детидохнут от голода. Поэтому возможность помогать конкретным детям мне очень понравилась, поскольку это хоть как-то предотвращает то, что деньги украдут в самой благотворительной организации. Детки пишут письма и шлют фотографии, и сердце мне подсказывает, что это хорошо.

Пишу я это здесь вовсе не для того, чтобы похвастаться, мол, смотрите какой я замечательный! Я, честно говоря, плевать хотел на похвалы подобного толка за подобные действия. Пишу я это для того, чтобы подвигнуть вас на какое-нибудь действие в таком роде, ибо

если бы все так поступали, на земле не было бы голодных.

А голод голодных – это позор сытых. (Это не цитата, это сказал я. Если я у кого-то этот афоризм спер – не обижайтесь. Я это на благо общечеловеческих интересов.)

Кроме того, сей пример позволяет решить для себя проблему – как же исправить хоть немного несправедливость устройства мира, ибо слова не имеют значения, имеют значение – только действия.

Помощью негритятам заняты в моем доме все. Каждый приставлен к негритенку и отвечает за то, чтобы слать деньги и вести переписку. Это огромный воспитательный момент.

С едой я долго не мог организовать. Готовили мы сами, тратились на рестораны. Я, конечно, всегда мечтал о поваре, ибо признаю себя знатным чревоугодником. Конечно, такая трата была за пределами возможного... Но однажды я нанял учителя немецкого, и он оказался поваром международного класса, который много лет проработал на первоклассных круизах и таким образом объездил весь свет. На мое счастье этот гений кухонного искусства открыл магазинчик готовой еды, а-ля «домовая кухня», в нашем городке, назвав его «Shop for Flavors» («Лавка вкусов»), и я полностью препоручил ему снабжение моего дома. Денег это стоит, возможно, немного больше, чем обычно, но не катастрофически, зато больше никаких походов в супермаркет, разорительных и подчас неудовлетворительных ресторанов, а

главное – в доме больше никто не должен готовить!

Какое разнообразие блюд поставляет нам немец! И отличные венские шницеля, венгерский гуляш, лосось в соусе из кленового сиропа, креветки и гребешки в чесночном соусе, немецкие говяжьи рулеты в горчичном соусе, домашние спагетти под соусом «Альфредо», и главное – по спецзаказу он готовит по данному нами рецепту шесть килограммов салата оливье каждую неделю, причем вместо колбасы или курицы он кладет туда крабов (крабовые палочки).

Он также по специальной просьбе жарит нам креветки, вываленные в кокосе, подающиеся с соусом из рисового уксуса с накрошенным острым перцем чили, и печет утку с яблоками по выходным... Я не говорю о более простых блюдах, типа ростбиф, бефстроганов и др.

Все, что Кристиан делает (а зовут его Кристиан), отличается высочайшим качеством, готовится из лучших продуктов с полным отказом от каких-либо полуфабрикатов.

Долго ли продержится его бизнес? Не думаю. Но знаю точно, что пока он не разорится и не уедет в свои дальние плаванья, я от него не отстану, а мои платежи явно помогают этому бизнесу просуществовать как можно дольше.

Конечно, изучение немецкого с ним тоже имеет свою специфику, ибо больше всего Кристиан употребляет глаголы «кохен унд пробирен» – готовить и пробовать.

Как же мне не любить деньги, если их можно обменивать на такие вкуснятины?

Дети мои более не посещают школу. В Канаде разрешено домашнее образование. Однако я уволил учителей и поручил старшей семнадцатилетней дочери учить младшего десятилетнего сына, разумеется, под моим присмотром, от этого возникает значительная экономия, ибо учителя обходились в копеечку.

Самое удивительное, что качество обучения после этой реформы значительно улучшилось. Я задаю одну-единственную тему в день, но дети разбирают ее досконально. Например, «Французская революция» или «Биография и творчество Байрона». Старшая дочь находит и распечатывает материалы с интернета и далее, как в школе, преподает материал младшему, пишет на специальной доске, проверяет его конспект. В конце дня все это докладывается нам с Маськиным, и таким образом просвещается вся семья. Предметы меняются каждый день, и если вчера мы слушали о «синтезе белка» или об «открытии ДНК», то сегодня мы слушаем о Вольтере с зачитыванием маленького отрывка из «Кандида» по-французски. Единственная учительница, которая продолжает приходить к детям, – это мадам Бруссо, француженка, всего лишь раз в неделю.

При этом младший сын выиграл литературный конкурс в Дорсете, получив первую премию в категории «Короткий рассказ», причем он был самым младшим из всех участников.

Конечно, не все так гладко и безоблачно, как я пытаюсь здесь представить, но серьезных проблем и разногласий с детьми я не наблюдаю, ибо воспитываю их сам, и они, таким образом, разделяют мои взгляды на мир и мою философию.

В Канаде можно сдать определенные экзамены и получить эквивалент аттестата, достаточный для поступления в университет, не учась в школе.

Старшая дочь заканчивает двенадцатый класс по интернету (бесплатно). В последние годы появилась такая возможность по инициативе местной школы.

Собственно, так мы и живем: замкнуто, но, с другой стороны, очень открыто. К нам в дом приходит много людей, в том числе мои учителя языков – немецкого, китайского, испанского. Так что живого общения хватает.

С помощью видеоконференций через тривиальный msn я устраиваю встречи с клиентами в Тель-Авиве, как если бы я там работал, и таким образом поддерживаю живым участием бизнес в Израиле.

По работе я связан со всем миром. Издаю книги в Париже, во Флориде, в Москве, пишу музыку совместно с композитором в Мурманске, работаю с Китаем, Индией, Европой, Австралией. США вообще не в счет, их я не воспринимаю как границу. И все это не выходя из собственного кабинета.

А дело мое отнюдь не многомиллионное. Так – всего навсего 18-20 служащих и смешно сказать

какой годовой оборот, какой-то один миллион долларов (такой оборот бывает у магазина автомобильных шин средней руки). Причем за десять лет, что я занимаюсь бизнесом, у меня были и отчаянные спады, так что по полгода и более я не имел никаких поступлений. Первые два года из шести лет своего существования мой канадский бизнес планомерно терял деньги и в общем спустил несколько сотен тысяч долларов. Совсем недавно неудача с новым отделом маркетинга в моем городке обошлась в 60,000.00 потерь. И список потерь можно было бы продолжить еще, наверное, на целую страницу. В среднем из десяти начинаний у меня удастся только одно. Отдел в моем городке сохранить удалось, но занимается он теперь не маркетингом, а сбором и обработкой информации, и сидят в нем, конечно, совсем другие люди. Есть еще офисы в Торонто, в Израиле, в США. В Европе мы работаем с партнерами, а Индия нас подвела, как и следовало ожидать. Теперь несмотря на зарегистрированную компанию в Хайдарабаде, мы ведем индийские дела отсюда. Так что и в бизнесе моем не все так безоблачно, как хотелось бы. Я бы мог, возможно, стать богаче и развить свое дело больше, но тогда это повредило бы моему писательству и прочим увлечениям, чего я, как вы понимаете, позволить себе не могу.

Итак, от того, продадим мы наш интернет-курс клиенту в каком-нибудь Сингапуре, зависит мой бутерброд с маслом. Поставит греческая компания свою рекламу на один из наших сайтов

— и я куплю сыну велосипед. Это разве не истинная независимость от страны проживания и глобализация на домашнем уровне?

В том-то и дело, что будущее, которое я страстно описываю в своих философских излияниях, для меня и моей семьи уже наступило, и оно вполне могло бы наступить и для вас, если бы вы хорошенько задумались и пересмотрели старые понятия и нормы, которые не подходят к жизни в двадцать первом веке.

Глава пятидесятая

Почему деньги любят меня

Трудно отрицать, что деньги, в общем-то, меня любят. Наверное, они — как настоящая женщина. «Чем меньше женщине мы больше, тем меньше больше она нам», как говорил Михаил Жванецкий. Так же и с деньгами. Они любят менять карманы и тратиться на интересные цели. Ну, представьте себя пошлым долларом. Охота вам быть уплаченным за электричество? Куда интереснее отправиться путешествовать в дальние страны и там быть заплаченным за что-нибудь экзотическое, типа рекламы в южно-африканской газете. Именно такие возможности я деньгам и предоставляю, поэтому, хоть и не в больших количествах, они стекаются ко мне со всего света.

Для меня, как я уже заявлял, деньги являются средством воздействия на мир. То, чего люди

ждут годами и никогда не дожидаются, скажем, публикации своей книги, я покупаю за деньги и плюю на издателей, читателей и на все, на что только можно плевать. Поэтому я свободен и могу писать совершенно без оглядки все, что мне только придет в голову. (Разве что порно-эротические сцены стирает Маськин, потому что он хоть и «живет натуральным хозяйством», но очень хорошо воспитан и такие пикантности в моих книгах не допускает.) Кстати, вы, может, спросите, а чем моя жена занимается? Как чем, сидит дома и дружит со мной. А зачем еще жениться? Для того, чтобы здороваться на бегу в прихожей пару раз в неделю?

Я являюсь противоположностью денежным садистам. Знаете, кто такие денежные садисты? О, это страшные люди. Денежный садист, даже если вам должен, постарается вам не платить так долго и унижить необходимостью ему напоминать так жестоко, что нередко случается, что таких людей могут просто убить, ибо денежный садизм хуже переносится населением, чем обыкновенный физический садизм. Однако денежные садисты настолько поглощены своей страстью причинять боль людям, не давая им денег, которые они заслужили, или заставляя их работать бесплатно, что вразумить таких жестоких типов с денежными знаками вместо глаз не представляется возможным. С такими людьми необходимо вести себя грубо и решительно, начиная военные действия на всех фронтах, и тогда, если они еще вовсе не потеряли рассудок, они отдадут вам причитающиеся

деньги. Если же денежного садиста совершенно поглотила такая страсть, постарайтесь не иметь ничего с ним общего, ибо он не отдаст денег, даже если его будут грабить на улице с пистолетом или ножом.

Причем, вам это может показаться странным, но денежный садизм вовсе не связан с бережливостью. Такие люди способны тратить деньги на глупости, не жалеть никаких сумм на себя и тем вызывать еще большую неприязнь и зависть окружающих.

Откуда берутся такие типажи? Бог их ведает. Может, они сами когда-то стали жертвой денежного садизма, а может быть, таким образом они пытаются проявить свою власть, которая иначе была бы иллюзорной и недейственной. Не дай вам Бог действительно зависеть от денежного садиста. Надо сказать, что деньги не любят таких людей, как правило они заканчивают дни свои под забором, всеми брошенные и оплеванные. Хотя надо признаться, что денежные садисты редко доживают до преклонного возраста и умирают своей смертью. Ибо денежный садизм настолько ранит человеческую душу, что она готова на любое преступление, чтобы снять с себя влияние денежного садиста.

Я, понимая ранящую сторону денег, стараюсь никогда не ставить людей в положение просителей. Я всегда стараюсь предложить чуть больше, чем они ожидают. Однако, когда дурные люди воспринимают это проявлением моей слабости и начинают наглеть, они не замечают,

как оказываются не у дел. Я в какой-то мере испытываю на говнистость, не обращая внимания на то, сколько я плачу, хотя внутри меня есть прекрасный подсознательный барометр справедливости, и как только со мной поступают нечестно, я это сразу чувствую и по прошествии короткого времени нахожу себе других людей, а нечестный остается в дураках, нажившись на мне однократно.

Почему я так поступаю? Предлагая немного больше, чем человек ожидает, а также никогда фактически не проверяя счетов (ибо я прекрасно чувствую без проверки, что сколько должно стоить), я как бы покупаю стопроцентную лояльность и поддержку, можно сказать, я покупаю себе иллюзию, что у меня появился единомышленник, и в такой иллюзии мне легче работать.

К сожалению, многие люди неправильно понимают мои действия и считают меня придурком и растяпой, и таким образом мы очень скоро расстаемся, но никогда не ранее того, как они меня абсолютно убеждают в своей дальнейшей непригодности или когда баланс вреда и пользы начинает зашкаливать в сторону вреда.

Это все у меня регулируется на подсознательном уровне. Нередко я содержу сотрудников из жалости, понимая, что им некуда деться, что они одни, что у них дети. Но и такие люди не понимают причин моей благосклонности, и когда они начинают наглеть, мне приходится с ними расставаться.

Я думаю, что деньги в корне своем не являются злой субстанцией. Деньги – это мерило справедливости, и попадая в руки людей с внутренним барометром, как у меня, они распределяются между теми, кто в них нуждается и теми, кто их действительно заслужил. Попадая же в руки денежного садиста, деньги страдают, ибо не считают сами себя злом по определению. Именно в руках денежного садиста деньги приобретают разрушительную силу и напоминают мне буханку хлеба, которой убили голубя, хотя буханка предназначалась, чтобы его накормить.

Для борьбы с денежными садистами все средства хороши, кроме внушения. Они обычно глухи. Они всегда неправильно оценивают настроение своей жертвы, считая, что она недостаточно раздражена, что она осознает, что ей этих денег вообще не положено, и что она, жертва, вообще должна целовать руки денежному садисту за то, что он, в общем, не отрицает того факта, что жертве эти деньги можно было бы уплатить, но она либо подождет, либо перетопчется. Жертва же тем временем ищет что-нибудь тяжелое, чтобы огреть денежного садиста по голове и засунуть бессмысленные купюры денежному садисту в рот. Ибо и жертве не столько важны деньги, сколь болезненно унижение, которое ими причиняется.

Деньги жгут мне карман. Если я знаю, что я могу что-то сделать и не делаю из экономии, – я в отвратительном настроении и ищу пути

заработать больше, чтобы эта экономия потеряла смысл.

Посему деньги меня любят. Они мои добрые друзья, раздаю я их легко и свободно и получаю удовольствие, давая. Я чувствую, что мои деньги делают добрые дела и попадают в правильные карманы.

Я всегда встаю на место того, кому я должен заплатить, и смотрю на себя его глазами, и я себе нравлюсь, за редким исключением, когда я имею дело с идиотом и он не понимает корней моей щедрости.

Извольте послушать притчу.

Два сына мельника получили равные доли наследства.

Один сын жил легко, давая жить всем своим друзьям и знакомым, он построил прекрасную семью, в которой дети были счастливы и выросли умными и полезными людьми. Умер этот сын, окруженный любовью и уважением, с ощущением, что не зря прожил эту жизнь, хотя от его состояния не осталось ни копейки и более того — даже немного долгов. Но его дети давно уже встали на ноги, и семья его уже ни в чем не нуждалась после его смерти.

Второй сын не потратил ни копейки из своей части наследства. Несмотря на то, что он был богат, он редко платил по счетам, и бывал несколько раз бит довольно жестоко, однако это его не наставляло на путь истинный. Семья его жила почти в нищете, хотя на себя он тратил, не задумываясь. Второй сын всегда находил оправдания, почему другие ленивы или

мошенники, и поэтому не заслуживают получения денег. Семья его оставила. Жена ушла. Сбежали из дома дети.

Второй сын умер страшно. Его чернорабочий, в очередной раз не получив зарплату, огрел его колом по голове, поджег его дом со всеми роскошными вещами, которые хозяин позволял себе приобретать, а сам ушел в разбойники.

Дети его передрались из-за наследства и до сих пор судятся, как его поделить, в то время как его душеприказчик давно украл все деньги, спустил их на рулетке и был внезапно застрелен за карточный долг.

Вот вам пример, как бережливость и денежный садизм приводят к краху и пустоте, а легкое и справедливое отношение к деньгам приносит счастье и доброту.

Не ругайте деньги. Деньги – это единственное средство, через которое современный человек может воспользоваться своей свободой воли в его выборе между добром и злом.

Если честно, я и вижу себя таким распределителем благ, раздающим редкие возможности и жирные гонорары. За это деньги и любят меня.

Часть шестая

Вымя вавилонской коровы

Глава пятьдесят первая

Как я посорился навек с русским языком и изобрел свою письменность

Непосредственно обдумывая эту главу, я совершил весьма интригующее открытие. Дело в том, что я всегда писал по-русски со страшными ошибками. И не то чтобы я совсем уж не знаю правил... На других языках я тоже пишу с ошибками, но это объяснимо, иностранные языки все-таки, как-никак. Я думал, что это у меня какая-то особая страсть к орфографической свободе, таинственное стремление восстать против общепринятых правил. Я часто говорил, что сама природа поддерживает и лелеет ошибки. Эти ошибки называются мутациями, и именно они продвигают эволюцию вперед. Конечно, они же вызывают гибель многих организмов, ибо существуют мутации, несовместимые с жизнью, однако без мутаций жизнь на Земле была бы невозможна в какой-либо более сложной форме, чем совсем уж вирусная ничтожность. И то, как раз вирусы и мутируют активнее всех, но, в общем, не считаются вполне самостоятельными организмами. Вирусам ведь нужны клетки, чтобы их оккупировать и поработать для своей цели – произведения новых поколений вирусов. Сам по себе вирус-то и существом, строго говоря, не считается. Так – плевков органического вещества, да и только. Немного ДНК или РНК да горстка белков.

Код ДНК – избыточен. Чтобы кодировать всего лишь около двух десятков аминокислот в

молекуле ДНК, существует более шести десятков сочетаний кодонов — триплетов азотистых оснований. То есть природа готова к ошибкам, и при замене одной буквы кода мутация может не проявиться, поскольку в состав белка, закодированного в последовательности ДНК, все равно войдет одна и та же аминокислота. Я подумывал, не привести ли здесь примеры, но потом представил себе читателя, далекого от биологии и генетики, и решил, что такие подробности, пожалуй, вызовут эффект, обратный от мной задуманного. Читатель, вместо того, чтобы погрузиться с головой в сравнение моей безграмотности с кодом жизни, просто с матерком захлопнет книжку или пролистнет всю главу, решив, что кроме биохимии и генетики, здесь ни о чем речь не пойдет. Поэтому я перехожу к сути проблемы. Я — безграмотен. И я пытаюсь понять — почему? Углубившись в изучение явлений стойкой безграмотности, я вдруг осознал, что все мои симптомы абсолютно совпадают с легкой формой дисграфии.

Знаете, что такое дисграфия? Это неспособность грамотно писать и читать. Так что если и у вас в школе были проблемы с русским, и вы не знаете, как писать слово «винегрет», — не расстраивайтесь. Я не знаю, как грамотно писать слово «винегрет», хотя многократно пытался запомнить. Если вам никак не дается грамотное письмо, не убивайтесь, ученые говорят, что дислексия — это, как правило, признак гениальности.

Вообще дисграфия – это проявление другого заболевания – дислексии, когда люди неспособны различать буквы на слух. Дислексией страдает около 12% всех людей на Земле, и по статистике у мужчин она встречается в четыре раза чаще, чем у женщин. Буквы на слух я, кажется, различаю, хотя вот теперь, занимаясь китайским, я начинаю замечать, что не отличаю, когда мой учитель произносит «б», а когда «п»; когда «ц», а когда «ч». И урок представляет собой довольно комичное зрелище:

– 不对 «По дуэ!»* – говорит учитель.

Я повторяю: «По дуй».

Учитель смешно морщит узкоглазое, но уже ставшее мне привычным, а потому в какой-то мере милым, лицо и снова повторяет: «По дуй».

Теперь я слышу это как «б» и повторяю то, что слышу, не говоря уже о «дуй», ибо то ли это «дуэ», то ли «дуй» – поди разбери: я повторяю то, что слышу: «Бо дуй».

«Пу дуэ!» – настаивает учитель.

Я – ему: «Пу»**.

Он – мне: «Бу-бу-бу!!!»

Я – ему: «Бу?»

Он: «Пу-пу-пу!!!»

Я злюсь и громко кричу, пытаюсь попасть в правильное произношение: «По-пу-бу...»

* Неправильно! (китайский, мандарин)

** Не (китайский, мандарин).

Маськин вбегает с кухни к нам в кабинет и смотрит с испугом, потому что мы уже совершенно несдержанно кричим друг на друга:

– Пу!

– Бу!

– По!

– Хорошо, пусть будет «по»... – учитель сдается, и мы переходим к следующему иероглифу. Маськин срочно отпаивает китайца чаем.

Китаец довольно жмурится громко отлебывает

你的太太最美人 她作茶好!

чай и говорит мне:

– Ни да тэ-тэ – цуэ мэй жен та цо ца хао!***

Я не люблю, когда мужчины заглядываются на мою жену, мне это почему-то неприятно, и в таких случаях мне хочется назвать китайца по имени... Вы спросите, почему я не называю китайца все время по имени, а использую эту возможность только в редких случаях? Это невоспитанно – не называть своего учителя по имени? Не думаю. Дело в том, что у меня в доме дети, а учителя зовут Хуй. Вы спрашиваете, каково его полное имя? Хуй Ю. Ну что же, вы все еще настаиваете, чтобы я называл его все время по имени, даже при детях?

– Хуй сказал мне «бу!», а я сказал Хую «пу!»...

*** Твоя жена самая красивая. Она делает хороший чай! (*китайский, мандарин*)

Знаете что, лучше уж вернемся к моей дислексии, пока мою милейшую редакторшу кондрашка нехватила... или пока Маськин все это попросту не стер ввиду «неприличности»...

Петр Первый писал совершенно безграмотно, и, как ни бились его наставники, они ничего не могли с этим поделать. Петр мог не обратить внимания на отсутствие каких-то букв в написанном слове, и это не считая обычных орфографических ошибок. Некоторые дислектики путают буквы – например, могут написать «Под небом лолубым».

Альберт Энштейн был гениальным физиком и математиком, но категорически не обращал внимания на знаки препинания и мог написать целую страницу текста даже без обозначения начала предложения. Кстати, некоторые дислектики – особенно левши – могут запросто писать и читать слова зеркально, например «мода» вместо «дома».

Я заметил у себя, что я довольно легко узнаю иероглифы в перевернутом виде, чем иногда забавляю учителя-китайца. Он выхватывает карточку с перевернутым иероглифом, и я его узнаю. Он очень веселится.

А возьмите, например, Ханса Кристиана Андерсена. Поначалу редакторы возвращали ему рукописи, даже не дочитав их до конца, и по Копенгагену долго ходили слухи о «потрясающе неграмотном авторе». В одной газете написали: «Человек, который так глумится над своим языком, не может быть писателем». И это почти

правда – обычно дислектики выбирают себе профессию, не связанную с чтением и письмом.

Например, создатель знаменитого Центра Помпиду в Париже – дислексик сэр Ричард Роджерс. Он организовал одну из самых успешных в мире архитектурных мастерских и берет на работу только дислектиков, потому что они обладают необходимым пространственным воображением.

Леонардо да Винчи писал и рисовал левой рукой и оставил семь тысяч страниц дневников, написанных зеркально. Нормально их можно прочитать, если подставить зеркало или перевернуть бумагу на просвет.

Только теперь, когда мне скоро будет под сорок, я понял, что корень моих детских страданий, чувства неполноценности, постоянных издевок не в том, что я безграмотен из-за тупизны или плохого образования, а в том, что я болею... Я помню, что меня водили в

детстве к логопеду, потому что я безбожно картавил. Говорить «р-р-р-р-р-р-р» логопед меня научил, а вот поинтересоваться, нет ли у меня проблем с письмом и чтением, — не посчитал нужным. Кстати, именно логопеды занимаются дислексией, что для меня тоже стало открытием.

Мне до сих пор хочется прочесть «под небом полубым», я постоянно меняю буквы в словах и, как вы могли заметить, изобретаю несуществующие слова.

Конечно, мое открытие, что всю свою школьную жизнь я страдал легкой формой дислексии-дисграфии, меняет дело. Все, что я хотел сказать по поводу косности и глупости устройства орфографии русского языка, мне придется пересмотреть и, уж по крайней мере, оставить при себе. Однако и вы взамен того, что я поберег ваши уши от своих языкоразрушающих утверждений, пообещайте меня больше не дразнить за безграмотность и странные словообразования. Договорились?

В качестве компенсации своего недостатка я постоянно учу языки. Видимо, таким образом я тренирую свою зрительную и слуховую память. Особенно, мне кажется, полезен в этом отношении китайский.

Я вообще давно заметил, что люди стремятся назло природе заниматься тем, к чему у них не только нет природного предрасположения, но в чем они явно уступают другим. В этом в своем роде проявляется протест перед безнадежностью приговоров кармы.

Все мои бухгалтеры, кроме последнего, имели проблемы с цифрами, они их постоянно путали, но при этом всегда настаивали на своем профессионализме. То есть подсчет произведен профессионально, но цифры не те, и почему то всегда мне в убыток. Понимаете, какая штука?

Вот и я стал фанатически настроенным писателем, который пишет иногда в объемах молодого Бальзака по двадцать страниц в день, скорее всего, в качестве протеста и компенсации своей неспособности грамотно писать.

В детстве я настолько ненавидел русский язык за его подлейшие правила орфографии, которые мне никак не давались, что изобрел свою письменность и даже обучил ей нескольких своих приятелей. Когда я встретил в семнадцать лет любовь своей жизни Анютку (впоследствии известную как Маськин), я сразу обучил ее этой письменности, и мы долгое время обменивались записками на «инопланетянском» языке. Я не буду здесь приводить примеры букв из этой письменности. Я более чем уверен, что каждый второй из нас ребенком баловался подобным занятием. Кроме того, я бы не хотел, чтобы в будущем, когда я в результате своей разгулявшейся дислексии стану бессмертной знаменитостью, кто-нибудь раскопал мои юношеские дневники и попытался прочитав обо всех моих дурных тайнах, которые я либо позабыл, либо намеренно не включил в самороман. Скажу только одно: буква «т» у меня все время меняла очертания, потому что

подразумевала «туман» и могла выглядеть как угодно:

Думаю, такой подход достаточно бы запутал расшифровку. То есть одна буква алфавита может изображаться как угодно, лишь бы не походила на другие буквы, и это и будет обозначать «т», то есть «туман». Расшифровщик каждый раз думал бы, что перед ним новая буква...

Конечно, в такой письменности можно было позабыть обиды, нанесенные мне жестоким русским языком.

К сожалению, я не уверен в написании ни одного слова, которое пишу, и поэтому мне всегда необходимо нанимать корректоров и для русского, и для иврита, и для английского, ну про французский и говорить нечего. Китайский лучше. Там нет букв. Поставил иероглиф, другой – вот тебе и слово. Китайской орфографии для меня не существует! Однако поди нарисуй от руки этот иероглиф... Я пробовал, даже купил себе кисточки, чернила и рисовую бумагу, но со временем сдался и пользуюсь для китайского письма компьютером.

Я давно уже стараюсь никому не показывать свои непроверенные тексты, потому что, как это ни ужасно, во всех языковых средах безграмотность страшно порицается. В

англоязычном обществе детей заставляют зубрить правописание (spelling) – лучшие из них безошибочно определяют написание слов только по их звучанию, потому что каждому звуку в английском соответствует определенное сочетание букв.

Они верно называют букву за буквой в таких словах, как:

accidentally
conscience
definitely
drunkenness
embarrassment
guarantee
indispensable
minuscule

Когда дело доходит до более сложных по смыслу слов, дети подчас не имеют ни малейшего понятия, что же они означают. Однако это никого не волнует: можешь сказать, как пишется, – значит, грамотный.

Эта подмена понимания слов чисто цирковой надрессированностью оказывает значительное вредоносное влияние на англоязычное общество.

Французы настолько надуты по поводу своей орфографии, что и подступиться к ним страшно. О немцах я вообще не говорю, те готовы убить за ошибку. Весь мир у них делится на: *nützlich und unbrauchbar**.

* Полезный и бесполезный (нем.).

– Der Schnee ist unbrauchbar^{**}, – частенько говорит мне мой повар и учитель немецкого Кристиан, и я поражаюсь его ходу мысли. Мне никогда не доводилось размышлять о пользе или бесполезности снега...

Кстати, я вдоволь насладился возможностью высказаться перед парижанами насчет их орфографии во французском варианте романа «Маськин», который вышел в Париже в декабре 2005 года под псевдонимом Bernard Kriger^{***}:

J'ai souvent cru que l'orthographe allait s'éteindre par la prochaine génération, mais des ordinateurs l'ont sauvée avec leur option "contrôle orthographique". Désormais, nous n'avons même plus besoin de nous rappeler l'orthographe exacte des mots, même simples, afin être considérés comme des personnes instruites.

Rabelais n'a pas eu un tel de luxe... Âme faible! C'est probablement pourquoi ses textes originaux ressemblent à l'écriture d'un bambin de six ans. Depuis que l'ordinateur sait examiner mon orthographe pour m'assurer, je suis devenu un grand défenseur de l'orthographe conventionnelle pour la langue française!..

Pouvez-vous imaginer, après la génération des éruptions du professeur et les claques, combien de mots français continuent leurs lettres sanglantes?

^{**} Снег – бесполезен (нем.).

^{***} Bernard Kriger. Lilli-Lapin – Le secret d'une vie heureuse (Un roman pas tout à fait pour des enfants).

Paris, 2005.

Avec regrets, maintenant, les professeurs ne battent plus leurs étudiants, (Ils ont trouvé des moyens plus raffinés pour humilier leurs étudiants. Nous devons admettre que ceci constitue un progrès substantiel dans le système éducatif) mais cela ne rend pas l'orthographe moins sanglante. Mais l'anglais n'est pas meilleur!

*Heureusement, le français n'a pas trop acquis de racines allemandes comme pour l'anglais... Mais avec les racines latines, nous avons aussi la possibilité de nous amuser beaucoup. Qui sait, peut-être les racines historiques de l'orthographe allemande en anglais ont causé bien plus de dommages que la machine militaire allemande.**

* Я всегда верил, что орфография перестанет существовать к следующему поколению [французов], однако компьютеры спасли ее своей опцией «проверка орфографии». С этих пор нам больше не нужно запоминать точное написание слов, для того чтобы просто считаться образованным человеком.

Рабле не имел такой роскоши. Бедная душа! Вот почему его оригинальные тексты напоминают письмо шестилетнего ребенка. С тех пор, как компьютер проверяет мою орфографию, я стал великим защитником конвенциональной орфографии французского языка.

Можете ли вы себе вообразить, сколько поколений учительских подзатыльников несут французские слова на своих кровавых буквах? К сожалению, теперь учителя больше не бьют своих учеников. (Они нашли более рафинированные средства для унижения своих студентов. Мы должны признать, что в этом заключается значительный прогресс системы образования.) Что не сделало орфографию менее кровавой.

Однако английский не лучше!

К счастью, французский не имеет в своем составе германских корней, как это наблюдается в английском. Кто знает, возможно, германские корни в английском языке нанесли больший ущерб англичанам, чем вся германская военная машина.

Итак, я приглашаю вас в занимательное листание моих приключений в развалинах Вавилонской башни, или как я там назвал эту часть? Ах да, что-то про вымя вавилонской коровы... Мне трудно придерживаться своих же изобретений... Видимо, дислексия-дисвавилония крепчает...

Глава пятьдесят вторая

Как я стал настоящим евреем и наказал себя ивритом

Я родился евреем. Возможно, в этом заключалось мое повышение в цепочке реинкарнаций, а может быть, понижение, кто знает? Так или иначе, строгие гены моих предков гордились чистотой линии. Я смотрю на себя в зеркало и вижу восточного человека с черной бородой, темно-кариими глазами, с чертами лица, от которых поразительно веет то ли библейскостью, то ли арабским рынком. Это так странно, ведь подумать только, какой долгий путь прошли мои предки... Сначала явно выйдя откуда-то с востока, затем проживая поколения, возможно, в Испании, потом в Германии и лет двести в нашей всеми любимой матушке-России.

Куда брели мои предки? Мне неизвестно. Я думаю, им самим это было в той же степени неизвестно. Однако на моей персоне в длинной цепочке поколений решили отыгаться необузданные ветры кармы, и 18 сентября 1990

года они принесли меня в Израиль, где мне было суждено провести десять без малого лет.

Нужно сказать, до своего прибытия в обетованную землю я был евреем ненастоящим. Я имел очень слабое представление о культуре и ценностях этого народа. Дедушка мой со стороны отца был, пожалуй, единственным источником информации об еврействе, он с горем пополам пересказывал нам, детям, пасхальную *hagadu*, и даже пытался научить нескольким еврейским буквам, которые сам слабо помнил со времен хедера, который посещал в детстве.

Иудаизм набросился на меня, как только я прибыл в Израиль, и, как ни странно, немедленно вызвал отталкивающее впечатление своим навязыванием средневековых традиций, закрытыми магазинами по шабатам и нескончаемой шабатней тоской. Учил я иврит с напором и вскоре стал довольно сносно понимать и выражаться, а к концу своего пребывания в стране Принудительного Еврейства уже считал иврит своим вторым языком.

Друзья мои, евреем меня сделало исключительно мое окружение, сначала тыкавшее в меня пальцем в школе и обзывавшее «еврейтором» в училище. В душе я такой же еврей, как и китаец. Нет ничего более низкого и бездумного, как соотносить себя к какой-либо нации], особенно в современном мире, где больше нет феодального насилия национальных уделов, в мире, где каждый может быть кем

пожелает, войдя в интернет и тем самым сбросив свою земную оболочку.

Конечно, у меня в потрохах сидел чертенок национальной гордости, привитой мне ранними годами национальной непрязни ко мне. В России я всем напоказ выставлял факт своего еврейства, как бы говоря – да, еврей, ну и что?! Еще все время шутил: «Древняя нация – высокая потенция». В Израиле я от этого полностью излечился, как и от чувства собственной особенности. Я, правда, продолжаю всем напоказ выставлять свою принадлежность к еврейству, но скорее, просто для того, чтобы посмотреть на реакцию людей и немножко над ними поиздеваться.

– I am Jewish!* –заявляю я обычно почти сразу с порога; канадцы теряются и отвечают:

– It's OK!**

Особый интерес, конечно, заключается в наблюдении за жертвой такого признания, если мой собеседник имел несчастье родиться немцем. Тогда я буквально превращаюсь в национального садиста, спрашивая повара Кристиана, умеет ли он готовить гефилте фиш.

Покинув Израиль, я стал замечать, что, в общем, все люди похожи друг на друга, и евреям чаще всего приписываются отрицательные качества того народа, вместе с которым они проживают. Например, французы гораздо большие жида, чем сами жида, – они жадны до

* Я еврей! (англ.)

** Это о'кей! (англ.)

отупения, что, впрочем, можно сказать и о норвежцах, которых мы тоже часто подозревали в связях с народом Моисеевым

Я бы сказал, что израильтяне – наименее жадные из всех народов, которые мне посчастливилось наблюдать.

Все эти разговоры о том, кто какой породы, противны мне до глубины души, так что можете совершенно спокойно отнести меня к безродным космополитам, к коим я, увы, скорее всего, и принадлежу.

К сожалению, что-то странное происходит с еврейским народом на протяжении тысячелетий. Всеми гонимый, униженный, оболганный, он никогда не находит способа, как себя защитить, как прекратить эту бесконечную линию мытарств. Особенно горько наблюдать это сейчас, когда, казалось бы, обладая современной страной с населением Новой Зеландии], Израиль по-прежнему неспособен произвести из себя что-либо достаточно устойчивое и ценное, чем можно было бы гордиться и где, по крайней мере, можно было бы жить.

Я любил погружаться в Тору на иврите и, к своему удивлению, довольно скоро стал улавливать отголоски смысла. Конечно, меня зачаровывала возможность так, без особого усилия, по-повседневному, прикоснуться к историческому литературному памятнику, к его особой философии. Однако многочисленные толкования наипростейших фраз мне всегда казались надуманными.

Мне никогда не удавалось вдумчиво пообщаться с раввинами и прочими «хахамим»*. Я уверен, что многие из них весьма выдающиеся мыслители. Одно лишь жаль: все их мышление должно служить доказательству исключительности еврейского мировоззрения, что само по себе не позволяет быть достаточно объективным. Несмотря на то, что я примерно предполагал, что из себя может представлять еврейское философское мировоззрение, интерес к нему не обошел и меня стороной. Особенно меня поражал тот факт, что многие из философских выводов, которые я считал своим достижением, обнаруживаются в Торе и в еврейской философии, а посему являются ни в коей мере не признаками моего прозрения, а лишь какой-то внутренней генетической предрасположенностью видеть вещи так, а не иначе.

Меня поразил язык Торы с ее «временными перевертышами»: *ва-йелэх*, что буквально значит «и пойдет», но переводится «пошел», *вэ-һалах*, что значит «и пошел», но переводится «пойдет». Это добавление буквы «вав» придает ощущение вечно продолжающегося действия. Это совмещение идеи вечности и времени повсюду отражено в языке Торы, который, видимо, справедливо называют святым — отражающим суть вещей. Мироздание с его незыблемыми основами называется на иврите *олам*, и максимальный период времени, за который

* Мудрецами (*иврит*).

Творение должно прийти к совершенству или, иными словами, за который должна раскрыться Божественная цель, выражается тем же словом *олам*. Но для того, чтобы правильно понять значение слова *олам*, нужно учесть, что время с точки зрения еврейской философской системы является активным элементом и само раскрывает Божественную цель и приближает к ней мироздание. Таким образом, понятие «мир» преломляется через призму понятия времени: сущность пространственных форм проявляется с приближением Вселенной и всего, что наполняет ее, к цели, а цель раскрывается через время.

Евреи во все времена довольно вольно относились к понятиям времени и пространства. По утверждению раввина Зеэва Султановича, понятие времени у народа Израиля является активным и полным: предполагает не только стороннее наблюдение за каким-либо процессом изменения форм материальных объектов или их перемещения в пространстве, но и отводит человеку активную роль в установлении момента начала месячного и годового периодов, а следовательно, и их длительности. Как следствие, праздничные дни, которые, казалось бы, связаны с некоторым определенным природным циклом и потому должны быть неизменны, смещаются на день-два при добавлении дня к месяцу или на целый месяц при добавлении месяца к году. И хотя еврейский календарь строится на сочетании солнечного и лунного циклов и начало месяца должно устанавливаться по свидетельству людей,

видевших новую луну, или на основании астрономического расчета, а расхождение солнечного и лунного годовых циклов регулируется путем добавления (с определенной периодичностью) месяца к году, представители Верховного суда обладали правом по разным соображениям и в силу многих обстоятельств продлевать месяц на день или год на месяц по своему усмотрению.

Таким образом, при определении ключевых точек временного цикла объективная реальность отодвигается на задний план и преимущество отдается субъективному восприятию человеком параметра времени, независимо от того, основывается оно на зрительном восприятии, на результатах мыслительной деятельности или на проявлении собственной воли, продиктованной соображениями, изначально не предусмотренными и не принимаемыми законом в качестве аргумента для принятия решения.

Увы, остался я со своим ивритом, как с красивой, но бесполезной старой вещью. Единственная книга, которую можно читать на иврите, – это Тора, ну и разве что другие священные книги. Все остальное мне представляется плоским. Газеты* скучны, как прыщавая мордочка школьника, современные

* Я выписываю газету «Гаарец», чтобы совсем уж не забыть язык, но, к сожалению, не нахожу в ней ничего, кроме пошлой политической возни. Ни глубокого анализа событий, ни каких-то приемлемых объяснений, что же в конце концов происходит в этой стране, в этой газете я не нахожу. О других же израильских публикациях и говорить нечего.

книги пусты и неглубоки. Вся еврейская философия утопает в религиозной доктрине и ставит своей целью оправдание существования древнейших, чуть ли не племенных традиций, которые должны руководить нашей сегодняшней жизнью.

Вот я собирался написать «Маськина» на иврите, но так пока и не нашел человека, который взялся бы мне в этом помочь. Кстати, литература на иврите чрезвычайно далека от разговорного языка, и поэтому доступна только небольшой группе людей, которые наслаждаются своим пристрастием к высокому ивриту. Я бы хотел написать «Маськина» просто, по-народному... Так, чтобы всем стало ясно, что образ жизни натуральным хозяйством является как раз-таки самым прогрессивным в мире. Но, увы, кандидатов на редактора у меня нет... Кому ни предлагаю – все шарахаются.

Вообще, после последних пяти лет очередной интифады, с израильтянами каши не сварить...

Похоже, как автор я обречен на забвение. Дело в том, что евреи меня проклянут за мои безжалостные высказывания в их адрес, а неевреям будет неинтересно читать мои вечные разборки в собственном еврействе... Это все равно, что читать о конфликтах цыгана с собственным цыганством или чукчи с собственным чукчанством.

Так что книги мои исключительно для меня самого, и с евреями я могу общаться лишь с отбывшими в мир иной, а посему менее агрессивными к лицу, их видящему без призмы иудаизмомании.

Что же я вынес для себя из своего глубокого погружения в иврит и в еврейскую культуру? Воспользовавшись образом Торы, можно сказать, что роль человека напоминает лестницу, которую видел Иаков во сне. Она соединяет небо и землю – идею и пространство, и мы, спотыкаясь и матерясь, все по ней шарахаемся то вверх, то вниз...

Часть седьмая

От счастья бытия к счастью небытия

Глава шестьдесят первая

Мои смертные грехи

Я все время повторяю: «Господи, прости мою душу грешную!» Иногда, конечно, моя дислексия крепчает и выходит что-то вроде: «Прости мою грушу брюшную!» Но, если серьезно, все что я наговорил в этом романе о Боге очень, конечно, хорошо, только вряд ли имеет какое-либо ко мне отношение. Великий вселенский Бог слишком масштабен и слишком занят вращением галактик. А посему - признаюсь, что для меня Бог точно такой же, как и для бабушки на скамейке, боженька – старенький и миленький, грозный, если сердится, но, вообще, очень неплохо ко мне относящийся. Я редко к нему обращаюсь когда мне плохо и точно также, как старушка в церкви тихо молюсь и прошу помочь. Бывает это очень нечасто. Вот, когда Анюта, он же Маськин, чуть не умерла в Норвегии, и ей делали операцию, я смотрел в досчатый белый потолок норвежского дома и молился, просил ее сохранить, и Бог меня услышал.

Я очень часто благодарю Бога, гораздо чаще, чем что либо у него прошу. Особенно я благодарю его, когда он вкладывает в мои уста что-то такое, что мне кажется стоящим и важным, хотя, конечно, же и это всего-лишь нестерпимая иллюзия. По много раз на дню я прошу простить мою душу грешную, и это звучит стойким рефреном моей повседневности.

Вот так-так! - скажете вы. А как же высокая философия? Морочил нам голову всю книжку, а тут обрадывал старушечьей новостью – молится он... Ну, здрасте, приехали. А какому Богу, то молимся сынок? Яврейскому что-ли?

Да, как вам сказать, дорогой мой читатель... И еврейскому, и нееврейскому...Бог-то один...

Здрасте... – скажете Вы, опять осенило нашего писателя... А главное как новехенько это звучит...

Ну, что вам сказать, милый мой читатель, грешен я, грешен... Ничего не знаю, ничего не умею. Не жизнь у меня, а кавардак получается. Все чего-то пыжился пыжился, а кроме бабушкиного боженьки ни к чему не пришел.

Я не буду с вами спорить и пытаться изобрести что-нибудь пооригинальнее. Все уже сказано, и то что все уже сказано, давно тоже сказано. Все чем я занимаюсь пиша эту книгу – просто провожу время, то самое время, которое отделяет небытие до рождения от небытия после смерти.

Я мог бы заниматься чем-нибудь другим в этот самый момент, например, мог бы пойти и приготовить себе скучный завтрак, но я подсел к столу и пишу бессмысленные слова, о том, что всем давно известно и что не представляет никакого интереса ни для кого, возможно, кроме меня самого. Зачем вы это читаете? А Бог Вас знает, ну, читаете и ладно. Читайте.

Итак, моя попытка жить тысячу жизней не то что бы не удалась. Она удалась, ибо я сам с трудом верю, что это все еще я, и это все еще таже самая

жизнь... Я смог создать себе иллюзию разнообразия, и видимо буду продолжать пытаться поддерживать эту иллюзию. Не знаю, стану ли я прыгать с парашутом или нырять к акулам, чтобы жизнь мне казалась более реальной. Но сумасшедшие идеи уже начали вертеться в моей бедовой голове.

Я достиг того самого перевала, после которого идет спуск в долину небытия, и пока еще я могу что либо сделать в материальном мире мои пальцы стучат по клавиатуре и на экране возникают слова, на одном из славянских языков. Кажется, это русский.

Чем же мне себя занять на этом спуске? Кто знает, будет он крутым и внезапным, или пологим и долгим?

Мне кажется, что не стоит выдумывать колеса, а как и водится обратить мутный мой взгляд к своим собственным порокам, и если не искоренить их полностью, то просто опеределить и перестать ими бахвалиться, по крайней мере.

Вы, возможно, подумаете, что это очередной бред в стиле церковно-библейской мути? Покайся... Нет, я полагаю, что грехи, особенно, грехи смертные, следует попытаться унять не для жизни небесной, в существование которой еще нужно поверить...

Грехи мешают жизни земной. Они изъедают душу и делают ее дряблой, как шкурка от полусгнившего банана. Я верю, что для того чтобы пройти спокойным шагом от счастья

бытия к счастью небытия следует посетить и попробовать хотя бы отчасти унять классические смертные грехи: лень, вожделение, обжорством, жадность, зависть, гордыню, тщеславие, уныние и тоску, гневом, жестокость, властолюбие.

Спокойно заглянуть в глаза смерти постигнув, какая все-таки замечательная штука смерть, и лишь тогда обернуться назад, и познать, какая все-таки замечательная штука жизнь, не тысяча жизней разношерстных и торопливых, а одна единственная моя неповторимая жизнь.

Глава шестьдесят вторая

Бестыжие глаза лени

Лень – это не просто валяние на диване. Нередко мы путаем расслабленное состояние одыха, в котором нет ничего предосудительного, с истиной ленью, чьи тупые и заплывшие бессовестностью глаза взирают на нас из недр наших душ.

Лень – это не просто не желание чего-то делать. Лень – это отказ, во многом, от прилежного отношения к жизни, от смирения и приятия собственного места в этой вселенной. Я отказался быть полотером. Возможно это и был замечательный поступок, в нем скрывалось стремление к высшим сферам, однако, и полотер может приникнуть к мудрости жизни. Когда тряпка такая мокрая и реальная равномерно проходит по гладкому полу, делая его ярким и

влажно-блестящим, ты словно паришь, и сее занятие уже не кажется бессмысленным и унижительным... Лень моя шептала мне про унижение и глупость, про безвыходность и неприемлимость, а понастоящему, именно лень пихала меня вперед, именно она требовала от меня не заниматься ничем, что мне неприятно и не питает другие мои пороки. Лень всегда была двигателем прогресса. Эскалаторы и автомобили, стиральные машины и телевизоры – вот истинные символы всепоглощающей лени.

Лень для меня – это неспособность естественно и самозабвенно приняться за любой труд и рутинно его выполнять честно и добросовестно. В тайне я уважаю таких людей, да, да, тех самых пахарей идущих за плугом на кубинских полях. Мне тоже очень хотелось сунуть свое наглое серебрянное песо в мазолистую руку работяги и пойти немного за плугом, ощутить его тяжелый и неподъемный для меня труд. Это вовсе бы не было показателем того, что я якобы излечился от лени. Пару шагов за плугом – это ничто, это пыль, о которой нечего и говорить. А попробовать так всю жизнь, каждый божий день делать нудную, тяжелую, подчас раздавливающую, убивающую работу, и быть счастливым, и чувствовать себя на месте... Я зову этих людей чернью? Сам я чернь после этого. Кроме тихой зависти и уважения такой труд, на грани медитации и единения со вселенной, вызвать ничего не может. А ковыряться в навозе? - спросите вы. Пусть в

навозе, лишь бы не призерая самого себя. Конечно только бы лень не была способна вырвать меня из простой опоечной действительности поломытия. Тщеславие, властолюбие и многие другие пороки по списку толкали меня вперед и притащили туда, где я нахожусь сейчас, где-то на пути между рождением и смертью. Лишь с этой точкой отсчета трудно поспорить в моем сегодняшнем положении.

Я говорю – не надо бороться со своими пороками... Как с ними бороться? Как только я заставляю себя работать на наскучевшей или кажущейся мне бесполезной работе – я прихожу в бешенство, я страдаю на столько остро, что мне приходит желание вообще не существовать. Это не стремление к самоубийству. Это нечто иное, когда просто, как буд-то впадаешь сам в себя и хочется пропасть таким образом, чтобы как бы никогда и не существовал. Мне кажется, что это возможно... Вы никогда не испытывали такого чувства? Когда моя работа мне кажется напрасной, или мне по какой-то причине наскучила хуже горькой редьки с недавнего времени мне хочется именно так пропасть и никогда не существовать. Ну, и как побороть лень подобной силы? Вы скажете – это не лень? Нет, это – лень. Не желание добровольно и радостно трудиться – есть лень. Даже если вы заставляете себя из под палки – вы ленивы, ленивы, ленивы. Только скучный труд , однако

вопреки всему, приносящий радость избавляет от проклятия лени.

Глава шестьдесят третья

Идолы вождения и обжорства

Наверняка в истории человечества не обошлось без грубого вмешательства инопланетян. Прилетатели небось на заре времен, выловили обезьян, наших предков, подкрутили там какие им было нужно гены и заставили строить пирамиды, в качестве космических маяков. А когда стройка завершилась, выпнули нас под зад инопланетянской ногой. Так с тех пор мы шарахаемся. А от чего еще люди такие недоделанные?

Если бы нас напрямую создал Бог, он бы не стал делать это полуволоосатое существо с трудом, и по всей видимости, временно, отказавшееся от канибализма. Существо это мы именуем человеком.

Боженька конечно нас не оставил. Приголубил полуобезьян, и мы маямся со своей острой генитической недостаточностью ума и благородства, только боженьку нашего имея в качестве единственного заступника.

Вождение явно гипертрофированно в человеческих сынах. Когда бал играют половые гормоны можно надежно гасить свет, ибо нет ничего более тупого как бессмысленная погоня за формами груди и бедер с одной единственной

целью – вы, впрочем догадываетесь, какой. Нет – не деторождение. Если бы было деторождение – я бы промолчал.

Вождение не имеет ничего общего ни с деторождением, ни с любовью, ни с простой человеческой дружбой. Оно скорее сродни обжорству, ибо в обоих случаях предметом страсти является плоть. Плоть и ничего более. И какая разница, если вы желаете насладиться овощем или чем еще. И то и другое – плоть.

Многие из нас умом понимают, что кроме звериной сущности в нас ничего не говорит, когда наши мысли и взгляды фиксируются на тех подробностях, которым бы не следовало волновать истинных наследников вселенского разума.

Но плотское сильнее нас, и оно попрежнему так или иначе руководит миром.

Я бы конечно тоже мог темнить как такие гении выкручивания мозгов, как например Джойс. Вы помните известное заявление Джойса о том, что он писал для того, чтобы историкам литературы было над чем поработать в течение последующих четырехсот лет?

Однако – я скажу прямо. Вождение, увы, есть естественное продолжение нашей животной сути, причем, даже более животной, чем у многих зверей, ибо большинство видов размножается в определенные периоды, а в остальное время не испытывает особого интереса к сексу. Наша человеческая страстность тем

более животна и низка, ибо не ставит своей целью рождение детей.

Ну, и что же, мне теперь мракобеситься и морализировать? Запрещать и порицать?

Мы все жалкие жертвы вожделения, подвергаемые безжалостной критике со стороны немощных и обделенных. В сущности, если посмотреть вожделению прямо в его застывшие в неподвижном тяжолом взгляде глаза, мы там не увидим ничего, кроме невинной страсти вокруг которой в основном накручены неприятности исключительно моралью человеческой.

Если от вожделения нет никаких последствий, и сие происходит не из приступных побуждений, так что же в нем плохо? Времени отбирает немного, энергии тоже вроде бы немного... При соблюдении определенных предосторожностей вредит здоровью гораздо меньше чем обжорство.

В чем же все такие отличие вожделения от обжорства? Ах, все дело в том, что вожделение бессмысленно без предмета вожделения, а предметом вожделения чаще всего является другой человек. Следовательно, в отличии от обжорства, нам необходима определенная кооперативность со стороны предмета вожделения, дабы эта страсть, порок, грех, или божественная и в тоже время простая человеческая радость имело место. Конечно можно вожделеть предмет мечты, но здесь не об этом речь.

А собственно что такое вожделение? Вожделение – это пустое время провождение, ибо не имеет под собой созидательной сущности. Что-то вроде детской болезни. Некоторые ей переболевают в процессе юношеского становление, но некоторые не могут успокоиться всю жизнь.

Чем же вожделение отличается от любви? Тем же самым чем отличается кастрюля от супа. Вожделение – это кастрюля, без любви она пуста, однако любовь без кастрюли расплещится в пространстве так и не найдя единственно возможной для человека формы.

Обжорство еще более сложно победить ибо если без плотской любви некоторые люди умудряются прожить всю жизнь, то без еды трудно протянуть долго. Поэтому границы обжорства размыты и не ясны.

Если вы помните, там где я упоминал свою помощь голодающим негритятам я сразу перечислил свое возмутительное меню обжоры и чревоугодника. Я намерено желал высветить греховность сего соседства, ибо неумеренность в еде и чревоугодие на фоне голодающих людей и душ есть грех и безумство. Оправдание, что я закупал все эти яства у немца-повара лишь для того чтобы поддержать его бизнес тоже не является достаточным.

Мне кажется решением поиска умеренности может быть отвлечение мыслей от вожделения и обжорства, ибо и то , и другое, безусловно является прямым следствием скуки и пустоты

душевной, безделия и запаха небытия. Верно ведь кто-то сказал, что до чего опустишься, с тем и останешься, до кого упростишься, с тем не разлучишься

Я не против простых земных радостей, я против возведения их на пьедестал идола, я согласен на них как чудное обрамление нашей суетной вечно ищущей жизни, но никак не в качестве путеводных звезд, манящих наши настырные ненасытные корабли в направлении, поверьте, необитаемых островов.

Глава шестьдесят четвертая

Купель уныния и тоски.

Уныние истощает душу и душа перестает икать. Нет, я хотел сказать «искать». Искать Бога. Человек может превратить себя в купель уныния, и не помогут ему ни виртуальные дома, ни супер-современные компьютеры, ни богатства все собранные на его кухне. Средство от уныния, увы, находится не в наружном мире. Оно внутри, а посему мало зависит от внешней игры материи.

Я слишком просто решил проблемы рода человеческого в своей главе про философию Кригера. Мол – не имеет человек права быть несчастным. Дал ему в зубы самореализацию и ать-два! С вещами на выход! Хотя из жизни, обычно, уходят даже без вещей.

Бегите от уныния, но не в вожделение и обжорство, в тупые развлечения и мелькающие огоньки компьютерных игр и проносящихся ночных дорожных фанарей.

Ищите укромное место в своей душе, которое способно наполняться радостью бытия и небытия вне зависимости от внешних раздражений и соблазнов.

Если нет возможности пересилить химию гормонов настроения — берите лекарства, позвольте себе стакан вина наконец, или два... На меня вино, увы не действует. Если на вас действует — значит вам повезло.

Слава Богу человечество всегда находило средства подлечить совершенно измотаную душу, однако, едва поправив силы не пленяйтесь возможностью залить свою тоску вином, ибо в вине еще больше тоски, чем в его отсутствии. Недаром, кто-то сказал, что даже боль, порожденная тоской... менее невыносима, чем сама тоска. Тоска — самое бесплодное из всех человеческих переживаний.

Химера свободы воли позволяет нам по разному отживать в своих малюсеньких клеточках существования, иллюзорных исканиях, в небрежных игрищах, нелепых ожиданиях тягучую муку бытия.

Увы, не всегда в моей воле отбросить уныние как заштопанный старый балахон. Химия мозга топит меня в мраке, не дает вольного воздуха, сжимает мою грудь тяжелым ожиданием. Я тянусь к

антидепресантам, к прозаку. Легчает. Какая разница как отогнать тоску и неизбывный страх существования.

Читатель, простишь ли ты мне мой гордый разговор с Иисусом упомянутый в начале этой книги? Прости. Не сердись на меня. Я правда ищу какого-то просвета... Даже если представить себе, что мы и правда вовсе не высшие зеркала вселенной, а просто жалкие муравьи потоптанные чьими-то безмерными ногами, наша трагедия от этого становится неменьше, не превращается в послушный фарс, как это часто бывает на исходе тяжелого блуждания по пустырям и пустыням.

Даже если допустить, что все мы — лишь отъявленное ничтожество. Нет, не так. Я сам — ничтожество. Однако же мои страдания и поиски, рывки прочь из глубокой болотной тоски — это все не пшик. Нет. Это все не просто так разбросанные листочки нечитанной оберточной газеты.

Люди делали из мумий оберточную бумагу. Вы этого не знали? Поверьте мне наслово, без сносок и цитат. Люди в своей звериной суты более тупы и неразборчивы, чем дикие и оголтелые чудовища. Однако необходимо их любить — иначе пустота. Иначе не просто пустота, а мрак убийственного одиночества, не того самого уединение, которое быть может целебно, а именно сквозящего одиночества на века, на целые эпохи нескладных солнцестояний.

Пусть я трижды ошибаюсь во всем, даже в самом том факте, что ошибаюсь. Пусть моя эта книга напрасна, пусть даже жизнь моя вся напрасна, пускай жизнь всех наших цивилизаций – всего лишь разорванный в клочки альбом с неудавшимися снимками, жалкая полуночная кутерьма. Я все равно должен это любить, ибо нет и не было, и главное не будет мне иной данности, иного прозрения, иного совета свыше... Я здесь и сейчас, подует ветерок и кроме этих строк не будет вам следа от моего несносного упрека в том, что среди живущих есть мало места для попыток взайти над собой, преодолеть немыслимое головокружительное тяготение нашей с вами звериной породы и увидеть нечто, что навсегда могло бы вывести нас из тоски и уныния, вознести нас чуть выше чем блещают холодные вершины наших амбиций.

Моя эта книга – лишь самонадеянная и назойливая попытка унять скуку, тоску, уныние и безпризорность.

Одна надежда – она уже обречена на небытие, как обречен и я, и, кажется, и вы тоже, мой терпеливый, а потому союзный в чем-то мне читатель.

Я попробую вывернуть наизнанку и эту мысль. Я найду способ полюбить и свое ничтожество, и смерть, и небытие, и что бы то нибыло уготованное нам взамен этого небытия, на что, однако, надежда, к счастью или несчастью,

хрупка, как пузырек наполненный испарившейся микстурой.

Глава шестьдесят пятая

В духоте жадности и зависти

Жадным быть нехорошо. К сожалению очень многие так не считают. Жадность и зависть, ведь, является двигателем человеческого прогресса. Без нее люди бы сидели и помахивая ножками смотрели бы в небеса разинув рот... Светящиеся мотельки звезд... Кстати на современном интернете уже продаются даже звезды.

Те, кто гордятся, что не завидуют, возможно просто не испытывают зависти к тем конкретным достижениям других... Поэт не завидует белке, которая припасла орехи. Может быть он даже не завидует другим поэтам, ибо считает свои стихи лучшими на свете, однако, возможно, он завидует славе Пушкина. Ах, Пушкин, Пушкин. Сколько раз я ему говорил: «Перестань баловаться огнестрельным оружием».

А давайте правда перестанем завидовать... Вот мой Маськин говорит, что всё зло в этом мире от глупости и зависти человеческой. Глупость и зависть – родные сестры. Жадность и трусость – родные братья.

Я конечно тоже не разбежался пока бросать деньги на дорогу, как кандидат в апостолы... Может потому, что не за кем следовать? Чем

дальше я живу, тем легче я растаюсь и с вещами, и с деньгами... Голыми вошли, голыми и уйдем...

Ах, люди, люди, сколько раз вы меня обвиняли, когда у меня НИЧЕГО не было, что мол, что ж ты такой умный, раз ты такой бедный, а теперь, когда у меня все есть, вы просто, подчас, ненавидите меня по определению.

Глава шестьдесят шестая

В плену гордыни и тщеславия

Каюсь, каюсь. Человек взявшийся писать самороман на полтысячи страниц не может быть скромным... Однако моя гордыня какая-то странная. Возможно, это связано с тем, что я часто ощущаю себя отдельно от себя самого... Я всегда был несносным хвастуном, а занятия бизнесом и вовсе лишили меня последних остатков скромности. В бизнесе для рекламы все средства хороши, и кто страдает излишней скромностью, остается в придорожной канаве.

Однако, это не достаточное оправдание гордыни и тщеславию.

Я как-то заполонил интернет, кажется поисковик www.aport.ru своими стихотворными строчками. То есть там где люди ставят платную рекламу, я просто поставил по две строчки из разных стихотворений, и люди натыкались на них, когда

вводили ключевые слова: «литература», «поэзия» и так далее.

Эти строчки вели на мой сайт, где были опубликованы все мои стихи, однако, в качестве эксперимента, сайт был безымянным и было неясно кому принадлежат стихи, кто их автор. Внизу каждой страницы предлагалось оставить адрес электронной почты, если читатель желает получать новые стихи. За несколько дней у нас на этом сайте побывало более 400 читателей и они оставили около 30 адресов своей электронной почты. Как только я поставил свое имя под стихами – за тот же строк было оставлено только 2 или 3 адреса.

Что это? Не ужели мое имя имеет такой отталкивающий эффект? Вы знаете, я бы согласился, чтобы все что я пишу было безымянным, если читателю так легче все это воспринимать. Я действительно не считаю, что индивидуальность автора столь важна для восприятия. Более того, я прекрасно знаю какова магия известного имени. Сколько раз мы в недоумении ставим назад на полку в книжном магазине книгу имя автора которой мы никогда не слышали, и с другой стороны, как часто мы покупаем книгу, только из-за известного имени автора...

Мое тщеславие, если вы утверждаете, что я им страдаю, не простирается ни на мое имя, ни на мою личность. Я бы хотел донести свои слова до небольшой кучки людей, которым бы они показались созвучными их жизням, но увы

напрямую этих людей отыскать невозможно, необходимо пройти мимо толп тех, кому до моих произведений нет никакого дела.

Поэтому я отношусь к своим произведениям двояка, какбы прибывая в двух разных циклах. Сначала я творю, затем, я превращаюсь в того, кто пытается донести свои книги до тех, для кого они были написаны...

Вы можете поймать меня на слове, где-то я писал, что литература должна быть для себя, писать нужно не оглядываясь на читателя... Вы знаете, я чаще всего не оглядывюсь... Пишу то, что мне хочется или просто приходит в голову. Внимание читательское мне нужно лишь для того, чтобы иметь стимул писать еще, ибо чем-то же мне надо занять свою повседневность?

Глава шестьдесят седьмая **Поступь гнева и жестокости**

Если вы все еще продолжаете читать мой роман и не захлопнули его в раздражении, когда выслушивали моё невоздержанное хвастовство о Шекспирах и Христах, то послушайте еще одну раздражающую правду.

Меня сильно били и унижали в школе. Это хороший повод стать страшным жестоким тираном и убить пятьдесят миллионов человек. Я этого не сделал. (Покрайней мере пока, и не

собираюсь). Скажите мне за это спасибо. Мир действительно должен быть благодарен всем и каждому, кто не перебил половину его населения, или вообще целиком не пустил его гулять в тартарары.

Природно я, казалось бы, являюсь мирным и безобидным, однако, откуда-то же взялась моя воинственная фамилия: «Кригер». Ведь по-немецки, да и по-норвежски моя фамилия означает «воин», а «криг» - означает «война».

Меня перестали серьезно обижать только тогда, когда я понял одну простую, и весьма известную вещь – всегда будь готов перегрызть горло любому. Люди это чувствуют и отступаются. Звери это чувствуют тоже.

Сначала, это понимание являлось моим тайным открытием, которое я приобрел в процессе долгих размышлений. Но после некоторого времени эта готовность нашла отклик и в моем сердце. Видимо в нем забряцали клинками моих дедов жаркие гены вояк.

С виду я мирный, может быть даже слишком миролюбивый и бесконфликтный. Но когда моим опонентом переступается определенная черта – во мне просыпается древний воин – готовый умереть на вражеских пиках, но умереть рвя им их поганые горла!

С годами жизнь моя становится все менее и менее реальной для меня. Я погружён в глубочайшую купель сонного бытия. Сначала поняв умом, и лишь потом приняв сердцем, я

стал готов на борьбу до конца, борьбу без правил, пока обидчик не пожалеет, что вообще имел несчастье со мной связаться.

Приехав в леса Канады я бежал от людей, потому что боялся конфликтов и их исходов. Но тут меня стали осаждать дикие звери. Во двор повадился медведь, и стал выкапывать посаженные Маськиным овощи. Волки загрызли на моем дворе оленя.

Я вдумчиво и показательно обписал всю свою территорию, и вы знаете, это помогло. Больше медведь не приходил. Волки – тоже. Может ещё и от того что я поставил вокруг двора двухметровый забор с колючей проволокой сверху...

Я храбр по вынуждению, но яростен по собственному выбору. Если выдается возможность броситься в атаку – я не пропускаю случая. Конечно я не дерусь и не кусаюсь. Разумеется речь идет о цивилизованных методах борьбы – письма, суды, адвокаты, инсинуации, интриги, блеф, угрозы в разумных пределах. Но я чувствую в себе новую энергию погибнуть борясь, энергию, которую ранее я не замечал и не понимал, а теперь чувствую ее все больше и больше.

Конечно, такое мое свойство пугает окружающих, особенно потому, что большую часть своей жизни я выгляжу совершенно безобидным и обладаю исключительным терпением к людям, которые, казалось бы,

должны были меня раздражать. Однако стоит им перейти какую-то одному мне известную грань, и я начинаю войну, и тут уж все средства хороши, и чем больше обменов ударами, тем дальше мы можем зайти в этой борьбе.

Я когда-то писал, что подобная вражда бесполезна, все равно с недавнего времени нам запрещают физически уничтожать противников. В чем же смысл, если не представляется возможности довести борьбу до её логического конца?

А смысл в самом процессе. А смысл в том, что я воюю играючи. Противник думает, что я преследую настоящие цели – отсудить деньги, или добиться еще чего-нибудь мне причитающегося. Вовсе нет. Когда я воюю, меня интересует исключительно сам процесс. В этом, если хотите, для меня естественное выражение моей агрессивной природы.

Именно поэтому люди от меня шарахаются, потому что редко могут меня раскусить. Когда я рассказываю им о своей агрессивности в спокойном состоянии, они смеются мне в лицо и, конечно же не верят. Когда же я упоминаю о своем миролюбии в разгаре войны – люди вновь смеются, если им конечно ещё до смеха, потому что при моей агрессивности и изобретательности, трудно поверить в мое миролюбие.

Так что и эта глава, я боюсь будет воспринята как плохая шутка, или как иной вид дурного фарса.

Но я хотел написать для себя правду о себе, и я это сделал. Я миролюбив большую часть своего существования, но когда припходит время воевать – меня мало что может остановить.

Обычно я начинаю предупреждать о своих агрессивных намерениях за долго до того, как вступаю на тропу войны. Как это не странно, в подавляющем большинстве случаев меня не слышат или мне не верят. Людям кажется, что они меня понимают, и что такой разумный и взвешенный человек, которому есть что терять, не может пойти на безрассудные действия и потратить непропорциональные деньги и силы на казалось бы бесполезную борьбу.

Увы, в большинстве случаев мои опоненты ошибаются. Самая легкая форма агрессии, которую и агрессией-то назвать нельзя является то, что если протвник находится со мной в деловых отношениях – я просто прерываю с ним связи. Может быть это самонадеяно, но я считаю, что в какой-то мере это можно оценить как агрессивное действие.

Если же противник чем-то действительно выводит меня из себя я вступаю на тропу войны. Обычно это происходит посредством совершенно официального ритуала.

Я торжественно открываю врата храма Януса и отрываю свой томогавк, громогласно и победоносно заорав «ЭТО ВОЙНА!»

Тут я составляю план из 13-16 пунктов, в соответствии с которым и собираюсь довести противника до белого каления. Поскольку я не преследую никаких материальных или иных выгод, моя война беспроеигрышна, ибо процесс доведения противника до белого каления ничем нельзя прекратить, разве что только противник взмолится: «Да, ладно Боря, (он же Брюс, он же Бернард, он же Кай Ли Ге – как меня зовут разные народы), хватит, прости уж меня дурака/дуру – больше не буду.» Я обычно легко отхожу и прощаю, но такое случается редко, опять же потому что противник считает, что мне нужна победа материальная, а не духовная.

Я никогда не применяю незаконных методов борьбы, что делает мою борьбу неуязвимой. Читая законы и материалы судов для развлечения я весьма подкован в законодательствах нескольких стран, и если и делаю вещи не очень этические, то разве что на уровне того, чего нельзя делать адвокатам, но я адвокатами пользуюсь редко, и поэтому мне эти вещи делать можно, потому что я частный гражданин, и не подчиняюсь ограничениям адвокатской этики. Я обожаю сочетать блеф с правдой. Могу написать судебный иск на пять миллионов и не подать его в суд, а могу и подать, и противник никогда не знает блефую я или нет. Конечно борьба со мной изматывает противника

как финансово (на каждый мой иск надо отвечать, а то суд того гляди присудит в мою пользу), так и морально. Я же чувствую себя вполне прекрасно, и чем более противник огкачивается агресивнее в ответ на мои действия, тем агресивнее и изобретательнее становлюсь я. Мои постоянные шутки (в стиле иска в суд по правам человека, или жалобы в ООН) перемежаются с вполне серьезными оплеухами. Иногда конфликты затягиваются на годы, и лишь дойдя до конца списка я поднимаю трубку и совершенно миролюбиво звоню противнику, сказав:

«Привет. Я тут закончил список из 16 пунктов. Мне продолжить еще, или достаточно?» Вы, знаете, еще не разу, ни один противник не предложил продолжить.

Обычно мы имеем теплый разговор, в результате которого мы весело обсуждаем подробности нашей схватки, далее я получаю долгожданное извенение и мы расходимся как в море корабли — я посвежевшим и слегка взбодренным, противник с каким-нибудь легким нервным или соматическим расстройством типа диабета или язвы желудка.

Так, что можете меня убить, можете меня подкупить, но просто так, лучше меня не обижайте. Не отвяжитесь. А обидели — извинитесь. Я прощу. Я добрый.

Глава шестьдесят восьмая

В замках властолюбия и надменности

В человеческом сообществе все как у собак. Нужно правильно крутить хвостом, скалить зубы и применять другие собачьи ужимки, а иначе загрызут. Властолюбив ли я? Конечно мне хочется держать все под контролем. А как же? Однако, с другой стороны, по большей части я пускаю все на самотек и свято верю в силу автономности и самостоятельности. Как только что-то идет не по-моему, я отделяю этих людей от себя и предоставляю им самостоятельность. Можно ли это назвать властолюбием?

Вообще, я не знаю откуда, в душе моей поселилась неизбывная усталость. Я хочу, чтобы все меня оставили в покое и ни с чем ко мне не лезли, решая проблемы как-нибудь своими силами. Разве это может быть охарактеризовано как властолюбие? Не знаю. Я всегда презирал повадки собак, всегда пытался не следовать их сложным ритуалам, приседаниям, расшаркиваниям, и что же, меня били, бьют и будут бить.

Конечно же, я надменен в своей безапелляционности, но честное слово, мне кажется, что люди умирают не от болей в сердце, а от усталости прогибать спину, скалить зубы и махать хвостом.

Глава шестьдесят девятая

Какая все-таки замечательная штука смерть

Смерть – это замечательно. Едва умерев, я надеюсь, мы наконец выясним для себя вопрос – есть загробная жизнь или нет. Разве это не счастье? Разве это не тот самый вопрос который неотступно приследует нас всю жизнь? Вот он как раз и решится.

- Ах, - скажете вы, - а если там за гробовой доской ничего нет? Небытие! Ну, так это же замечательно! Во-первых, нет ничего проще чем просто не быть. Ничего не нужно делать, решать, пытаться изменить. Более того, более вам не нужно вообще являться вами, поскольку вас больше нет! Разве это не счастье?

Потом, сам факт присоединения к большой части человечества (поскольку мне кажется, что мертвых, все-таки, гораздо больше чем живых) – разве это не счастья? Вы станете с вашей точки зрения ничем не отличным от всех остальных умерших до вас, и тех, что, обязательно, умрут после вас.

Ну, а если, как назойливо утверждают тысячелетия религий и верований нас и там не оставят в покое, то разве это не замечательно? Только не надо, пожалуйста, об рае и аде. Всех не перевешаете!!! Ну, как будет, так будет. Столько противоречий, что все равно, как не изворачиваетесь при жизни – очень легко продешевить... Конечно неприятно быть с

непривычки бестелесым духом, несомым ветрами кармы, ну, что поделаешь... Все лучше чем полное небытие. Или полное небытие лучше? Ну, что мне удалось вас запутать?

Вы просто не ждите от смерти ничего хорошего – не прогадаете. Впрочем не ждите и ничего плохого. К этому делу нужно подойти спокойно и с юмором, пока мы еще можем растягивать в улыбке наш перекошенный страхом рот.

Знакома ли вам Элизабет Кюблер-Росс ? Мы еще вспомним ее в конце этой веселой главы. Она много писала о смерти и умирании. Можно уклониться от обсуждения смерти, но нельзя уклониться от самой смерти.

Проблема в том, что умирать придется каждому. (Я, конечно, сочинял фантазии о переписывании наших мозгов на компьютерные диски, но даже и в этом случае, жить продолжит диск, а нам его прототипу так или иначе придется отбыть в мир иной).

Смерть - такое же великое событие, как и рождение. А подготовка к ней, умирание, - такая же полноценная часть бытия, как и детство. Нет второстепенных, не важных этапов жизни, каждый этап богат по-своему. И если мы отворачиваемся от смерти, то она рано или поздно застанет нас в расплах. А неожиданные гости, сами знаете... не желательны.

Кто-то сказал, что человек начинает жить подлинной жизнью, лишь осознанно принимая неотвратимость смерти. Свободно и достойно

отказавшись от бесполезного сопротивления, он обретает возможность жить.

Чувство страха знакомо всем. Так когда же человек боится? Прежде всего пугает неизвестность. Между нашим состоянием сейчас и тем, что с нами случится через минуту, существует разрыв; этот промежуток заполнен неопределенностью. Человек боится того, что его ожидает. Поэтому у некоторых людей возникает тяга к "уверенности в завтрашнем дне". Иногда все общество начинает тосковать по определенности и тогда начинаются разговоры о необходимости "сильной руки", что приводит к диктатуре под тем или иным обликом. Возможен и другой вид страха. Это так называемая тревога отделения: ребенок боится оторваться от матери, любящий боится потерять объект своего чувства, каждый боится быть выброшенным из этого мира, где все так знакомо и привычно.

Что нам известно о будущем? Оказывается, с полной определенностью мы можем знать только одно — все мы когда-нибудь умрем. Завтра или через несколько десятков лет, но это обязательно произойдет. И здесь наблюдается парадоксальность нашего восприятия мира. Страх рождается от неизвестности. Нам ничего неизвестно о нашей судьбе, кроме достоверного факта конца нашего земного существования. И эта абсолютная неизбежность вызывает в нас сильнейшее чувство тревоги, настолько сильное, что мы не можем его вынести. Мы предпочитаем

неведение. Как можно ощущать себя, зная, что рано или поздно тебя не будет? Как жить, творить и действовать в мире, зная, что все закончится для тебя? Как общаться с людьми, зная, что каждый из них раньше или позже будет закопан в землю или предан огню, или физически уничтожен каким-нибудь иным образом?

Человек остается со смертью один на один. Ничто не спасает его, даже "глубокомысленные" рассуждения, типа "когда ты есть — смерти нет, когда смерть наступила — тебя уже нет". Не помогает, потому что в самой сердцевине человеческого существа саднящая рана — я умру. Одна современная духовная писательница заметила: "Смерть бьет человеческое существо в самую сокровенную его сердцевину так унижительно, так ужасающе радикально, что его спонтанной реакцией может быть только бегство (в мучение или презрение), которое "спускает с цепи" всякое зло. Смерть ужасна. Она — злейший враг. Несмотря на все научные объяснения, смерть остается непостижимой. Внезапно предстающая жуткая картина собственной смерти со всей ее неизбежностью вызывает шок. В самой глубине личности открывается незаживающая язва. В первую очередь страх относится к собственной смерти. Смерть в газетах и по телевизору стала привычной. Подтверждается старая поговорка — "Смерть одного — трагедия, смерть ста тысяч — статистика".

Умом человек, конечно, понимает, что когда-нибудь умрет, но в то же время... не знает этого. Вернее, хочет не знать. Он убегает от знания. Цивилизация помогает ему в этом. Общество вырабатывает нормы приличия. Разговоры о смерти неприличны. Существует стремление скрыть смерть от детей. Прослеживается тенденция изолировать смерть в стенах больниц и моргов, расположить места упокоения усопших подальше от городов. Помимо санитарных, играют роль соображения дистанцировать живущих от их умерших близких, чтобы ничто не напоминало о них. В некоторых кантонах Швейцарии похоронным автобусам запрещено появляться на улицах в дневные часы, чтобы мысли о смерти не смущали граждан.

Есть и другая крайность — десакрализация смерти. Особенно ярко это видно на примере так называемого "черного юмора", сюда же относятся эвфемизмы типа перекинулся, дал дуба, откинул копыта, сыграл в ящик, приказал долго жить... Но и здесь за натужными островами проступает леденящий страх. Тогда применяется другой образ защиты. Выработан набор приличествующих случаю фраз — "Бог дал, Бог взял" или "Все там будем". Ритуал соболезнования достаточно формален и сводится к произнесению банальностей, за которыми не стоит внутренней солидаризации. Нередки случаи, когда поминальная трапеза, начавшись положенными словами, завершается как праздничное застолье, сопровождаемое... пением

под предлогом того, что покойник-де не хотел бы, чтобы мы грустили.

Для большинства из нас смерти не существует в том же смысле, как Антарктиды — каждый знает, что она есть, но не имеет к ней никакого отношения. Знание о том, что человек умрет, оттесняется далеко на периферию сознания, а иногда — в область бессознательного. Так происходит потому, что включаются механизмы психологической защиты. Когда знание становится невыносимым, человек от него отказывается, — отказывается от единственного достоверного знания о себе. Он покупает мираж комфортного существования в современном мире ценой самообмана.

М. Хайдеггер писал: "Смерть вызывает тревогу, потому что затрагивает самую суть нашего бытия. Но благодаря этому происходит глубинное осознание себя. Смерть делает нас личностями". Итак, мы отказываемся доверять себе, своим убеждениям, своим чувствам. Отрекаясь от страха смерти, мы предаем самих себя. Мы отбрасываем свое богоподобие, предпочитая уподобляться бессловесным тварям.

Человечество достаточно изощрено в избегании принятия очевидного факта смерти. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет полагает, что вся человеческая культура и искусство возникли для преодоления страха смерти. Не правда ли

интересно было бы посмотреть на культуру людей, если бы они были бессмертны?

Известный социолог и антрополог Э. Беккер считает, что структура человеческого характера есть не что иное как система защиты от невыносимого страха смерти. Его концепция такова: знание смертности может привести человека к безумию. А черты характера суть, по выражению аналитика Ш. Ференчи, скрытые психозы.

Выстраивается последовательность: страх смерти — возможность безумия — психологическая защита — характер.

Итак, сколько людей, столько типов защит.

В то же время существуют и общие закономерности, выработанные на протяжении долгого пути развития человеческой цивилизации.

Вся наша жизнь есть затяжной процесс умирания, а посему мы можем к ней применить знаменитые фазы Элизабет Кюблер-Росс (которая, кстати, тоже сама недавно умерла). Я грубо вырываю её систему из рамок психологии обреченного больного и переношу ее на всю человеческую жизнь.

Сначала мы прибываем в первой стадии — отрицании. В ней мы проводим безоблачное детство, которое в моем случае было прервано несвоевременным сообщением о том, что мы все умрем, которое я получил от бабушки.

Затем наступает вторая стадия — гнев. В гневе проходит наша юность. Вслед за этим приходит стадия выторговывания жизни: "А если я буду вести здоровый образ жизни, то я еще долго-долго не умру, если я откажусь от вредных привычек, замолю все грехи, буду набожным, буду делать только правильные вещи, может быть, смерть отступит или не будет катастрофой всей моей жизни?". Так обычно проходит у некоторых средний возраст. Когда заканчивается и эта стадия, наступает период депрессии: "Жизнь все равно не имела смысла, все беспросветно". Так начинает рассуждать подступающая старость. И лишь потом наступает заключительная стадия — принятия: "Да, я умру. Смерть предстоит всем. В чем-то моя жизнь была достойной, где-то я падал, но теперь все отступает перед тем, что мне суждено пережить. Я постараюсь сохранить присутствие духа, так, чтобы спокойно принять все, что мне предстоит, и не отягощать страдания моих близких".

Я просто отделяюсь сам от себя, и в таком случае не вижу в смерти ничего дурного. Смерть плоха только по отношению к нам, ну и к нашим близким. Для мира в целом — смерть хороша и является гармоничнейшей частью мироздания. Ну, что вас связывает с вами? Вы вообще достоверно-то помните кто вы есть? Чем вы занимались две недели назад? О чем вы думали утром в прошлый понедельник? Чувствуете какая тончайшая нить связывает вас с вами, а все остальное безграничное мироздание, которому

нет никакого дела до вас. А вы попробуйте слиться с этим мирозданием так, чтобы и вам никакого дела до самих себя не было. Я попробывал – и иногда у меня получается. Незабываемое счастье свободы от самого себя. Какое мне дело до себя самого!!!

Поменьше трагизма, давайте поскорее перескочим в стадию принятия, признаем, что все-таки какая замечательная эта штука «смерть», и лишь тогда мы сможем вполне оценить, какая же замечательная эта штука жизнь... А иначе мы так и проведем всю жизнь умирая.

Глава семидесятая

Какая все-таки замечательная штука жизнь

Ну, вот мы и дошли до последней главы. Наконец я собираюсь сообщить вам новость просто вселенского масштаба, мол «Эх, хорошо на свете жить!»

Я не знаю какое впечатление произвел на вас мои сарабанан. На меня он произвел правильное впечатление. Я перечислил и подробно описал все свои жизни, вскрыл для себя свои пороки, хотя вообще и не сказал ни вам ни себе ничего нового. Вы скажете: Ну, и оставил бы это все при себе. Чего уж там...

Ан, нет. Я люблю все упоковывать в красивые обертки, мысли, переживания... Мне кажется, что нельзя всю жизнь носиться с одними чувствами,

нужно чего-нибудь и создавать, книжечки там, или полотна бессмертные, что угодно, только не осаваться в растительном состоянии непродуктивности. Ведь в жизни самым дурным решением, является отсутствие каких либо решений... А книжка, или там, выставка картин – все-таки какое-никакое решение.

А кто его знает, может в жизни и не надо никаких решений...

Тот самый молодой медведь, упомянутый в начале саморомана, тот что с лососем своей души, обнаружил у себя на шкуре много седых волос и теперь уже не может считаться молодым, но все равно по-прежнему радуется жизни и возится со своим лососем.

Время отошло куда-то в сторону и мы с ним уже давно не выясняем отношений.

Математика все еще на меня в обиде и я больше не пытаюсь постичь ее высшие сферы.

Смерть. А что смерть? Я как бы перенес все связанные с ней переживания досрочно, и теперь пытаюсь начинать жить, ведь только умерев, можно начать жить понастоящему.

Друзья мои знаменитые теперь редко посещают меня, но если кто и заходит – я рад. Всегда рад их приходу, ибо поговорить с умным человеком – есть редкость, а посему должно цениться на уровне сокровища.

Перед вашими читательскими глазами прошел во всей красе мой кризис середины жизни, когда я

оглядываясь в прошлое пытался переоценить, что я пережил, и заглядывая в будущее, пытался решить, куда мне идти дальше. Многие подвержены подобному кризису, для меня он прошел нелегко, и я увы не уверен, завершился ли он вполне. Время покажет. Возможно, для кого-то мой пример попытки прожить тысячу жизней покажется полезным, и он или она даже последуют ему, возможно, кто-то из вас придет к выводу, что лучше прожить одну жизнь подробно и вдумчиво, чем разбазариваться на тысячу смазанных и невыразительных судеб. Вам судить.

Я знаю, что чтение этой книги является своего рода испытанием, и мало кто дойдет до этих последних строк, а посему я искренне благодарю вас, читатель, и прошу у вас прощение за излишнюю многословность и раздражающее поведение в саморомане и жизни.

Краткое послесловие

Словно из черноты небытия прорвавшись в толпящейся массе отживших и еще не живших душ, моя душа смотрит в узенькую щелку, через которую виден безграничный мир с гулкими сводами созвездий. Но я больше не хочу лететь туда, к ним, я больше не хочу пропускать через себя все магическое счастье бытия.

Я тихо отхожу в сторонку и даю пройти другим.

Топчитесь люди, живите мои тысячи жизней.
Я благодарен этому мирозданию, за то что мне
посчастливилось побывать его частью.

Я в последний раз выхожу на аванс сцену и
кланяюсь, даже если вы бросаете в меня
испорченные помидоры.

Увы, я все сказал.

Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫСЯЧА ЖИЗНЕЙ	3
ГРАЖДАНИН, ВАС ЗДЕСЬ НЕ СТОЯЛО...	8
<i>(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)</i>	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПОЧЕМУ Я ВСЕ ВРЕМЯ МЕЧТАЮ	12
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОЧЕМУ Я ВСЕ ВРЕМЯ ХВАСТАЮСЬ?	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КАК Я ВЛАДЕЛ МИРОМ	29
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. КАК Я ИЗОБРЕЛ ФОРМУЛУ БЕССМЕРТИЯ	38
ГЛАВА ПЯТАЯ. О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...	43
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПОЧЕМУ Я БЕЗУМНО ЛЮБЛЮ ЛЮДЕЙ	66
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОЧЕМУ Я УВЕРЕН, ЧТО ВСЕ ЛЮДИ	73
СВОЛОЧИ	76
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. КАК Я ОТКРЫЛ, ЧТО Я «ВЕСЫ»	76
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПОЧЕМУ Я ДЕЛАЮ ЖЕЛАЕМОЕ	79
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ	86
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПРОЧИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО	93
МАТЕРИАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ	94
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	94
ВОЙНА СО ВРЕМЕНЕМ ЗАКОНЧИЛАСЬ НИЧЬЕЙ	94
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПОЧЕМУ Я ВОЗНЕНАВИДЕЛ ВРЕМЯ	99
КАЛЕНИЯ	104
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. КАК Я ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОБЕДИЛ	112
ВРЕМЯ	125
МЕТАБОЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОЗРАСТНОГО УСКОРЕНИЯ	131
ХРОНОПЕРЦЕПЦИИ В ПРОЦЕССЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ	139
РЕГРЕССИИ	148
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. КАК ВРЕМЯ ОКОНЧАТЕЛЬНО	154
ПОБЕДИЛО МЕНЯ	159
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. КАК МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СО ВРЕМЕНЕМ	
ПЕРЕМИРИЕ	
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. КАК Я СТАЛ ЭЙНШТЕЙНОМ, НО	
ПОТОМ ПЕРЕДУМАЛ	
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. КАК Я ОБИДЕЛ МАТЕМАТИКУ	
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. КАК МАТЕМАТИКА ОБИДЕЛА	
МЕНЯ	
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СО	
ВРЕМЕНЕМ	

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. КАК МЫ СОГЛАСИЛИСЬ СО ВРЕМЕНЕМ НА НИЧЬЮ	162
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	167
ПОД СЕНЬЮ ГЕОГРАФИИ ПРОСТРАНСТВ	167
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. КАК Я ВОЗНЕНАВИДЕЛ РОССИЮ	167
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. КАК Я ПОЛЮБИЛ РОССИЮ	174
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. МОЯ ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ	178
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАК Я ПОКОРЯЛ ВЕЛИКОБРИТАНИЮ	188
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. КАК Я ЛОБЗАЛ ГОЛЛАНДИЮ В ЕЕ ВЛАЖНЫЕ ПРОХЛАДНЫЕ ГУБЫ	196
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. МОИ ТРУДНЫЕ, НО СВЕТЛЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ПАРИЖЕМ	202
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. КАК Я ВТОРГСЯ В СКАНДИНАВИЮ	210
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. КАК Я ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ЖИЛ В НОРВЕГИИ	220
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. КАК Я ВЫПИЛ МОРЕ И ОБОСНОВАЛСЯ В КАНАДЕ	226
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. В СОСЕДСТВЕ С ТЕПЛЫМ ДЫХАНИЕМ АМЕРИКИ	237
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	250
В ХОРОВОДЕ БЛУЖДАЮЩИХ УМОВ	250
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ПРИЗРАК ЗАБЫТОГО ФИЛОСОФА	250
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. КАК Я ЖИЛ У СТАРИКА СОКРАТА	256
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. КАК Я ДРУЖИЛ С ДЕКАРТОМ	267
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОЧЕМУ СПИНОЗА НЕ МОГ БЕЗ МЕНЯ ЖИТЬ	278
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ	290
О ЧЕМ МЫ ВЕЧНО СПОРИЛИ С КАНТОМ	290
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ	303
ПОЧЕМУ МЫ ПОССОРИЛИСЬ С ШОПЕНГАУЭРОМ	303
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	316
ЧЕМ Я ПЫТАЛСЯ ПОДКУПИТЬ НИЦШЕ	316
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	333
ПОЧЕМУ МЫ С РУССО РЕШИЛИ НЕ ДЕЛАТЬ РЕВОЛЮЦИЙ	333
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	346
ЧЕМ Я НЕ УГОДИЛ САРТРУ	346
ГЛАВА СОРОКОВАЯ	358
КАК Я БЕГАЛ ПО ЛЕСНИЦЕ МАСЛОУ	358

ЧАСТЬ ПЯТАЯ	365
МОЕ ПРОСТОЕ РЕМЕСЛО	365
ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ	365
КАК Я СТАЛ ПОЛОМОЙЩИКОМ	365
ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ	371
КАК Я ВРАЧЕВАЛ СТРАЖДУЩИХ	371
ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ	378
КАК Я СТАЛ АСТРОНОМОМ	378
ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ	391
КАК Я СТАЛ ПОЭТОМ	392
ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ	398
КАК Я СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ	398
ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ	406
КАК Я СТАЛ ФИЛОСОФОМ	406
ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ	445
КАК Я СТАЛ МИЛЛИАРДЕРОМ	445
ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ	451
КАК Я СТАЛ НИЩИМ	452
ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ	459
ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ ДЕНЬГИ	459
ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ	469
ПОЧЕМУ ДЕНЬГИ ЛЮБЯТ МЕНЯ	469
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	476
ВЫМЯ ВАВИЛОНСКОЙ КОРОВЫ	476
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ	476
КАК Я ПОСОРИЛСЯ НАВЕК С РУССКИМ ЯЗЫКОМ И ИЗОБРЕЛ СВОЮ ПИСЬМЕННОСТЬ	477
ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ	489
КАК Я СТАЛ НАСТОЯЩИМ ЕВРЕЕМ И НАКАЗАЛ СЕБЯ ИВРИТОМ	489
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	497
ОТ СЧАСТЬЯ БЫТИЯ К СЧАСТЬЮ НЕБЫТИЯ	497
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ	498
МОИ СМЕРТНЫЕ ГРЕХИ	498
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ	501
БЕСТЫЖИЕ ГЛАЗА ЛЕНИ	501
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ	504
ИДОЛЫ ВОЖДЕЛЕНИЯ И ОБЖОРСТВА	504
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ	508
КУПЕЛЬ УНЫНИЯ И ТОСКИ.	508

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ	512
В ДУХОТЕ ЖАДНОСТИ И ЗАВИСТИ	512
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ	513
В ПЛЕНУ ГОРДЫНИ И ТЩЕСЛАВИЯ	513
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ	515
ПОСТУПЬ ГНЕВА И ЖЕСТОКОСТИ	515
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ	522
В ЗАМКАХ ВЛАСТОЛЮБИЯ И НАДМЕННОСТИ	522
ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ	523
КАКАЯ ВСЕ-ТАКИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ШТУКА СМЕРТЬ	523
ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ	531
КАКАЯ ВСЕ-ТАКИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ШТУКА ЖИЗНЬ	531
КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ	533